

ВЛАДИМИР ЗЕНЗИН

СИБИРЬ, СТОРОНА РОДНАЯ

РАССКАЗЫ И СТИХИ

ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ И СТУДЕНТОВ

Издание второе, переработанное и дополненное

Санкт-Петербург
Игра Света 2009 г.

КРАЕВЕДЕНИЕ (СВОЙ КРАЙ ЛЮБИ И ЗНАЙ)

В школах для учебной программы «Краеведение» есть учебники (и пишутся дополнительно в соответствии с регионом), где есть такие важнейшие разделы: населённые пункты, население, природные ресурсы и другое. Учебники, как правило, хорошие. С достаточной информацией. Большинство авторов – кандидаты исторических наук, профессора со знанием дела, хотя и официальным, сухим языком, но полно излагают основные положения.

Воспитанию любви к родному краю, бережному отношению к природе, сохранению природных богатств – всему этому в учебниках уделяется мало внимания. Восполнить этот пробел могут книги литераторов, как дополнительный учебный компонент регионального значения. Стихи и рассказы о природе, о природных ресурсах оживят учебный материал, сделают его более доступным для любого школьника.

В данной книге собраны значительные сведения по Омскому Прииртышью, автор на страницах данного издания точно и ярко представил всё многообразие флоры и фауны нашего края. Журналист, редактор-составитель журналов «Природа Прииртышья», «Охота и рыболовство», лауреат конкурсов на темы «природа» и «экология» написал и издал более тридцати книг, которые (как «Прииртышье, край любимый», «На лесных закрайках», «Оша») используются на учебных занятиях в школах и институтах.

Книга «Сибирь, сторона родная» включает в себя произведения из многих изданий автора, является итогом большого творческого периода.

*Анатолий Грачёв,
Член Союза журналистов России*

На первой странице обложки – Самсоновский мост, построенный через реку Иртыш в 2004 году строителями НПО «Мостовик» (генеральный директор Олег Владимирович Шишов). Это несколько ниже по течению реки от древнего города Тара (основанного в 1594 г.). В далекие времена атаман Ермак, с небольшим количеством казаков, в своём последнем походе в 1585 г. шёл с отрядом до устья реки Шиш (это недалеко от моста), навстречу торговому каравану, что оказалось хитрой выдумкой татар. Никакого каравана не было. Ермак повернул назад, преследуемый большим войском врага. Возле устья Вагая, ночью, татары неожиданно напали на лагерь, уничтожив весь отряд. В этом бою погиб и легендарный первооткрыватель Сибири атаман Ермак.

Сегодня в верховьях реки Шиш разрабатывается Крапивинское месторождение нефти и газа.

Книга может быть использована в школах, средних специальных и высших учебных заведениях в качестве дополнительного учебного пособия регионального компонента, по предметам: краеведение, природоведение, биология и экология, история и литература.

Омск 2009 г.

КРАЙ ОЗЕР

и природных достопримечательностей

Омская область расположена в южной части Западно-Сибирской равнины. Протяженность территории с севера на юг почти 600 км, с запада на восток – 300 км. Самолету местных авиалиний для преодоления расстояния от южных её окраин до северных потребуется около двух часов, автомобилисту – не менее суток, пешеходу – около месяца. Площадь области составляет 139,7 тыс. кв. км или, около 14 млн. га. Соседние территории – Тюменская, Томская, Новосибирская области и Республика Казахстан. Общая протяженность внешних границ Омской области – более 2800 км. Размеры и географическое положение её определяет разнообразие природных условий. Когда на юге области начинают журчать ручьи, появляются первые цветы, насекомые, птицы и пробудившиеся от спячки грызуны, на севере все еще лежит зима. С севера на юг прослеживается чередование почти всех природных зон - от тайги до степи.

На территории области насчитывается более 16 тысяч больших и малых, пресных и соленых озер, за это область называют краем озер. Многочисленна речная сеть, насчитывающая более 4000 рек и других водотоков протяженностью 15,5 тыс. км. Река Омь, давшая название нашему городу, и, конечно, легендарный Иртыш – основная крупная водная артерия, протянувшаяся от гор Китая до Ледовитого океана на 4248 км.

Разнообразие природных зон обуславливает разнообразие и животного мира Омской области – от таежного обитателя тайги медведя до степного тушканчика, от сибирского осетра до коренного жителя озер – карася. Обитает 73 вида млекопитающих, 274 вида птиц, 31 вид рыб, 4 вида пресмыкающихся, более 30 тыс. видов насекомых.

По преданиям древних индусов в Омской области находится «пуп Земли», это начало из начал нашей вселенной. Поэтому так свято место около с.Окунево Муромцевского района. Это место пересечения разных религий, обладающее геофизическими особенностями и особой аурой. Муромцевский район достопримечателен и пятью озерами, по одной гипотезе – метеоритного происхождения, по другой – ледникового. Самое большое из них – Данилово, его глубина достигает 20 м, а вода содержит большое количество серебра – по преданию, это живое озеро. Есть еще – мертвое озеро Потаенное. Так вот, чтобы быть здоровым и оставаться на долгие годы молодым, нужно искупаться во всех пяти озерах. Омичи чтут древние традиции и ежегодно выезжают в эти реликтовые места. Кстати, Муромцевский район называют ещё «местной Швейцарией».

На территории Омской области в системе озер Ик-Салтаим-Тенис Крутинского района находится самая северная колония кудрявого пеликана и большого баклана. Действительно, чарующее зрелище, в Сибири увидеть таких экзотических птиц. Колония насчитывает до 250 особей пеликанов и до 350 бакланов. Я знаю, что в этом году под контролем Управления Россельхознадзора по Омской области с помощью ученых-орнитологов проведены мероприятия по кольцеванию птиц с целью накопления данных о зимовке «сибиряков».

Есть в области уникальные места гнездований перелетных птиц, одним из них является территория государственного природного заказника «Степной» Окунешниковского района. Этот природный резерват поражает масштабами скоплений серого гуся, серого журавля, серой цапли, водоплавающей дичи. Здесь гнездятся свыше 125 видов птиц, находятся самые «древние» линники птиц Западной Сибири. Гнездятся и находятся на пролете виды, занесенные в Красную книгу Российской Федерации, такие как краснозобая казарка, гусь-пискулька, орлан-белохвост, стрепет, журавль-красавка, несколько видов куликов. Омская область интересна для научных сотрудников, ведущих мониторинговые изучения.

Но не только область богата природными ресурсами и полезными ископаемыми, наш край представляет особую историческую ценность. В Омскую область ведут многочисленные туристические и этнические маршруты. Прежде всего интерес вызывает история заселения и освоения Прииртышья, связанная с легендарными именами Ермака, Колчака, ссыльных политических деятелей, а также прогрессивное настоящее Омской области.

*Леонид Полежаев,
Губернатор Омской области,
Член-корреспондент Российской и Международной академии инженерных наук,
Почетный профессор Омского государственного университета.*

ВВЕДЕНИЕ-1

«СИБИРЬ, СТОРОНА РОДНАЯ» (книга издана в 2000 г.).

«ОЧАРОВАННЫЙ СТРАННИК»

«... Время от времени на страницах периодики появляются небольшие рассказы Владимира Зензина о нашей сибирской природе. Нежные и прозрачные, они завораживают читателя, ненавязчиво предлагают ему оглянуться вокруг, задуматься и как бы другими глазами взглянуть на окружающий нас мир, а в конечном итоге – и на самого себя. Мне, горожанину, они помогают с хорошей светлой грустью вспомнить те немногие дни и часы, которые удалось прожить не на равнодушном асфальте, среди одноликих каменных домов, а в берёзовом лесу, на берегу Иртыша или степного камышового озера.»

Заядлый охотник и рыбак, Владимир Зензин исходил тысячи километров родного Прииртышья, изучил его в своих странствиях тонко и досконально, давно и беззаветно очарован его тайнами и красотами. Несомненная литературная одарённость позволяет ему находить для своих рассказов слова, точные и не заёмные. Впервые собранные воедино, эти небольшие рассказы позволяют нам чётче представить своеобразие творчества этого интересного литератора.

Рад, что мне доверено написать несколько напутственных слов к этой чистой, наполненной поэзией книге. Уверен – она принесёт юным читателям немало радости и доброго настроения.»

АЛЕКСАНДР ЛЕЙФЕР,

Председатель правления Союза писателей.

ПРИРОДА – ЭКОЛОГИЯ – ЖИЗНЬ

Жажда жизни

Дед Ипат распряг потного Серка, я помог ему спустить с телеги черную, просмоленную лодку на зеленую осоку озерного причала. Уложили в лодку сети, выморенные ветрами и солнцем, тычки из сушняка – и поплыли. Утро нежилось в солнечных ярких лучах, над синью воды кружились чайки. За бортом на волнах сверкали, разбегались причудливые блики. Все вокруг было наполнено свежим, радостным дыханием нового дня...

Щеки мои щекотал легкий весенний ветерок, я весело оглядывал большое озеро. Каково же было мое удивление, когда я увидел на воде, вдоль и поперек озера, ровные ряды тонких зеленеющих деревцев. Их раньше здесь не было. Беленькие березки, голубоватые талы в бессилии раскинули короткие хрупкие руки-веточки с зелеными листочками. «*Как странно ?*», – подумал я и вопросительно взглянул на деда.

– *Ах, тудык твою душу!* – только и вымолвил Ипат, лаконично, как всегда, выражая свое негодование...

А потом пояснил, что какие-то горе-рыбаки совсем недавно порубили на тычки молодую поросль. Эти березки и талины, лишённые корней, обречены на гибель, но пока весенний сок в них борется за жизнь, деревья зеленеют. Но это – пока...

Постоянство

Поужинали... Мать, прибрав со стола деревянные ложки и миски, поспешила за ворота, где напротив дома на лавочке собрались соседи. Там идет бурное обсуждение прожитого дня: кто косил сено и где, кто каких принес грибов и ягод, кто поженился, кто напился, и еще многое другое...

Мать родилась и выросла на этой улице, здесь ее хоть и плохонький, но свой дом, огород, двор, хозяйство. Здесь вся ее жизнь от начала и, возможно, до конца...

И чего только не вспомнят в разговоре: отсюда проводили мужей на фронт, обратно шли листы похоронок, да редко – солдаты, чаще – калек. А они, женщины, впрягались с коровами в плуг – я

сам, будучи пацаном-малолеткой, все это не только видел своими глазами, а часто и помогал взрослым.

Я давно не живу здесь, но многое мне помнится, лица сельчан знакомы до сих пор. Втайне прислушиваюсь к разговору. Через открытое окно хорошо слышны «охи», «ахи». Сколько во всем непосредственности и доброты, взаимоучастия. Ласково называют друг друга «подружками», а каждой из них – за пятьдесят.

Наперебой приглашают к себе на чай, любовно хвалятся сыновьями, дочерьми, внуками...

Я вспоминаю, как несколько лет назад переманил мать к себе в город на пятый этаж. Пожила она и заявила: «*Не могу – как в тюрьме у вас, задыхаюсь...*». И уехала. Я тогда обиделся, а сейчас понимаю: она по своему права.

Августовский вечер быстро сгустил сумерки. Прошли ребята из кино, утихли и голоса на лавочке. Только далеко-далеко, у заречной улицы, заиграла гармонь...

Травяное озеро

Оно открылось неожиданно.

С увала хорошо просматривались островки камыша и осоки, заполнившие все озеро. Только маленькие зеркальца с чистой водой протянулись по центру, напоминая о былом. Большое и красивое, в старые времена озеро кишело рыбой и дичью.

«Кормилице ты наше», – любовно поговаривал дед Ипат при подъезде к нему. Пристань была удобной, въезд глубоким, а на берегу стояла старенькая избушка.

Теперь нет ни домика, ни пристани, ни деда Ипата, который умер три года назад. Камыш да осока распевают грустную песню о поросшей красоте озера. Еще в детстве помню, как старики рассказывали, что это озеро – с причудами.

То в один год обмелеет, то сразу грунтовые воды могут в любое время года сделать его глубоким. Вода в нем необычайной чистоты. Поговаривали, даже совсем когда-то зарастало, а потом, однажды по весне, затопив вокруг луга и прибрежный лес, стало еще более обширным и глубоким.

Как оно будет теперь?..

Кусты талов из-под увала все дальше и дальше двигаются к центру озера, стягивая смертельную петлю. И маленький плес – словно последняя слеза на старческом лице...

Родной язык

Это сейчас в парниках рано выращивают огурцы, редиску. Лук зеленый – теперь круглый год. А в детстве, я помню, как только зазеленеет первая травка, мы шли в поле. На солончаковых лугах рвали дикий лук, щавель. Я недоумевал тогда над словами «луг» и «лук», над их созвучием и однородностью.

Теперь мне, взрослому, это ясно. Мне радостно, что я еще с малых лет познал родословную своего языка.

Народный язык в название вкладывает суть предмета, его существо. Огород – от слов огораживать и родить. Грива – когда колосится хлеб, очень похожа на золотистую лошадиную гриву. Возле нашей деревни лошади паслись иногда вместе с лосями, признавая свое родство. Да, домашние животные и растения произошли от диких, а ягоду малину, клубнику, смородину и не отличишь, которая из леса, а какая из сада.

Ни одна деревня, ни одно озеро или речка не названы просто так, случайно. В каждом названии – народная мудрость, определение сути, лицо.

Вот речки – Серебрянка, Камышовка, Светлая... Озера – Круглое, Долгое, Пестренькое, Лебяжье, Дикое. Так же и деревни – Островная, Сергеевка, Солдатка, Приозерка, Малиновка...

Стоит мне услышать название села, и я сразу точно представляю, какое оно, где расположено и многое другое.

Я люблю старинные русские слова, они – как из песни, из жизни: «Зоренька», «Молодец», «Красна девица», «Касатка»... Особенно мне нравится язык природы, – точный, красочный, выразительный, запоминающийся навсегда: зарница, отава, елань, излучина, ведро, лог, заимка, талица, старица...

Березовые рощи

С малых лет люблю березовые рощи. Их вокруг нашей деревни – не счесть. Есть осиновые колки, заросли ивы, зеленые веселые рямки – но березовый свет и зимой, и летом всегда манит меня необыкновенной своей чистотой, близостью. Слово «Сибирь» для меня состоит из двух основных понятий: снег и береза. Да, это мое восприятие России с детства – белые снежные равнины и березовые леса.

Вся моя жизнь прошла среди берез: мои радости, встреча с любимой девушкой, сборы грибов и ягод, охотничьи зори – все связано с нежными, очаровательными березовыми рощами. Они всегда в сердце, навеки родные.

Береза – исключительное, необыкновенное дерево хотя бы потому, что в нем есть красящее вещество – бетулин, и клетки бересты имеют такой специфический цвет. Цвет фаты невесты, цвет целомудрия, цвет чистоты. Неповторимый, единственный.

Как-то в августе, собирая грибы, отдыхал сидя под одной березкой. Налетел ветерок, и на меня посыпались семена – крохотные, просто микроскопические. Они оригинальны и прелестны: это плодики, имеющие по бокам два овальных крылышка, чтобы разлетаться далеко-далеко!..

Да, береза – символ моей Сибири, моей Родины. Березовым светом озарена моя душа. Белоснежные милые деревья повсюду встают на моем пути, приветствуя меня в родимом краю.

1. ПРИМЕТЫ ВЕСНЫ

Начало марта

Март, первые солнечные дни. По утрам медленно рассеиваются мутные завесы, между облаков обнажаются огромные голубые проталины. К обеду все глубже синее небо, снег в полях нагревается, сверкающие лучи, словно мечом, кромсают посеревшие сугробы. Во все стороны, до самого горизонта, проясняются дали.

Дни стали как бы выше, просторнее, длиннее. Столько новых цветов и красок принесла весна, набирающая шальную скорость. Слева, в сизой пелене, парит чернолесье, справа горит изумрудным островком зеленый сосновый бор. А впереди, в овраге, манят к себе желто-красные узоры таловых почек.

Я все дальше отхожу от деревни. Через поле, еще по-прежнему белое, пролегла потемневшая санная дорога. Местами, где ухабины и рытвины, снег вытаял, проглядывает чернота вплоть до прошлогодней травы. Рядом, из придорожных кустов, звонко тренькают синицы, по-весеннему задористо и бойко. В коноплянике, на краю межи, без умолку кричат юркие красногрудые чечетки. А вот на крайних кустах алеют румяными яблочками снегири. Они медленно перемещаются

с ветки на ветку и издают свирельные выдохи-свисты, словно печальные и прощальные голоса уходящей зимы.

В моей душе отзываются грустные струнки расставания с белоснежной красавицей, одетой в иней и бахрому. Иногда суровой и выужной. Но такой родной и желанной.

«Прощай! Прощай!..» – звенят на сто ладов птичьи трели. Я тоже склоняю голову, прощаюсь и приветствую новые дни, весеннюю даль.

«Здравствуй, весна, желанная и звонкая. Солнечная и радостная. Где же твоя перелетная новая певчая смена: разноголосые скворцы, грачи, жаворонки...?»

Еще не скоро появятся утки, кулички, чайки. А вот лебеди летят уже на первые лужицы. Их не пугает мартовский позимок. В первых числах апреля в полях наблюдается явление «Сорок сороков». Это сорок разных видов птиц спешат сейчас с юга на свой весенний праздник.

А пока по утрам все громче бьют в бубен на токах красавцы-тетерева, они прыгают и ярко бормочут, вызывая соперника на брачный бой. Где-то глухари страстным крылом чертят на снегу любовные узоры, а глухарки квохчут на пригретом кочкарнике. Оживились, засвистели рябчики. Звери парами встречают утренние весенние зори. Весь мир ликует, трубит, поет...

Птичий праздник «Сорок сороков»

Наступление весны для меня рифмуется с детскими присказками: «Апрель – скворчиная трель», «Апрель – никому не верь» – (ведь даже в мае бывают озимки.) Эти и подобные изречения характерны для нашего сибирского резко-континентального климата.

Оно и понятно: в начале апреля звучат победные птичьи песни. Звонкие, радостные, торжественные – как гимн весне! Как музыкальная прелюдия к весеннему бал-маскараду.

В начале апреля отмечается птичий праздник «Сорок сороков», извещающий о прилете сорока видов птиц. И, конечно, первый из них – скворец! Лишь только оттают порыжевшие косогоры, на лугах появятся первые проталины – и черногрудые певцы тут как тут. Я люблю встречать этих птиц не у скворечников, а в потеплевших полях, на раздольных лугах. Снег повсюду нагревается, оседает. В оврагах, сугробах он становится ноздреватым, хрупким. Как капилляры, капля за каплей, в толще снега образуются маленькие ручейки. Вот уже и первые лужи, а над ними – скворчиные трели...

Набухают желтовато-золотистые ветки ив у реки, покрываются красно-коричневыми сережками кусты ольхи, раздуваются, полнеют сероватые почки осин. От проснувшихся деревьев и кустарников сквозит свежим, горьковатым и неповторимым запахом земли. Теплая вода сбегает в овражки, заполняет низины и камышовые заросли. Лебеди и гуси гортанными криками оглашают озерные дали. Следом за ними прилетают непоседливые кряквы и вездесущие кулики. Иногда еще выпадает из тучек снег, по ночам потрескивают заморозки, но солнце красное вершит свои дела. Рушатся снежные дороги, на опушке леса оживает муравейник, вылетают на припек яркие бабочки, на пенек вылезает погреться ящерица.

А на гнездах сидят уже вороны, под ними, меж двух кочек, притаились сосунки, первые зайчата-настовики. Их возле своего гнезда

вороны никогда не тронут. Неподалеку черный дятел-желна барабанит в сушняке, на лесных полянках идут брачные бои тетеревов.

С каждым днем волна за волной прибывают с юга птицы разных пород. В ярком, красочном оперении собираются в птичьи базары на огромных разливах. Красавцы-селезни то там, то здесь проводят турнирные бои за право быть рядом с самкой.

Мне все это представляется как настоящий весенний бал-маскарад. И даже ночью не стихают птичьи голоса. Природа ликует, неистовствует в своей жизнерадостности и любви, в стремлении к неизбежности, к вечности... А вот на поляне и первые подснежники. И я благодарно вспоминаю слова моей мамы: «Апрель – не холоднее марта, не теплее мая, но самый долгожданный месяц весны...».

Ночная птица

Стемнело окончательно. Я возвращался с рыбалки, впереди бежала моя вездесущая рыжая Каштанка. Березы по краям просеки слились в единую темную стену, и только дорога, как узкий тоннель, слабо проглядывала на фоне уже звездного неба.

Вдруг впереди, над самой землей, мелькнула маленькая, едва заметная тень. Не сразу и определишь: или зверек какой пробежал, или низко так пролетела запоздалая птаха.

Каштанка рьяно бросилась вперед, затем прыгнула в кусты. Но тень снова промелькнула невдалеке над дорогой, и собака – следом за ней. Так повторилось трижды. И только на четвертый раз я зорким мальчишеским глазом рассмотрел небольшую легкокрылую птаху.

Пришел домой и рассказал деду Ипату.

– Эта птичка – козодой, не простая, ночная. Она – серенькая, с длинным хвостиком и белыми пятнами на крайних перьях. Ее песни и странные вскрики ночами, с громким хлопаньем крыльев, пугают запоздалых путников. Даже от неожиданности вызывают дрожь у бывалых охотников и рыбаков. Она – очень забавная птаха, особенная.

...Прошли десятки лет. В моих ночных странствиях по глухим лесам и полям в бессонную тишину постоянно врываются песни и крики козодоя. И что особенно приятно: я хотя и вздрагивал, но в то же время радовался, понимая, что в ночном просторе бодрствую не один. Что со мной вместе, где-то рядом не спит малая забавная птаха – козодой.

Как-то в одном поэтическом сборнике прочитал: «Ночная болотная птица наносит тепло от дорог...».

Какой-то поэт, наверное, пробовал описать козодоя.

В последние годы особенно мне полюбили в конце апреля на вырубке или у лесной поляны слушать первые брачные песни козодоя. Нежные и страстные, они заканчивались таинственным протяжным урчанием птицы-невидимки. А видеть днем мне ее доводилось очень и очень редко. Такая она скрытная, осторожная. Если даже где-то близко сидит, разглядеть – трудно, даже охотнику.

Волчье лыко

В середине апреля под лучами жаркого солнца растаяли последние снега в овраге заречной согры. Звонкие ручьи унесли талую воду в грохот ломающегося льда на речке Оше, которая вышла из берегов и затопила обширные луга.

Мы с дедом Ипатом идем в лес – рубить таловые прутья. Он из них ладит мордушки. В лесу сыро, резко пахнет смородиной. Ноги мягко проваливаются в прошлогодние темно-серые листья и полусгнившую желтую траву. Между деревьями сумрачно, а вверху – ослепительная синева огромного неба. И здесь я под ногами различаю веточки высотой около полуметра. На их тонких прутиках светятся розово-сиреневые цветы. Если меня раньше восхищали подснежники, то теперь я обрадовался неожиданным, незнакомым цветам. До этого случая я их как-то не встречал.

Встал, вопросительно смотря на деда Ипата.

– Это, внучек, кустарник с названием «Волчье лыко». Правда, в книжках именуют «Волчником» или «Волчегодником». Дважды в году растение бывает особенно красиво: в апреле – когда цветет, и в августе – когда на веточках появляются плоды. Их в народе называют «Волчьи ягоды». Цветы, ягоды, сами стебли – все ядовито. Веточки очень мягкие, не ломаются, кора мочалится. Ранее кое-что я плел из волчьего лыка, но перестал. Все-таки веточки ядовиты, да и коротковаты. Лучшие – таловые прутья.

Дед Ипат еще очень долго рассказывал, как иногда люди по незнанию ели «волчьи ягоды» и отравлялись. Вспоминал и другие интересные случаи.

Мы нарубили две вязанки таловых прутьев и, когда шли обратно домой, я незаметно хотел сломить несколько цветущих веточек. Но «Волчье лыко» не ломалось, а легко выдернулось из земли с корнями. Дед это заметил и строго выговорил:

– Кустарников «Волчьего лыка» становится все меньше и меньше. Животные, звери, неопытные люди часто вырывают это растение с корнем. Если привезти цветы домой, они быстро завянут, а лес без них с каждым годом беднеет...

ВСТУПЛЕНИЕ-2

«ГОРИ, ОХОТНИЧИЙ КОСТЕР» (книга лирики, издана в 1991 году)

СТРОКИ ИЗ ЛЕСА, С ПОЛЯ, С ОЗЕРА...

(О книге В. Зензина «Гори, охотничий костёр»)

Если вы, читатель, приобретёте и раскроете эту книгу, то вы немедленно, с первых строк, окунётесь, войдёте в многоцветный мир сибирских лесов и полей, ощутите непередаваемую атмосферу охотничьих ночёвок у костра, услышите голоса бывалых людей. Это неудивительно и вполне закономерно – ведь книга называется «Гори, охотничий костёр», и написана она человеком незаурядным, исходившим немало охотничьих троп – поэтом, мастером спорта по стендовой стрельбе Владимиром Зензиным.

Книга лирики В. Зензина объёмиста, солидна, она по существу является итогом многолетней работы автора, результатом его неисчислимых бдений на утренних и вечерних зорьках, наблюдений за родной природой и «нашими братьями меньшими». Вот они-то, – все эти крякухи и красавицы-селезни, тетерева и журавли, соболи и лоси – и являются, так сказать, главными героями задушевной, доверительной беседы автора со своим читателем. И, право слово, исповеди этого бывалого человека – я уверен! – найдут отклик в неравнодушных сердцах, которые не совсем ещё – в нашем раздрае и перепалках – растеряли любовь к живому.

Конечно, книга В. Зензина изрядно населена и людьми – ведь охотничьи маршруты сводят человека к многими и многими, и о них тоже поведал нам наблюдательный, вдумчивый автор. Люди в книге – самых земных, прочных профессий: комбайнёры, шоферы, рыбаки, – те самые, благодаря которым жива и будет жить земля российская, как бы ни хотели её расчленивать, раздраконить, распродать иные горячие головы.

Поэт влюблён в своих героев, он рисует их в самых обыденных коллизиях, но авторская любовь к ним высекает искру поэзии. Вот один из них – усталый, после работы, комбайнёр пришёл в кино, видит на экране ласковое южное море, а думы – о своём, о земном:

«... надо запастись ещё картошкой,
дом подправить, заменить слезу...

Надо многое –
усталость клонит,

и глаза слипаются без сил.
Чудится ему: свои ладони
в ласковые волны опустил!»

Так и видишь этого сельского механизатора, которому и руки – то хочется опустить в волну морскую лишь для того, чтобы остудить в ней жар страдной работы!..

В. Зензин находит точные, ёмкие слова для описания того незатейливого с виду сельского быта, который и держит душу «на плаву»: у одних, давно оставивших отчее село, – воспоминаниями; у других, верно служащих родной земле, – повседневными встречами с нею. Но для того и существует поэтическая речь, чтобы заметить эту обыденную красоту, заметить и показать её нам:

«Потемневшая бадья
пообилась, обветшала,
жёстким ободом светя,
вниз скользнула, как бывало.

С наслажденьем пью и пью,
кланяясь с любовью прежней
избам, срубам, журавлю
и словам из песни нежной.»

И, как уже сказано вначале, не пожалел стихотворец строк для лесных, полевых и озёрных обитателей! Сколько теплоты, юмора, сочувствия разлито в этих стихотворениях! Но здесь я позволю себе маленькую «хитрость» – я не буду цитировать эти стихи, а предоставлю возможность читателю, влюблённому в природу, самому неторопливо и со вкусом находить эти добрые строки, во множестве рассыпанные по страницам книги. И я по-хорошему завидую той светлой радости, что ожидает читателя при знакомстве с книгой В. Зензина.

Написанные строки – не рецензия в традиционном смысле, – это просто отклик, слово о многолетней работе моего товарища...

В целом же хочется поздравить автора с поэтическим дебютом, а любителей природы сибирской пригласить к чтению лирических строф о родном крае. Думаю, особое место среди читателей займут и охотники, и рыбаки, и туристы.

И пусть поэту не изменит с годами чувство, столь точно выраженное в его собственных строках:

«...Лишь прокричит сова, взлетая,
да мышь прошелестит в копне, –
и снова тишина густая
рождает музыку во мне!»

Владимир Макаров,
член Союза писателей
(газета «Омская Правда», 23 апреля 1992 г.)

ДРЕВНЕЙШЕЕ ЗАНЯТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

ОХОТА

В огородах пожелтела ботва
и капустные грядки белеют,
загустела вверху синева –
глядя в небо, все чаще немею...
Холод выбелил к ночи ложок
и ледком прозвенел по кюветам,
мне охота – горячий глоток
уходящего в зимушку лета!
Крик гусей заплутал в вышине,
и колючие ветры печалют,
но тревожно и радостно мне
в эту ночь
на безлюдном причале.

ПАИСЫЧ

Угрюмая темная вода
под низкой крышей снежной тучи,
на камышинке в сереге льда
высвечивает лучик!..
Вызванивают камыши
далекий посвист злой метели,
и лишь красавицы-крякаши
на юг еще не отлетели.
Да стайка белогрудых птиц
ныряет в ледяную воду,
похожих чем-то на синиц,
несущих снежную погоду,
...Светлеет темная вода,
в себя снежинки погружая,
пустынно озеро... Едва
вдали я берег различаю.
Кряжист Паисыч – экий хват,
долбленку впереди толкая,
бросает мне веселый взгляд –
его я понимаю!
Он стар, и звоны камыша
ему любимей песни!..
Последний выезд, не спеша
веслом просторы крестит.
Бормочет что-то про себя
не верующий в бога,
и я, еще нежней любя
его, отстал немного.
Пусть поколдует, поворчит
на снежную погоду...
– Придется ль весла намочить
еще через полгода?!

ТОКОВИЩЕ

На синь воды слетает
от вербы желтый пух...
В тетеревиной стае
красавец есть – петух!
Он – токовик, он первым
к поляне подлетел
и, распустивши перья:
«Чув-ши! Чув-ши!..»
– запел.

И сразу меж деревьев
летит со всех сторон
таинственный и древний
тетеревиный звон!..
Слетевшись на поляну,
по парам здесь и там
пустились птицы в танец
– клич рвется к небесам!
Хвосты пораспускали,
крылами бьют – лишь тронь...
Горит над бровью алой
воинственный огонь!

Даль, опрокинутая с небом
в озерной сини...
Журавлей далекий крик.
– Ах, где там, где бы
мне разглядеть их поскорей!
Цветы склоняются в истоме,
Разнеженные солнцем майским,
а иволга в березках стонет
– лежу в траве я,
тихий мальчик.
Еще не мучимый судьбою,
еще и жизни не постиг,
я слышу небо голубое
– бездонный журавлиный крик!..

ПОНОМАРИ

Мы вновь с тобой, Пономари,
– Мое лесное озеро!..
Лось рядом,
в отблесках зари,
блестит рогами грозными.
Виток отточенных мечей
к воде он опускает:
пьет медленно – и мрак теней
со дна к нему всплывает.
Прядет ушами...
Головой мотнул и замер чутко!..
И, взглядом встретившись со мной,
стоял еще с минуту.
Потом – прыжок!
И враз исчез,
треща вдали талами...
И снова тих прибрежный лес...
Ружье блестит стволами...
Пономари! Пономари!..
Мне доставляет радость
Стоять вот так в лучах зари
и пить твою прохладу!

ОХОТНИЧЬЯ ИЗБУШКА
Перелески...Гривы...
Воздух влажный, горький.
Домик некрасивый
прячется за горкой!
Домик неказистый
с крышей травяной
и с окном чистым,
с дверью приставной!..
Над трубою струйкой
вьется белый дым,
топит печь-буржуйку
друг мой Никодим.
Я продрог, уставший, –
дичь искал в полях
и по ней, взлетавшей,
мазал впопыхах!..
И ружье с досады
сзади, на ремне...
Но какая радость:
свет горит в окне!
Будет чай с душичкой
поставлен на шесток...
Будет ночью мгlistой
петь в углу сверчок!..

О чем звенит в ночи осока?..
О чем ей вторят камыши?..
Счастливый я
и одинокий
томлюсь в задумчивой тиши.
Березы,
затаив дыхание,
склоняют ветви над тропой,
и звезды с робким заклинаньем
срываются к земле стрелой!..
Лишь прокричит сова,
взлетая,
дамышь прошелестит
в копне –
и снова тишина густая
рождает музыку во мне!

ТРОПИНКА

Тропинка уводила в вечер
и вдруг исчезла из-под ног...
вот мгла по пояс...
вот по плечи...
а от зари один дымок.
Иду вперед почти на ощупь,
но загорается звезда,
та, первая, на грани ночи.
И бездорожье – не беда.

1. ПЕРВЫЕ ПРОТАЛИНЫ

ТАЛАЯ ВОДА

Нет вкусней, прохладней, чище
этих чудных талых вод...
Тёплый ветер в ивах
свищет,
в каждой луже – небосвод!
Пью водицу из-под снега,
вытаяв во льду глазок.
Ах, какая сладость, нега –
пахнет леденцом глоток.

НАЧАЛО МАРТА

Еще ночами холода
и легкая метель,
а днем на улице – вода
и звонкая капель!
Утрами ветер студит лоб
и стонет в проводах,
– днем
воробьи поют взаклеб
в оттаявших кустах!
На первой лужице,
с ладонь,
у самого крыльца
веселый луч зажег огонь
– не отвернуть лица!
И голубь
в радужных лучах
воркует надо мной...
Иду и солнце на плечах
несу к себе домой!

ПРОТАЛИНЫ ЧЕРНЕЮТ

Плетни вытаивают из сугробов,
завалинки дымятся под окном...
На крыше голубь, сизый
до озноба –
с голубкою воркует о своём.
И долго день не гаснет...
В огороде
проталины чернеют- там грачи,
слетевшись, по земле вразвалку
ходят...

И трель скворца на сто
ладов звучит!

МАРТОВСКОЙ НОЧЬЮ

В лесах – чарым, жестокий снег.
Пастьись косулям худо,

и что ни шаг – то с кровью
след.

В сугроб ложатся грудью.
И стайкой медленно
бредут
к жилью, на огороды.
А сзади – вой!
...Их здесь спасут,
накормят, в лес проводят.

ПОЗИМОК

Оттепель в обед двор почернила –
с крыши капала, светясь, вода...
Только в ночь опять пурга завывала,
застонали в небе провода.
Хлопья липнут к окнам, нависают
на деревьях – не видать ни зги.
Вышел я на улицу: в ней стаей
вертятся снежинки впереди.
Шлейфы меж берёзками в кружении
оттеняют чудо белизны...
Снег – всё гуще, и без сожаления
белит все проталины весны.

ЗВОНКАЯ КАПЕЛЬ

Отовсюду слышится
звонкая капель –
и легко мне дышится.
В голове – чуть хмель!..
Говорю без риска я
нежные слова...
Распахнулась близкая
неба синева!..

СОСУЛЬКИ

Сосульки, что вы плачете?..
О, как светла слеза!!.
Что вы для сердца значите?..
... В вас – неба новизна!..
В вас – солнце охлаждённое.
Сломил... Пью... На губах,
прохладой опалённый,
весенний мир запах!!!

ВЕСНА, ТЫ МЕНЯ ИЗЛЕЧИШЬ

У крылечка, ледок просверлив,
тенькают капли с крыши!..
Я по-весеннему жив,
– небо, ты слышишь!?.
Песнею птичьей звенят
бездонные синие выси!..
Под ногами лужи искрят...
Наплывают весёлые мысли.
Смотрюсь в неоглядную даль,

шепчу, расправляя плечи:
« Пусть уходят тоска и печаль.
Весна, ты меня излечишь!»

ДЕРЕВНЯ ОСТРОВНАЯ

Здесь встарь по весне
разливалась вода –
озерами даль отражалась.
На гриве высокой, где леса гряды,
деревня светло возвышалась.
Стога и кустарники плыли
в воде...
Ручьи, словно малые речки,
победно журчали под пеной
везде...
Казалось: так будет навечно.
Но нынче прорыли канал
обводной,
плотины построили, гати...
И стало так грустно:
не видно весной
разливов сверкающей глади.

ПРИШЁЛ АПРЕЛЬ

А холод долгим был, жестоким...
Швыряла в окна снег пурга...
– Пришёл апрель – бурлят потоки,
разливы скрыли берега.
И вновь душа мечте открылась,
и хочется безмерно жить:
творить, любить, лететь на
крыльях –
несбывшееся совершить!..
Себя трудом увековечить
земным – взрастить хлеба, цветы!..
... Гул тракторов в родном
Заречье –
чернеют свежие пласты.

ВОЛК В МАРТЕ

У волка впалые бока,
шерсть дыбом на загривке,
в глазах два зловных огонька.
Клыки открыты с рыком.
Роняя пену с языка,
волк рыщет ночь по насту...
Я слышу вой издалека
и знаю: он к несчастью.

СОХАТЫЙ

Ноги обдирая о чарым,
пятится, стремится в рям сохатый.
Волчья стая бросилась за ним,
вмиг – три зверя на спине покатоЙ.
Пал он в снег, спиной их давит
в наст,
бьет копытами!... Вскочил
на ноги –
сбил рогами двух матерых враз...
И прыжком махнул через дорогу...
Долго рям валежником трещал,

волки, сгрудившись, лизали раны.
Головой уткнувшись в снег,
лежал
их вожак, подергиваясь странно.

Урочище Усольган

АПРЕЛЬСКОЕ УТРО

Стал удушливым ворот рубашки.
Расстегнул...
В грудь втекает тепло.
Свежий ветер – с тобой
нараспашку!
Вольный ветер – с тобой мне
везло!..
Солнце льнёт золотыми лучами
к почкам, травам... Ожили леса!..
Кружат бабочки... Враз зазвучали
птичьи песни на все голоса.

Март на полях... Проталин пятна –
в них зелень первых стебельков.
В овраге снег... С ума я спятил:
рву вербу жёлтую с кустов.
Две веточки тебе... А в поле –
сверкает лебедь белизной...
в лицо мне дует ветер вольный...
и пенье птиц над головой!
Над мокрой полевой дорожкой
парит дымком, и в ноздри бьёт
щемящий запах – аж, до дрожи...
... А солнце выше всё встаёт!

В апрельском поле холод,
сырость.
Как алыч мак, во тьме – костёр!..
Весна, ты дай тепла на милость,
с утра шёл снег и я промёрз.
Здесь на поляне цвёл
подснежник –
повяли, сникли лепестки...
Но в полдень солнце грело
нежно –
снег превратился в ручейки!
Стемнело... Я гляжу устало
на луг туманный, на костёр...
Заря высвечивает алость –
и светом полнится простор.

НА РАЗЛИВАХ

Майский вечер освежает –
нежит губы, щеки, лоб...

В ручейке вода живая
о любви поет взаллеб.

ВЕПРЬ

Он постарел и бросил стадо,
забыв свиней и поросят...
Один живет в лесопосадках,
его клыки зверей страшат.
Выходит ночью на кормежку,
ест жёлуди, дички, овес...
Он осторожен – днем на лежке
всегда по ветру держит нос.

Синь утра апрельская...
Ледоход – оркестр
с птичьей вешней песней
над рекой воскрес!
С правом новосёла
пробует лады
мой оркестр весёлый
в честь утренней звезды...

Звенят ручьи в кустах, а луг
пронизан синими ветрами.
Здесь журавлиной песни звук
лелеет душу мне утрами.
Я открываю в поле дверь,
вхожу на талые поляны...
Зайчишка тощий – славный зверь
бежит опушкою туманной.
Токует тетерев вблизи:
Чув-ши!.. Чув-ши!.. – и
бьет крылами.
В ручье – гольяны, караси
сверкают ярко плавниками.
Ручей от озера к реке
несется с пеною и звоном...
Коровка божья на руке
взлетела, как с аэдрома.
Вершится в мире колдовство –
в сверканье солнца, в струях,
в криках
проснулась жизнь, как божество,
приобретая плоть и лики!

УТРО

Весенним, ярким солнцем
гумно освещено,
и распевает звонко
воробышек в окно.
На маленькой лужайке
проклюнулась трава.
Над речкой вьются чайки,
и плещет синева.

ВЕРБНОЕ

Ветра пронзительны, и лед
с утра сковал в овраге лужи!..
А вербы куст цветет, цветет
в узоре желто-белых кружев!
Я подхожу, на куст смотрю,
любуюсь веткой самой лучшей:

в ней иней, отразив зарю,
ласкает золотистый лучик!
И почки с нежной бахромой,
и завязь первая листочков
особой светят чистотой –
такую хрупкой, непорочной!
Я не обижу куст,
сорву
себе на праздник две-три ветки
и дома в банку посажу –
и разольется запах летний!..
Свежо...
Небес голубизна
вновь обещает день погожий.
Сегодня – “Вербное” –
весна!
И рядом с вербой я моложе.

Из сугроба, меж березок,
под веселый крик грачей
светлой струйкой осторожно
выплыл маленький ручей.
Робко булькает, чихает...
осмелел – пустился вскачь...
листья, ветки в нем играют...
чудится то – смех, то – плач...

ОЖИДАНИЕ

Пахнут дымкой рассветы апреля,
но снега по лесам не сошли...
Гуси-лебеди, солнцу поверив,
прилетев,
на разводьях присели
– и от брызг
блики ярко зажглись!..
Я люблю в ослепительных далях
синь весенних,
раздольных вод!
Вербы желтые порасцветали
вдоль оврага,
и сотни проталин
приподняли у берега лед!..
С каждым днем прибавляется
трещин
и все шире просветы воды.
Мне счастливые зори обещаны!..
Как свиданья с любимой
женщиной,
жду –
вот тронутся белые льды!!

2. АПРЕЛЬСКИЕ ПРОСТОРЫ

Птичьи игры

Странно мне видеть на дачах вороньи и сорочьи гнезда. Птицы ведут себя тихо, робко, незаметно. Вокруг спуют люди, гудят машины. Птиц, вроде бы, и вовсе нет. А вот в лесу...

...Когда я еще мальчишкой шастал по лесам, лазал по деревьям, охотился на токовищах, то усвоил твердое правило: у зверей и птиц есть свои территории. Места гнездования и звериные норы строго охраняются их хозяевами.

В начале апреля, возвращаясь с тетеревиного тока, когда в кустах еще лежал серый, мокрый снег, в березовом колке на высокой гриве я увидел на макушке дерева воронье гнездо. Рядом на ветках сидела пара ворон. Самец, вытягивая шею и приседая, словно кланяясь, все ближе и ближе пододвигался к своей подруге.

Та, щелкая клювом, каркая, игриво отскочила в сторону. Взлетела вверх. Самец – за ней. Самка поднялась на большую высоту и вдруг, сложив крылья, сорвалась в штопор. Ввинчиваясь в теплый весенний воздух, она быстро приближалась к земле. Самец, словно пытаясь ее догнать, неотступно неся следом. У самой земли вороны сделали разворот и вновь ринулись вверх, догоняя и обгоняя друг друга...

Так повторилось несколько раз. Видимо, насладившись игрой и устав, птицы приземлились на черную проталину посреди лесной поляны. Окуная клювы в лужицу, они чистили перья на крыльях и грудках и, тихонько, хрипло каркая, разговаривали меж собой.

Недолго думая, я вскарабкался на дерево и заглянул в гнездо. На сухих веточках, высланных мягкой травой и перьями, лежало одно яйцо. Грязно-зеленого цвета, с густыми темно-серыми разводами, оно мне показалось смешным и немного неприятным. Вороны сразу подлетели к дереву и, истошно, зло каркая, близко засновали, закружили вокруг меня. Казалось, вот-вот самец ударит крылом по моей голове.

Я поспешно слез с дерева и быстро удалился, сопровождаемый резким и громким птичьим криком. Через три дня, проходя мимо, не вытерпел и из любопытства снова взобрался к гнезду. В нем лежало уже четыре яйца.

И так же внезапно откуда-то появились вороны и яростно бросились в мою сторону.

...А еще два дня спустя, при подходе к березовому колку, я издали заметил на крайнем дереве самца. Внимательно приглядевшись к гнезду, увидел торчащий из него вороний хвост. Все, значит, самка уже высидивает птенцов, беспокоить ее нельзя: вылетит, а яйца остынут. Стараясь незаметно уйти, огибаю колок, но страж гнезда – самец заметил меня, взвился в воздух и, громко крича, закружил надо мной.

«Молодец, защитник», – подумал я, невольно гордясь своим знакомым.

Недели три прошло, и я вновь случайно оказался в березовом колке. Не подходя близко, я увидел, как обе вороны поочередно подлетали к гнезду, неся в клюве разный корм. Они подолгу сидели на краю гнезда, из которого высовывались головы птенцов. Я представлял, как разговаривают со своими желторотиками строгие родители.

И только в середине мая мой путь снова пересекся с березовым колком. На лесной поляне я увидел стайку ворон. Птицы ходили по траве, клевали букашек, громко каркали. Подойдя поближе, различил: две яркочёрных – старых, и пять серых – молодых. Не вытерпев моего присутствия, стайка взлетела и расселась на деревьях. Один вороненок, самый слабенький, долго усаживался на нижнюю ветку...

Неожиданная встреча

Я неторопливо пробирался через согру, перепрыгивая с кочки на кочку. Зорька была прохладной. Просидел часа два в шалаше на тетеревином току, но косачи на этот раз почему-то слетелись на другую поляну и токовали от меня метров за триста. Теперь без дороги, напрямую, топая домой.

Миновал осинник, вошел в березовый лес. Слева и справа простиралась низина, залитая сверкающей талой водой. Солнце поднялось высоко. Пригрело. От быстрой ходьбы вспотел, захотелось пить. В таловом кусту сохранился серый бугорок мокрого снега. Раздвинул ветки, пролез.

Разгреб ладонью снег – образовалась лунка. Она сразу же наполнилась светлой водой. Нагнулся и пью – холодную, чистую. Не надо и березового сока.

Решил передохнуть. Сел под толстой березой, вытянув ноги и подставив лицо солнечным лучам. Сижку, вдыхая разгоряченными ноздрями резкие запахи леса: аромат прошлогодней травы, смешанный с терпким привкусом почек смородины и ивы. Рядом со щекой по стволу ползут несколько муравьев, они карабкаются зачем-то вверх. Бабочка с оранжевыми крыльями подлетела и села на черный пенек. Где-то неподалеку тенькает пичуга.

И вдруг за спиной я услышал всплески и шорохи. Немного повернув голову и скосив глаза, увидел двух зайцев. Метрах в сорока от меня они пересекали глубокую лужу. Короткими прыжками, словно ковыляя, мокрые и серенькие, достигли сухого бугорка и уселись. Ключья не вылинявшей шерсти торчали на тощих боках, сзади, рядом с короткими хвостиками, свисали большие смятые портки. На ляжках болтались грязно-серые отрепья. Не зайцы – уроды.

Закрытый от них стволом березы, скосив глаза, продолжаю наблюдать, как два серых зверька, греясь на солнышке, тычутся друг в друга носами. Вот ближний ко мне начал тереться о тоненькую березку, вначале одним боком, затем вторым. Ясно: обдирает старую шерсть. Второй зверёк (а это наверняка была самка, низкая и пузатая) стал задней лапой расчесывать свою шею.

Неподалеку появилась пара диких уток. Кряква громко закричала, низко пролетая почти над самыми зайцами. Косые плотно прижались к земле, а когда утки пролетели, сделали несколько скачков в мою сторону. Прыгали они устало и тяжело. Не зря мне сразу показалось необычным, как они ковыляли. В последние дни вокруг царит половодье, передвигаться и искать пищу им непросто. Да и зима нынешняя оказалась долгой и морозной.

Брюхатая самка некоторое время стояла на задних лапах, наострив уши, затем присела. Заяц-самец приблизился к ней вплотную и снова начал облизывать ее мордочку. Настолько ласково и трогательно, что я подумал: *«Наверное, и звери, когда им бывает трудно, становятся более заботливыми друг к другу»*.

Так, незамеченный, я просидел еще минут десять, любясь странными зайчишками. Часто и раньше я видел «косяк» летом и зимой. Быстрые, легкие, пушистые – они стремительно убегали вдаль, почти не касаясь ногами земли. А этих мне не хотелось пугать, хотя и пора идти. Я взял сухую веточку и стукнул по дереву. Зайцы поднялись на задние лапы, покрутили головами, расставив вверх свои большие уши.

Затем, медленно ковыляя, маленькими скачками стали удаляться в другую сторону. Явно они заметили меня, но как-то спокойно отнеслись к моему присутствию. Долго-долго я провожал их взглядом. Издали они показались мне похожими на серых ягнят.

Встав, взял свою берданку, стоявшую у дерева, повесил на плечо. У меня в голове даже не возникло мысли охотиться на таких удивительно странных, беспо-

мощных зверьков. Тем паче стрелять в брюхатую самку весной – это считалось в деревне преступлением. Не поднимется рука у настоящего охотника и на зайца-самца, когда тот в таком жалком виде.

Другое дело – токующий, воинственный красавец-тетерев.

Майский озимок

Снег мечется перед глазами, попадает за воротник, медленно зависает в воздухе. Белые хлопья цепляются за ветви деревьев, прилипают к заборам и окнам домов. Утренний Омск погружен в сумерки, в кружение снежинок. Похолодало до минус пятнадцати. Такого не помнят даже старожилы.

Уже идет первая неделя мая, листья тополей распустились, на полянах за городом сквозит яркая зелень травы. Многие птицы давно сидят на гнездах, высиживают птенцов.

И надо же такое: второй день свистит пурга, улицы покрыты грязным снегом. В моем понятии озимок – это тот снег, что выпадает весенней порой на час-два и тает при плюсовой температуре. А сейчас – настоящая зима.

Как всегда, в конце апреля вернулись в родные края с зимовки утки разных пород, кулички, чайки. А скворцы, лебеди и гуси прилетели к нам еще в первых числах апреля. И сегодня в небе над Иртышом потянулись обратно на юг отдельные стайки птиц. Но это – малая часть. А основная масса пернатых – без пищи, при непрекращающемся снегопаде – прячется где только возможно. Хорошо, если рядом большой водоем с незамерзающей водой. А вот лужи, разливы и мелкие озера сковал лед. И в этот лед вмерзают погибающие птицы.

Все это я наблюдал вчера на лугах, разливах, возвращаясь проселочными дорогами из Таврического района. Потом заехал по дороге на дачу в «Карьер». За изгородью, на маленьком замерзшем озерке, под камышом сидел неподвижный красавец-крякш, уронив голову на лед. В ярком брачном оперении селезень встретил здесь коварную весну...

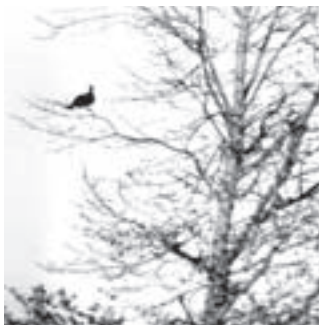
Я подошел по берегу вплотную и убедился, что он мертв. Как признак жалости и какой-то моей вины – по коже пробежали мурашки. Вот если бы хоть кто-то насыпал ему вовремя хлебных крошек, он наверняка остался бы жив. Да, вчера по радио было несколько выступлений председателей различных комитетов, директоров школ, специалистов-биологов с просьбой к населению помочь беднякам и подкормить пострадавших птиц. А сегодня по телевидению показывали, как школьники некоторых районов области подбирали обессилевших птиц и приносили домой. Обогревали, кормили...

Я долго брожу по набережной Иртыша. Снег начал стихать. Потеплело. Но какое-то горькое предчувствие не покидало мое сердце...

2. ВЕСЕННИЕ РАССВЕТЫ

ПРИЛЁТ ПТИЦ

В синеве апрельской
ранний птичий свист
пересыпал трелью
вновь скворец – солист!..
Нынче древний праздник,
птичий – ”сорока”,
сорок птиц – все разные –
кружат в облаках!
С правом новосела
пробует лады
птичий хор веселый
в честь утренней звезды!..

НА ИЗГИБЕ ЛУГОВОМ

Желтизною светят ивы
на изгипе луговом,
стая уток на разливе
плещет ярким серебром!
И под солнцем разомлели
с первой травкой берега.
Жаворонок на свирели
распевает в облаках.
Селезень в наряде брачном
отражается в реке!
...Ем я дикий лук и плачу
на седом солончаке.

ЛЕБЕДИ

В заре,
над талою землей,
чернеющей, дымящей паром,
летела низко птичья пара,
сверкая снежной белизной!..
Над камышами взмах тяжелый
должно быть ослабевших крыл,
казалось, – в воздухе застыл!..
Но только кликаньем веселым
ко мне навстречу воздух плыл...
Стою в низине я под гривой:
еще озера подо льдом,
еще снега в лесах кругом –
и этот сказочно красивый
миг постигаю я с трудом!
И вспоминается мне осень:
уже пустынные поля,
замерзшая во льду земля
– затянутая дымкой просинь!
В озерах только полыньи –
последних лебедей лавины
плывут по небу, словно льдины,
под крики грустные свои!

На белых крыльях виден снег
и в мощных взмахах –
свист метели!..
Была зима длиною в век –
и вот вы снова прилетели!!

ЗИМА ПОСТАВИЛА ЗАСЛОН
С утра дымились солнечные дали
и плавился в овраге серый снег...
Поля и рощи двигались,
сверкали...
С бугра ручьи в луга неслись в
разбег!..
Я видел: на поляне цвёл подснеж-
ник,
и бабочки порхали здесь и там...
Но – свечерело.... Заскрипел
валежник,
холодный ветер свистнул по
кустам.
На небе – тучи...
Кружат хлопья снега
и падают, сжимая в мёртвый сон
ручьи, поляны...
Словно напоследок
зима – весне поставила заслон.

ВЕСЕННЯЯ ЗАРЯ

Блеск зари...
На заливах и старицах
рыба плещется, утки
кричат.
Слышу я, как листки
распускаются
на берёзах, как травы
хрустят.
Ещё выпадет злобный
озимок,
льдом покроет ручьи
и овраги,
но подснежник –
цветок мой любимый
на поляне сияет, как мак.
А скворец, чёрным фраком
блистая,
как жених, над скворечней
поёт...
Взмыла с плёса гусяня
стая,
продолжая на Север полёт!

СОК ЗЕМЛИ

А лес еще сырой и черный,
но, согревая прелый лист,

веселый луч скользит на корни
– береза трепетно дрожит.
А корни, словно щучьи спины
пятнистые, ныряют вглубь...
Поодаль светится осинник,
и горечь чувствую у губ.
Какой, не знаю, час брожу я –
такая нега, тишина!
И непонятное волнует:
откуда столько сил, весна!?
...Вспухают почки, расцветают
сережки в ивах над водой,
и сок березы проступает
из трещин, пенясь над корой!!

А день восходит, полный синевы,
пыль солнечная вьется за
ветрами.
На бугорке – зеленый вихрь
травы...
И бабочка летит к оконной раме.

ВЕРБНОЕ

В своем лесу, в своей избушке,
среди своих родных берез
я низко кланяюсь кукушке,
что мне “ку-ку” поет всерьез!..
Лес все заметней зеленеет.
Хотя лежит в овраге снег,
но день просторнее, длиннее...
И слышен в поле скрип телег.
В своих краях, в своей деревне
и солнце светит веселей!
Свет желтой ивушки-царевны
от ярких почек – золотей!
Чту “вербное” – весенний
праздник,
и на душе опять светло.
Пусть нас с тобою нынче радует
природы вечной волшебство!

В НОЧЬ НА ПАСХУ

Льётся лунный свет на
прясла,
и колдует мать в ночи.
Тесто сдобное для пасхи
в кадочке пыхтит, ворчит.
В руки мать берёт мешалку
и взбивает не спеша.
Вот клюкою в печке
жаркой
движет угли, вороша.
На листьях, залитых
маслом, –
пасха, сдобы, куличи.
На поду с румянцем
красным
сладко пахнут из печи.
Мать заслонкою звенит,
лунный свет в окне
дрожит...

ПРИШЛА ВЕСНА

Пришла весна. Проталин пятна,
в них – зелень первых стебельков.
Журчат ручьи. С ума я спятил:
рву вербу жёлтую с кустов.
Стерня сверкает в дальнем поле,
сверкает лебедь белизной,
в лицо мне дует ветер вольный.
И пенье птиц – над головой.
Над мокрой полевой дорожкой
парит дымок, и в ноздри бьёт
щемящий запах – аж, до дрожи...
Край солнца огненно встаёт!

В обед еще звенели ручейки,
но схолодало к ночи – пал озимок.
Поляна побелела от тоски
и ручеек затих, ледком теснымый.
Подснежники, по грудь в снегу,

грудят –
их лепестки висят, обледенели...
А лебеди “клык-клык” вблизи
кричат.
Вот, сделав круг, на старицу
присели.

ЖАВОРОНОК

Жаворонок в небе майском
песенку мне пел
и, качаясь, сладко маясь,
под облаком висел.
Как на ниточке висел!
Долго слушал я, смотрел...
А потом сложил он крылья –
камнем вниз – и в травах скрылся.

ЗАРЯ

Блекнет небо звёздное –
тонкий штрих зари
узенькой полоскою
радужно горит.
В синий свет окутаны
дали Иртыша...
Свежестью предутренней
полнится душа!

Весенним ярким солнцем
обласкана река,

в ней, с самого-то донца,
всплывают облака.
Вдоль берега – лужайки
с зелёной травой...
– На что вы, чайки, жалуетесь,
крича так надо мной?

ДВЕ ЗАРИ СОЕДИНИЛИСЬ

С неба тайное свеченье
майской ночью напролёт!
В нём – черёмухи цветенье...
В нём – закат обнял восход!
Две зари сошлись над плёсом...
Смех девичий у реки...
брачный гомон птиц...
плеск вёсел...
ивы в речке – островки!..
Две зари соединились...
– Помнишь май, в него
влюбились.

О, эта теплота земли!..
Крик воробьиный радостный.
Остатки снега залегли
в кустах...
Овраг, в нём- заводи.
В них светит талая вода,

что солнечными днями
с полей, лугов сошла сюда,
сверкая ручейками.
... Часами я в полях брожу
по светлым, чистым лужам:
Вот чибис взмыл по виражу...
вот две вороны кружат...
А вот, в низине кое-где
ростки травы пробились...
– Возникли лучики в воде
и – взгляд мой ослепили!..

ОЗИМОК

Вновь земля покрыта снегом,
липнут хлопья к сапогам...
Сколько света, дивной неги
разлетелось по полям.
Пересилив притяженье,
рой снежинок в виражи
устремился...

И в скольжении
снег всюду пошёл кружить!
Шапку сняв, я собираю
новый звёздный урожай...
А снежинки нежно тают –
только губы подставляй!..

Проступает вода по низине
и дымится на солнце парок!
Вижу крохотный стебель, с
мизинец,
что украсил собой бугорок.
Что за стебель?..
Ну, точно, подснежник
пробивает сухую траву.
А над лугом весенняя нежность
с песней птицы летит в синеву.
Пахнет прелью, смородиной
терпкой,
из куста вытекает ручей:
«Буль-Буль-Буль!» – голоском
неокрепшим
напевает в сверканье лучей.

Очнулся мир, дремавший до
поры...
Пьянит из ряма горьковатый запах
сосновой, растопившейся коры...
Вот суслик на бугре привстал на
лапках.
Разбойно свистнув, в норку вмиг
нырнул...
Бурлит ручей водой прозрачной
талой...
Вот жаворонок трелью
сыпанул...
... А лёд в затоне – в всполохах
кристаллов!

МОЛЮСЬ Я...

С весёлым звоном ледоход
прёт вольным Иртышом!..
И верба в старице цветёт
желтеющим пушком.
Весне, любви настал черёд –
апрель встревожил души...
Неотразим зари восход –
я воркованье слушаю.
Крик чайчий у Иртыша
тревожит неба синь!
Весна, молюсь я, не дыша:
«Ты выше всех святых!!..»

РЕЧНАЯ СИНЕВА

Смотрю в речную синеву,
как в очи ясные России!
Люблю небес голубизну!
Мне дорог цвет весенний – синий!

3. ЛЕСНЫЕ ЗАКРАЙКИ

Подснежники

Спроси любого: «Знаешь ли подснежник?» – и получишь утвердительный ответ. Мне, деревенскому пацану, особенно нравились эти первые цветы. На полянах и опушках, в редком березняке, на пятачках оттаявшей земли меня всегда восхищали эти нежно-светлые, абсолютно белые или желтоватые роскошные цветы. Они – как первая любовь!

После окончания института, работая в обкоме профсоюзов Тюмени, я в составе одной комиссии приехал в отдаленный от города пионерский лагерь. Середина апреля. В сосновом бору еще лежал снег, а на просеке уже расцвели светло-фиолетовые необычные цветы.

– *Посмотрите, подснежники!* – воскликнула шедшая рядом со мной девушка.

Я недоверчиво посмотрел в ее глаза и возразил:

– *Они же не белые и не желтые, а красноватые.*

Тогда она представилась, назвав себя педагогом-биологом одной из средних школ и смущенно улыбнулась.

– *Эти цветы вообще-то называются «Сон-трава», их у нас в стране насчитывается 27 разновидностей. А подснежниками их зовут, как и многие другие цветы, потому, что они растут сразу из-под снега,* – с удовольствием поведала девушка, несколько отстав со мной от степенных дядей, остальных членов нашей комиссии.

Моя попутчица охотно просвещала меня, подсказывая, что «Мать-и-мачеха», «Хохлатки», «Пролески» – все те же подснежники. И что цветы «Сон-трава» имеют разнообразную окраску – розовую, желтоватую, белую, черно-красную. Они интересно растут. Вначале из земли появляется мохнатое фиолетовое колокольце. Его забавно называют «Прострел». Вскоре цветок раскрывается, и появляется шестилучевая яркая звездочка, в центре которой красуется пучок желтых тычинок...

При подходе к пионерским корпусам, заканчивая повествование, девушка добавила:

– *Цветы эти занесены в «Красную книгу», о них сложены легенды. Существует поверье: люди, попадая на поляну, часто засыпают от испарений этих цветов. Они ведь немного ядовиты...*

Весь день составляя акты готовности пионерских корпусов к приему, я забыл разговор. Вернувшись вечером в город, нашел старенький словарь Владимира Даля, надеясь узнать что-то более конкретное, определенное. Но в нём прочитал: «Подснежники – довольно общее название. Это и Горицвет, Заячий мак, Стародубка, Расходник, Самсончик, Разлапушник и ещё другие, растущие одновременно с таянием снега».

Прочитал и взгрустнул. Ведь мне так хотелось, чтобы мои любимые с детства белые цветы, так похожие цветом на снег и кору молодых березок, были бы единственными подснежниками Сибирского края.

Генка-«лётчик»

Белые островки снега, осевшего и потемневшего, проглядывали пугливо из талов. За талами с набухшими почками искрилась веселая, талая вода. Майское солнце купалось вместе со стайкой хохлатых чернедей, обычно любящих глубокие озера, и наверное, случайно залетевших на это болото.

Генка-«лётчик» (его прозвали так за то, что он мечтал стать покорителем неба) долго выцеливал из ржавой берданки образца 18.. года, и наконец, она, рывкнув, выплюнула пригоршню рубленых гвоздей в купающихся уток. Те, коротко пробежав по воде, взмыли в синь, оставив на воде одного самца, то подлетающего на метр вверх, то ныряющего в воду. Вдвоем, окунаясь по грудь в болото, мы долго ловили его, а потом он испуганно клевал наши ладони, и чувствовалось под пальцами яростное биение его сердца. Голубой хохолок нежно блестел в лучах, белые бока снежно оттеняли черные крылья. Особенно красивы были глаза, как светящиеся желтые горошины, наставленные на нас.

Затвор берданки после выстрела покрылся красной окалиной, и несмотря на все наши усилия, не открылся. Сожалея, что остались еще два заряженных патрона, мы вернулись домой.

Генка-«лётчик», которому уже исполнилось 12 лет, заболел через день после охоты той самой горячкой, заканчивающейся воспалением легких. В бреду он звал меня, приглушенным голосом поведывая, что в подполье, в земле у него зарыто еще несколько зарядов военного пороха. Это было в 1946-м голодном году, и каждый заряд ценился в нашей деревне дорого. Это от военного пороха заклинило затвор, это из-за него мы целый день лазили в дырявых сапогах по болоту, это из-за него не смог взлететь в синь хохлатый чернядь. А теперь вот еще заболел и Генка.

Военный порох?! Наши отцы не вернулись с войны, и мы, пацаны, продолжали воевать за право существовать, за право быть сытыми. Сотни и сотни раз я заряжал потом свои патроны, и в безотцовском доме появлялся сытный обед. Военный порох!.. Он был зеленый, трубочатый, нарезанный тоненькими волосками, а привозил нам его из города, с военного завода, односельчанин Петр.

Гена-«летчик» провалялся на печке в избе около месяца, и когда вышел со мной первый раз на улицу, зашатался и чуть не упал. Конопатый, с рыжими волосами, желтый от болезни, он все лето бродил, как тень, по зеленым веселым улицам деревни. И выжил, но охотиться с тех пор не стал. Не стал он и летчиком, в 15 лет сев за руль трактора...

Осина горькая

Когда-то давно, в мае 1944 года, в нашу избу принесли похоронку на отца, и я – пацан со слезами на глазах убежал в лес. И случайно попал в осиновый колок. Помню, как стоял, обрывая у осинки тонкие веточки и зачем-то их грыз. На губах ощущалась горечь, и она меня немного успокаивала...

Я вырос, возмужал. Теперь в зрелой поре люблю приезжать из города в свою деревню. Вот и сегодня я – в родных местах. Направляюсь в знакомые леса.

Майское солнце бьет яркими лучами по заливному лугу, я иду в болотных сапогах напрямую, без дороги. При неосторожном шаге прохладные брызги долетают до разгоряченного лица. Освежают, радуют...

По краю небольшого овражка, сбившись в кучку, стоят слегка зеленоватые молодые осинки. Три года назад, в мой последний приезд, их здесь не было. Быстро же выросли. На вершинках сидят два тетерева и клюют набухшие почки.

Не зная почему, словно сравнивая, вспомнил давнюю зиму, глубокие снега и такой же молодой осинник, расположенный на берегу озера Чистое. На нем мы с другом рыбачили, промышляли подледным ловом.

Так вот, проходя через небольшой осиновый колок, я всякий раз удивлялся разнообразию следов зверей и птиц на чистейшем снежном покрывале. Наблюдал многочисленные заячьи отпечатки лап у нескольких поваленных осинок, полностью обглоданных, белеющих стволами. Возле них, видимо, постоянно обедали косые со всей округи. Впрочем, судя по глубоким следам, иногда навевались лоси, объедавшие высоко задранные ветки заиндевевших деревьев. Часто на свежей пороше просматривались мелкие строчки следов, оставленных рыжими мышами-полевками. Много виднелось птичьих отпечатков на заиндевевших ветках и внизу, на снегу.

Так что зимой и весной осинник является лучшей кладовой корма для зверей и птиц. А почему я вспомнил все это и так придиричиво, строго рассуждаю про себя? Причина проста: в детстве я много раз слышал, как соседка за плетнем, рассерчив на мужа, выговаривала ему:

– *Ох, и надоел же ты мне, как горькая осина...*

Вот тебе – на! Горькая осина так любима всякой живностью круглый год, она – не только корм, но и желанное место гнездования птиц. Ведь ее древесина очень мягкая, дятлы любят выдалбливать в ней дупла, которые используют для гнезд разные птицы. Так что осина и впрямь горькая, но такая желанная и приятная к обеду, такая близкая и родная для птенцов в домиках-дуплах.

И все-таки в ее темно-зеленом цвете есть для меня что-то немного грустное. Наверное, осталось давнее детское ощущение от войны, от похоронки.

Необычное гнездо

Мальчик Миша, в большой кепке и зеленой штормовке, притаился под развесистым деревом и, поворачивая голову, смотрел по сторонам. Он часто приходил в лес один, сидел не шевелясь и видел многое. То зайчонок выпрыгнет на полянку, то ежик осторожно прошелестит рядом, то дятел вверху задолбит по дереву... На этот раз чуть слышно где-то чирикали птенчики. И здесь он увидел серенькую пичужку, прямо над собой, которая держала в клюве червячка. Прыгнула невеличка раз-другой по ветке и вдруг скрылась в дереве. Миша протер глаза, поморгал – и увидел в стволе круглую дырку! Оттуда выскочила обратно птаха, чирикнула и улетела. А вслед за ней из дырки, как из окна, высунулись головки птенчиков.

«Вот так история, – подумал Миша, – приду, расскажу ребятам, они снова на смех подымут. Скажут: опять, мол, в лесу от страха в глазах померещилось...».

*Редкие,
исчезающие
виды цветов
Омской
области*

3. ЦВЕТОЧНАЯ ПОЛЯНА

НА ЛУГУ

На лугу меж ивами мерцает
старицы серебряный рукав.
Ряской, камышом он зарастает.
Берег в мягких травах, как в
шелках.
Отражаются в воде сонливой
белые, как льдины, облака...
От кувшинок снежный блеск
игривый...
Далеко за лесом синь-река.

МЕДУНКИ

Резкий запах смородины,
горький привкус осин
мне напомнили Родину
в пору тяжких годин.

ПОЛЕВЫЕ ЦВЕТЫ

Рву опять на поляне цветы:
васильки, резеду и
ромашки.

Их люблю в старый дом
принести.

А зачем?

Они – сон мой вчерашний.
Стены помнят иные года,
те, что были юнее и

звонче...

Я цветов не дарил и тогда
той, единственной, нежной
девчонке.

ПЛАВАЮЩИЕ ЦВЕТЫ

Ряска, лютик, водокрас,
жёлтая кубышка
на протоке в ранний час
плавают неслышно...

Только солнышко взойдёт –
гладь речная зацветёт!

КУВШИНКА

Кувшинка нежно-белая
на старице цветёт
и на листочке-лодочке
качается, плывёт.
Заря слегка румянится
над тихую рекой,
кувшинка, как снежинка,
блестит передо мной.

ПОДСНЕЖНИК

Ещё снега в чащобе непролазной,
ещё позёмка по ночам метёт,
а вот сегодня (я заметил сразу)

цветочек белый меж кустов
растёт.

Иду поближе...

Он, гордец-подснежник,
вобрав в себя горячие лучи,
все лепестки раскрыл...
Красивый, нежный
сияет...

А вокруг журчат ручьи.

МАРЬИН КОРЕНЬ

Марьин корень, пион розоватый,
лепестками неслышно дрожит.
Из оврага – из тьмы сыровой
он на солнышко робко глядит.
Май прошёл, а тепла ещё мало,
но цветок излучает свет алый!

АПРЕЛЬ 1943 г.

Солнце греет мой чубчик
вихрастый,
запах талого снега – в лицо!
Рядом крики вороны горластой
и скворчиная трель над крыльцом.
У бычка залоснился загривок –
отощали за зиму бока...
Пёс бежит ко мне, лает игриво,
в первой луже плывут облака.
А вверху – бесконечное небо...
... Годы шли... Столько
стаяло снега.

БЬЮТСЯ ЛЬДЫ

В заре мерцает луговина
и слышен клич пролётных птиц.
Плывут по речке, бьются льдины –
в осколках блещут иглы спиц!
А у моста – затор... Армада
из хрусталя и серебра!..
Под хруст и звон я пью прохладу
и забываю боль утрат.
Ну, что в груди моей сомненья
пред буйством солнечной воды,
перед весенним вдохновеньем,
с которым звонко бьются льды!?.

ОПЯТЬ СВЕТЛЕЮ ГОЛОВОЙ

Апрель извечно манит нас
проталинами, небом синим
и чистотой девичьих глаз –
тех первых, так любимых...
Взгляни, как пламенем зари
зажглись на небе звёзды...
Вновь пробуждается в крови
желанье к дальним вёснам.
... Пью сок берёзки молодой,
целую вновь подснежник.
Опять светлею головой
и ощущаю нежность!..

ПРОШЛИ ПАЛЫ

Вдоль леса по опушке – борозда,
глубокая, длиной во всю
поляну...
Я за клубничкой вновь пришёл
сюда,
но всё вокруг переменилось

странно.

Прошли весной палы здесь – из
кустов
обугленные видятся тычинки...
Нет ягодника... Нет былых
цветов...
Растут одни лишь тощие
травинки.
Опахан лес! – и шрамом борозда...
Не слышно птиц – видать, сгорели
гнезда...
Кто виноват в пожаре?.. Ведь
беда
на много лет останется коростой.

ВАСИЛЁК

У дороги синий василёчек
головой кивает мне, зовёт.
А июльский тёплый
вечерочек
в листиках его поёт, поёт.
Подойду и наклонюсь с
приветом,
приголублю синий огонёк,
расскажу ему лишь по
секрету
как давным-давно я
одинок.

МАЙСКИЙ ЛУГ

Когда хандра, когда недуг,
и в сердце воля убывает –
вдруг в сны приходит май-
ский луг!
И жидень, как прежде, рас-
цветает!
И жаворонок в синем небе,
а на разливе – белый лебедь!

ИВАН да МАРЬЯ

Жила в моей деревне – Марья!..
Я вспомнил трудное житье,
как в дни войны соседний парень
Иван вернулся на село.
Пришёл израненный войною
солдат – безусый паренёк...
На костыле, с одной ногою...
Женою Марью он нарёк...
Иван да Марья!? – цвет прекрасный
цветов лесных на зорьке ясной.

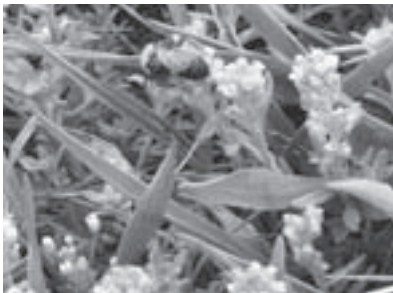
НА ИРТЫШЕ

Иртыш в разливах вольных плещет,
вобрав последние ручьи!..
Я слышу в ивах голос вещий
из прошлого, как в забытьи.
Ночь майская смежила веки –
две зорьки в небесах сошлись!
Петух со сна прокукарекал,
две фары на лугах зажглись.
Вот стих мотор...
Лишь писк случайный
тревожит чутко тишину
да вздох березы, шелест тайный

травы
связались в нить одну!..

ПОДСТРИЖКА ДЕРЕВЬЕВ
Смотрите!?! – плачут деревья,
сок – слёзы на тротуаре...
Падают ветви, как перья
птицы, в полёте раненной!
Идёт подстрижка деревьев –
красоту наводят по городу...
И больно очень, поверьте,
под ногой видеть веточку гордую.
В ней уже понабухли почки
и проклюнулись лепестки –
как письма к любимой на почте
раскрыться желали они!
Уж слышалось им лепетание
на ветру зелёных ветвей...
И чудилось, как с содроганием
в них врывается вихрь лучей!
Им хотелось подставить ладошки
всех листочков под тёплый
дождь...
– Эй, садовник, помешкай
немножко,
это деревце хоть не трожь.

ВЕРБНОЕ
Сегодня – «Вербное!» – весна!
В окне – большой рассвет...
Я вижу иву у окна,
в ней – старины завет!
На влажных почках – синева,
в ветвях – сосуллек лёд!
Воркуют голуби...
Слова
любви мне высь поёт!

РОЗАРИЙ
Я люблю не в парках розу –
а шиповник здесь, в лесу.
И терплю его занозы –
в пальцах веточку несую!

ЛИЛИЯ КУДРЕВАТАЯ
Лилия кудреватая
мне качнулась в лицо,
лепестки её красные
сжались в полукольцо.
Посредине цветочка
копошится пчела...
Оглянулся: тропинка
в хвойный лес привела.

НАДВОДНЫЕ РАСТЕНИЯ
Я брожу вдоль речки,
в ней кувшинки – свечки!.
Над водой – рогоз, тростник
и аир с тризубкой.
Дальше – манник, стрелолист,
камышинки дудки...

Корень белый у аира –
он лечебнее эфира.

ГОРИЦВЕТ ВЕСЕННИЙ
Горицвет весенний, жёлтый,
как подснежник, ясно светит...
Травянистым выстлан шёлком
влажный луг в начале лета.
Пусть апрель в ночах прохладен,
и в овраге – серый снег,
горицвет, меня порадуя,
подари мне летний свет!

МАЙСКОЕ УТРО
А день восходит, полный синевы!
Пыль солнечная вьётся за
ветрами.
На бугорке – зелёный чуб травы.
И бабочка летит к оконной раме.

МЕДОНОСЫ
Май прошёл...
Цветут поляны,
и снуют шмели и осы.
Рядом – пчёлы, дух дурманский!
Это время медоносов.
В каждой маковке цветка
жизнь прекрасна и сладка!

В. Макарову
ЖИЗНЬ И РУСЛО
Мне сегодня стало грустно:
здесь, в долине, у реки
понял – жизнь меняет русло!..
Мы же, люди, мотыльки.
Мы дичаем, беды множим...
Обмелела наша жизнь...
Оттого досада гложет...
И темнеет неба высь!
Все не так во мне... А речка,
русло старое храня,
повороты вьёт, колечки...
Воды плещутся звеня!..
Все в природе соразмерно,
мудро, прочно на века...

– Ну, когда в себя поверю
так, как светлая река?!

ЗАВОДЬ
Меж талов глубок залив –
ямы в нём, водовороты...
Мрачен остров, молчалив –
вся река – за поворотом.
Этот маленький рукав
называют просто: «заводь»...
Мир таинственен, лукав –
здесь русалки жизнью правят.

ПОДСНЕЖНИК
Подснежник мой, тебе хотелось
ласки,
ты распустил под солнцем
лепестки,
но за ночь снег смертельной
белой краской
опять прикрыл и травы,
и кусты...
Берёзы индуют, смёрзлись
почки –
ты, словно чудо, гибнешь на
снегу...
Мне кажется: Снегурочка не
хочет,
уйти, ещё не ведая беду!..

ВЕСЕННИЕ КРИКИ
Весенние крики ночами
над озером сводят с ума...
Всё то, что до срока молчало –
теперь и не вздумай унять!
Безудержность криквы и выпяи.
В томленьи – лягушечий звон...
Мир радостный всюду рассыпан,
всколдованным сладостным
сном.
Вот – чибис, пронзительно
близкий...
Вот плакса – кулик, то – сова!...
Клич сыплется звёздными
искрами.
Влюблённые слышу слова!

4. ВОСПОМИНАНИЯ ИЗ ДЕТСТВА

Озеро Долгое

На горизонте по чисто-голубому простору плывут медленные кучевые облака. А над озером, над моей старенькой лодкой-долбленкой, сверкает огромное Светило. Оно бьется лучами о зеркальную гладь, преломленные и отраженные ею огни полыхают в моих глазах. Тонкий, прозрачный пар клубится у самой воды. Тишина. Я молчу, и мое молчанье – откровеннее, понятнее любого монолога, потому что слова рождаются и остаются в моем сердце. Я четко различаю их звучание:

«... Озеро, ты не просто огромная чаша с живою водой, со звенящими камышами. Или хрустальное, прозрачное зеркало с вечно шелестящей о чем-то осокой, с всплесками радужных рыб, с призывным кряканьем уток. Ты – большее!!! С мягкими дорожками по берегам, с березняком и осинником, затаенными у самой воды, – ты вобрало в себя весь огромный мир. Мир из мгновения и вечности, из радости и откровения, из доверия и любви ко всему существу.

Во все времена года и в разное время суток ты имеешь свою единственную, неповторимую окраску: вода твоя то синяя, то зеленая, то со свинцовой рябью, то огненная, с полыхающей зарей. Весною, в половодье, растекаешься по зеленым лугам. Осенью, окаймленное рыжими камышами, мелеешь, покрываясь у берега ряской и тиной.

Зимой изумрудно-хрустальное под снежным покрывалом, как заснувший лебедь. Твое настроение передается мне, мое – тебе. Если я весел, в любую погоду ты излучаешь мягкий, ласковый свет, если я чем-то опечален, гру-

стишь вместе со мной.

Озеро, я могу наблюдать часами, как в тебе плавают облака и синь опрокинутого неба. По ночам ты особенно торжественно, со звездами в глубине черных вод, с лунной серебристой дорожкой на таинственной глади.

И все-таки озеро, ты – не просто уголок земли. Ты – мое трудное детство. С тобой я вырос, возмужал! Ты научило меня видеть прекрасное, научило думать, понимать жизнь.

Озеро, ты моя судьба, от начала до конца дней моих. Тебя я вспоминал и в Москве, и в Ленинграде, и в курортных городах, в скорых поездах. И особенно – когда мне бывало трудно: под операционным ножом или бессонной ночью в темной квартире, раненному чьей-то обидой.

Озеро, ты мое сокровище, моя маленькая Родина!».

Ежик

Проснулся я от тихого шороха, как будто кто жесткой щеткой чистил мой диван, на котором я сплю. Прислушался. Под диваном кто-то с шумом фыркал, смешно сопел. Я вначале испугался, хотел вскочить и убежать к маме в спальню, а потом догадался, что это ежик, который уже неделю живет у нас под скамьей.

Вот ежик обследовал диван, вылез из-под него и ушел в дальний угол под тумбочку с телевизором. Чем-то там снова пошелестел, недовольно попытался и отправился в соседнюю комнату, где пробыл очень долго.

Я уже снова засыпал, когда он близко протарабанил ногами, пробежав на кухню. Я различал, как он лакал из блюдца молоко, хрустел капустой. Мне было приятно, что угощение, приготовленное мной с вечера, ему понравилось.

Всю ночь, то и дело, я урывками слышал, как ежик ходил по кухне, по комнатам.

А утром мама сказала, что ежик не давал никому спать и что его надо отнести в ближний лес. Нехорошо держать его в клетке, а выпускать из нее на ночь – не даст спать. Днем я в компании с соседским мальчиком Мишей отнес зверька за околицу в березовую рощу и оставил на лесной полянке.

Переход

Утренний ветерок веял в лицо свежестью, шелестел в придорожной траве, перебирал, пересчитывал листочки на ветках берез. Колеса телеги скрипели, шуршали, пели, стонали. От самокрутки струился едкий, горьковатый дымок, отдававший живой теплотой.

Уже показалась Захарова роща, когда собаки азартно, с лаем бросились в канаву, затем выскочили из нее на поле. Конюх Ефим сразу разглядел, как впереди них, припадая на крыло, то опускаясь к земле, то взмывая над ней, летела серенькая уточка. Лошадь сама по себе остановилась. Ефим слез с телеги, подошел к дождевой лужице в канаве.

Желтые и синие цветы приподнимались над водой, а между ними плавали несколько пушинок. Раздвинув траву, он быстро нашел маленьких желтых птенцов из породы «чирков» – самых крохотных уток. Слабенькие и пухлые, они попискивали и недовольно, пугливо клевали ладонь, когда он пробовал собрать их вместе. Бесплезно. Они снова неуклюже расплзались кто куда. Один из них выскочил на лужицу и, шлепая перепонками лапок, шустро пробежав по воде, нырнул.

До ближайшего озера было более километра, можно было отвезти их туда. Ну, а если их не найдет утка? «Нет, – решил Ефим, – пусть мать сама и ведет...» Он подошел к телеге и засвистел, окликая собак. Те вернулись, тяжело дыша, высунув языки, и с хода кинулись искать утят. Ефим властно подозвал их, обхватил ту и другую руками и уселся на телегу. Погоня лошадку, успокаивая четвероногих, поехал вперед. Собаки обиженно скулили, а Ефим думал о маленьких, незащищенных существах.

Ведь есть еще лиса хитрая, остроглазые коршуны, вездесущие вороны. Сколько опасностей может встретиться им в пути, пока доберутся до озера?!

Маленький скворечник

Сын соседей по даче, мальчик Мишка сам изготовил скворечник, а дед Андрей помог приладить его над крышей садового домика. Сколько же радости было у мальчишки, когда в домике поселилась супружеская чета скворцов.

В начале июня появились птенцы, которые громко пищали, а скворцы целыми днями таскали им корм. Миша мог часами наблюдать за скворчатами, высовывавшими головы из окна скворечника. Но вскоре приключилась беда: один скворчонок выпал и разбился насмерть.

Миша долго плакал над неподвижным птенцом, у которого только начали отрастать крылышки. Мальчик выкопал в уголке сада ямку и похоронил его.

Через день несчастный случай произошел со вторым птенчиком. Мишка, уткнувшись со слезами в колени деда Андрея, спрашивал:

– Ну, дед, почему все это так?..

Дед, глядя по вихрастой голове внука, признался:

– Это я виноват. Когда ты сколачивал скворечник, тебе вовремя не подсказал, что домик очень мал. Скворчата в нем вынуждены сидеть друг на друге, в два-три этажа. Им очень тесно. И верхние могут запросто выпасть из отверстия. Ничего, не плачь. На следующий год мы с тобой сделаем большой птичий домик, просторный...

Нырок

Дедушка пришел с рыбалки и вместо рыбы принес утенка. «На-ка, внучек, покорми его. Попал вот в сети и чуть жив, потом отнесем обратно на озеро».

Утенок был крохотным, с серым пушком, большой головкой и желтым клювом. Быстрые, коричневые глазки следили за моими руками. Я поставил его на землю. На маленьких лапках, с тонкими прозрачными перепонками, он стоял неуверенно, как на льду. А когда я наливал в тазик воды, он сам запрыгнул в него и начал плавать. Плавал быстро, ловко загребая в воде лапками.

Тазик оказался мал, и я притащил бабушкино корыто, до краев наполнил его водой, набросал крошек. Теперь утенок чувствовал себя раздольнее. Иногда он нырял, и это было очень забавно. Дедушка пояснил мне, что утенок-то из породы «нырковых», которые редко покидают воду, любят часто нырять и корм себе достают, в основном, со дна озера.

Через две недели подросшего утенка я принес на речку. Он много плавал, нырял, но к домашним уткам не подплывал. Да и те на него как-то косились, видя в нем «чужака». Ведь все домашние утки из породы «кряковых».

Так было несколько раз. И я решил отнести его на озеро к диким уткам. Утенок вырос настолько, что у него появились по бокам белые дудочки будущих крыльев. Серые перышки на груди нежно поблескивали в лучах солнца. На озере я нашел пристань, где стояли черные просмоленные лодки рыбаков, и пустил утенка на протоку.

Полоска воды была чистой, утенок клювом доставал со дна корм, поглядывал на меня и прислушивался к крикам диких уток. Я долго наблюдал за ним, а потом, пригнувшись, потихоньку ушел за кусты талов и побрел домой...

На закате

Речка, солнечная-солнечная, узенькая-узенькая, как шарфик, вьется меж берегами. Снизу из воды всплывают пузырьки – светлые, словно бусы. Видно все до дна: вот стелется волнистая травка...проплывает стайка разноцветных рыбок... а вот два жучка-плавунчика с коричневыми спинками...

Вечером, когда солнце спускается за лес, в воде становится темно, рыбки начинают выпрыгивать из воды. Словно спрашивают: «Где же ты, солнышко?.. Почему стало темно?..»

Мы с бабой Лелей любим сидеть на дощатых мостках нашей речки Оша. И когда рыбки выпрыгивают из воды, я кричу им: «Вот оно, солнышко. Спускается за лес...»

А рыбки все равно выпрыгивают и выпрыгивают. Веселые круги волн разбегаются, переливаются то красными, то синими лучами. Красными – от зорьки, синими – от неба.

Я сижу, любуюсь, но бабушка Лела поднимается и говорит: «Пойдём, внучек, бурёнку встречать, слышишь – стадо идёт, телята мычат...».

4. БОСОНОГОЕ ДЕТСТВО

ПАСТУШОК

Не от бедности ума –
от богатства сердца,
он построил терема
сказок по соседству.
И учился он и рос
больше не по книжкам –
пастушком среди берёз
подростал мальчишка.
Зябкий кустик обнимал,
кланялся с зарёю,
и один лишь понимал
каждый вздох коровий.
Птицы, звери – навсегда
стали ему близки
и встречали, как вождя,
криками и свистом!
В царстве солнечном, в лугах,
где цветы в сто радуг,
понял он, как дорога,
Родина и радость!
В холод, слякоть или жару –
то в седле, то – пеший,
стадо гнал он поутру,
кнул свистел, как леший.
И в ненастье, хоть продрог
в шалаше из веток,
строил терем-теремок
из дождя и света!!

В ЛЕСОПОСАДКЕ

Майский лес-чародей
снова сказкою манит:
танец маленьких лебедей
вижу я на поляне.
Ёлочки в кружевных
юбках, нежно-зелёных,
стройные, на носках
приподнялись смущённо...
... Вот ударит оркестр –
ряд за рядом смешаются...
Только тихо окрест,
птахи лишь отлетают.
Ёлочки всё стоят
на одной ножке чутко...
Я, пацан, очень рад
этой сказочной шутке.
Затаившись, всерьёз
жду вступленье оркестра...
Свет ребяческих грёз
наполняет мне сердце.

МАЛЬЧИШКА БОСОНОГИЙ...

Просёлочной дорогой
к соседнему селу
мальчишка босоногий
шагает поутру.
Там – школа, и там в классе
ждёт парта и друзья...
Вслух вспоминает басню,
чтоб лучше рассказать...
В лесу прохладно, сыро,
с ветвей, как дождь, роса.
Цветы зонты раскрыли

и смотрят в небеса.
– Вот первый луч несмело
лист жёлтый обласкал...
Вот птичка зазвенела
и ветер заплескал...
И слышно: где-то в поле
грохочут трактора...
Всем существом доволен
мальчишка тот с утра!

САМАН

У соседей был саман
глиняный, как башня,
жил в нём Сашка-атаман,
мой кумир тогдашний.
Сколько зим прошло с тех пор?..
– Я приехал в отпуск:
а саман – осколком гор
светит в вечер росный!

БЕЛАЯ СОВА

Ночью белая сова
тоже стала чёрной,
машет крыльями едва,
в луг летит дозором.
Из норы полёвка вышла –
вниз, стремглав, сова – на мышку.

Играют дети в прятки,
грачи летят на луг...
Проклонился на грядках
в зеленых стрелках лук.
Дед ладит топориче
на лавке у крыльца,
а над скворешней свищут
два радостных скворца.
На кольях банки, крынки
искрятся, как слюда...
О чем-то о старинном
поют мне провода.

д. Старосолдатка

В КОШАРИНСКОЙ ЛЯГЕ

Лист первым цветом
зеленеет.
А на поляне, вдалеке,
косуля, хвостиком белея,
летит в стремительном
прыжке!
В мгновенье в ракете
исчезла,

блеснул пушистый
пяточок –
как пух лебяжий, как
подснежник...
И вновь – прыжок!
Ещё – скачок!

ЖЕРЕБЁНОК

Помню светлую речку и травы
на некошеном нашем лугу,
и мальчишек весёлых ораву,
раздевающихся на бегу.
Бултыхание, всплески и крики...
... Спутанная кобыла, а близь –
жеребёнок игривый и дикий
то сорвётся в галоп, то – на рысь.
Хвост трубой на ветру раздувая,
по лужайке ромашковой мчит...
Нас манила езда удалая,
вслед ему плыл ребяческий свист.
Жеребёнок был тонкий,
глазастый –
и, особенно, ноги стройны...
Через год его здешней медчасти
передали, в конце уж войны.

СТОЮ ПОД ВЕРБОЙ

Нежданный аромат с куста!..
Стою под вербой неприметной:
из каждой почки, в пол-листка,
флажок зелёный рвётся к свету!
А на поляне, меж берёз,
где ручеек журчит чуть слышно,
привстал подснежник, как вопрос:
Вновь тучка рядом – снегом
дышит.

Туманным рукавом накрыта
в мерцающей заре река...
С берданкой старой,
в ветках скрытый,
смотрю на плёс я из скрадка.
Невыразимо сладкий запах
над лугом плавает в тиши...
Вот чибис у ручья заплакал...
Вслед всполошились крякаши...
И куличок, взлетев с обрыва,
кричит отчаянно, навзрыд...
...А я – пацан ещё, счастливый,
тревог не знаю и обид.

ТРИШКИН УВАЛ

С детства я тебя познал:
лес на склонах, травы...
Возвышался ты, увал,
гривой величавой!
В согре, под горой, смородина –
запах чудный, запах Родины!

СОВЁНОК

Дикий лес с тропой
звериной...
Утопают ноги в мох.
Резкий, громкий клич
совиный
застаёт меня врасплох.
Рядом в веточках – совёнок.
Желторотый... Серый
пух!
На меня глаза спросонок
он тарачит: «Что за
дух?...».
Обхожу куст осторожно,
а сова над головой,
вниз срываясь с кликом
грозным,
кажет когти: «Кто
такой?...».

ВЕСЕННИЕ СПОРЫ

Вальдшнеп – лесной куличок,
квохчет над тихой поляной.
Красавец, драчун-петушок
кружит в рассвете туманном.
Маховых перьев изгиб
мерцает лучами...
Навстречу соперник –
бой в ярости сшиб
друг с другом их в споре вечном.

КРУЖИТ КОРШУН

Я вижу: кружит коршун серый
над кромкой овсяных полей...
Слежу за птицей взглядом верным,
иду тропиночкой своей.
Он круг за кругом, ниже-ниже...
Вот когти выпустил уже!..
И в сей момент птенца я вижу
в траве, на узенькой меже.
Бросаю в коршуна я кепку
и к птенчику скорей бегу...
Тот – желторотый, неокрепший –
как одуванчик на лугу.

ДОЛ

Полубил я с детства луг –
в нём траву косили.
Вился речки полукруг.
И стрижи кружили...
Собирала мать в подол
землянику красную...
Лишь позднее узнал, что
дол –
это луг мой ласковый!

ПЕРВЫЙ ВЫЕЗД

Осколки белых льдин на берегу
играют хрусталем, горят лучами.
Я, радостный, с веслом к реке
бегу,
сверкает лодка черными боками.
Мы с дедом конопатили вчера,
пазы кипящим варом пооблили...
И вот я в лодке и кричу: «Ура!...»
Гребу против течения что есть
силы!

Ромашковый луг, и гусята на нем.
Теленок на привязи бродит...
Галка с разлета, играя крылом,
пикирует – это к погоде.
Речки сплясшей большой
полукруг,
с песчаной косой и мостками.
Каскадами – брызги! Мелькание
рук,
с мальчишескими голосами.

РЫБАЦКОЕ СЧАСТЬЕ

Красно-розовый, пугливый,
в речку тычется закат...
Трое мальчиков счастливых
на больших мостках сидят.
Удочки к воде склонились,
чутко дремлют поплавки...
В лицах детских отразились
блики радужной реки.

ДОЖДЬ И МНЕ ЛИЦО ОМЫЛ...

Дождь летел, плясал и пел
меж берёз высоких...
Рад дождевикам чистотел
и овёс поблекший.
Куст смородины блестит
ягодой чёрной...
Чудо-радуга висит
в стороне озёрной.
Дождь и мне лицо омыл.
Солнышко вновь греет...
Жаворонок в небо взмыл,
рассыпая трели.

Два грача из старых веток
на березке строят дом.
Майский день над ними, светлый,
смотрит солнышком в гнездо...
Утомились... чистят перья,
к людям полные доверья!

Я ВИДЕЛ САМ

С красно-бурою окраской
на меже, где чистотел,
притаилась хитро ласка...
Глупый суслик осмелел.
Только вылез он из норки –
ласка хватить его проворно!

Удивила меня ласка!
А на вид зверек так ласков...

Под забором, где крапива да
лопух,
у крапивницы в гнезде уложен
пух.
Как в теплице, в этом крохотном
раю
три птенца тарачат клювы на
краю.
Желторотые, смешные враз
пищат:
*«Где ты, мама, прилетай
скорей назад!»*

В траве высокой и густой
поёт пчела о тёплом лете...
Плывёт малиновый настой
в сиреневом рассвете.
– О чём же плачешь, птичка ты?..
Гнезда я не затрону,
птенцам желаю подрасти –
взлететь в простор зелёный.
Я сам, как маленький птенец,
– голодный, босоногий...
И с фронта не придёт отец,
не стукнет у порога...
Листва над самой головой
лепечет...
Плачет птичка...
Я, конопатый и смешной,
вхожу в лес земляничный.

п.Береговой

Смотрю я с обрыва – до дна вся
видна!
А струйка ключа холодна-холодна...
Мелькнет то гольян, то карась зо-
лотой,
и всплеск разбежится веселой
волной.
Ах, Оша родная, моя ты душа,
как в летушко красное ты хороша!..
Мальчишки, как свечки,
с обрыва летят,
ромашковый луг, стайки желтых
цыплят...
Течешь из Тениса в Иртыш, в океан,
лугами, полями – и в дождь и в
туман.

5. ПТИЧЬИ ГНЕЗДОВЬЯ

Пушинка

В нашем пригоне, под самой высокой слегой, каждый год ласточки вили себе гнездо. Точнее, не вили, а как бабушка говорила: «Летили».

Где-то находили они глину, смесь из грязи, солому, веточки. Лепили старательно – и получался крепкий домик. А потом стенки и дно гнезда выстилали пухом, откладывали яйца и высиживали птенцов. И так – всегда.

Как-то я заметил, что у одной из наших ласточек конец хвоста с одной стороны короче другого. Запомнил. А на следующий год узнал, что у нас поселились старые ласточки. Невольно задался вопросом: как это, возвращаясь за тысячи верст, птички находят наш дом?..

В один из дней, когда ласточки носили в гнездо пух, я сидел на крыльце. Солнечный майский полдень ласкал лучами крышу нашей старенькой избы, во дворе вдоль забора приподнялись косички первой ярко-зеленой травы, разморенная деревенская тишина приглушила лай собак и крики петухов. Синее марево обволакивало небо. Вверху, над моей головой, моя приметная касатка затеяла игру. Она выпускала из клюва пушинку, делала плавный разворот и очень ловко подхватывала ее на лету.

К этой игре присоединилась и вторая ласточка. Забавно, красиво кружили они попеременно в вышине, не давая пушинке упасть на землю. Походило это на прекрасный танец.

Потом одна из них отнесла пушинку в гнездо, они уселись на проводе рядышком и весело долго щебетали. Я вслушивался в их щебет, и мне казалось, что я понимаю их радость.

Дачные воробьи

«Чив-чив-чив!» – доносится до меня в наступающем рассвете через открытую форточку дачного домика воробьиный голос.

«Жив-жив-жив!» – отвечает второй воробей.

Эта пара ютится под крышей уже третье лето. Знакомая чета. Воробьюху я узнаю по укороченному хвосту. Вот и нынче у них снова птенцы.

Прошло несколько минут. Воробьи вдруг вспорхнули и такой галдеж подняли, аж в ушах звенит.

«Чив-чих-быр! Чив-чих-быр!» – звенят их голоса. И эти крики давно мне ясны: появился враг. Выглянул в окошко – и точно. Большой серый кот крадется по дорожке, а над ним низко пикируют два бесстрашных воробья.

Кот удалился. Воробьи уселись над окном, спокойно чирикают-беседуют, переступают по жести ножками. Слышно, как стучат коготки. Вот один из них (по голосу различаю – самец), крикнув: «Чив-чив!» – полетел за червячками. А воробьюха осталась у гнезда на страже.

Вернувшийся вскоре воробей влез в гнездо – и там такой писк подняли маленькие птенцы, хоть уши затыкай. Прожорливые, никак не поделят корм. Затем улетела воробьюха. Вернулась – и снова ужасный галдеж в гнезде.

Так поочередно воробьи целый день носили корм. Неустанно пищали птенцы.

В обед я прилег под яблоней на раскладушку и стал читать газету. И снова услышал воинственный клич воробьев: снова какая-то опасность. Осмотрелся – и вижу на телеграфном столбе чёрную ворону, а над ней снуют шустрые воробьи. Взъерошенные, смелые, они с лёта почти касались врага. Да, вороны для них, особенно для птенцов, очень опасны.

Улетела ворона, а уставшая парочка уселась на провода. Чистят клювами перышки в крыльях, чирикают, хвалят друг друга. Самец аж хвост распустил веером и подпрыгивает: боком-боком, вплотную к самочке. И клювом в клюв поцеловал свою подругу.

Птицы, занесенные в Красную Книгу

Салсан

Орлан-белохвост

Беркут

Стрепет

Аист

Саяки

Я улыбнулся птичкам и продолжил читать свою скучную газету, а перед глазами в памяти вставали то пара воркующих знакомых голубей, то дружное семейство скворцов, то стайка диких уток...

Воробьи что-то снова зашумели, всполошились, но тут же успокоились. Наверное, ложная тревога. А может, вдалеке промелькнула новая беда. И я невольно шепчу:

«Мир вам, мои дружные соседи. Покоя и любви. И чтобы поскорее подрастали ваши детки...».

Соловей «Варакушка»

Жизнь непредсказуема. Пришлось мне бывать во многих уголках нашей необъятной России. Под Ленинградом и в Иркутске, на Кольском полуострове и на Кавказе, в Абакане и на Саянах, на Черном и Азовском морях. Всюду – удивительное многообразие природы, встречи с сотнями зверей и птиц.

Певчие птицы – особая достопримечательность любого края. Соловей среди них – на первом месте. В общепризнанном понятии соловей – птица внешне неприметная, серенькая, неказистая. Окраска крыльев и хвоста – светлая, верх и бока покрыты буровато-коричневыми перьями, низ – темно-серый. Это – обыкновенный соловей, встречающийся по всей России. Поёт чисто, громко, прозрачно – на 8-10 колен.

Кроме этого всеми признанного солиста, есть еще в разных краях семь видов соловьев, уступающих в силе и красоте голоса, но имеющих яркую, бросающуюся в глаза окраску. Так, синий соловей встречается повсеместно на юге Сибири и Дальнем Востоке. Спина у него темно-синяя, перья хвоста и крыльев также синего цвета. Грудка и низ – белые. В других местах встречается соловей-свистун. Есть южный соловей и другие разновидности.

Мне всех ближе соловей-Варакушка, живущий во многих областях Сибири. Эта порода знакома многим. Когда я рос в деревне, мы почему-то звали варакушку – «крапивницей». Самец Варакушки особенно наряден: грудь у него ярко-синяя, снизу рыже-черная полоска, посредине зоба рыже-белое пятно. И хвост такой же рыжий, с черными полосками. Очень мне нравилось, как Варакушка подражает громким трелям скворца и других птиц. Его голос вмещает в себя звон весенней капли и напев ручейка, шелест листьев березы и свист ветерка. В песне Варакушки мне слышится особая нежность и чистота окружающей природы. И моя любовь к этому соловью с детских лет осталась на всю жизнь.

Теперь в городе, когда я приезжаю на дачу и вечером на закате отдыхаю на раскладушке под деревьями, ко мне подлетает соловей-варакушка, садится на нижнюю ветку и начинает распевать. Вначале тихо, осторожно. Затем все звонче и раскатистее. Очаровательные трели возвращают меня в детство, на луга и поля – в сказочное царство деревенского лета. Для меня Варакушка – родной. Он – соловей Сибирского края.

В сорочьем гнезде

Прошедшая зима была многоснежной, и весенние паводки залили низины, луга, болотца. Найти пятачок сухого места в лесу, на разливах, в согре – целая проблема. Особенно для кряковых уток, первыми откладывающих яйца, когда еще в кустах кое-где лежит не растаявший снег.

...Как-то вечером, возвращаясь с дальней рыбалки, я, пацан, присел на кочке возле одной болотины. Отдохнул. Собрался уже подняться и двигаться дальше, как невдалеке из сорочьего гнезда выскользнула утка. Гнездо расположено примерно в трех метрах над водой, в таловом кусту. Слетев, кряква скрылась на мелководье. Ясное дело: решила подкормиться.

О том, что кряквы гнездятся в разных птичьих гнездах и даже в дуплах деревьев, я слышал не раз от деда Ипата, а вот увидеть самому пришлось впервые. Глубина воды – более метра, и посмотреть поближе гнездо мне не удалось. Уже в темноте, придя домой, рассказал соседу Ипату об увиденном и спросил его о будущем птенцов.

– А как утенок, вылупившись из яйца, прыгнет на воду с такой высоты? Ведь разобьется несмышленьки?

Дед Ипат усмехнулся, сказав, что это невысоко. Но добавил:

– Мать есть. Крякуха возьмет каждого малыша в свои лапы и, осторожно взлетев, перенесет его куда надо.

На этом наши разговоры и кончились. А еще через месяц, проходя мимо, я заглянул на болотце. Вода явно убyla, но среди кустов ивы красовалось маленькое озерцо, посредине которого плавала стайка утят, возглавляемая знакомой кряквой. Ивы ярко зеленели густой листвой, в воде наперебой квакали лягушки, у берега летали стрекозы и бабочки. В одном месте из воды проросли большие желтые цветы, утята гурьбой приплыли к ним и склевывали с листьев разных мошек. Я стоял невдалеке, закрытый кустарником, и еще долго с восхищением любовался желтенькими существами.

Примерно через месяц зашел снова. Болотце почти все высохло и было пустым. Однако не более чем в километре отсюда есть озеро. Туда и ушла птичья семья...

Давно это было, более полувека назад. Давно нет и деда Ипата. Из мальчишки я сам стал дедом-охотником. И чего я только ни повидал на белом свете. Та же утка-гоголь, очень неповоротливая на суше, высиживает утят в дуплах. Наблюдал, как не только утки, а многие другие птицы в лапах переносят птенцов, учат их нырять, летать, искать корм.

5. ГОЛОСА ПТИЦ

ВЕСЕННЕЕ УТРО

В полях – синё!..
 За дальней городьбой
 большой простор клубится пред
 глазами!
 На гриве трактор свежей бороздой
 ползёт... луг – стадо... клич под
 небесами...
 То гуси-лебеди спешат домой,
 на Север дальний, в выси
 голубой...

СОКОЛ

В небе чистом, синеоком –
 круг за кругом, чертит сокол...
 Как стрела, промчался вниз
 сокол – голубятник,
 птицу над рекой настиг,
 сбил – пух вьётся ватой!

ГАЛКА

В тёмной шапочке ворсистой,
 с опереньем ярко-чёрным,
 как воришка – в гнёзда птичьи
 лезешь к деткам безнадзорным...
 Ах, проказница ты, галка,
 как птенцов чужих не жалко?!

АИСТ ЧЕРНЫЙ

Аист черный – джентльмен
 в горделивой позе,
 ждешь от жизни перемен,
 и дождешься, может?
 Фрак блестящий жениха,
 белая сорочка...
 Ах, судьба твоя лиха,
 как у многих, впрочем.
 В Красной книге ты теперь
 смотришь со страницы...
 Человек – совсем не зверь,
 но исчезла птица.

КРОНШНЕП

Весь вечер над пустынным
 плесом,
 над болотиной луговой
 летает кроншнеп... И вопросом
 мне слышен птичий крик
 большой.
 То с куличком вдвоем поплачут,
 то к чайкам ближе подлетит,
 то ввысь взметнется наудачу –

и зов печальный рвет зенит.
 ... И я – один на берегу –
 ему ничем не помогу.

САПСАН

С острыми крыльями, как
 реактивный,
 сокол промчался в тиши.
 Кряковый селезень плюхнул на
 лыву, –
 ныр – и ушел в камыши.
 С белым брюшком, отливающим
 медью,
 сокол сапсан в вираже
 выпустил когти и, скорость
 замедлив,
 чиркнул по волнам уже!

ПУСТЕЛЬГА

Юркий сокол-пустельга
 вмиг завис в полёте,
 смотрит зорко на луга:
 мышка там в дремоте.
 К солнцу вылезла из норки –
 её видит сокол зоркий!

СОРОЧОНОК

Терновый кустик в тишине
 шуршит,
 и ярко-жёлтый светится
 горошек.
 У сорочёнка несчастливый вид:
 нахохлившись, сидит он, всеми
 брошен.
 Ползёт всё выше солнышко в зе-
 нит.
 Жара... Ни ветерка...
 Притихла роща.
 Поляна в полудрёме сладко спит.
 Лишь сорочёнок кыркает и роп-
 щет.

КУРОПАТКА

Шёл я полем возле леса
 и почти у самых ног
 вдруг увидел интересный
 с серым пухом бугорок.
 Вот головка, клюв –
 о, Боже,
 вижу птицы робкий взгляд...

Здесь гнездо!..
 И осторожно
 отступаю я назад.

СЕРАЯ ЦАПЛЯ

Высокая птица – серая цапля
 на длинных и тонких ногах
 так ловко клювом рыбок цапает
 из речки, на чистых ключах.
 Важно ходит по белой косе...
 Солнце играет на влажном песке.

КАЗАРКА КРАСНОЗОБАЯ

«Кли-кли-кли!..» – кричит казарка
 одинокая вдали.
 Лёд да снег...
 Признаюсь: жалко
 птиц пролётных мне с земли.
 Гонит резкий ветер к югу,
 разрывая в сотый раз
 клин уставший.
 Друг за другом
 стаи мчатся в небесах.
 А к казаркам краснозобым
 интерес у нас особый.

ПISКУЛЬКА

Гусь-пискулька, белоблик
 пролетает рядом, низко.
 На посадку вновь заходит
 над равниною искристой.
 И кричит призывно, тонко:
 слышу клич – как плач
 ребёнка.

СТРЕПЕТ

Стрепет – мелкая дрофа,
 с опереньем пёстрым,
 но быстрее петуха
 пробегает вёрсты.
 Длиннонога и стройна,
 словно ветер, мчится.
 Ей трава и степь нужна –
 в озими гнездится...

САВКИ

По-над озером сделавши
 круг,
 в чучела опустились две савки.
 Безбоязненно смотрят вокруг
 две красавицы – утки, две
 самки...
 Полыхает на плёсах весна
 зоревыми, живыми
 лучами.
 Где же селезни?
 Чья же вина,
 если птичья любовь
 отзвучала?
 Кто придумал охоту
 весной?..
 Замер я, задохнувшись
 виной.

БАЛОБАН

Рыже-бурый великан,
ты похож на беркута.
Ты – последний могиқан
птичьего бессмертия.
Чем же ты не угодил
человеку ныне?
Гордо в небесах парил –
и куда-то сгинул.
Как боялись суслик, мышь –
если был ты рядом...
А теперь – над полем тишь,
грызунам на радость!

ЧАЙКИ

Весенним, ярким солнцем
обласкана река.
В ней с самого-то донца
всплывают облака.
Вдоль берега – лужайки
с зелёною травой...
На что вы, чайки, жалуетесь,
крича так надо мной?

КОЗОДОЙ

Бекал, плакал козодой
в тальнике полночном.
Тьма казалась мне бедой
в этой мокрой роще.
Отсырел костёр, угас –
словно свет улитки.
За ночь не сомкнуть мне глаз –
я промок до нитки.

ЯСТРЕБ

Ястреб крылья расправил,
над поляной парит.
Смотрит влево и вправо –
спать мышам не велит
Машет крыльями редко...
На мгновенье – завис.
Ясно: что-то приметил –
камнем падает вниз!

ХРОМОЙ КУЛИК

Лес обнажился...
Стынут дали
с поблекшим лугом за рекой.
Хромой кулик, отстав от стаи,
всё кружит, плачет надо мной.
И вот на отмели песчаной,
где в волнах плавится закат,
между камней исчез печально –
сам будто в чём-то виноват.

ВЫПЬ

В предутренней дымке, в
холодной заре
иду по болоту в большой кочкаре.
Осока, камыш – ветка это иль
клюв?..
Бекас вылетает, в сторонке
мелькнув.
Но профиль заметный сквозит
в камыше:
вот крылья... вот ноги...
И смутно в душе.
Ведь я же охотник – меня ль
удивить?..
Всё ближе и ближе – да это же
выпь!

ДРОЗД

Дрозд-рябинник...
Хитрый дрозд
любит ягоды в мороз.
В ветках снежных утром синим
он клюёт в саду рябину.
Розовеют ягод гроздь –
в них от солнца свет морозный!

ГРОЗНЫЙ ГОСТЬ

Коршун, разомлевший от жары,
снизив круг, на старый пенёк садится.
Клюв открыт... Как искорка грозы,
огонек в глазах его тается.
Задремал... Нахохлился... Застыл...
Пленка на глазах... Разжались
когти...
Птицы, наблюдая сквозь кусты,
чувствуя подвох – притихли,
смокли.

На заснеженной полянке
там и здесь – повсюду ямки.
Кто в них прячется, живёт?
Вижу крыльев росчерк – взлёт!
Ну, всё ясно: куропатки
спали в них, играли в прятки.

ГОРЛИЦА

Многоцветный веер перьев
с белым пятнышком хвоста...
Различаю меж деревьев
горлицу я у гнезда.
Она кормит своих деток...
Тихо дремлет полдень летний.

СНЕГИРИ

На снегу полоской ярко-алой
высветились грудки снегирей.
Конопля вдоль берега осталась,
и её осыпал суховей.
Пар морозный с полыньи слетает,
и белеют дали Иртыша...
Снегири весёлой, дружной стаей
кормятся за кромкой камыша.

ТУРПАН

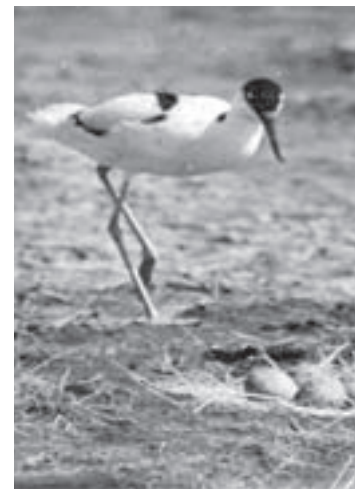
Чёрный, словно смоляной,
сел на плёс ко мне весной.
Статный, мощный и красивый,
с алым отсветом бровей –
он плывёт и горделиво
вдаль кричит любви своей.
...С белым зеркальцем на крыльях,
турпан снова мне приснился.

КРЯКВА

В камыше болотистом, густом
светит озерцо – с ладонь, не более.
Кряква плещется- её здесь дом.
Хорошо ей летом на приволье!
Но сегодня первый злой мороз
льдом сковал камыш и озерины.
Клюв у кряквы в инее, замёрз.
Лапки красные ко льду пристыли.

СКОПА

Небольшой и юркий ястребок,
с чёрною полоской на груди,
мчит от озера, наискосок.
Два стрижа отстали позади.
Вижу когти и добычу в них:
серебрится чешуёй карась.
Просвистел разбойник – смел и
лих,
меж деревьев в роще растворясь.

ЛЫСУХА

На речной протоке – глухо,
близко нету ни души.
Тенью лёгкою лысуха
раздвигает камыши.
Чёрная, как смоль, над клювом –
белая пролысина.
Вслед кувшинка шевельнулась,
разглядеть – немыслимо!..

СОЙКИ

Перья – дыбом на головке,
крылья в чёрно-голубом.
Состязаются в сноровке –
расклевать орех вдвоём!
А сегодня, наблюдаю –
их собралась сразу стая.

6. НА РЕЧНЫХ БЕРЕГАХ

Река моего детства

...Залитый половодьем луг в лучах весеннего солнца, с чаечным восторженным криком и звонкой пере-

кличкой куличков, распахнут морем на километры. Высокий обрыв речки Оша. Ласточки и стрижи проносятся над водой так низко, что, чиркнув по сини, оставляют радужный свет в маленьких разбегах волн. Влажные запахи исходят от земли, щекочут мои ноздри. Прет тонкая, зеленая трава, вспыхнули первые цветы! Где-то близко звенит мелодично жаворонок, и вдруг различаю заоражающий, печальный журавлиный крик...

... Речка Оша – одна из двух тысяч малых рек Омской области. Берет начало из озера Тенис Крутинского района, проходит через Тюкалинский, Колосовский, Знаменский районы. Сотни раз я бывал у ее начала в селе Усть-Логатка, приезжая на охоту и рыбалку. У крайнего дома, где живет мой даль-

ний родственник Михаил Петрович, у самых ворот ограды я сталкивал лодку на воду. Налево – протока на озеро, направо – мост, и под ним шлюзы, начало реки. День и ночь журчит, свистит, булькает, о чем-то разговаривает сама с собой Оша...

... Часто бываю в деревнях, что стоят на берегах реки. После Усть-Логатки, через 6-7 километров, к речке прилепилась маленькая деревушка Конкуль, перед которой обширный заливной луг, обрамленный лесом. Здесь много рыбы, птицы, зверья. И здесь я увидел впервые на воде десятки кувшинок, которые позднее встречал редко...

... Следующая деревня по течению реки – Хутора. Вокруг – березовые перелески, осиновые рощи и ивняковые заросли...

... А далее по пути – деревня Кумыра, где родилась моя мать. Я любил бывать в Кумыре, особенно нравились мне ее луга. В лесах много куропаток, тетеревов...

... Течет река, извивается, огибая увалы, пересекая леса. За косогором неожиданно открывается село с одноименным названием – Оша...

И снова река убегает в туманный луг, выгибается подковой, спешит дальше. ...И вот уже и моя деревня Старосолдатка, улица вдоль берега и наша изба у самой воды...

... Мальчишкой все свое свободное время я проводил в лесах и на озерах. Это определило мою особую любовь к природе на всю жизнь. На рыбалку и охоту я уходил по течению до деревни Савиново, иногда до Карбаиновских лесов. Ивовые рощи сменялись березовыми гривами, внизу под увалами темнели звериные согры. Случались и такие встречи...

... Когда стал взрослее, появились первые раздумья о жизни, о природе, о моем отношении к родному краю...

... А в зимние дни, проходя через речку в школу, я подолгу разглядывал дымящуюся прорубь...

... Особенно меня восхищали роднички...

... Закончив среднюю школу в 1953 году, я уехал в город. Учился, работал, женился. В отпуск приезжал к матери с сыном и дочерью. Все менялось в деревне в худшую сторону. И река Оша обмелела, помутнела. Иногда походила на грязный ручей. Плотины и дамбы рушились, исчезли старые мельницы, вдоль реки по берегам вырубали леса. А колхозы и совхозы сплошь строили скотные дворы у самой воды, устраивали свалки мусора и удобрений, вливая в речку потоки грязи и отравы...

... В Колосовке началось строительство маслозавода без очистных сооружений, в других районах на берегах реки разместили стоянки сельхозтехники, и в речку всюду стекали грязные ручьи.

В один из приездов в родное село я написал горькие строки...

... Приезжая на родину снова и снова, я уходил подальше от деревни, искал свежие, некошенные поляны, сидел часами у чистых ключей речки. И, обретая уверенность и спокойствие, возвращался в материнскую избу...

... Сегодня во многих местах на берегах Оши люди спохватились: как сохранить природу, оградить ее от бюрократов, чиновников, всех нечестных людей?.. Особенно от приезжих рвачей, которые ради ежеминутной выгоды губят вечную красоту Матери-Природы. Старожилы этих мест, помнящие полноводную и светлую Ошу, и первые фермеры делают все возможное для спасения реки. Даже юннаты некоторых школ начали сбор средств на очистку реки.

И как их всех не понять?.. Ведь малые речки, сливаясь, образуют великие сибирские реки, а малые уголки родных мест, соединяясь, создают великую Родину-Россию. И в любом возрасте мы вновь и вновь возвращаемся мыслями и сердцем к истокам наших рек, полей, лесов – к Природе, которую полюбили в детстве на всю жизнь...

P.S. За последние годы мне много раз довелось бывать у истоков реки Оша, в районе Усть-Логатки. Я стоял у озера Ачикуль на дамбе, из-под которой вытекала река, и вспоминал все свои 67 лет, связанных с родными местами. Нынче от первой деревни Колькуль осталось всего два дома, очень поредела и Кумыра, речка стала

походить на ручей. Но в прошлом году, при весеннем половодье, река разлилась и набрала силу. Из Иртыша на нерест пришло много белой рыбы. В конце декабря ко мне зашел мой старый знакомый, заядлый рыбак Михаил Филиппов. Он сказал: «Недавно был в твоих родных местах, возле Старосолдатки, рыбачил на блесну щук. Завтра еду снова». И я вспомнил детские годы, светлые, чистые воды реки Оша, где ловилась всякая рыба. И подумал: «Нет, река Оша жила, живет и будет жить...».

В НЕКОГДА РЫБНОМ КРАЮ

Передо мной на рабочем столе – журнал «Земля сибирская, дальневосточная».

«Тарский округ – наш с вами край, Березовский округ тоже не чужая сторона...» – так в журнале начинается очерк о Ханты-Мансийском рыбзаводе, где Владимир Чешегоров подробно знакомился с работой рыбаков, их нуждами. А ситуация уже на 1990 год там была плачевной. Завод – самый большой рыбопромышленный центр Западной Сибири, северная столица иртышских рыбаков, выдавал ничтожно малое количество продукции.

В очерке Вл. Чешегорова поднимались главные проблемы рыбного хозяйства нашего Прииртышья, в основном, рыбозаводов. Если в 1990 году омские рыбаки поставили на общественный стол 1600 т рыбы, то в 1992 г. – только 725 т. Если Тарский рыбозавод в 1990 г. выдал 80 т продукции, то в 1992 – 31 т.

Остальные заводы сработали так:

Крутинский – 230 т, Тевризский – 292 т, Омский – 166 т. Комментарии к этому излишни. Это с одной стороны. А с другой – обмеление и гибель наших рек и озер. Выскажу свои соображения на этот счет.

Около 50 лет своей жизни я провел на реках и озерах Прииртышья. Мальчишкой, в годы войны, рос в северной деревне Старо-Солдатке, что на речке Оше. Была у нас плотина. Водились щука, окунь, карась. Вокруг деревни – десятки озер, а два из них – Буслинское и Чертайлинское – особенно большие, где попадалась очень крупная рыба. А раз много озер, то через двор жили рыбаки-охотники. В нашей деревне, как и в любой соседней, были профессиональные рыбаки – они так и числились в колхозах, получали куцые трудовни, но дело свое знали и

круглый год сдавали в колхозную контору свежую рыбу. Чего только у них не было. И разные сети, и гольянки, и ряжовки. Причудливые венгеря и сачки. А сколько всевозможных мордушек плели из ивовых прутьев! На зиму копали на озерах ямы, а зимой, сделав проруби, сачками доставали рыбу и целыми коробами везли в деревню.

Мы, пацаны, сами многое умели, и на наших столах всегда была свежая рыба. Мне, наверное, повезло больше, чем другим мальчишкам. Через три избы от нас жил маститый рыбак – дядя Паша – «летчик». Так его прозвали за излишнюю мечтательность. Летом – с тележкой, зимой – с санками он постоянно с утра отправлялся на озера. Часто брал и меня с собой. Я наблюдал, как он умело ставил сети, проверял мордушки. Летом, в жаркую пору, рыба шла в камыш, под лавду – в мордушки. И когда у всех в сетях было пусто, мы с дядей Пашей привозили по несколько ведер рыбы на радость всей округе, он раздавал ее по самой низкой цене, а иногда «за спасибо».

Вечерами дядя Паша вязал сети, рассказывал всякие истории и, подмигивая мне, говорил: «Учись, учись – на-следуй!» Длинная самокрутка дымилась даже тогда, когда он дремал, поэтому его усы и борода были желтыми, слегка подгоревшими.

Это было в 1940-50 годах. Теперь, в последние годы, приезжая в Старо-Солдатку, не узнаю родных мест. Леса поредели, речка Оша обмелела, воды в ней – воробью по колено. Тех старых рыбаков давно нет, а молодежь, встречая, сетует:

– Вот Сарыбалы – отдали заводу им. Карла Маркса, а Чертайлы – агрегатному заводу. Нас, местных, туда не пускают...

На Буслах – тоже приписное хозяйство. Нельзя. А мелкие озера вытравлены. На озере Долгом совхоз несколько лет держал уток, и сейчас там вся рыба глистовая. На озере Травное замор был – рядом ссыпали химические удобрения, несколько тонн. Снег растаял, и все в озеро ушло. Сейчас иногда в нем попадают в сети отдельные карасики, но все какие-то уродливые. То слепые, то с плоскими головами, а то с язвами на боках. Озеро Двuoзерки обмелело и заросло камышами. Животное – уже лет 15 – как болото с осокой...

Вот такие невеселые рассказы слушаю в родной деревне, да и то же самое творится везде по области. И виновных найти невозможно, да их и не ищут, а если находят – не наказывают.

Занимаясь в основном охотой, я изъездил область вдоль и поперек. Бываю в соседних Новосибирской и Тюменской областях, в Казахстане. У меня 30 рыбацких сетей, летние и зимние удочки. Как охотник, беру всегда пару сетей в зависимости от размера рыбы, смотря куда еду. Если на Алаботу – одни, на Тенис – другие. За последние 50 лет я бы мог дать исчерпывающую справку о состоянии рыбных запасов во многих местах. Я ставил сети ночью и проверял их во тьме на громадных озерах, проводил бессонные ночи у костра с рыбаками. И не с чужих слов, как это делают журналисты, а из собственного трудного опыта знаю настоящую картину сегодняшнего дня. Знаю, но не могу дать ответа на многие вопросы... (продолжение на стр. 32)

6 ЛЮБИМАЯ РЕЧКА

Шёл я лесом, шёл –и полем...
 Узнавал места – был рад
 подышать забытым вволю!!
 Вышел к речке наугад.
 «Динь-динь-динь!» – звенит
 пичуга.
 «Звень-звень-звень!» – с ветвей
 роса...
 ... Фыркнул трактор, и за плугом
 зачернела полоса.
 Прохожу среди деревьев
 к чистой заводи речной.
 Куличок в цветистых перьях
 взмыл ракетой надо мной!..
 На воде голубоватой
 резкий всплеск – круги бегут...
 Как любили мы, ребята,
 приходите сюда на пруд.
 «Здравствуй, речка, рыба, птицы!»
 Всем любовь вам да совет...»
 – А вода у ног струится,
 шепчет: «Где был столько лет?!»

Над поляной пар тёплый струится
 и две бабочки кружат вокруг,
 и одна на рукав мне садится...
 Мир проснулся!..
 Ликует весь луг!

ПЕРВЫЙ ВЫЕЗД

Осколки белых льдин на берегу
 играют хрусталем, горят лучами.
 Я, радостный,
 с веслом к реке бегу,
 сверкает лодка черными боками.
 Мы с дедом конопатили вчера,
 пазы кипящим варом пооблили...
 И вот я в лодке и кричу: “Ура!..”
 Гребу против течения
 что есть силы!

МАЙСКАЯ СИНЬ

Ранний сумрак вечер нежит,
 тёмно-синим воздух стал.
 Фиолетовый подснежник
 тёмно-синим засиял.
 Всё покрылось тёмной синью:
 синий луг и синь-река.
 В облаках просветы линий
 слились в отсвет василька.
 Вечер майский тёмной синью
 луг и лес и небо вымыл.

РОДНАЯ СТОРОНА

Обмелели берега
 Оши – узкой речки...
 На лугах видны стога,
 дым костра – колечком.
 Ивы у пруда грустят,
 заросли дорожки...
 Провода вверху звенят
 песнею тревожной.
 Скотный двор и городьба

бедных огородов...
 Брошенной стоит изба –
 в окнах тени бродят.

Красно-розовый,
 пугливый
 в речке плещется закат...
 Трое мальчиков
 счастливых
 на мостках в тиши сидят.
 Удочки к воде склонились,
 чутко дремлют поплавки.
 В лицах детских
 отразились
 блики радужной зари!
 СУМРАЧНЫЙ ВЕЧЕР
 Из небесной прорехи
 сыпанул льдистый дождь...
 Леший с громом проехал –
 и мурашками
 дрожь.
 Ещё август, до снега –
 «сотни вёрст до небёс»...
 Гром скрипучей телегой
 канул в сумрачный лес.

НА РОДИНЕ

Я шёл по жизни беззаботно,
 и путь казался без конца...
 Очнулся: отчий дом,
 ворота,
 стою один я у крыльца.
 Дверь заколочена.
 Ступени
 крыльца подгнили.
 Дом – как склеп.
 Цветёт у окон куст сирени,
 а я седой, полуслеп...
 Встречай меня,
 Старо-Солдатка!
 Твой свет позвал из
 темноты,
 ты детство нянчила когда-то,
 здесь для меня цвели
 цветы.
 Те годы песней лучшей
 были.
 А старости – не обойдёшь...
 Шепчу себе: цвело,
 любилося!
 Но и тоску лишь здесь
 поймёшь.

ПОЛОВОДЬЕ

По речке Оша, солнышком
 сверкая,
 плывут и бьются голубые
 льды.
 Я на одной из льдин
 шестом толкаюсь –
 и мой восторг из сказочной
 мечты!
 А надо мною чаек клич
 призывный.
 А в окнах изб искрят,
 горят лучи.

Плыву!
 Нет ничего прекрасней в
 жизни.
 Река и лёд.
 И сердце – так стучит!

ЧУДЕСНЫЙ ВЕЧЕР

Трава у берега да ряска,
 и холод в синей глубине...
 А вечер тих, задумчив,
 ласков –
 вновь вижу рыбок я на дне.
 Карасики все с
 золотинкой –
 играют стайкой,
 мельтешат.
 И пузырьки от губ
 икринками,
 сорвавшись, вверх ко мне
 летят.
 С мостков любуюсь этим
 чудом,
 и золотистый видя свет,
 вновь наполняюсь нежным
 чувством
 к реке, которой лучше нет!

ОМУТ

В нашей речке, не секрет,
 не один есть омут...
 Я люблю встречать рассвет
 под обрывом тёмным.
 В яме, где круговорот,
 с голодухи щука
 на блесну всегда берёт –
 вот такая штука!

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Навстречу светлая излучина
 блеснула в ивняке густом...
 Звёзд близких россыпь – словно
 лучики,
 в воде играют под кустом.
 Постелью стелется волнистою
 осока.
 И над ней – туман...
 Как покрывало светло-чистое,
 волной течёт к моим ногам!

Я – СЧАСТЛИВЫЙ !

Туманным рукавом накрыта
 в мерцающей заре река,
 лучи просеивают в сите
 оранжевые облака.
 Невыразимо сладкий запах
 над лугом плавает в тиши...
 Вот чибис у ручья заплакал...
 Вслед всполошились крякаши...
 И куличок, взлетев с обрыва,
 кричит отчаянно, навзрыд...
 А я стою – такой счастливый,
 тревог не зная и обид.

АМУРСКИЙ КАРАСЬ

Сети по воде стоят углом.
С лодки ботом бьём,
плывём зигзагом,
загоняем рыбу мы с
дружком.
Только не идёт карась, как
надо.
В сторону прорваться
норовит,
от сетей под лодку аж
уходит...
Час-другой, а рыбку не
словить.
Вот такая хитрая порода!
Браконьерство он не
признаёт,
но на удочку – с лихвой
идёт.

ПОДВОДНЫЕ ТРАВЫ

Рдест курчавый,
роголистик,
элодея – их в пруду,
в водах тихих, сонных,
чистых
на рыбалке я найду.
Вот и хара, телорез...
Вижу весь подводный лес.

Завешаны зеленым хмелем окна,
и облепиха дремлет у ворот...
От зноя день затих... Плывут
волокна
прозрачных облаков... А высь –
поет:

в ней – жаворонка голосок
беспечный,
в ней – грусти журавлиной оклик
вечный!

РОБОСТЬ

Смущаюсь я порою, даже
слишком.
Не то, чтобы боюсь – а робость
есть...
Я битым был:
больших и малых шишек
в моей судьбе, пожалуй, и не
счесть.
Ах, это чувство вечное –
сомненье?!
... А вдруг ?.. А если буду я не
прав?
Весна!!.–
И всё прощает нам вселенная:
звенят ручьи и всюду зелень трав.
Лицо подставив солнчному
ветру,
вдыхая запах утренних полей,
иду тропинкой в тишине
рассветной...
– Хочу я стать смелее и добрей!

НА РЫБАЛКЕ

Тучи-клубом...
Гром, сорвавшись,
покатился по лесам,
гул за согрой отозвался –
и развёрзлись небеса.
И такой ударил ливень,
что не видно в трёх шагах...
Жмут ручьи вприпрыжку к
лывам,
Ветер стонет: Ох!.. да –Ах!..
И машины на дороге
взнут и в кювет скользят...
Рыбаки бегут, продрогнув,
под берёзы встать спешат.
Двум мальчишкам – рыболовам
не пришлось язей поймать...
Гром с утра гремел, готовый
в речке рыбу распугать.

ОЗЕРО ДОЛГОЕ

Моя живительная чаша,
светлейшая!..
Мне пить и пить
глотками
зори непогашенные,
из детства
в старой лодке плыть.
... Стою в корме,
шестом толкаюсь –
босой мальчонка –
в восемь лет,
как драгоценность выбираю
в сетях рыбешку –
ярок цвет!
Карасики,
то с золотистой,
то с серебристой чешуей,
а сеть вся
в капельках искристых.
И чайки вьются надо мной...
А вечером
с берданкой старой
сiju в скрадке
и долго жду,
когда сплывутся утки в парах
– и ствол за ними я вожу!..
Я возмужал здесь,
вырос смелым,
здесь строил сказочный шатер.
И сильный духом,
крепкий телом,
шел бедам
всем наперекор!..
Теперь, устав от гула,
пыли,
спешу из города сюда,
где с детских лет
мне полюбилась
твоя чистейшая вода!

КОРОСТЕЛЬ

Этой ночью в огороде
коростель поёт, звенит.
И с ума собаку сводит
птичий крик.
И пёс скулит...
За плетнём – река с осокой,
в дымке – рощи полукруг.
Смотрит месяц ясным оком
на туманный белый луг...
Я не сплю,
ведь птичий крик
в форточку мою проник.

7. КРАЙ ОЗЁР

В НЕКОГДА РЫБНОМ КРАЮ (начало на стр. 29)

До каких пор наши промышленные предприятия, да и не только промышленные, будут травить рыбу, птицу, зверя – всю живую природу?

Почему наш сеятель и хранитель, крестьянин, который нас кормит хлебом и поит молоком, живя на берегу реки или озера, не имеет права ловить рыбу лишь потому, что озеро кому-то приписано, или потому, что в это озеро запустили (вроде?) пелядь или карпа, хотя эту рыбу в сетях никто и не видел?

Почему продукцию рыбных заводов мы, простые жители г. Омска, не видим в магазинах? Крутинский завод вырабатывал ежегодно 500 т копченой и пряно-соленой пеляди. Где она? А эти сказочные осетры, нельмы, стерлядь – с Тарского и Тевризского заводов – куда же уплывают они? Кто из омичей их видел на прилавках? Как Любинская сгущенка, Лузинская тушенка, так и лучшие сорта рыбы исчезают бесследно где-то на стороне.

Я мог бы задать еще десяток вопросов, но боюсь, что все они останутся пока без ответа. И все же, говоря о прошлом, богатом прошлом Прииртышья, можно и нужно верить в его будущее!..

Впервые по-настоящему с рыбным богатством Прииртышья я столкнулся в 1959 году. Работая в Тюмени инструктором обкома профсоюзов госторговли и потребкооперации, я получил командировку в Ханты-Мансийск, где также познакомился с рыбозаводом. Но, в отличие от Чешегорова, меня пригласила рыболовная бригада из поселка Кондинска на рыбалку.

Было это в мае. Протоки и старицы, заливные луга, заполненные половодьем, походили на огромное море, залитое ярким солнцем. Стаи лебедей, гусей, уток кружили в небе. Звон последних льдин, рассыпающихся в воде на мелкие искрометные кристаллы, плеск волны о борта баркасов, потоки воды, устремленные на Север, – все говорило о близости океана, во всем чувствовалось дыхание дикой природы. Я выбирал из сетей рыбу и не верил своим глазам. Ярко-красные, синие, желтые блики играли на окунях, осетрах, нельмах, щуках, линиях, стерлядках...

Но преобладали светло-белые тона сырка, ряпушки, муксуна, сороги, пыжьяна, язей, сазанов. Около 15 сортов рыбы насчитал я, впервые видя такое богатство, заполнившее наполовину баркас. Отлов наш был разрешённый, экспериментальный, и через час мы возвращались обратно. На мое восхищение этой рыбалкой молодой хант, низкорослый крепыш, прищуривав узкие черные глаза, улыбаясь, сказал:

– *Вот и оставайся с нами, у тебя настоящая душа рыбака-охотника...*

Прошло уже более 30 лет с тех пор, а передо мной все та же яркая картина Северного края и слова паренька:

– *Оставайся с нами...*

Лет через 10 мне пришлось быть на другом конце Иртыша, в верховьях, на озере Зайсан. Команду омских стрелков по стенду пригласил в Усть-Каменогорск на товарищескую встречу В. П. Болотников. Были в нашей команде заядлые рыбаки – Филиппов Михаил, Стадников Борис...

На третий день пребывания нас повезли на рыбалку на одну из мелких речушек, впадающих в Зайсан. И снова я увидел столько рыбы, что не поверил бы никому, не повидая это сам. Сплошные рыбы косяки вытесняли из берегов воду!

Рыба шла на нерест...

А когда, позднее, через несколько лет услышал, что и на Зайсане не стало рыбы, долго не мог поверить этому. Да, от истока до устья Иртыша оскудели рыбные запасы.

Не лучше обстоит дело с крупнейшими водоемами Омской области.

Озера Ик, Салтаим, Тенис, являющиеся базой Крутинского рыбозавода, переживают сейчас трудные времена. Рыбачил я там и раньше, но сегодня в них рыбы все меньше и меньше. Сотни раз бывал на озере Тенис, самом моем любимом, громадном озере – посмотришь вдаль, и берега не видно. Сколько на нем было рыбы! И вот в 1973-75 годах прошли страшные заморы в этом водоеме. Помню, как выплывал весной со стороны деревни Старый Конкуль...

Береговой припай в 15-20 метров шириной и на десяток километров длиной был усеян дохлой, тухлой пелядью, щукой, чебаком и др. Несметные тонны рыбы, ее хватило бы, пожалуй, прокормить миллионный Омск в течение года. И такое... А кто виноват? Как-раз в эти зимы запретили зимний лов на озере, рыбаков милиция выгоняла со льда. А ведь до этого, несколько лет подряд, тысячи рыбаков Омской, Свердловской, Тюменской областей и даже из Казахстана бурили десятки тысяч лунок, рыбака и одновременно спасая от

замора рыбное богатство. Но кому-то это не нравилось. Кто это?.. И как они ответили за массовый замор, неизвестно и поныне.

Немного занимаясь зимним подледным ловом, я рыбачил на Чанах Новосибирской области, на многих озерах Казахстана – и зимняя рыбалка везде поощрялась. Страшный замор произошел три года назад на громадном озере Король, на территории Казахстана. На нем рыбачили многие омичи, в том числе рыболовецкие бригады областного общества. Такие же вещи происходят и с сетью озер на Чанах.

Конечно, в спецмагазине «Океан» реже и реже появляется белая свежая рыба. Нет ее и в других торговых точках. Однако работают рыбозаводы, 40 тысяч рыболовов-любителей и охотников регулярно занимаются рыбалкой, и у многих на кухонных столах, хотя бы карась, да есть! Вот примеры: в прошедшем году на территории завода им. Карла Маркса мне несколько раз покупали судаков, окуней, чебаков, карасей. Знаю, что рыбаки агрегатного завода нынче бывали на зимнем лове в Казахстане, а рыбаки завода транспортного машиностроения постоянно ездят на старицу Кайманачиха, что расположена в Казахстане около станции Иртышская. Я дважды ездил с ними, надо сказать, что рыбалка там отменная.

Так что рано говорить о полном обнищании стариц Иртыша. Но и молчать – нельзя. На сотни километров по берегам Иртыша стоят строения колхозов и совхозов. Скотные дворы, машинные станции да и сами поселки выдают уйму отравы и грязи, которая стекает в старицы и поймы, отравляя водоемы. Много плотин и дамб строится для выпуска воды на луга и поймы, но не для рыбы, а для сенокосных угодий, орошения полей и других нужд. А вот когда резко уходит вода обратно в Иртыш из водоемов, на траве и земле остается икра и погибает. Вопрос нереста – самый большой и сложный. Бухтарминская ГЭС, забирая большую часть воды, делает старицы, поймы, протоки полусухими. И даже в тех старицах и поймах, где выводится рыба, к осени настолько мелеет, что зимою от замора рыба погибает. Так где же выход? Он есть. По примеру Сеитовского озера, нужно строить дамбы со шлюзорегуляторами, оставляя и зимой высокий уровень воды.

Сразу оговорюсь – этот метод старинный, но много раз применялся колхозами и совхозами, которые запускали в водоемы малька пеляди и карпа, а осенью, спустив воду – собирали урожай.

Что касается облагораживания озерных водоемов, спасения рыбы от заморов, то здесь еще сложнее. На Крутинском рыбозаводе, на озере Ик, работало около десятка компрессоров по аэрации, но и это не спасало от замора. Ведь площадь озера велика, а компрессоров – мало.

На заморы рыбы в озерах в первую очередь влияет уровень воды: обмеление озер, заиливание, зарастание травами, камышом. Интересно, что вода из иного озера неожиданно уходит, озеро высыхает. И вдруг через 3-4 года за счет грунтовых вод озеро снова до краев заполняется. Все омские рыбаки-охотники знают озеро Алаботинское. Лет 7-8 назад оно было без воды – грязь да травы. А сегодня заполнено водой более чем на два метра глубиной. Сказка и только. И почему омские ученые не могут дать в печати объяснение этим явлениям? Тем более, что десятки озер (менее значительных) по области то исчезают, то появляются снова. Давно уже нужны научные обоснования этим процессам и практические рекомендации.

Чудо – чудом, наука – наукой, но простые люди, труженики, делают многое. Очищают протоки в старицы, возводят насыпи, закачивают воду в озера и водоемы. Так, возле деревни Усть-Логатка из озера Ачикуль прорыли небольшой канал в мелкое озеро и заполнили его на глубину 3 метра. И в нем сейчас успешно размножается рыба. И случай этот не единичный. Значит, многое может человек, если только захочет.

Надо сказать и о новом направлении в рыбном производстве – о прудовом хозяйстве. В «Омскэнерго» созданы за счет тепла от ТЭЦ в четырех огромных железных чашах питомники, в которых разводят карпа. Во многих европейских странах – это основное направление в рыбном производстве. Но при дорогой электроэнергии и очень дорогих кормах Омской области, имеющей сотни озер, целесообразно ли это?

Я взялся за написание статьи не столько из-за проблемы рыбного хозяйства, а из-за того, что богатейшее по природным условиям Прииртышье скудеет. Исчезает красота края. И не о судьбе 3-4 рыбозаводов веду речь, а о каждом жителе области и Омска, которые имели бы возможность в любое время года посидеть на берегу реки или озера с удочкой, наслаждаясь общением с природой.

И моя забота не о том, что Тавричанский рыбопитомник на сегодня производит всего лишь 6 млн. сеголетков, а о том, что в Прииртышье ежегодно погибают в озёрах и реках сотни миллиардов икринок разной рыбы.

Меня огорчает, что десятки наших озер заиливаются, зарастают, исчезают с лица земли. Что лес вокруг рек и озер вырубается, луга распахиваются, а в воды Иртыша выливаются цистерны мазута. Что все новые виды браконьерства, разграбления и отравы уничтожают живую природу Прииртышья. И когда же остановится этот беспредел?

Сейчас дали большие права местным администрациям, новые законы о земле и использовании природных ресурсов вносят более разумное и бережное отношение к природе. Может, это всё вместе что-то изменит?

7. ПОДВОДНОЕ ЦАРСТВО

БАТЮШКА ТЕНИС

На закат проплыли облака...
Розовато-желтые в середине,
дымчатые по бокам слегка –
там, за горизонтом, словно
сгнули.
Горизонт тот – небо и вода,
что соединились тонкой линией.
Входят облака, как в невода,
тонут в необъятном море синем.
Озеро, мой батюшка, Тенис!
Ты не в первый раз являешь
сказку...
Догорел закат, мрачнеет высь.
Тьма свои права диктует
властно.

ЩУКА

Зеленоватая, под травы,
и полосатая слегка
у омута, за переправой,
она сторожит окунька.
Прожорливая – дашься
диву!

Встречал длиною с метр,
поди...
Берёт с крючка малька –
наживу,
не дёргай сразу, проведи.

БАЙКАЛЬСКИЙ ОМУЛЬ
Про байкальский омуль
много ходит баек...
И во рту он ароматно тает...
В Ледовитом океане и в морях
обитает издавна во льдах.
А в Байкале – случай здесь особый
– он совсем озёрный и речной:
любит Ангару, Кичер с Кикой.

ПЕЛЯДЬ

Рыба белая – сырок
в январе, в метели
нерестится...
Весь малёк
сохранится в неледь.
В Енисее и в Оби
этой рыбы – пруд пруди!

ПЛОТВА

Плотва, чебак,
как и сорога.
Её во всех озёрах много.
Ей начинающий рыбак
даёт в признанье
высший знак!

КАРП

Карп сазаний...
Есть – зеркальный
и чешуйчатый, линейный.
Он живёт в пруду
печально,
став домашним и
семейным.

НА ОСТРОВАХ

Гребу на веслах. В тьме горят
костры
вдоль тальника по отмели
песчаной.
Стустились краски... С узенькой
косы
смотрю я на разлив реки
печальный.
Идет в затон с огнями грузоход,
и бакен красный вдалеке мигает,
а с набережной вальс-бостон
плывет:
там танцплощадка, молодежь
гуляет.
А я один на островке... Сюда
рыбачить вечерами приезжаю.

Здесь черным глянец светится
вода,
и в ярких бликах звезды
остывают.

НЕРЕСТ

Ночью майскою, теплой,
в камыше – шелест, всплеск.
Шлеп! – хвосты рыбы хлопают,
и звенит темь окрест.
Трутся рыбы боками
об осоку, камыш...
И икринки стекают
в приозерную тишь.
Я люблю в плесах лунных
слушать нереста звон.
Камышинки, как струны...
Рыба прет напролом!

НАЛИМ

Из тресковых рыб один
с морем распростился,
там с минтаем среди
льдин
издавна родился.
А теперь он в речке, в ямах
под корягой лето спит.
Но зато зимою рьяно
ищет корм – так жор велит!

САЗАН

В Зауралье, на Балтыме
обитал сазан давно.
Ел циклопов и босминов,
и шаровок заодно.
Мотылей любил он
красных
и личинки мокреца...
И с лецом дружил
прекрасно,
с ним играя без конца.

НЕЛЬМА

Из дельты Оби в путь свой
длинный
шла нельма к Катуню и
Бии.
Но путь ей водохранилище
с плотиною перекрыли...
Родная сестра белорыбицы
на нерест теперь жмёт
наверх,
по малым речушкам – аж
дыбится
бурун...
В нём – волны пересверк!

ХАРИУС

Сибирский хариус особлив
что в Енисее, что в
Приобье.
В ручьях таёжных, в
светлых реках
живёт привольно век из
века!

ГОЛЬЯН

Он не промысловый, нет.
Так себе – не рыба.
Пацанам хорош в рассвет
на речном изгибе.
Весело гольян клюёт,
тянет поплавочек.
Помню Ошу!
И крючок,
и ущицу, впрочем...

ПОЙМА

У меня крючков – обойма,
только рыба не клюёт.
Заросла осокой пойма:
надо лодку или плот.
Чтобы плыть на плёс
центральный,
что вдали искрит
зеркально.

ТАЙМЕНЬ

В глуби, на каменистом
грунте
мелькнула быстрой рыбы
тень.
Я пригляделся: вижу
смутно –
такой большой плывёт
таймень.
Он режет воду, как
торпеда,
и исчезает в глубь
бесследно.

ЛЕНОК

Рыба крупная – ленок,
любит на крючке личинок...
Вздрогнул резко поплавок –
и нырнул в пучину.
Плавно повожу за леску
и тяну, и вот он – с плеском!

У КОСТРА

Озеро в тумане тонет,
стынет синяя вода.
Выпь в болоте тихо стонет,
вздрагивают невода.
Всплеск, круги – то рыба в сети
попадая, бьёт хвостом.
У костра я не заметил –
ночь ушла, светло кругом.

ЁРШ

Сразу и не разберёшь:
то ли окунь, то ли ёрш.
А колючий, словно ёжик,
но в ухе – ни с кем не схожий.
От него такой навар:
раз хлебнёшь – и бросит в жар!

МИНОГИ

Рыба – минога?!
Знают немногие
о ней, в основном, рыбаки.
Она – невидимка, её дороги
от Туры в Иртыш, до Оби.
Я тоже немного рыбак –
но её не поймаю никак.

ОКУНЬ

Как красив!
Хвальбы достоин,
любит ключ, в тени – обрыв.
Но прожорлив: в мелкой пойме
поедает молодь рыб.
Красно-сине-полосатый,
плещется драчун усатый!..

ЯЗЬ

В водах чёрного Иртыша
от Оби и до самой Яны
язь резвится, идёт к камышам.
Его много в Чанах, на Зайсане.
Есть он в нашей таёжной
речушке.

Язь с подъязком – нет рыбы лучше.

МУКСУН

Да, хорош у нас в Сибири
крупный обский наш муксун...
Нагуляв побольше жиру,
с дельты в море прёт табун.
В леденистых, чистых волнах
рыбьим косякам привольно!

РИПУС

Нерестует поздно, в ледостав.
Ест в воде планктон и ветви
трав...
Холодолобив, неприхотлив-
любит Увилдьд и большой залив.
Есть у нас он в Ике, на Чанах.
И в озёрах, что лежат в степях.

ЛЕЩ

Рыбы всплеск под удилищем,
и – оборван враз крючок!
...Подвязал второй.
Кольшет
снова красный поплавок.
Подсекаю!.. Потянул –
лещ стрелой в воде мелькнул.

СУДАК

Не по дням, а по часам
он растёт... Тем ценен нам!
Как поётся в песне:
«Нет ухи чудесней!..»
Здесь, у озера Чаны,
слышу сказки старины.

СТЕРЛЯДЬ

Как подводная лодка, быстра.
Плавниками колоча, остра...
В полноводный Иртыш, в Ангару
косяки к нерестилищам прут.
Я стою на откосе реки –
всплеск у ног, а в воде – огоньки!
Вижу блёстки подводных ракет.
Лучше стерляди рыбы нет!

БАЙКАЛ

Две реки: Селенга, Баргузин
льются с пеной в озёрный бокал.
В целом мире, глубинный, один –
самый-самый прекрасный
Байкал!..
Самый чистый, огромный
Байкал!..
Мне под ноги волну расплескал.

БУДУ ПОМНИТЬ...

Течёт речка Чулышман
в озеро Телецкое.
Дальше – в Бию сквозь туман
в россыпь половецкую.
Красоту больших хребтов
Горного Алтая
вспоминаю средь снегов
Северного края!..

ЛИНЬ

В сеть мою попался лень
на речной протоке.
Скользкий, и попробуй – вынь!?
Хитро смотрит оком.

8. ЛЕСНЫЕ ОБИТАТЕЛИ

Лось

Начало октября нынче холодное. Я сижу в камышовом скрадке на озере Дикое. Утки мало, основная масса уже отошла на юг. У берега плес схвачен ледком.

Со стороны берега, из талов, послышались легкие шаги. Лось осторожно вышел к берегу на водопой, не замечая меня в десяти метрах. Крупный и сильный, со светло-бурой гривой, он чем-то напоминал древнее,

*Большеуковский государственный лосиный заказник.
В нём, во время миграции, собираются более 1000 лосей.*

допотопное существо. Горбоносый, лопоухий, с широкими ветвистыми рогами, зверь сливался с тальником, выжидая секунды. Его светло-коричневые бока лоснились влажным блеском, казалось, я чую запах его пота.

Рогач, не спеша, сделал несколько шагов до кромки озера. Я хотел пересчитать на его рогах отростки, чтобы узнать возраст, но он низко наклонился к воде.

Пил лось медленно и долго. По могучему загривку пробегала мелкая дрожь, он несколько раз переступал ногами.

Вот он поднял голову, с губастого рта сорвались крупные капли светлой воды. Мгновение – и зверь заметил меня, развернулся и в несколько прыжков, ломая грудью кусты, скрылся в глубине леса.

Я даже про ружье забыл, да оно и было-то заряжено гусиной дробью. Патроны с пулями остались в машине на пристани.

Охота на лосей открывается в ноябре, по снегу.

Просидев часа два и сбив трех крякашей, возвращаюсь лосиным следом в сторону пристани. Зверь, не добежав метров пятьдесят до машины, резко свернул влево, в сосновый рям. Я размышлял: сколько же много лосей стало нынче в здешних лесах. За осень – это уже третья моя встреча с ними. Закрывали охоту на три года – зверь размножился, стал не пуганый.

Вспомнил Большеуковский лосиный заказник, расположенный неподалеку отсюда, к Северу. В нем я видел табунки лосей по 15-20 особей. Особенно много их скапливается в заказнике в декабре. Лося беспрерывно подходят в него со стороны Тюменской области, с северо-запада. В основном, семьями, по три-четыре. Как объяснил мне охотовед – это исконные пути их миграции.

А в марте звери покидают заказник, направляясь к своим местам, где за лето у них появляется потомство. Семьи с малышами я встречал несколько раз у этого озера.

Норка

Я сидел в камышах на небольшом озёрном плёсе. Передо мной плавали резиновое чучела. Легкий утренний ветерок медленно гонял их по зеркальной воде. Чучела, привязанные длинными поводками к грузилам на дне, то сплывались вместе, то расплывались, как живые.

Дичи над камышами не было видно, и я прислушивался к далекому кряканью со стороны озера. За моей спиной в редком камыше просматривался ондатровый домик из свежего тростника. Там изредка всплескивали проплывающие в хатку зверьки.

Через некоторое время я услышал чрезмерно звучный всплеск и писк, затем шумную возню около хатки. Оглянулся. Каково было мое удивление, когда я увидел сидящую на хатке норку, в лапах которой извивался небольшой ондатр, видимо, молодняк. Норка крупная, темно-черная, легко расправилась со своей жертвой, и ондатр затих.

Много раз встречал я норок на озерах и речках, ловил их в капканы. А вот впервые увидел её такой хищной. Когда раньше я находил порушенную хатку ондатры, рассматривая развороченный домик, почему-то думал, что

несколько раз дернулась и затихла.

это сделал неопытный охотник, ставивший в хатку капканы. Но охотники при мне всегда заделывали разрушенную крышу домика. Значит, это делала норка, ей все равно. На то она и зверь.

Пока я размышлял об увиденном, норка закончила свой обед и вдруг принялась разгребать лапами крышу хатки. *«Ну и прожорливая, мало ей одного ондатра. Решила устроить засаду в домике»*, – подумал я зло.

И хотя стояла еще середина сентября, а мех норки до снега не имеет хорошего качества, я не вытерпел наглости зверька, уничтожившего целую семью ондатры. Приподнял ружье, прицелился, выстрелил.

Норка высоко подпрыгнула над хаткой, опустилась на взрытый тростник, не-

Барсук

Раннее летнее утро слегка позолотило верхушки деревьев, когда мы с Павликом Маряниным выехали из деревни на телеге. Старый гнедой, прихрамывая, не спеша трусил по лесной дороге, которая вскоре вышла к Двужеркам на широкий солончаковый луг. Справа – большое Артемовое болото, по краю заросшее талами. Две собаки, мой Тарзан – черный высокий пес и маленькая желтая Жучка Павлика, разом бросились в кусты и с воем и визгом погнались какого-то непонятного зверя. Невысокий, на коротких широких лапах, светло-серый зверь часто останавливался, отбивал натиск собак и по кромке кустарника всё дальше уходил в направлении высокой березовой рощи.

Пашка, дергая изо всех сил вожжи, погнался гнедка наперерез к роще. Телега, подпрыгивая на кочках и неровностях, казалось, вот-вот развалится, но мы азартно увлеклись погоней.

Перед самым березняком, приблизившись к зверю метров на пятьдесят, мы его хорошо рассмотрели. Особенно запомнилась мне удлинённая мордочка, на которой через щеки к ушам и далее на шею тянулись черные яркие полосы. Нам впервые пришлось увидеть барсука, хотя от старых охотников мы не раз слышали рассказы об этом редком обитателе здешних мест.

– Да, это точно барсук, – кричал Павлик, погоняя уставшего жеребца, – сейчас мы его догоним.

Зверь добежал до крайних берез и вдруг исчез под землей. Протирая глаза, мы растерянно смотрели, как собаки, принюхиваясь, метались между деревьями. Слезли с телеги, подошли вплотную. Там и сям в нескольких местах виднелись глубокие норы. Мы насчитали аж шесть штук.

– Здесь целая семья живет, столько входов и выходов. Надо вернуться в деревню, взять лопаты и выкопать, – предложил мой азартный напарник.

– Нет, Павлик, – успокоил я его, – смотри, глина – как камень, полно корней. Замучаешься копать. Давай поедим за дровами, привезем домой и посоветуемся с дедом Софетом.

Так и сделали. Вечером старый охотник долго нам рассказывал, как в старые времена много водилось в наших лесах этого удивительного мирного зверя. Его стреляли, уничтожали «все кому не лень», ведь барсучий жир считается дорогим лекарством от различных простудных заболеваний. Вылечивает даже хроническое заболевание легких. В конце концов дед уговорил нас не трогать зверя.

Мы согласились. Но Пашка через неделю предложил:

– Пойдем, понаблюдаем за барсуками, чем они занимаются.

Договорились идти на второй день. И вот мы с ним, без собак, потихоньку сидим в отдаленных от нор кустах. Нам повезло. Вскоре вылез наверх один барсук, повертел головой и неслышно удалился на луг. Почти следом показался и второй, но далеко от норы не пошел, а что-то вынюхивал, искал на краю опушки. Затем вернулся к норе. И здесь из-под земли вылезли наверх двое малых барсучат. На вид неповоротливые, неуклюжие – они тем не менее шустро передвигались, бегали вперегонки, друг друга валили на землю. Словом, барсучата играли. Старый барсук сидел около, не вмешиваясь в их забавы.

Вернулся второй, неся во рту какой-то корм. Барсучата кинулись к нему и начали жадно есть серые комочки (издали не разберешь: не то мыши, не то ящерицы.) Насытившись, барсучата продолжили игры, а старые родители улеглись на солнышке.

В течение лета мы приходили еще несколько раз, с удовольствием наблюдая за барсучатами. Они быстро подрастали. А в конце августа вся барсучья семья куда-то исчезла. У входа в норы, на глине, мы рассмотрели отпечатки лисьих следов.

Пришли снова к деду Софету, и он вновь долго и интересно приводил нам примеры из жизни зверей, поведал некоторые забавные истории, когда лиса ухитрялась выжить барсуков из их дома, применяя для этого всякие уловки.

8. ЗВЕРИНЫЕ ТРОПЫ

УРМАН

То – лиственный лес, а то – хвойный.
Вдоль берега речки – туман.
Сошёлся стеной многоствольной не-про-хо-ди-мый урман.
На сотню вёрст – нету жилья.
На речке парит полынья...

МЕДВЕДЬ

Перед долгой спячкой зимней
у медведя приступ жора:
ест малину, мёд пчелиный,
на овсах сопит обжора...
Видел я, как на реке
рыбу ел он на песке.

УРОЧИЩЕ

Здесь редко ступает нога
человека –
иду я тропинкой
охотничьей:
тайга неприступная,
филина клекот –
богата природа урочища.
Фауну с флорой из века в
век
здесь охранял человек.

ГОРНОСТАЙ

С чёрным кончиком хвоста,
в шубке снежно-белой
у забора из куста
выпрыгнул он смело.
И ворвался горностаи
в зимний наш курятник:
от куриных шумных стай
пух летел, как вата!..
В два прыжка хитро исчез –
и по огородам
убежал проворно в лес,
спрятавшись в колоде.

ВСТРЕЧА С БАРСУКОМ

Белые и черные полосы
к носу протянулись от ушей...
Юркнул в норку под кривой
березкой.
Я дивлюсь на лабиринт траншей!
Поископана вокруг поляна,
свежий грунт... Вот старая нора...
– Как подземный замок?
Очень странно...
Вечерет, мне домой пора.

РЯМ

Рям сосновый, пряный рям,
по озёрным берегам.
Зеленеет, как весна,
оттого душа ясна!
Здесь морошка с голубикой,
с алой клюквой и брусникой...
Лебединый клич печальный,
и рассвет над тундрой дальней!

ЛИСИЦА

Одинокая лисица
в норке у реки живёт.
Длинной ночью ей не спится,
и она на луг идёт.
Запахи ей нос дурманят:
куропаток свежий след
в плотный куст таловый манит...
Виден перьев белый снег.

УЖЕ НЕ НОЧЬ!

Высоких сосен сумрачный
покой
в распадке охраняет чьи-то
тени.

Над узенькой таёжною
реккой
дрожит рассвет неясным
сновиденьем!
Уже не ночь!
Но всюду – полумрак.
Вверху, в ветвях, – полоска
синей выси.

Так осторожен лося
близкий шаг
у водополя...
Рядом – шорох рыси.
В замшелых берегах вода
чиста,
багульником и хвоей утро
пахнет.

Вот распахну избушку – и
тогда,

Ты, приоткрыв глаза,
невольно ахнешь!

Два света раздвигают
полумрак:

зелёный свет
пронзительный, и – белый.

И отступает темнота, как
враг,

и входит целомудрие
несмело!

РЫСЬ

Желтовата, в тёмных пятнах,
а с ушей свисает кисть.
Когти длинные на лапах...
Зверь – красавец, это – рысь!

ВСТРЕЧА С ЕНОТОВИДНОЙ СОБАКОЙ

С серо-бурюю окраской,
с бакенбардами на морде –
осторожен зверь, опасен...
Лучше мне его не трогать.
Только я взошёл на горку –
юркнул он проворно в норку.
Заглянул: там ветки ёлок,
терпкий запах от иголок...

В ЗАБРОШЕННОЙ ИЗБУШКЕ

Зеленеет сосновая роща,
резок запах смолы на стволах...
ветер солнечный ветки полощет,
и закаты горят в облаках.
Ни звонков, ни гудков...
Над избушкой
вьётся струйкой узорчивый дым...
Вместо радио – птицу я слушаю,
в синей речке смотрюсь молодым!
Как стемнеет – сажусь на порожек:
чай брусничный из кружечки
пью...

Лет на двадцать себя я моложе,
здесь, в дремучем таёжном краю!
речка Туй.

ВЫДРА

Настала летняя пора,
стрижи над речкой кружат...
Одна – в воде сквозит нора,
вторая – здесь, снаружи.
На мелководе, средь камней
ждёт выдра спозаранку
рыбёшек: ловит щук, язей –
их складывает в ямку.
Она – как истинный рыбак:
не нужен мелкий ей чебак.

НАСТУПЛЕНИЕ НОЧИ

Тьму тревожит дерево
скрипучее...
Козодоя мекающий свист
стих в лощине...
Свет звезды падучей
высветил на миг пожухлый лист.
Тишиной болотной наслаждаясь,
каждый кустик тайной ночи
пьян...
Из-за тучки месяц выплывает,
ослепляя призрачность полян.

ХОРЕК

Хорь-хорёк, зверь полосатый
кур в проулке стережёт.
Вот сейчас одну он схватит,
в лес с собою унесёт.
А по полю – пух куриный.
Бело-белый, снегом зимним...

ЛЁЖКИ

Зверь не просто отдыхает
где попало – есть места,
это – лёжка: выбирает
плотный лес, кустарник с края,
чтоб трава была густа.

ВЕПРЬ

Он постарел и бросил стадо,
забыв свиней и поросят.
Один живёт в лесопосадках,
его клыки врагов страшат.
Выходит ночью на кормёжку,
ест жёлуди, дички, овёс...
Он осторожен – днём на лёжке
всегда по ветру держит нос.

КУНИЦА

Жёлтым фартуком гордится,
лазит ловко по ветвям,
если очень разозлится –
худо от неё зверям.
Нападает на зайчишек
и на маленьких козлят...
И порой беда случится –
если их не защитят.

ЛОГ

Глухариный и медвежий,
рысий, волчий уголок,
где в трущобе воздух свежий,
есть овраг – звериный лог!
Безопасно в нём и тихо.
Вижу: с выводком опять
пробирается волчиха
к логову – в свою кровать.

НЕПРОШЕНАЯ ГОСТЬЯ

Зелёная берёзовая роща
качает в ветвях сотни
чёрных гнёзд.
Грачи взлетают и крикливо
ропщут,
и чем-то озабочены всерьёз.
Внизу овраг, наполненный
водою,

заросший камышом и
тальником.
И в нём лисица шкуркой
золотою
мелькает, заматая след
хвостом.

КОЗЛЁНОК

Стройный, тонкий...
Острые копытца
по поляне весело стучат:
вот они ведут к ручью
напиться,
вот бегут вдоль леса,
наугад.
А глаза ясны, блестят как
сливы.
Выгиб шеи – с шерсткою
игривой.

ТЕТЕРЕВИНЫЙ ТОК

Ликует лес!...
Ручьи – в лучах зари,
а день назад белели здесь
сугробы.
В овраге серебрят вода, журчит,
а почки вербы – злато высшей
пробы!
В расветной дымке, на сырой
земле,
два косача, подпрыгнув, с
упоением
как в бубен бьют, ярятся...
Осмелев,
крылами хлещут,
врутятся в наступленье.

ОНДАТРЫ

Растаял на воде закат...
Из плёса в плёс ондатры
к кормушкам в камыше
спешат,
свои покинув хатки.
Всю ночь я слышу до утра
хруст камыша и
всплески...
Да, жизнь на выдумки
хитра –
и этим интересна.

ИСТРЕБЛЕНИЕ РЕПТИЛИЙ

Сказок феи – злые змеи,
ящерицы, черепахи...
Ваши норы, не жалея,
люди плугом нынче пашут.
Прес-мы-ка-ющие-ся, –
ваша жизнь в сказаньях
вся...

ЛОСЕНОК

Грянул выстрел – и лосиха
с хрустом
пала... А лосенок в
тальнике

вмиг исчез. И стало тихо,
пусто –
Но охотник все сидел в
скрадке.
А лосенок, обдирая в
клячья
шерсть с боков, бежал
вдали, бежал...
Вслед летела трескотня
сорочья,
где-то трактор в поле
рокотал.
По кустам, кочкарнику
галопом
шел лосенок
в приозерный рям –
где чащобы в соснах и
болото,
словно крепость, заслонят
от ран.

Глухариный и медвежий,
рысий, волчий уголок,
где в трущобе воздух свежий,
есть овраг – звериный лог.
Безопасно в нем и тихо.
Вижу: с выводком опять
пробирается волчиха
к логову – в свою кровать.
Ермиловский заказник

СМЕРТЬ МЕДВЕДЯ

Ел перезрелую малину,
на мелководье рыб ловил.
Мохнатую, с загривком, спину
расчесывать в кустах любил.
В дупле выискивая соты,
он лакомился много раз...
Но вот винтовки дуло кто-то
ему нацелил между глаз.
И грохнул гром... И высь померкла,
и тьма зрачки прикрыла смертью
д. Таскатлы

СЛУЧАЙ НА РЫБАЛКЕ

Ивовый берег, покатый,
и тень камыша на песке.
В тиши предрассветной сохатый
к заспанной вышел реке.
Грива лохмато свисала,
и ровно дышали бока.
Лось пил... Видел я, как сверкали
в капельках губы быка.

9. ЛЕТНИЕ ЗОРИ

Лунность

Так уж получается, что на озерах я часто – в одиночестве. Вот и сегодня дядька с племянником уехали за пять километров на другое озеро ставить сети, а я остался здесь, на зимнике, на вечернюю зорьку. Солнце уже давно закатилось, утки с озера улетели к берегу на кормежку, все затихло. Но мне спешить некуда. Тихо плыву в лодке по широкому проходу в камышах к берегу.

Луна, огромная и яркая – над самой головой, кажется вот-вот окунется в воду. В моей лодке-раскладушке светло, как днем. Отливает блеском вороненая сталь стволов ружья, светятся серыми красками крылья крякового селезня. Он кажется живым. Даже резиновые чучела, еще мокрые от воды, посверкивают необычной окраской и тоже похожи на живых уток.

Вода возле лодки вздрагивает, бежит легкая волна, переливаясь серебряным светом. На камыше – янтарные капли росы, выступающая из воды ряска красива и причудлива, как кружево. Озерный мир преобразен лунным светом в сказочное царство. И только за камышами, у ближнего леса, черные тени напоминают о наступившей ночи.

Я встаю на ноги, легонько отталкиваясь веслами. Лодка, как шука, скользит вперед по серебряной лунной дорожке. Камыш кончился, по бокам над низкой осокой – тонкая пелена тумана. Оттуда слышится кряканье прилетевших на отмель кормиться уток.

Возле талового куста различаю нашу палатку. Машины с дядькой еще нет. Снова присел на сиденье в лодке и слушаю голоса птиц, шелест осоки... Вот из-за озера, от мигающей огнями деревушки, бежит далекий-далекий лай собаки... А может, то – кажется. Так чутко звенит тишина...

Подкидыш

Небольшое озеро отражает в воде многоцветную зарю, от поверхности идет густой пар, словно озеро зябло дышит...

Из камыша напротив выплыла стайка утят во главе с мамой-кряквой. Восемь малышей – одинаково желтые, а девятый – крупнее, головастее, и цвет необычный, темно-коричневый. Конечно, я без труда узнал в нем красно-головика. Вот чудеса! Кряковые породнились с породой «нырковых». Как же так?..

Вспоминаю, как ранней весной многие утки, ещё не имея гнезд, откладывали первые яйца где придется: на луговой травке, кочках, в камыше. Видел я много раз, как в какой-нибудь ямочке или на камыше рядом лежали разные яйца от разных пород уток. Значит, позднее утки, не разбираясь, садились и высиживали разномастных птенцов. Вот эта стайка утят – наглядный тому пример. Да что говорить про диких уток, если в детстве мы подкладывали утиные яйца в куриные гнезда, и курица-наседка, ничего не подозревая, высиживала заодно и утят.

Наблюдаю за выводком, выглядывая из-за камыша. Нырковый утенок бесперечь ныряет, достает корм со дна. Кряковые птенцы шныряют вдоль камыша, ловят букашек и мошек. Самка-кряква, спрятав голову под крыло, спокойно дремлет.

Красноголовый утенок зацепил клювом веточку ряски и, дергаясь, откусывает зелень. Затем снова исчезает надолго в воде и выныривает далеко от берега.

Уплывет? Нет, медленно возвращается к стайке утят и уже вместе с ними гоняется за мошками. Видать, он преданный член этого семейства.

Красная трава

Дорога на выходе из леса неожиданно повернула вправо. Я в нерешительности остановился, соображая: в чем же дело?.. Утро еще только зачиналось. Росистые капельки, искрясь, свешивались с веток, впереди над полем поднимался волнистым покрывалом легкий туман. Птицы кричали как-то громко, обеспокоенные моим появлением. Лишь жаворонок спокойно звенел над краем поля. В высоком бескрайнем небе, как парус, скользило одинокое белое облачко. Первые золотистые лучики солнца скользили по верхушкам деревьев...

Полевая дорога когда-то, много лет назад, вела прямо через поле. Колея от колес телег, ямки выбитые, копытами всегда четко виднелись в траве. Теперь же след, накатанный машинами, уходил в сторону.

Из придорожных кустов резко пахнет смородиной. У каждой опушки леса, даже у самой маленькой поляны – свой неповторимый запах, настоящий или на горьковатой осиновой коре, или на грибных кореньях, или на лекарственных травах. Здесь же – мой любимый аромат смородины...

Я двинулся через поле прямо, без дороги, стараясь в густой и высокой траве найти признаки былого следа. Еще мальчишкой босиком сотни раз проходил этим путем по такой мягкой и приятной дорожке. Иду,

подставляя лицо солнцу, полевому ветерку и, улыбаясь, вспоминаю детство.

Метров через сто разглядел две светло-рыжие, параллельно идущие бороздки травы, видимо, по старым колеям. И вдруг немного подалее, раз за разом, стала попадаться «гусиная травка» – так мы называли ее в детстве. Красного цвета, она четко обозначала прямую тропинку среди высокой и спутанной целины. Как всколыхнулось сердце!.. Красная трава!... Вместо листочков – что-то похожее на розовые пальчики.

Да, конечно, это она всегда росла на этой дорожке, особенно в тех местах, где проступал солончак.

Линька

В поисках грибов я забрался в чащобу. Раздвигаю плотные кусты. Ветки колются, царапаются, цепляются за одежду. Отодвигаю от лица липкую сетку паутины и медленно иду дальше, в самую глубь леса. Пахнет сыростью, прохладой, смородинным листом...

Почти из-под самых ног резко, с шумом, неожиданно выскочил тетерев. Странно взмахнул крылами, но остался на земле. Пробежал несколько шажков от меня в сторону и встал. Красавец!.. Дикарь!..

Большие алые бархатные брови, атласный блеск шеи, длинный веерообразный хвост... Как во сне, как в какой-нибудь сказке!..

Стою, рассматриваю. Стоит и тетерев, поглядывая на меня, и как-то забавно тихо разговаривает на своем языке. Его бормотание похоже на бульканье ручейка. Вроде, спрашивает меня:

– Ну, чего же ты здесь ходишь, беспокоишь люд лесной?..

И тут из-за моей спины, подпрыгивая и сминая ветки, выскочил пес Тарзан. В один прыжок, с открытой пастью, очутился перед птицей. Тетерев чудом вырвался из-под его носа и, невысоко взлетев над землей, громко хлопая крыльями, скрылся за деревьями. Я, восьмилетний пацан, шел дальше и думал: «*Или раненый, или чего еще? Так плохо летает...*».

Вечером дед Ипат долго рассказывал мне, как в июле линяют все птицы и у них выпадают маховые перья крыльев. Боровая дичь забивается в глухие места. А водоплавающая – утки, гуси – те вообще никак не могут летать – прячутся на озерах, в непроходимых зарослях камыша...

Мостки

Узенькая травянистая речушка, пересекая всю деревню, проходила рядышком с нашими огородами. Я – в отпуске, мать попросила меня:

– Иди, помоги деду Андрею, нашему соседу, сколотить мостик у реки. А то берег грязный, трава с осокой – полоскать белье или начерпать водицы для баньки надо – и не подойдешь. Старый мостик сгнил, ребяшня его разбросала...

Я лопатой копаю ямки под колышки-столбики, дед Андрей топором заостряет их, вбивает, кладет поперечины. Седобородый, жилистый, в широкой рубахе, закатав штанины, дед проворно и четко орудует топором и ведет со мной разговор:

– Петруха совсем не тишет, уехал и – все... И – не женится. А мне бы внуков, ведь совсем одни со старухой во всем доме. Звали Настю с мужем и детьми из города переехать, так и слушать не хотят. Он же городской, да и родители его там. А все-таки детям надо бы свежего молочка, да огурчиков с грядки, да и лес рядом: ягоды, грибы...

Я его слушаю и наблюдаю, как две ласточки над водой играют с маленькой травинкой: то роняют ее, то с лета подхватывают у самой воды. Смотрю и вспоминаю свое детство, лесное царство. Дед прерывается и продолжает рассказывать про нынешний урожай: и хлеба-то хорошие, и ягод, грибов полно. И слова его льются и льются, как вода в этой светлой речушке. Вот только жаль, что очень обмелела. А когда-то, помню я, была плотина – и вода разливалась под самые огороды.

...Неожиданно из камыша напротив выплыла дикая утка с желтыми утятами. Посчитал: девять. Не обращая внимания на нас, табунок завернул в соседнюю осоку...

Я смотрю в воду – и мне кажется (да это так и есть), что речка лениво убегае за порыжевший косогор, словно приглашает меня пойти за ней. Я в детстве уходил на десятки километров вдоль реки на ее луга, разливы. Кустарники, камыши, прибрежный лес – все было просто сказочным...

Дед Андрей берет доски и укладывает их на поперечины, я придерживаю, а он ловко вбивает гвозди. Все – мостки готовы. Дед гладит широкой, мозолистой ладонью доски, глядит в реку, словно что-то разглядывает в ней. Вздыхает и грустно роняет слова: «*Раньше была семья у нас в четырнадцать душ – шестеро братьев и столь же сестер. И все остались в деревне, а сейчас тут – одни старики. Уж больно глупо складывается нынешняя жизнь, всех разъединяет. И радости – никакой.*»

Я молча слушаю и, где-то в душе, соглашаюсь с ним.

9. БЛАГОДАТНОЕ ЛЕТО

НЕЖНОСТЬ

Взлетает жаворонок
звонкий,
качая песню на весу.
Здесь торф горел, дымя
воронкой,
а ныне – озеро в лесу!
Вокруг воды – камыш и
зелень
густых берёзовых ветвей...
От нежных чувств куда я
денусь?
Смотрю на жизнь мудрей,
светлей!
Играет ветер в перелесках.
летит на хлебные поля,
ласкает щёки...
В поднебесье
плач журавлиный –
боль моя!

ВНОВЬ ПОБЫВАЛ...

Замётан стог...
В реке плывёт закат...
На плечи грабли, вилы и – до
дома...
Дымя из самокрутки, дед Ипат
ругается: «Туды, твою...
ядрёный.
Мой мотороллер?.. Где мой
вездеход?..
Аккумулятор сел, а где
достанешь?..»
... Иду, доволен... Я метал зарод,
вновь побывал на сенокосном
стане.
А что пешком – я даже, втайне,
рад...
Дом близок, за бугром огни
горят.

ЦАРЬ ГРИБОВ

Пробираюсь по болоту.
Впереди – огромный гриб,
шляпка с яркой позолотой,
по краям – слегка изгиб.

Подхожу, смотрю: гриб белый –
до чего ж красив, здоров!
И шепчу я: «*В самом деле –
настоящий Царь грибов!*».

ЗАРНИЦЫ

Иду сквозь ночь...
И слышу звон
колосьев налитых пшеницы...
Вдали огнями небосклон
секут зарницы.
На небе звёздном нету туч,
но снова где-то близко
над полем пролетает луч
большой зарницы.
Застыл в раздумье: «Да, звезда,
сорвавшись вниз, стремится
лишь по прямой... Зато всегда
в зигзагах вся зарница...»
Стою безмолвный, как немой,
и недоумеваю,
седой качаю головой –
соображаю.
Возможно, молния – она?..
А для детей жар-птица?..
Кому-то Бог или сатана,
что мчат на колеснице?..
Ищу ответ...
... Вновь слышу звон
колосьев налитых пшеницы.
Вновь, ослепляя небосклон,
летит зарница!..

КУКУШКИНА ДОЛЯ

Так неожиданно печально
кричит кукушка вдалеке.
Своих годов я не считаю –
но вижу тень её в леске.
Между кустов она
мелькает, –
бездетная, о чём грустит?
Своих птенцов совсем не
зная,
куда, зачем она спешит?
Зовёт: «Ку-ку!» –
тревожа сердце
поверьем тайным давних
лет...
Где ей, бездомной,
отогреться?
Как ей, одной, встречать
рассвет?

ОТАВА

На лугу блестит в стогах
сено – вслед, на славу
подросла, как на глазах,
юная отава!
Шелковиста, зелена –
за волной встает волна!

ВЕДУ НА ПОЛЯНЕ...

Веду на поляне с берёзкой
беседу,
ладонью касаюсь ветвей.

Чернея, в коре
открываются беды –
я слышу дыханье корней!
И чувствую: время куда-то
относит

поляну с берёзой, меня.
А в небе: «Кур-лы!..».
Золотистая осень
плывёт из холодного дня.
И сердце притихло...
Не дерзок я, беден –
как летний последний
денёк.

Берёзку ласкаю и долго
беседую...

В ладонь мне слетает
листок!

ОПЯТА

Выпал первый снег в лесу:
мягкий, влажный, липкий.
Я грибы домой несусь –
но боюсь ошибки.
Вроде бы они – опята,
только ярко-желтоваты?
У нормальных же опят
цвет неярко-желтоват.
Лжеопята или нет –
даст мне бабушка ответ.

Дождь капает за воротник плаща,
без грома тучка светлая, без ветра.
Застыла, словно ива, трепеща,
склонилась... И цветочки в каплях
светлых.
Пшеница стелется к земле
волной,
колышется живое, в дымке –
поле...
А дождь стучит себе, как
заводной...
И благодать... И дышится
привольно.
Кто поджжёт?..
Через лес прошёл пожар –
чернота – аж страшно!
Долго будет помнить гарь
о беде вчерашней...
Много лет пройдёт, расти
здесь ничто не будет.
– Господи, бродяг прости,
разве это люди?..

СЕРЕДИНА ЛЕТА

Неумело скворчата взлетают
из скворешен... Их жалобный
крик
беспокоит скворчиную стаю –
и слетаются птицы вмиг.
А над речкой мальчишечьи крики
в ослепительно-синей волне...
Лишь старушка в пимах, с
грустным ликом
дырку штопает на зипуне.

ПОДБЕРЁЗОВИК

Раздвинув прелых листьев слой,
поднялся гриб и шляпкой светит.
Он, словно чудо предо мной,
и на опушке так заметен.

ГРУЗДЬ

Не подберёзовик, не белый,
а груздь сырой – вот мой кумир!
Между полян с клубникой спелой
туман на зорьке лес прикрыл.
Пойдём, сестра, там, на увале
груздей сырых полным-полно,
да и волнушек там навалом.
Мне хочется туда давно.
...Лес пахнет ягодой-костянкой
и берестою, и дождём.
А грузди кучею, делянкой –
куда ни глянь, стоят кругом.

ЯГОДНЫЕ МЕСТА

Прошумел дождь тёплый над
поляной,
выглянуло солнышко опять.
Пахнет мёдом, клевером, дурманом...
Столько запахов – не сосчитать!
В капельках дождя блестят
ромашки,
васильки, левкой, вороний глаз.
А клубника алостью окрашена:
что ни ягодка – то благодать!

ПРОГУЛКА

Тёплый ветер родимых полей
навевает забытую песню...
Конопляник сплошною стеной
обступает дорогу тесно.
Запах резкий, пьянящий – разит,
мы снопы здесь в войну
молотили.
Коноплю не будешь ты сыт –
но голодные, мы ей молились.
... Не спеша, я сегодня бреду
по-над речкою, возле обрыва.
В воды синие, с грустью гляжу –
в детстве, всё-таки, был я счастливым.
Вот присел...
Буду долго следить
за утиною стаей, за рыбой,
что у глади зеркальной скользит –
отчего буруны светят зыбью.
И напившись воды ключевой,
надышавшись полянами вдоволь,
вместе с первою лёгкой росой
я вернусь, просветлённый, до дома.

НОЧЬЮ НА ЗАИМКЕ

Гром разразился майской ночью,
и долго длился страшный гул,

он с перекатами так мощно
лес сотрясал и в тьме тонул.
Грозу я слушал, как впервые,
и, сжавшись весь, не смел
постичь
небесной силы позывные,
природы дикой тайный клич.

ПРОБУЖДЕНИЕ

Встрепенулась роща,
прошумев листвою –
ветерок полощет
сумрак полевой!
Разогнал туманы,
гривы расчесал
и, пахнув дурманом,
скрылся в краснотал...
В травах серебристых –
перепёлок крик!
В небе нежно – чистом
солнце кажет лик.

НЕОЖИДАННЫЙ ДОЖДЬ

Над берёзовым леском
прокатился с треском гром...
Следом капли застучали
по листве и по ветвям...
Под деревья с другом стали
и глядим по сторонам.
За увал свалилась тучка,
встала радуга-дуга...
От травы туман пахучий
катит волны на луга.
... Ветерок промчался – лих!
Дождь пофыркал – и затих.

ИЗ ПИСЬМА ДРУГУ

В сумерках поздних струится
река,
паром негреющим дышит...
Ты мне напрасно судьбу
предрекал
– время иное нам пишет.
Здесь, над обрывом, в густой
тишине
щелкают перепелята...
вот отдалённо сигнал прозвенел
скачут вдали жеребята.
Мчатся игривые на водопой,
пыль над дорожкой клубится...
Вновь на рыбалке –
но я здесь – чужой...
Прошлому не возвратиться!

ИЗ КЛЕТЫ ЖЕЛЕЗНОЙ

Запах сладкий плывёт от леска...
Золотится июльский полдень...
Листья замерли – ни ветерка...
Собираю клубнику в ладонь я.
Я вернулся в родные края,
окунулся в лесное приволье –
как дикарь – из небытия,
как из клетки железной – на волю!

СМУЩЕНИЕ

Тучки грозовые только что
прошли,
белые берёзки и поля – омыты!
В травах освежённых запахи
взошли...
Я вхожу в лесок –
и замер с любопытством:
«Тик, тик, тик!.. Чик, чик, чик!..»
– откуда же этот звук возник?..
Слушаю, смотрю и поражаюсь:
Тишина... Ни – птички, ни –
зверька...
А вокруг, чуть слышно, продол-
жает
это необычное: «Тик!.. Так!..»

Я смущён: «Не кажется ли это?..
Вот охотник – а не разберёшь?..»
... Но невесть откуда налетел
весёлый ветер
и всего меня обдал холодный
дождь!
Прошумел...
И снова – тишина!..
Только слышно, сердце учащённо
бьётся, вторя капелькам: «Тик!..
Так!..»
– необычной радостью
смущённое.

В ЗАХАРОВОЙ РОЩЕ

В роще пасмурно, уныло.
Всюду сырость из кустов,
запах листьев, запах гнили
от грибов-боровиков.
Лёг тенётник на поляны,
белой ниткой вяжет сеть...
Лишь в шиповнике багряном
солнцу в ягодках алеть!
Выхожу я на опушку –
впереди блестит жнивье.
Тишина...
И можно слушать
сердце гулкое своё.

10. ПРИРОДНЫЙ ЯЗЫК

Трутник

(трубчатый гриб, растущий на деревьях)

Стояла наша деревушка в глухомани лесов и болот. Шла война с фашистами. Не было спичек и, как говорила бабушка Леля: *«Их днем с огнем не сыщешь...»*. А как раз огонь-то нечем было разводить, чтобы зажечь в печке дрова. И вот тогда дедушка Илюша принес из леса какой-то нарост с дерева, назвав его «трут», объяснив, что это – гриб. Высушили мы гриб на печке, и он стал внутри пушистым, как мох. Взял дедушка в руки какой-то серый камушек и резко ударил по нему железкой. И посыпались искры. Упали на «трут» – и гриб задымился. Дедушка подул на него – и вспыхнуло пламя. Бабушка Леля подошла с лучиной, зажгла ее и растопила печь. Глядя в мои изумленные глаза, она пояснила:

– Гриб в народе называют просто «трут» за то, что нелегко высечь искры, чтобы разжечь огонь, и еще – с давних времен он хранится в каждом доме...

Вечером втихомолку от деда я взял «трут» с камушком и вышел во двор. Начал потихонечку бить по камушку железкой. Безуспешно. Ударил сильнее. Выскочила одна маленькая искорка и мгновенно погасла. Я долго-долго повторял удары, но «трут» не загорался. И только изрядно набив до крови палец, наконец, высек большую искру, и «трут» сразу воспламенился. На второй-третий день я это делал уже увереннее.

И теперь, когда взрослые говорят о своей работе или произносят слово «труд», я почему-то сразу вспоминаю гриб «трутник», который в простонародной речи называют просто – «трут».

Сибирская лиственница

В зелёном океане лесов Сибирского края плещутся белоствольные березовые рощицы, сероватые осиновые колки, полутемные сумрачные ельники, светло-золотистые сосновые боры. На этом фоне выделяются глухие, непролазные таежные дебри.

В дикой и таинственной тайге главные породы – ель, сосна, кедр. Реже встречаются береза и осина – основные обитатели лесостепной зоны. И конечно же, в сибирской тайге лиственница – не гостья, а полноправная хозяйка.

Загадочная высокорослая красавица таежных просторов в конце апреля надевает молодую светло-зеленую хвою. За лето нежные иголки становятся темно-зелеными, а осенью золотисто-желтыми. Совсем как у сосны и других хвойных пород. Но когда с березы облетают листья, золотые хвоинки лиственницы тоже опадают на землю. За это и назвали странное хвойное дерево – лиственницей!

Всюду тайга круглый год – в строгом зелёном наряде, кроме тех мест, где растут лиственницы!

А живут эти необычные деревья по несколько сот лет. За высокий рост, горделивую и стройную осанку, за красоту и долголетие люди величают лиственницу **«Королевой сибирских лесов!»**

Весною она несказанно хорошеет, вместе с хвоей на ее веточках появляются ярко-желтые шарики с золотистой пылью. Дерево словно цветет. Со временем там вырастают похожие на свечки розовато-пурпурные молодые шишечки. Цвет их постепен-

но, день ото дня, буреет. Наступает осень – и чешуйки шишечек, как лепесточки, раскрываются, рассеивая далеко-далеко крылатые семена.

Солдатики

Речка Оша когда-то была многоводной, по весне выходила из берегов, заполняла заливные луга. А все потому, что раньше всегда жители моей деревни Старосолдатка строили и поддерживали в хорошем состоянии плотины. Часть воды по трубам спускалась ниже по течению. У других селений строились соответственно

свои дамбы. Водились в нашей речке и щуки, и окунь. А карася и гольяна кишмя-кишело. На речке мы охотились на уток. Куда эта живность подевалась сегодня, не знаю. Сама Оша повысохла и, наверное, вскорости исчезнет совсем.

Старосолдатка – село огромное, в годы войны в ней размещался районный центр со всеми службами. Более десятка улиц, три слободы: Воронежская, Курская, Сиб-Солдатка. Я жил в Курской, мой друг – на Воронежской, а в центральной части находилась школа. Многие улицы располагались по берегам реки, и мое детство тесно связано с речной жизнью.

Расскажу только один случай.

... Как-то летом мы купались на речке, и к нам подлетели и уселись на песок две красивые белые птички. Очень похожие на синиц, но светлей и с длинными хвостами. Они забавно трясли головами, словно кивали нам, важно ходили у кромки воды, что-то клевали, а их хвостики резко вздрагивали. Мы, пацаны, заспорили: как правильно называются эти птички? Но никто толком не знал, и мы спросили о том бабушку Алену, пришедшую на мостки с пустыми ведрами и коромыслом. Та сразу ответила.

– Как же, как же, знамо. Ведомо мне, их ране звали солдатиками.

Слеповатая, старая бабка медленно ушла домой, а мы все хохотали.

– Солдатики, солдатики, – повторял Петька, – это потому, что так звать нашу деревню. Да и мы все – также солдатики... И он был прав. В разговоре сельчане часто говорили: «Мы из Солдатки, солдатские, солдатики...». Хотя наше село и называлось правильно Старосолдатка, его кликали обычно «Солдатка». А ведь неподалеку стояло еще одно село – Новосолдатка.

Этот случай с птичками произошел в 1945 году, сразу после войны, и мы в те грозные дни, опаленные войной, очень гордились названием нашей деревни.

Став взрослым, я узнал из книг название тех птичек: «белые трясогузки». Но мне лично это ничего не говорило, а вот «солдатики» – это да!

Что-то близкое, глубинное и даже родное.

«Светит, да не греет»

За окном – морозный январский день, на стекле – слабый отсвет солнца. Дед Ипат, набив трубку самосадам, дымит в небольшой избенке так, что бабка Марфа открыла форточку и тихо поругивается.

Старик то чинит упряжь, то вяжет сети, то ладит мордушки. Сегодня он плетёт кнут из узко нарезанных ремней. Я сижу возле с полуоткрытым ртом и по-мальчишески удивляюсь его рассказам и присказкам.

– Зимнее солнышко лишь ласкает глаз. Вот на деревьях и проводах который день кряду пушистый иней – к урожаю. А морозы крещенские – долгие, злые. Видишь: кошка на печке жметя к трубе, свернулась клубком, прикрыла нос лапами – к морозу. А гусь прячет нос под крыло, на одной лапе стоит. И в печке горит шибко красный огонь. Все это – к холоду...

Слушая деда, вспоминаю, насколько он точно весь прошлый год предсказывал погоду заранее. Не то что прогнозы по радио. И советовал все время окружающим: когда выезжать в поле сеять, когда сажать в огороде картошку или огурцы, когда начинать сенокос...

Деду Ипату 92 года. Почти за столетие он изучил природу, знает ее капризы досконально, всегда наблюдает за любыми резкими переменами. Волей-неволей научился понимать взаимосвязь окружающих явлений.

На осеннее солнце язвит: «Светит, да не греет», а январское светило нарекает уважительно: «Бокогрей» или «Просинец». Не совсем понимая эти необычные слова, я попросил объяснить загадочный смысл их, на что он в ответ послал меня во двор – посмотреть внимательно за коровой.

Я вышел к сеновалу. Корова спокойно жевала жвачку, стоя левым боком к солнышку. Внимательно прищурившись, различил у нее левый бок сухим, а правый – в инее. И здесь корова, как по заказу, развернулась к солнцу правым боком. И я увидел как иней стал исчезать с ее шерсти. «Ничего себе, вот дела. На улице мороз, а иней тает. Значит, солнышко греет», – размышлял я удивленно. Теперь понятно, почему называют январь «бокогреем!» Вернулся в избу, рассказал. Дед, хитро улыбаясь, пояснил:

– Весь январь на реке, куда уходит пить наша бурака, в проруби до краёв полно воды – значит весной надо ждать большие разливы. А туман по утрам предсказывает раннюю весну.

10. ЯЗЫК ПРИРОДЫ

ИСТОК

Да, начало у реки –
с малого ручья...
В небе звёзды далеки –
им сестрой – земля.
Моё детство – ручеёк,
связанный с морями...
Знаю дом свой и шесток –
с тропкой за дверями.
Та тропинка – мой исток
жизненной дороги.
Посмотреть весь мир я смог –
радость знал, тревоги...
Знал я счастье и любовь –
чтил всегда родную кровь!!

ШТИЛЬ

Ах, какая тишина!
Улеглась в проулке пыль...
Тучка чёрная видна –
так обманчив этот штиль!
Быть грозе! –
А в речке – синь,
в травах – нити паутин.
Холод веет с высока,
но пока – ни ветерка.

ЭРОЗИЯ

Порастрескалась земля
от жары и ветра...
Загрустили зеленыя
на посевах летних.
Ссохлись, съёжились цветы,
травы – пожелтели...
Солнце жарит с высоты
две уже недели.

ШИБЛЯК

Колет руки, жалит шею
мне шиповник – так и сяк...
Но пройду я, одолею
лес с кустарником – «шибляк».
И сорву на память розу,
станет взгляд мой нежно-розов.

БАЛКА

Под горой течет речушка,
в тальнике – запруда...
Голос маленькой пичужки
слышится отсюда.
Осторожно вниз спускаюсь
и прохладой наслаждаюсь.

БРОД

Из лесных, из крутых берегов
речка, вырвавшись в поле –
притихла,
разделилась на пять ручейков...
По колено идём в них, не
дышим.
Наконец-то нашли в речке брод.
Продолжаем туристский поход.

ИЗМОРОЗЬ

Выбелила изморозь
ветки, провода...
Мне знакома издавна
эта красота.
Снежный лес сверкает
пышной бахромой,
иней рассыпая
пухом предо мной.

ЗАИМКА

В тайге, на поляне, под старой
сосной
скучает избушка – заимка.
Лишь с первой порошей охотник
тропой
сюда путь проложит свой
зимний...

ЭРОЗИЯ

Порастрескалась земля
от жары и ветра.
Загрустили зеленыя
на поляне летней.
Ссохлись, съёжились цветы,
и завяли травы.
Солнце жарит с высоты...
- Боже, ты не правый!?

ГЕНЫ

Генетика наша – то память
земли...
Уходят века сменой поколений...
А корни о прошлом забыть не
смогли –
и кедровые встают, словно берег из
пены!
Деревьев здесь не было много
лет!?
Зелёные всходы сияют окрест!
А помню, судачили мне старики:
«... Мол, люди кедровый лес не
сберегли...»

ЕЛАНЬ

Шёл меж сосен: утра – рань,
с веток капли светят!

Разомкнулся лес –
Елань
раскинулась приветливо.
Полудикая поляна,
тьма цветов, и воздух – пряный!..

ВОЛОК

Путь по речке наш далёк...
Мель – что может хуже?
Волок – значит, поволок
лодку я по суше.
Вновь заторы – то бобры
строят здесь плотины.
Звери умны и хитры,
мы же – горбим спины.

ЗАВОДЬ

Меж талов глубок залив,
ямы в нём, водовороты.
Мрачен остров, молчалив –
вся река за поворотом.
Этот маленький рукав
называют просто: «заводь»...
Мир таинственен, лукав.
Ведьма здесь живёт да дьявол.

ВЁДРО

Ясный, солнечный денёк
светит меж деревьев...
Вёдро – словно огонёк
из наречий древних!

ПАВОДОК

Нынче спорая весна –
паводок на речке...
Синь...
Разливами полна
даль... Ручьи лепечут...

ГНУС

Мы шагаем по тайге,
мошек – тьма, я – гнусь.
В уши, ноздри – и везде
лезет злобный гнус.

ВИХРЬ

Разметав камыш с осокой,
заводь рябью принакрыл,
растрепал у ивы локоны...
Клубом пыль с дороги сбил.
Ввысь взметнул травинки скопом –
и исчез в прыжке высоком.

ОПОЛЗНИ

Разлилась весной река,
берега подмыла,
и с обрыва – с высока
иву уронила...

ЕСТЬ НАЧАЛО...

Есть начало у ручья,
у тропинки и у леса.
Жизнь – река, и у меня
предки есть, исток известен.

ПОЛЫНЯ

Лёд вокруг всё толще, звонче –
не сдаётся полынья:
плещется, играет солнцем...
Ах ты, реченька моя!

ЛОЗА

Вокруг болота, по низине
навстречу плещется в глаза
ветвями тонкими, в мизинец,
такая гибкая лоза...
Когда зимой бушует вьюга –
косулям, зайцам в ней уютно.

ШТИЛЬ

Ах, какая тишина!
Улеглась в проулке пыль.
Тучка чёрная видна –
так обманчив этот штиль.
Быть грозе! –
А в речке- синь,
в травах- нити паутин.

ЗАЙМИЩЕ

Разлилась река по лугу,
где тростник и рогаза.
Утки стайкой, друг за другом,
мечутся.
Гремит гроза...
Я впервые на охоте
в этом займище большом.
Вечер красит позолотой
плёс с высоким камышом.

СОЛОНЕЦ

У болота, в солнцепёке
в белых пятнах луг искрит.
На траве росисто-мокрой
вижу чёткий след копыт.
Соли белые полосы
проступают вдоль болотца,
и косули утром ранним
её лижут со стараньем...

СУХОДОЛ

Постарел водораздел,
в травах зарастает...
И разлив так обмелел –
камни выступают...

ПЕРЕШЕЕК

Между двух озёр – дорожка,
и над ней – берёзок шелест.
Кружит коршун осторожный,
затаился перешеек.
Слева – берег, справа – берег...
Птички коршуну не верят.

ПРЯМИЦА

Разлилась вода весною
и, спрямив речной изгиб,
в русло новое – с волною
мчится лугом, напрямик!..

ЛОЖБИНА

Луг искрит закатом синим.
Воды талые сошлись
по низине на ложбину –
отразилась в водах высь!
Гуси, лебеди на плёсах...
Лодка, сети-капли с вёсел.

НАСТ

В марте – тает...
Злой мороз
ночью так поддаст,
что под утро – стынет нос.
Снег – ледовый наст!
Худо зверям – не пройдёшь,
обдирают ноги в кровь!

ТРЯСИНА

Между кочек – зелень тины
манит покрывалом...
Только встал я на трясину –
ух! – как не бывало!
Оборвался в воду, вниз –
за соломинку держись!

ЗАКРАЙКА

Скатилась талая вода
с увалов в чашу озера.
Враз растопила кромку льда
под берегом берёзовым.
И ивы жёлтые стоят
по грудь в воде.
Горит закат...

ИЗЛУЧИНА

В реке играют солнца лучики,
бежит река за поворот.
Полукольцом искрит излучина,
в ней остров с ивами встаёт.

ГРИВЫ

Из берёз, осин те гривы –
гривы сказочных коней.
Ветер треплет их игриво
посреди родных полей.

ТАЛИЦА

Эта странная протока
не замёрзнет и зимой.
Родники здесь – их истоки
не страшит мороз любой.
... Струйка булькает, сочится –
через лёд к весне стучится.

ТОРОСЫ

Ледостав не сразу встал –
и Иртыш весь в глыбах!
Снег шуугою обрастал,

льдами волны дыбил...
Берегом бегу на лыжах –
и поёт камыш мне рыжий.

ТРОПА

Затерялся бы, пропал
я в тайге дремучей –
но ведёт меня тропа,
а над нею – лучик!
Меж вершин – просвет в глазок,
впереди – тропа в шажок.

СУХОСТОЙ

На корню гниют деревья:
от болота – прель и гниль...
Раньше в воду свято верил,
а теперь – взгляд изменил!

СЕЛЬ

Грязекаменный поток
оторвав с холма карниз,
всё сметая на пути –
устремился вниз!
Снеготаянье весны...
Селевой поток –
сена стог, забор и клеть
к речке поволок!

ВЫГОРА

Через лес прошёл пожар –
чернота, аж страшно!
Долго будет помнить гарь
о беде вчерашней.

ПАДЬ

В овраге сыро...
Вниз сползая,
кусты цепляются, как рать.
Осел грунт, корни оголяя.
Внизу темно, угрюма падь.
Но пахнет свежестью желанной,
и плавает туман обманной.

ЧАЩА

Глубже в лес – темно
и страшно.
Жерди... Плесень... Гниль
вокруг...
– Не ищи грибочки в чаще, –
говорил мне в детстве
друг.
Я с корзиной продираюсь –
пусто.
Друга вспоминаю...

11. В СОРОКОВЫЕ – ГРОЗОВЫЕ

ПАМЯТНЫЕ ГОДЫ

Из военного детства меня поразило несколько особых картин. Первая – это когда в деревне на третий год войны объявился дезертир, а через полгода – узник концлагерей.

БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИЕ

Губин Андрей и Абрамов Андрей
на войну уходили вместе.
Под Харьковом в сорок
втором, в «котле»
пропали оба без вести...
А в конце войны, за год
раньше всех,
объявились неожиданно в
деревне.
Без погон, в шинели
приплёлся один
по пыльной дороге в мае –
из германского плена, из
концлагерей,
с территории Югославии.
Второго в июне милиционер
выследил на заимке
охотничьей –
дезертиром скрывался два
года он,
словно волк в своём логове.
Гремела ещё, убивала война
там, вдали, за багровым
закатом...
Эти двое, как призраки,
жили меж нас –
мы их все ненавидели молча.
Губин Андрей, узник
концлагерей,
заговаривал с первым
попавшим,
но его сторонились –
презренный плен
был плевком перед памятью
наших!
Абрамов Андрей,
прятавшийся в лесах,
пооброс и покрылся
коростой,
зимой в погребке полуслеп
и скрывался теперь за
погостом.
Не убили его (хотя б надо
убить),
руки пачкать о дрянь не
хотелось –
да в избёнке его трое малых
детей
о хлебе голодно скулили...
Не встречаясь между собой
(хотя были дальние
родственники),
узник и дезертир по утрам,
как собаки плешивые, за
целебной травой,
пробирались в поля
незаметно.
Сено косили, рубили дрова
и ловили рыбёшку в озёрах,

и домой возвращались
впотьмах,
укрываясь от гневных
взоров.
И тот, и другой были
«кости да кожа»,
только узник концлагерей
был задумчив всегда и
взгляда не прятал,
и большой его лоб был упрямым
и высок!
Дезертир шелудивой
собачкой
с угрожающей позой перед
всеми юлил –
кланялся, извивался, как
червь,
или чаще во двор быстро
прятался.
... Пришла Победа!
Вернулись с фронтов
шесть гвардейцев да пять
калек
(на семьсот деревенских
дворов).
И напротив избы
дезертира
объявился Кузьма с
деревянной ногой.
Костылём сучковатым
махая,
выгоняя коров по утрам,
заявлял: «Сгинь же, тварь,
ты поганая!».
Ясно: то не коровам вослед,
а в лицо дезертира
напротив..
Недолго так было: осенней
порой
дезертир на рыбалке из
лодки
вывалился, и в сети застряв,
захлебнулся грязницей
холодной.
А сосед через год, весной,
в гимнастёрке на Май появился –
на груди его впалой, больной
орден Славы ярко лучился!
Громко ахали все...
У Андрея глаза
светились достоинством,
честью –
в подтверждение всем он
газету читал
про бои в сорок первом у
Бреста.
Год прошёл.
И с Восточного фронта
сын вернулся – бравый

танкист,
стал открытым их дом для
гвардейцев
и с застольем, и с пляской
под свист!
И Андрей с орденом между
ними
чай тянул с заваркой на травах.
Над его худобой все шутили,
обекая к знахаркам
направить!
Да, судьба такова: горечь с
узника сняв,
клеймом оставила «кости
да кожу»,
хотя в доме был полный
достаток.
Мёд, топлёное молоко
пил Андрей каждый день для
поправки.
Но напрасно – еда впрок не
шла:
на всю жизнь он остался
голодным,
худобой за версту виден был
и под вечер, ослабший,
шатался.
День за днём всё желтели
упрямой
желваки на щеках – пробил
час.
В сенокосную жаркую пору
увезли его в госпиталь в
Омск.
А потом слух пронёсся:
«Рак!».
То осколки в теле
оставшиеся,
что в спине рубицевались
поряд – воспалились...
Открылись раны...
Привезли его вскоре назад
в безнадежном уже состоянии.
...И не стало соседа под осень –
хоронили всем миром его.
И теперь, только вспомню
войну,
предо мной – детство бедное,
мама...
И людские, лихие страдания.
Глаза женщин, полные слёз...
До сих пор, вспоминая войну,
вижу я похоронку отца,
вижу улицу вновь
деревенскую,
где крадутся во тьме ко
дворам,
словно призраки, два Андрея,
так похожие – «кости да кожа».

Особый случай, который врезался в память на всю жизнь, – это день, когда нам принесли похоронную на отца.

ПОЧТАЛЬОНША

Тоненькая, голенастая,
с сумкой брезентовой на боку
утром ранним и вечером
поздним
проходила она по селу.
Шла по лужам иль знойной
пыли
из края в край – в семьсот дворов
три деревни объединились:
Старосолдаткой звали село.
Ни газет, ни последних
известий
ждали сельчане, а писем
с фронтов,
где в строчках живое дыханье
братьев, сынов, отцов...
Она, обходя грязь и рытвины,
пробиралась вдоль шатких
плетней.
О, как её ждали и как боялись,
склоняя головы перед судьбой!
Старики и старухи на лавочках,
измождённые руки на колени
сложив,
перекрестясь, степенно
кланялись.
Одинокие женщины,
руками грудь поплотней
обхватив
(чтоб сердце потише стучало),
окружённые притихшею
ребятнёй,
из калиток распахнутых
выходили.
Молодки, невестки навстречу

выбежали, её окружив.
Шла она по селу –
вслед, с письмом, улыбались,
растерев по лицу скупую слезу.
Без письма – тихо, молча
молились.
И почти, и почти всякий раз
где-то в улице, сердце мороза,
раздавался пронзительный
плач!
И взывали собаки,
и небо темнело,
и стекались люди,
о горе скорбя...
Мне тех дней не забыть –
и теперь по ночам
часто снятся кровавые зори,
ржавый лист под окном
то скрежещет, то стонет,
и пасхально поют в темноте
провода.
Почтальонша была
подростком, не более,
откуда-то приехавшая –
беженка от войны,
потому-то, наверное,
её так уважали
и с любовью усаживали
в каждом доме.
Она письма читала и улыбалась,
если в письмах надежда жила.
И смущалась она, морщилась
и страдала,
если горечь и боль
звучали в строках.
О, сколько страданий чужих

и потерь
вместилось в одном её сердце!
Ко всему человек привыкает?
Враньё – она не привыкла.
В майский вечер
(помню, словно сейчас)
долго-долго стояла у нашей
ограды,
что-то маме дала – слабо охну-
ла мать
и упала на землю, рыдая.
А она, тоже плача, закрыв лицо
руками, ушла, спотыкаясь...
И завыл вдруг наш пёс,
и качнулась изба.
И собралась уйма народа.
Кто-то гладил меня,
кто-то хлеб мне совал...
Я сбежал огородами к речке.
Губы сжав, горько думал пацан:
раны, кровь, оторвало пусть
руку –
допустимо. Но как это –
смерть?!
Почтальоншу еще много раз
встречал, сумку возненавидя,
замечал грусть больших серых
глаз.
А потом её что-то не стало.
Говорили: в больнице она,
в райцентре, долго лежала,
всем понравилась – больным
и врачам,
и сестрой милосердия там
осталась.

Позднее приятная встреча произошла с одноруким фронтовиком, уже в середине лета 1944 г.

ПАРИКМАХЕР

Парикмахер однорукий
на селе моем большом
был один, и не от скуки
мы спешили в низкий дом.
В выгоревшей гимнастерке
он, медалями звеня,
и всю дымя махоркой,
мог рассказывать полдня.
Про бесстрашие саперов
и про взводный пулемет.
И о снайпере «матером» –
пацане в пятнадцать лет.

Вспоминал и переправу,
где попал в крошечный ад...
Сам при этом быстро, плавно
вихри умирал ребят.
Полотенце и расческу
он «култышкой» прижимал...
Мне кивал: «Садись-ка, тезка.
Как прикажешь, генерал?..».
Про отца мне слово в слово
повторял, как вместе в бой
в сорок третьем или
под Псковом,
как поздней встречались снова, –

уверял: «Отец – живой!..».
И, вздыхая незаметно,
наклонясь, стриг меня –
и во взгляде его светлом
плыли искорки огня..
Рукавом пустым, линиялым
задевал лицо слегка,
и казалось мне: дрожала
смерть выдавшая рука.

5 мая 1944 года у села Большое Раменье Псковской области погиб мой отец
Зензин Василий Павлович, лейтенант, командир взвода.

Утро майское.
Синь небосвода...
Бьёт из дота в упор
пулемёт.
Ты упал с пистолетом
на взводе,
поднимая в атаку взвод.
Из плеча струйка крови

сочится,
но, собрав свою волю в
кулак,
понимаешь, что надо
решиться
на последнюю из атак!
Приподнявшись,
согнув слегка ноги

для рывка рокового
вперёд,
за собой увлекая
немногих,
ринулся на грохочущий
дот.

11. ВОЕННЫЕ ГОДЫ

ПЕЧАЛЬНЫЙ ОБОЗ

Площадь райцентра...
Ухабины, грязь –
дождливый июль сорок первого.
У военкома подтеки у глаз...
Тик на щеке!... Голос нервный...
А репродуктор гремит со столба –
разносятся грозные сводки.
Играет гармошка... Хмельная
толпа...
Отец на передней подводе.
Вот тронулся длинный
печальный обоз,
а с ним вся толпа – по поселку...
Пять лет мне. Околица светлых
берез...
Мать плачет... Не дам всему
толку.

В ДНИ ВОЙНЫ

Сруб в проулке стоял много лет,
был похож он на чей-то скелет.
Ветер в щелях свистел, ночью
бревна
в темноте проступали, как ребра.
Кто проедет, пройдет – на углы
поглядит и вздохнет: эх, дела?!
И в конце уж войны, в злой мороз.
разобрали, сожгли – те, кто мерз.
Через пять страшных, памятных
лет
с костылем возвратился сосед.
Не сказал никому он в упрек –
ведь кого-то согрел огонек...

В МАЕ 1944 г.

Там пахнут клевером поляны,
и пчелы бойкие поют –
что я счастливым, сильным
стану...
Отца на фронте не убьют...
В тот год отца вдали убили...
Пацан – я вырос, сильным стал...
Поздней душа не полюбила
края чужие, где бывал.
А это поле? – здесь по тропке

я приходил весной не раз.
Искал в стерне голодный,
робкий –
те зёрна, что спасали нас.
Ах, колоски! – зерно на кашу!
В чугушке, затхлые они,
недолго прели. Лица наши
светлели в горестные дни.
Мне не забыть, как в май пахали:
бурёнка – плуг, за плугом – мать...

В ДЕТСТВЕ

Темнеет... и розовый глянец
стекает в асфальт, на панель...
А мыслей причудливый танец –
за тридевять дальних земель!
Там – речка и лес предзакатный –
в нём галочий переполох...
Вслед девочке в легоньком
платье –
старушки задумчивый вздох.
Там – в поле зелёной волною
поднялся усатый ячмень...
Там мальчик на вело тропую
спешит обогнать свою тень.
Озёра в светлейшие линзы
вобрали небес синеву...
Там – мама моя...
Там – Отчизна,
в которой я с детства живу!..

ВОЕННЫЕ ЗИМЫ

В зимы военные, в годы голодные
снег заметал нам до крыши избу.
Помню: в ту выюжную ночь
новогоднюю –
ветер свистел одичало в трубу.
Мама крупу и пшено получала
по аттестату, что был от отца...
Праздничный ужин готова,
печалясь,
нам согревала любовью сердца.

Я ТРОГАЮ ШРАМЫ

Веду на поляне с берёзкой беседу,
ладонью касаясь ветвей ...
На шрамах, в коре, открываются
бездны –
в них слышу дыханье корней!
И чувствую: время куда-то
относит
поляну, берёзку, меня...
И вспомнились:
годы военные, осень
и горечь холодного дня...
К нам в мае пришла похоронка –
под Псковом, в бою пал отец.
Мы – дети сидели в избе
потихоньку,
казалось: всей жизни – конец!
А мама всё плакала...
... Давние беды
внезапно зажгли огонёк,

я трогаю шрамы, с берёзкой
беседую...
В ладони слетает листок...

ДА, УХОДЯТ МОИ ГЕРОИ

Да, уходят сельчане-герои,
словно солнце по вечерам...
И встают над могилами строем
obeliski, навстречу нам!
Партизан Куринных, лётчик
Губин,
Грошев – узник концлагерей.
От осколков давних, зазубренных
боль несли до последних дней.
Как скрывали её?.. Как страдали,
собирая остатки сил...
... Чей-то внучек играет
медалями –
видно, дедушка их относил.
Примеряет мальчонка к рубашке
«За отвагу», «За Прагу»,
«Берлин»...
– Если б знал, как они пропахли
потом, кровью, тревогой седин!..
... Догорают мои герои,
словно зори, по вечерам.
... У оградок, любовно
застроенных,
в карауле стоять тополям.

ПОХОД В КИНО

Свет погас... В клуб ворвалась
пацанов ватага
в тот момент – как началась
лента про «Варяга».
Враз, в распахнутой двери,
в льдистых, старых валенках
проскользнули «чёрт-возьми»,
пять маленьких – удаленьких!..
На билеты денег нет
(годы шли военные)
и в ватаге той – я, шкет
«главный», без сомнения.
Возмущённый билетёр
дверь закрыл...
Мы разом –
кто куда!?!... Я сел на пол.
Даже эдак – праздник!

Памяти генерала
Карбышева

Февральские морозы жгучи.
Раздетый, по снегу босой
идёшь вперёд.
Святая участь
принять последний бой!
Из шланга льётся ледяная
вода на спину, на лицо.
Лёд на плечах –
душа живая
собрала мужество в
кольцо.
Как айсберг, леденел
громадой.
Враги в смятении: глыба
льда –
жива!
Пар белый, брызги градом –
и в каждой капельке –
ЗВЕЗДА.
... Идут года, над
человечеством
стихают войны и грома,
но предо мною
неизменчиво
встаёт та давняя зима.
Опять февраль, и в злобе
дикой
пурга гудит над
Иртышом...
О подвиге твоём – великом
поют ветра тоскливым
днём!
Опять завьюженной
тайгою
брожу меж сосен до зари,
под каждой глыбой
снеговой
мне чудятся – богатыри!

НА МЕЛЬНИЧНОМ ПРУДУ
Снопы стоят в тугих суслонах,
цепей звон резкий на току...
И кружат каруселью кони
весь день в коричневом поту.
На «тарантасе» – старой бричке
снопы подвозим мы с полей,
нам, пацанам, вошло в привычку
быть всюду возле матерей.
... Над током пыль и бабьи крики,
седые бороды – молчат.
Меж ними есть Кузьма Никитич –
безрукий молодой солдат.
Он даст команду и култышкой
руки махнёт – и все спешат...
Он – в гимнастёрке,
знойно дышит –
глаза, как выстрелы, разят!..
И бабы, ярые и злые,
пред ним стихают, онемев....
Им видятся черты родные
мужей, которым нужен хлеб.

... Лишь поздно в вечер,
с темнотою,
стихает дробный шум страды.
На западе закат багрово
дымит, в предчувствии беды.

ОБЕЛИСК

Дом кирпичный,
старый –
в окнах пыль
(был когда-то он военкоматом),
рядом скверик...
В нем белеет
шпиль
обелиска...
Список павших,
дата...
Как во сне...
Рукою по лицу
провожу, припоминаю годы:
сорок лет мне,
тридцать два отцу,
старше я –
и непонятно вроде?!
Щеки запыхали,
труден вдох!..
Вспоминаю детства
мир
огромный:
ел я лебеду,
чертополох,
запрягал свою Буренку в
дровни...
Собирал на поле колоски,
с дедом Пашей ставили суслоны.
Усмехался дед:
“Зажмем в тиски
все вражье –
картечью их каленой!..”
Но однажды (не забыть лица
почтальонши)
постучались в
двери...
Столько лет!..
А горю нет конца,
хочется,
как прежде,
ждать и

верить!
...И к подножью
наклоняясь низко,
землю я беру
под обелиском –

вместо той,
не взятой мной с могилы
на чужбине,
где отца убили!

В ПЕРВЫЙ РАЗ Я ПОДУМАЛ О ВЕЧНОМ

Потемнели поля, перелески,
замутились у речки глаза,
и вороньей, картавою вестью
громыхнула за далью гроза.
Пыль взвилась!..
И прогорклые травы
вдоль дороги взмахнули листвою...
... Я лошадкою бурюю правлю,
торопясь поскорее домой.
На охапке зелёного сена,
полулёжа, смотрю в небеса,
где меняется цвет постепенно
облаков... А меж них – полоса!..
Полоса с синевой бесконечной!..
Полоса, как дорога мне вдаль!..
– В первый раз я подумал о
вечном,
беспредельном...И стало мне
жаль
этот луг, этот сон деревушки –
эту малую точку земли...
... И прикрывши глаза, долго
слушал,
как раскаты всё небо трясли!..

ЗВЕЗДА ОТЦА

Когда в ночи горит его звезда
над тёмными осенними полями –
поют тоскливо, плачут провода,
обнявшись с телеграфными стол-
бами.
Столбы вкопали с первых дней
войны,
они тянулись вдоль большой
дороги...
Подводы шли на фронт, людей
полны –
назад не возвратились после
многие...
Звезда отца – она с тех пор горит
вверху над телеграфными
столбами...
И стонут провода – то в них
звучит
отцовский голос из посмертной
дали.

СВЯТАЯ ПАМЯТЬ

Как дороги могилы близких
в осенний сумрак и дожди...
О, Родина! – свет обелисков
нам освещает все пути.
Куда б ни шёл, куда б ни ехал –
навстречу звёзды их горят.
Вдаль прокричи и слушай эхо –
они с тобою говорят.

12. РОДИТЕЛЬСКАЯ ЛЮБОВЬ

ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ

За время учёбы с 1 по 10 классы в Старосолдатской средней школе я испытал всякое. Помню дни, когда в нашей избе не было ни крошки хлеба, как часто вместо сухаря грыз я горьковатый коричневый жмых, подбренный в коровнике на колхозном дворе. Особенно тяжёлым был первый год после окончания войны.

Запомнились первые весенние дни 1945 года, когда мы с братом перекапывали огород и собирали мёрзлую картошку. Крахмал из неё шел на лепёшки. А какими вкусными были дымящиеся супы из лебеды и молодой крапивы! А первые выходы на луга за полевым луком и щавелем, за вкуснейшими саранками и другими лесными злаками...

В первый год моей учёбы занятия в школе я посещал только до первых декабрьских морозов. У меня не было зимней одежды, и мать решила, что учиться я начну со следующего года. Так я оказался второгодником. Со следующего года, начав учёбу, часто болел, а потому прогуливал занятия. Но постоянная работа по домашнему хозяйству и частые походы в лес на охоту и рыбалку закалили впоследствии меня, сделали сильным.

В начальных классах мы постоянно выходили то на жнивье – для сбора колосков, то на уборку картофеля. Став постарше, летом, как правило, я работал на тракторном прицепе или на хлебном току. Приходилось на быках возить с полей зерно в бричках. Еще мне нравилось помогать матери и другим женщинам, когда они скошенную пшеницу вязали в снопы, а мы, пацаны, ставили их в суслоны. Помню, как обмолачивали снопы: на земляной площадке допотопную молотилку вращали два запряженных коня, чётко двигавшиеся по кругу быстрым шагом. Но за все эти работы нам, школьникам, ничего не платили. Даже крестьяне на свои заработанные трудовни получали крохи в виде зерна или денег. Помню, когда мы собирали колоски, нам учителя строго запрещали оставлять хотя бы часть их в наших детских карманах. Ведь в те времена было указание (сталинское) – за любые мелкие хищения (в том числе и за колоски) наказывать и даже садить в тюрьму. Но всё же, мать в мою старенькую телогрейку изнутри, в подкладку, вшила потайной карман, в котором иногда я приносил домой немного колосков на кашу.

Семья наша состояла из четырёх человек. Мама – Евгения Паисовна, старший (на два года) брат Николай и младшая (на три года) сестрёнка Аня.

Мама работала в школе техничкой. Чтобы выжить, мы содержали хорошее подсобное хозяйство: корову, овец, свинью, десяток кур. А это значит – ежедневный тяжёлый труд для всех членов семьи. Скажем, заготовив дрова и сено, мы на тележке вручную перевозили их частями из леса и с поля, за много километров от дома. Правда, иногда использовали для этого свою корову, так как правление колхоза иногда в весеннюю страду заставляло крестьян пахать колхозное поле на собственных бурёнках.

Вообще-то, мы не считались крестьянами, отец до войны работал бухгалтером. Но, не являясь членами колхоза, мы потому постоянно обращались в правление за разрешением на заготовку дров, на выдачу участка для покоса и по другим нуждам. Помню, как мать при мне долго упрашивала толстомордого бригадира, чтобы тот выделил нам участок для покоса. Наконец, бригадир согласился при условии: первые десять готовых копен сена будут нами сданы в колхоз. С нас, как и со всех (у кого погибли на фронте отцы) исправно собирали разные налоги: за овец – шерсть, за кур – яйца, за корову – молоко.

Вечерами, сидя у ворот на лавочках, старики, вспоминая былые времена, рассказывали многое и о моём деде – кулаке. Находясь зачастую рядом, из многочисленных их рассказов, я понял, что до колхозов крестьяне жили значительно лучше, зажиточнее. Бедных почти не было. Примерно на сто человек лишь пять-десять крестьян (это от рода ленивые или какие больные, или пьяницы) не имели в доме достатка, а все, кто не ленился, а работал, имели всё необходимое в доме. Земли-то хватало всем, все поля и леса, и даже озёра имели за кем – нибудь закрепление. Вот и мой дед имел на увале свой участок земли и леса, а на озере Долгом для охоты ему был отведён дальний участок – «Зензин угол». Старосты в сёлах наводили нужный порядок – даже по ягоды (пока они не созреют) не разрешалось без спроса идти в поле. А мой дед был одним из самых работающих и знающих, делал все работы вовремя и качественно. И за что его выслали, многим односельчанам было непонятно.

Иногда эти же старички или иные мужички на охоте, в охотничьей избушке, после чарки выпитой самогонки, безбоязненно, в открытую поносили Советскую власть, сделавшую их жизнь зависимой, несвободной

и бедной. Со множеством разных глупых законов. Я их вдумчиво слушал и со многим соглашался, и удивлялся, что они не боятся так говорить. Ведь после войны за такие речи могли сразу же надолго упрятать любого в тюрьму.

Брат и сестра учились на отлично и закончили школу с медалями, я же проводил всё время в лесах и на озёрах, занимаясь постоянно спортом, в результате чего стал быстрым, выносливым. К десятому классу я уже имел первый разряд по лыжным гонкам, вторые разряды по лёгкой атлетике и шахматам, являлся чемпионом района среди взрослых, занимал призовые места на областных соревнованиях.

Статус райцентра делал жизнь Старосолдатки полнокровной, культурной, спортивной. Работники райвоенкомата, образования, медицины, культуры и других районных служб активно участвовали в самодеятельности, в спортивных мероприятиях.

Проводились праздничные демонстрации. Так уж распорядилась судьба, что 13 лет существования райцентра совпали с моими годами жизни в Старосолдатке. В 1953 году я уехал на учёбу в Омск, в спортивный институт, и через год района не стало. Ещё раньше в Новосибирский транспортный вуз уехал брат, а после меня поступила в сельхозинститут младшая сестра.

Мама осталась одна, но мы её навещали. Особенно часто, почти постоянно, приезжал к ней я. Один, с семьей, со внуками.

У МАМЫ

Как чисто и
приветливо
в родительской избе,
картинками
залеплены все стены...
*«Я к тебе
вот – побелила печку,
связала половик...».*
Гляжу на стол и
свечку,
и на иконный лик.
Как это всё знакомо:
и бедность, и тепло...
И в горле что-то
комом,
а на душе – светло!
Слежу тайком за
мамой –
тяжёлая болезнь
морщинит лоб
упрямо,

в глазах усталость
есть.
Но, всё преодолевая,
с улыбкой на лице
рассказывает мама
о Сашке – подлеце:
*«На пасху, пьян, на
тракторе
наехал на забор
и вот, такой
характерный,
не кажет глаз с тех
пор...».*
Рассказывая, мама
хлопочет у печи:
*«Гляди-ка ты,
румяные,
на славу калачи!..
С дороги, может, в
баньку?
Я всё ждала вчера,
ведь сердце не*

*обманешь:
целит, болит с
утра.
Вон лапой кот нос
моет,
ворожит на гостей.
А вот про Настю
новость...».*
О, сколько новостей!
...На стол - графин и
рюмки,
капуста, холодец.
И рядышком в
раздумье
садимся, наконец.
Течёт, течёт беседа
по памяти, как сон.
*«Ты завтра не
уедешь?».*
И в голосе, как стон.

Мама позднее переехала ко мне в город, но пожив около года, вернулась обратно в деревню. Наверное, такова судьба многих матерей, проживших трудную, но надёжную жизнь в деревенской избе.

12. МОЯ МАМА

МАМА

Мама часто за полночь вставала
и по половицам тихо шла,
тонкую лучину зажигаля –
и на кухне расступалась мгла.
Разгорались с трескотнёй
поленья,
о чугун позванивал ухват,
и сквозь сон я слышал в печке
пенье,
а под лавкой – посвисты цыплят.
Жалобно в углу мычал телёнок
и, скользя копытцами, вставал –
звякая пустым ведром спросонок,
сладко дно шершавое лизал.
Мама открывала двери в сени,
шла во двор, к бурёнушке в
пригон,
и с морозным паром запах сена
в кухню плыл, цветами напоён!..
Мама до рассвета уходила
в школу,
где техничкою была –
коридоры, классы мыла, мыла...
А потом у входа нас ждала.
Много лет встречала так,
вздыхала,
горбилась...
И мыла допоздна...
И поочерёдно отправляла
в институты
всех троих –
ОДНА!

СКОРБИТ ОСЕННЯЯ ЗЕМЛЯ

Когда осенние дожди
плывут сплошною пеленою,
и полумрак лишь впереди
с неизъяснимою тоскою –
тогда погосты и кресты
встают ясней на перекрёстках,
и возле них мрачнеешь ты
под ветром леденистым,
хлёстким.
Скорбит осенняя земля,
уставшая, совсем нагая –
Как мама старая моя
– такая тихая, больная...

В РОДНОЙ ИЗБЕ

Изба, пригон да сараюшка...
Вхожу во двор.
Дверь распахнул...
Горшки по лавкам, кот – за
вьюшкой...
Вошёл – и руки протянул.
«... Ну, мама, здравствуй,
как здоровье?..»
Спешит подняться со скамьи,
в глазах слеза:
«Ах, ты ли – кровный.
А я всё жду – где вы, сынки?..»
Обнялись...
Слабыми руками
всё гладит по моим щекам...
В углу – иконы с рушниками,
по стенам – фото, здесь и там.
Столетний, выцветший динамик
картавит что-то о стране...
Часы старинные – их маятник:
«тик-так...» – стучит
из детства мне.

Косачи поутру почернили стерню,
мы траву пожелтевшую косим
не на план,
на Буренку свою,
мама часто вздыхает: «Ах,
осень!..»
С укоризною мама глядит на
прокос,
на пожухлые, зябкие травы.
Рядом поле – такой раскудрявый
овес,
шепчет мама: «Хотя бы отавы...»
Старший брат оселком
поправляет косу,
водит быстро брусочком по краю,
сталь искрится...
Я воду несу,
она плещется, как ни стараюсь.
А сестра под копною с грибами
сидит,
выбирает на суп сыроежки.
Пес внимательным взглядом
за нею следит,
Взгляд собаки
пронзительно-нежный.
...Проплывает опять клин гусей в
синеве,
рассыпаясь в причудливый веер,
мать идет по некошеной
редкой траве,
держит бережно сорванный
клевер.
– Вот такого добра
накосить на сенцо,
можно чай заварить,
– и вздыхает,
нежно гладит меня
и светлеет лицом.
Снова крики вверх
– клином стаи.

ПОТОЛОК

Стучится дождь по крыше,
в окне – рассвет сырой...
У печки мать чуть слышно
ворочает клюкой.
Пласты земли на крыше
размокли – решето!
Мать шепчется: «Всевышний,
наказывать, за что?..»
И молится: «Дай, Боже,
не обвалился б как?!..»
Но не стихает дождик
и с потолка – кап... кап...
Открыв глаза, смотрю я
на мокрый потолок...
Мать вслух уже горюет:
«Намокнет вот – и хлоп!..»
Да, от таких гнилушек
всё можно ожидать...
– Кап... Кап... – на край подушки...
Не хочется мне спать.
Возьмёт и впрямь обвалится
Проклятый потолок...
И капли едко жалются,
упав мне на висок!

СТИРКА

Ведро с золою, чан с корытом
остались дома... Таз
с бельем,
отпаренным, от пены
смытым,
к реке с братишкой мы
несем.
Там мама на мостках
полощет –
и плещет вольная вода...
И вот обратно с чистой ношей
идем легко... На проводах
беспечно ласточки
щебечут,
и в небе синь и теплота...
Развешиваем у крылечка
старье из ситца и холста.
Штаны – заплата на заплате,
рубашки выцвели давно.
Но чисто все – и речки
запах,
хмельной, впитало полотно.

ЯЧМЕНЬ

Заколосившийся ячмень
передо мною встал внезапно
и оживил забытый день,
и возвратил горячий запах.
Боготворю те колоски
в осеннем поле уютном,
которые домой несли
украдкою,
в раздумье смутном.
Война, печали черный дым,
за что та горькая расплата?!
И даже став теперь седым,

мне хочется той болью плакать!
 Благословляя новый день,
 взошедший с мирною зарею,
 боготворю тебя, ячмень,
 покрытый чистою росой!
 Мне жизнь полей мудрее книг
 была –
 в мозолистых ладонях
 я доброту земли постиг –
 прими любовь мою с поклоном!
 И колосись вовек, ячмень,
 той светлою памятью, живою,
 где каждый трудный
 честный день
 отмечен и моей судьбою!

Я ЗНАЮ ЦЕНУ ПОТА

Я праздность с детства не люблю –
 точнее, даже ненавижу!
 Когда о том вам говорю,
 я снова маму вижу.
 Весенний холод на полях.
 Плуг...Борозда... Бурёнка...
 И мамин взгляд: глаза болят
 при виде нас, голодных.
 С утра за плугом бороздой
 бредёт она, ругая клячу,
 а вечером, придя домой,
 над похоронкой долго плачет.
 Не помню – в чём она была,
 что в эти годы ела,
 пока не кончилась война –
 за стол к нам не присела.
 Когда спала, не видел я –
 с темна и до темна в работе...
 – с тех пор, скажу вам не тая:
 я знаю цену пота!

ПАРЁНКИ

Свеклу и морковь
 в горшочках звонких
 ставила к загнетке жаркой
 мать...
 За большой железною
 заслонкой
 начинало что-то клокотать.
 Парилось, дышало
 с тихим гудом...
 В печку лез пронирыливый
 хват,
 на столе у нас сладчайшим
 чудом
 в чашках расточался аромат.
 Незатейливые вечеринки...
 За окном морозный
 лунный свет...
 До сих пор любовью
 материнской
 светится изба... и тот обед.

ТЕЛЕГРАФНЫЕ ПРОВОДА

Задремали в луговине
 одинокие стога...
 В поле чистом, на овине –
 пышные искрят снега.
 Над дорогой ветер ноет
 в телеграфных проводах,
 даже ночью нет покоя
 людям: в них – и боль, и страх!..
 Помню: шла война когда-то,
 я мальчишкой был тогда...
 Уходили в бой солдаты
 и стонали провода.
 И фарфоровые чашки
 с вестью из чужих земель,
 в ночь звенели о несчастье,
 через вёрсты и метель.

НА ОКРАИНЕ СИБСОЛДАТКИ

Рощица развесистых берёз
 выплыла в рассвете из тумана...
 И листва, как прядь твоих волос –
 с отсветом белёсым, горьким,
 ранним...

ВЕЧНЫЙ ПОКОЙ

Лес перед деревней,
 в нём – кресты, холмы...
 Мир промокший дремлет
 в красках полумглы.
 Дождь холодный с ветром
 барабанит в спину...
 Слышу безответный
 оклик: «кто здесь сгинул?...»
 Низко тучи мечутся,
 рассыпая дрожь...
 От покоя вечного
 вкралась в сердце дрожь.
деревня Оша

НАПОМИНАНИЕ О МАМЕ

Веточки багряные берёз
 выплыли в рассвете из
 тумана.
 Их листва, как прядь твоих
 волос –
 с отсветом белёсым,
 горьким, ранним...

У ОГРАДЫ

Я к тебе вернулся: «Здравствуй,
 мама...»
 Вижу: двор заросший – в нём –
 темно.
 Память бьётся и зовёт упрямо
 заглянуть в разбитое окно.
 За избою – мрачные деревья,
 в огороде – сваленный плетень...
 Кто теперь мне душу обогреет,
 кто вернёт весенний ясный день?..
 У калитки, где меня встречала –
 доски накрест – вроде бы кресты.

И согнувшись, я стою в печали
 у ограды, где осталась ты...

ХОЛМИК...КРЕСТ...

Холмик... крест...
 К моей щеке прижалось
 в чёрной рамке мамино лицо...
 Память с каждым годом
 дорожает.
 Вот ты вновь выходишь на
 крыльцо:
 Ласково цыплят к себе
 сзываешь...
 Сыпешь горстью в тазике
 пшено...
 Молодая и, чуть-чуть, седая...
 Статная...
 – Всё было так давно.

СЕЛЬСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Снег в пахотный клин намело,
 на ветках берёзки – иней!..
 Как в чёрно-белом кино,
 два цвета рисуют снимок.
 Берёзы – белее белил!..
 Пахота чернотой разлилась!..
 На два цвета мир поделил
 этот день на родных могилах.
 Глажу ладонью кору
 белую – в чёрных шрамах!..
 Обещаю: «Когда помру,
 буду рядом с тобою, мама!...»

ВЕРНУЛСЯ...

Вернулся я... Узкая речка
 плещется в берег, журчит...
 Волны рождают словечки –
 то мама со мной говорит...
 Полночь...
 Туман белоснежный
 стелет по лугу постель...
 Голос у мамы был нежный...
 Плачет вблизи коростель.

13. ВОДНЫЕ ГЛАДИ

Речные зори

Есть у меня любимый уголок за Усть-Заостровкой. На старице Иртыша, в ивняковых зарослях спряталось от постороннего взгляда тихое, светлое зеркальце заводи с небольшими камышами и маленькой лужайкой. С рюкзаком, налегке, один пробираюсь по высокой росистой траве...

Наладив две удочки, сажусь на раздвижной стульчик и любуюсь красно-оранжевыми бликами на полусонной, спокойной глади. Вот-вот из-за невысокого леса покажется край огненного солнечного диска.

От воды струится легкое испарение. Шустро бегают по всей заводи водяные паучки-челночки. В центре плеса раскрылись две белые лилии, самые красивые мои цветы. За ними – желтый кружок из нескольких кувшинок, они интересны тем, что, сомкнув на ночь лепестки, полностью погружаются в воду. Ближе к берегу буйно цветет над водой большое семейство водяной кашки.

Неожиданно из камыша выплыла кряква, за ней целый отряд утят. Желтенькие, с темноватой грудкой и коричневыми носиками, не обращая внимания на меня, быстро проплывают вдоль камыша. Смешные, с открытыми клювами, гоняются за мошками, ловко склеывая их на лету. Пересчитал. Ого, аж одиннадцать, подвижных, писклявых обитателей водоема.

Разглядываю воду, направляю взгляд вглубь. Над плавучей зеленою травой притаился серебристый, продолговатый, зубастый шуренок. Видать, подкарауливает ершей и пескарей.

Их нет, а то бы давно попали на мои крючки. Пока же два желто-красных поплавок с леской лишь изредка слегка дергаются и снова замирают. Представляю, как ленивые, пузатые карасики неохотно касаются приманки. Постукают носами по мормышке, обнюхают и отплывают в темную глубину.

Сидеть устал. Встаю, разминая затекшие суставы, иду по полянке в кусты за хворостом для костра. У ног качаются пушистые одуванчики, в росе сверкают лиловые колокольчики, светлеет в стороне распутившаяся белая кашка. Внизу, между цветами, на листе подорожника зеленый усатый кузнечик тренькает, словно начинающий музыкант.

То там, то здесь пролетают белые и синие стрекозы, бойко гудят над раскрытыми лепестками деловитые пчелы. Повсюду в ивняке перекликаются птицы.

А солнце все еще медлит, чуть-чуть показавшись из-за леса. В синей выси над поляной то и дело проносятся речные ласточки-стрижи. Где-то под высоким обрывом у них в норках есть гнезда.

На Камышном

Солнце скатывалось за темно-зеленый лес, а навстречу ему напознала черная туча. Она быстро росла и уже закрывала край неба, постепенно всасывая в себя солнце.

Простояв полчаса без выстрела, я сожалел, что забрался в эту глушь. Камыш поднимался выше плеч, я стоял не двигаясь, так как после любого движения трясина подо мною уходила вниз, и вода подбиралась к отворотам сапог. Утки, хотя их и было много, не летали, изредка покрывая по камышам. Озеро походило больше на болото, с многочисленными зеркальцами воды.

Даже комары уgomонились. Вот один зазвенел над моим ухом и тотчас исчез. А туча нарастала, клубилась темными космами и слегка громыкала.

Небо над озером небольшое, со всех сторон окаймленное высоким лесом, от чего кажется, что и озеро, и я сам находимся в какой-то низине. Странное ощущение.

Наконец, туча заполонила все небо, стало совсем темно, а дождя нет. Затих на мгновение ветер. Только издали, со стороны леса, слышался нарастающий шум, словно там продиралось огромное стадо животных. Какая-то робость и смятение наполнили озеро. Ни крика, ни писка...

Неожиданно на плечо упало несколько крупных капель. Еще и еще. И вдруг, как из ведра, полилось бесконечными струями. Казалось, не серебряные ручьи стекают с неба, а из земли выросли стебли дождя. Сплошная водяная завеса. В одну минуту я промок до ниточки.

Дождь прекратился неожиданно, как и начался. Я торопливо вышел из камыша на твердый берег, перевернул ружье стволами вниз, из которых полилась вода. Снял раскисший патронташ, выжал куртку и кепку и огляделся.

Небо очистилось полностью, лучи заходящего солнца, скользя над лесом, ярко освещали озеро, над которым творилось что-то невообразимое. Утки и чайки по одиночке, стайками взлетали в воздух, громко крича на все лады. Рядом со мной кружились чибисы, яростно кувыркаясь и окликая друг друга. Кулички и бекасы, с пронзительным криком, пикировали с высоты на озеро, на котором разразился невиданный праздник. Трава, осока, камыш, таловый куст – все блестело изумрудным светом капель, все дышало чистотой и новизной жизни, наполняя мою грудь беспричинной радостью.

Выезд на зорьку

В черном зеркале воды отражаются живые близкие звезды. До них можно дотронуться рукой. Узкий проход пристани огражден стеной высокого мрачного камыша, похожего на ряды пик!

Два метра – в воде, два – над водой, светловатых и блестящих, как сталь. Вокруг тишина – таящая напряжение. Глаза привыкли к темноте, медленно толкаюсь веслами. Рядом из камыша неожиданно вырывается с криканьем утка – даже видно, как она боком, от страха, несурзадно громко хлопая крыльями, уносится вверх. Немного насторожился сам. Теперь у лодки – сильный всплеск, несколько брызг долетают до лица. Это ондатра, как подводная лодка, ушла в глубину, но снова всплыла, прочертила по воде впереди полукруг, и опять – всплеск, нырок...

И снова – тишина... Выплываю на первый плес, большой, чистый. Смутно мерцающий, переливающийся тонкой волной. Луны – нет, она была с вечера, а звездное, близкое небо надо мной похоже на своеобразное озеро: темные пятна перемежаются со светлыми. Рассматриваю, любуюсь:

Млечный путь... Медведица... Ковш...

С востока начинает отбеливать... Почти неуловимые нити света.

Медленно-медленно перебираю веслами. Время, как вода, тихо струится вверх. Рождение зари!.. Пробуждение нового дня – продолжение жизни. Переход от темноты к свету! И во всем – таинственность!

Берёзовый ключик

Красноперый окунек, золотистый карасик и три серебристых гольяна жили в маленькой речушке, под яром. Жили дружно, припеваючи. На берегу росли белые березы, из-под крутого обрыва на песок вытекал тоненький ручей. Вода в нем, даже в жару, была холодной-холодной, чистой-чистой. А звали его – «Березовый ключик». Окунек, карасик и три серебристых гольяна гонялись днями за водяными букашками и мошками, выпрыгивали играючи из воды или ложились на песчаное дно, подкарауливая паучков. Но вечером обязательно приплывали к «березовому ключику». Над речкой замолкали птичьи голоса, солнце пряталось куда-то за березовую рощу, становилось сумрачно и тихо. И только «березовый ключик» звенел светло и нежно, вбегая веселым ручейком в темную речку. Он рассказывал рыбам, как давным-давно благодатный дождичек из туч пролился на поля, напоил травы и цветы, хлебное поле. И вот под землей – капелька за капелькой – слился в ручеек. И стал искать дорогу к речке. Долго искал и здесь, у березовой рощи, из-под обрыва пробился к свету живительным родником – «березовым ключиком».

13. НА РАЗЛИВАХ

НА ЛУГУ

Гулким шагом в росной тишине
у кустов прибрежных след
впечатан...
У межи кричат перепелята,
рядом коршун кружит в
вышине.
Вдоль болотца по траве –
вода
отливает чистотой речною.
Точечкой плывущей,
золотую,
светится в ней поздняя
звезда.

ДЕД-РЫБАК

Дом у речки...синий свет...
Деду девяносто лет...
В валенках и телогрейке,
он на лавочке сидит.
Яркий луч морщины греет.
Дед со мною говорит.
Из газеты самокрутку
ладит долго, не спеша,
И, прищурясь, оком мудрым
смотрит в воды Иртыша.
Он – рыбак, большой мастак,
говорит: «Уж всё не так...
Нету рыбы... обмелело...
И душа похолодела...»

На ромашковом лугу
Веселится лето.
С удочкою я бегу
В синеве рассветной.
Котелок звенит в руке,
Мне рыбалка – «хобби».
... Наш бычок на поводке
По лужайке бродит...

КОСТЁР

В вечернем поле – холод, сырость.
Как алый мак, горит костёр!

Весна, ты дай тепла на милость,
с утра шёл снег, и я промёрз.
Здесь, на поляне, цвёл
подснежник –
повяли, сникли лепестки.
Но в полдень солнце грело нежно –
снег превратился в ручейки!
И я смотрю уже без гнева
на луг туманный, на костёр...
Зарёй отсвечивает небо,
и светом полнится простор!

ПРУД

С белой пеной прут ручьи
вниз, в овраг стекая...
Половодье – пруд пруди!
Синь воды сверкает.

НА ОЗЕРЕ ЧЕБАКЛЫ

Стемнело...
Утки кричат в камышах.
За островами булькают лысухи.
Деревня за леском блестит в
огнях,
и нудно комары звенят над ухом.
Я слышу, как в лугах мычит
телок,
собака лает – следом бабьи
крики...
За рощей, слева, вспыхнул огонек,
и шум мотора... Тень коня
возникла...
За отраженьем звезд в воде
слежу:
гребок весла – и зыбь по витражу.

У РЕКИ КАТУНЬ

С ледника – Белухи вниз
рвутся воды с пеной,
от хребта навис карниз
над речным коленом.
Прорезая твердь хребтов,
к Обскому бассейну,
мчит Катунь во мгле веков
с чистотой бесценной!

РЕЧНОЙ ЖАВОРОНОК

Серый, крохотный певец
в небе точкой замер.
Песенка на сто коленц
лётся утром ранним!
В синем мареве завис –
бесконечны трели...
Он глядит любовно вниз,
где птенцы пригрелись.
Летний день зажгёт в лучах
капли алых ягод.
Сено свежее в стогах.
От реки – прохлада.

ПЛЁС

Камышом луг зарастает,
но внутри – зеркальный
плёс.
Там взлетают уток стаи –
вижу в брызгах уйму
звезд!
Вечером камыш темнеет –
в нём заря костром алеет.

Плеск воды над колодиной,
горький привкус осин
мне напомнили Родину
в пору тяжких годин.
Сорок пятый, голодный, -
я в весеннем лесу...
Как дары от природы,
сноп медунок несую...

ПРОМОИНА

Тает снег, бегут ручьи
с пеной по колдобинам.
На дороге колеи
растеклись в промоины.

НА ЗАКАТЕ

В заливе у высокого обрыва
в кустах горит шиповника огонь.
Вдоль берега,
с лохматой рыжей гривой
идёт в лучах, пофыркивая, конь.
Он мутит воду, бьёт её копытом,
пьёт медленно...
Закатный луч горит
в воде пожаром...
Золотом облитый,
как изваянье, долго конь стоит.

ЗАРЕЧЬЕ

Вернулся вновь домой, в заречье,
и понимаю: здесь, в тиши,
меня природа нежит, лечит...
Рукав протоки – часть души!
За огородом синь речная
два облака в воде качает...

ВЕЧЕРНИЕ ПРОГУЛКИ

Я снова к Иртышу иду гулять...
Блестит широкий плес в лучах
заката,
волна со мною хочет поиграть,
шипя, нет-нет да за ботинок
хватит.
Вот теплоход, с огнями на борту,
прошел вниз по теченью: звук
гитары,

девичий смех... И скрылся в
темноту
за поворот – пошел, видать, на
Тару...
А чайки кружат, и через крыло
пикируют, касаясь синей глади,
кричат, зовут... И на душе светло.
Дышу, грущу – и большего не
надо.

Хорошо уединиться,
спрятаться в тиши ветвей...
Надо мною две синицы
о любви поют своей...
Вот им вторит нежно зяблик,
вслед зоряночка поет...
Конь уздечкой тонко звякнул.
Даль прорезал самолет...
Я ж один на белом свете,
жадно глядя в синеву,
все ищу в душе ответа:
для чего же я живу?

А сердцу тревожно.
И что ему надо?
Смотрюсь в величавый Иртыш,
в лицо мое нежно струится
прохлада...
От леса – полдневная тишь.
Не брякнет уздечка, не звякнет
колечко...
Со стадом пастух – вдалеке...
А лодка, смоленная варом,
отсвечивает
на раскаленном песке...

МОЙ ЛУГ

Июльским дождём исцелован,
цветами по пояс покрыт,
мой луг, изгибаясь подковой,
как радуга, ярко искрит.
Иду я тропинкой заречной –
с увала к реке напрямик...
Обрыв...
И в песочке лепечет
холодный и чистый родник.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Я вышел к речке...
Запах терпкий
пахнул в лицо, заморозил.
К затылку отодвинув
кепку,
услышал пульс в висках –
ожил!

Исчезли головные боли,
треск городской, кошмаров
сны –
и я молюсь:
Родное поле,
от бед и гроз охолони!
У ног в цветах трещит
кузнечик,
в кустах малиновка поёт...
Так вот он – мир,
прекрасный, вечный!
И счастье – кто его поймёт.

ЩУРЯТА

На солнечной косе царит
июльский день.
Как маленькие, серые
торпеды
пригрелись рыбки...
Вот скользнула тень
моя в воде – и сразу с нею,
следом –
вьюны, вьюны.
Уходят в глубину
стремительные и живые
стрелы.

И вижу щучку сонную,
одну.
Но всплеск – она исчезла
осшалело.

ЗОДИАК

Пояс неба повис над Вселенной.
Солнце движется год по
нему,
и двенадцать созвездий
ступенями
поднимают рассвет через
тьму.
Зодиак – это звездные
знаки,
что летят по орбите
своей...
Наступил Новый год – год
собаки,
и мой пес стал мне вдвое
родней!

ОСЕННИЙ ТУМАН

В белых волнах тумана
остывает река.
Я шепчу: “Здравствуй,
мама...” –
над травой бугорка.
Вечер хмурится тучей,
догорает закат...
Над полынью кручей

мой печалится взгляд.
И сквозь пряди тумана –
вдалеке – моя мама.

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ

Лежит в грязи
заржавленный большой
буксирный трос...
Кювет – с водою яма,
след гусениц отчетливо
двойной...
Осколки кирпича...
Прицепа рама...
Трос связан в трех местах.
Да, нелегка,
наверное, была ему работа:
не одного тащил
грузовика,
над ним немало пролитого
пота.
Не раз еще бы службу
сослужил,
но крюк буксирный
сбросил – и забыл...

СТРЕЛКА

Где втекает Омь в Иртыш –
чайки вьются в сини...
Людный скверик... ивы... тишь.
В клумбах – вечер стынет.
Справа – горка, слева – мыс
с пристанью... А – в центре
возвышалась крепость ввысь:
гауптвахта... церковь...
Дальше – Тарские ворота,
в них – лучи, как позолота.

ПРОТОКА

Не то – ручей, не то – речушка?
Я вижу в тальнике протоку.
Поёт камыш, клонясь послушно
к воде прозрачной, синеокой.
Крик птичий слышен отовсюду,
прохлада в ивах пополудни.

14. ЛЮБОВЬ ЗЕМНАЯ

Мой первый старт

Майское солнце пригревает травяную дорожку, утренний воздух пронзительно чист. На березах – первые влажные листочки. Радостно о чем-то каркают вороны.

Босые ноги легко несут мое худощавое тело. Бег радует, горячит, влечет. В золотистой рубашке держусь за спиной Николая Рыжова, одетого в новую маечку и трусики, обутого в белые спортивные тапочки. Оно и понятно: его отец – первый секретарь райкома партии, моя мать – техничка школы (отец погиб на фронте в 1944 году).

Сегодня – 7 мая 1948 года, соревнования в Солдатской средней школе посвящены празднованию «Дня Победы». Николай – щуплый, белобрысый, прилизанный паренек – во всем старается быть первым: и в учебе, и в комсомольских делах, и вот сейчас лидирует уже четвертый круг. Он, ежедневно делая зарядку, пробегал много раз по этому маршруту. Дис-

танция, три километра, проложена вокруг кладбища в центре поселка по лесной дорожке. Всего бежать – шесть кругов по полкилометра.

На слегка зазеленевшей от первой травки площадке разместился старт и финиш. Здесь – около сорока школьников, с десяток родителей, несколько учителей. Всем командует (в поношенной гимнастерке) молодой, красивый Лев Иванович, капитан в отставке, военрук школы. С секундомером и протоколом ему помогает девочка Нелли, моя одноклассница, дочь военкома. Розовощекая, в синей курточке с желтым шарфиком, она, хлопая в ладоши, болеет за Николая.

Заканчиваем четвертый круг. Пробегая стартовую площадку, слышу крики своих пацанов: «*Чего ждешь?.. Жми!.. Обгоняй!..*»

В нашем забеге позади – еще 14 школьников 8-10 классов. Они отстают метров на сто. Мне до этого приходилось часто ходить на охоту и рыбалку, да и по хозяйству ежедневно вкалывал. Заготовка дров, сена, работа на огороде – далеко не из легких для деревенского мальчишки. Так что физически я намного сильнее Николая.

Впервые не азарт, а какая-то злость на папенькиного сыночка заставила меня обойти соперника и прибавить ходу. Некоторое время слышал за спиной тяжелое дыхание, затем оно затихло. Все прибавляя и прибавляя, на финише оказался впереди всех на полкруга.

Одноклассники, поздравляя меня, спрашивали:

– *А чего ты с самого начала боялся? Время-то у тебя – тринадцать с половиной минут, и третьего разряда не выполнил, а если сразу в полную силу, тогда бы другое дело...*

Я вышел на награждение с сияющим лицом, в портках с закатанными крепко штанинами. На мои босые ноги плотно осела серая пыль. Мне аплодировали, а я, скромно опустив голову, почему-то смотрел на свои ступни ног, покрытые ссадинами и болячками. Ведь даже по лесу мне часто приходилось ходить босиком...

И еще, мне очень хотелось есть. Утром, перед соревнованиями, во всей избе я не нашел ни крошки хлеба...

Когда я получал диплом и приз из рук военрука Льва Ивановича (кстати моего соседа), ко мне вплотную протиснулась смеющаяся Нелли и, сказав: «Поздравляю!», неожиданно горячо поцеловала меня в щёку. Оробевший и смущённый, я не знал, что сказать. Её поцелуй стал для меня высшей наградой...

«...Стоном стонет озеро»

Поужинали. Закурили. Майская ночь коротка и светла. А здесь – еще и луна над самой головой. Полузатопленный прошлогодний стожок, на котором сидим, возвышается, как островок. А вокруг, на километры, заливной луг, дальше – огромное озеро.

Пахнет полусгнившим, терпким, но таким ароматным сеном, что не хочется дремать. Да через час и выезжать. Лодки приткнулись к стожку. Сквозь прикрытые ресницы проблескивает серебристая лунная дорожка через весь разлив.

Отчаянно звенит озеро. И каких только голосов тут нет! Гуси и утки. Чибисы и кулики. Гагары и лебеди. Их крики сливаются в одну песню, похожую на томительный стон. Настолько неистовы птичьи голоса.

«Стоном стонет озеро», – обронил давеча Паисыч, а я сразу и не понял смысла его слов. Небо – звездно и призрачно. И там, высоко-высоко, слышится шелест крыльев. Это все новые и новые стаи, волна за волной, движутся на север. Короткий привал – и дальше.

Вечером я рассмотрел озеро, которое еще покрыто серым рыхлым льдом. Левый угол, километра в полтора, уже оттаял, и на нем черным-черно уток, гусей. Гоголи и крохали, как осколки льдин, отсвечивают белизной в лучах заходящего солнца. Их-то хорошо узнаешь, любителей закраин, непрерывно ныряющих в воду. Над заливыми лугами слышится приглушенное: «Швак! Швак!». То призывно кричат красавцы-крякаши, самки которых уже давно сидят на гнездах. Немного к полуночи успокоились лягушки, их «оркестр» на закате дня издавал сплошную канонаду.

Тихо позванивает воздух – как натянутая струна. Заливной луг дышит, трава и осока зелеными иглами пробиваются сквозь воду. Этого я не вижу, я чувствую по напряжению, которое томительно висит в воздухе. Даже кровь во мне отзванивает по артериям и капиллярам, пронизывая дрожью каждый мускул. Я прикрываю еще плотнее ресницы, но все так же ярко вижу серебристую дорожку через залив и слышу звон.

«Стоном стонет озеро!» Любовным стоном...

Камышовка

Удивительно маленькая, серенькая птичка прыгала в тугой и густой заросли камыша. Озеро было диким, пустынным. В камышах глубина – до трех метров. Даже утки и те улетали с мыса к берегу на кормежку.

А эта неутомимая малышка прыгала и прыгала с камышинки на камышинку в самой гуще. Чаше ее не было видно, и только тихонько вздрагивали сверху метелки камыша, выдавая ее присутствие. Камыш пожелтел, поблек, мошки погибли от первых заморозков. И чего она искала, я так и не понял.

Вот движение камышинок приблизилось к моей лодке вплотную, и здесь я увидел ее отчетливо. Мелкое желтоватое перо на грудке походило на пух, облетающий с метелок. Крохотная головка, очень грациозная, слегка вытянутая вперед, заканчивалась светлым клювом.

Тоненькие коготки изящных серых лапок цепко держались за трехметровый стебель. И странно – она двигалась по камышинке сверху вниз, что меня больше всего и восхитило.

«Как в вековом лесу», – подумал я. И в этот же миг птичка заметила меня. Яркие зернышки ее завораживающих глаз посверкивали удивленно и настороженно. Мгновенье – и она прыгнула в сторону, за плотную стену камыша.

«Какое изящество, какое чудо природы!» – с улыбкой прошептал я про себя.

Необычный снег

Первый влажный искрящийся, – снег пах клевером, шиповником, талами и чем-то еще новым, незнакомым. Падая белыми хлопьями и здесь же тая, рождал туманную сырость, резко пахнущую всеми дарами леса. Появилось даже ощущение грибного дождя...

После очередного загона на зайцев и тетеревов из небольшого леса вся наша честная компания с разряженными и переломленными ружьями, небрежно брошенными на плечи, собралась у машины ГАЗ-63 с будкой. Охотники были все знатные, опытные, в годах.

Лица от легкой ходьбы подрумянились, повеселели. Сапоги блестели налипшими к ним золотистыми листьями. Отсыревшие куртки и стеганки дымились паром, и только на шапках поблескивали отдельные снежинки.

Счастливо улыбающийся деревенский паренек, наш проводник, окруженный охотниками, показывал сбитого им тетерева. Снег, легко кружа, ложился на черную, как смоль, шею и красные брови птицы, влетал в полуткрытый рот, в котором запеклась кровь. Алое и белое. Красавец тетерев казался живым, глаза его, ясные, в упор уставились на меня, усмехались, пугали... Я посмотрел на охотников, но никто этого не замечал. Все оживленно разговаривали между собой.

В машину садиться не хотелось, и мы дружно согласились пройти через поле пешком в очередной лесок для загона, чтобы прогуляться по искрящемуся снежочку, что плотно прикрыл черную пашню. Я еще раз огляделся вокруг: здесь, в кустах, в траве снега почти не видно, он и не коснулся земли. Снежинки, как заячий пух, висели кое-где на ветках и казались сказочными, невесомыми. Другие кружились в воздухе, легкие и теплые. И нежно касались моих щек.

14. ВЛЮБЛЁННОСТЬ

В ТОЙ ВЕСНЕ

На лугах вода большая
разлилась по той весне...
Никогда и не узнаешь
как была мила ты мне.
Там, в лесу, где цвёл подснежник,
повстречал тебя с другим.
Ветер майский, ветер свежий
плыл по веточкам тугим.
Я, охотник, повелитель
тайн озерных и лесных,
разве мог кого обидеть
в царстве солнечном весны.
Лишь ружье слегка качнулось
на брезентовом ремне,
и кусты вокруг сомкнулись.
– Простоял я в стороне.
Шел он рядом, улыбаясь,
ты смеялась, вся светясь...
И поздней, в ночь просыпаясь,
даже в снах искал тебя!
Не посмел писать я писем
в дальний край, тебе вослед.
Да и друг шутил: «*Не кисни,
ангелов на свете нет...*».

ВАСИЛЕК

У дороги синий василёчек
головой кивает мне, зовет...
А июльский теплый ветерочек
в листиках его поет, поет...
Подойду и наклонюсь с приветом,
приголублю синий огонек,
расскажу ему лишь по секрету,
как давным-давно я одинок.

ПОЗДНИЕ ПРИЗНАНИЯ

Словно выстрел, стукнула
калитка...
Ты ушла – вслед скрипнуло
крыльцо...
Я целую мысленно улыбку,
осветившую твоё лицо!
Я целую речку, мостик, берег...
И в разлуку нашу не поверю...
СИРЕНЬ ВЕЧЕРНЯЯ...

Сирень – вечерняя, слепая
мне веткой тычется в лицо...
И, лепестками осыпаясь,
о чём-то шепчется смешно.
Она тебя напоминает,
твою улыбку, ответ глаз,
когда с тобой весной встречались
мы у реки в полночный час.
Сегодня вновь припоминаю
те дни – сирени буйный цвет...
И даже клич далёких чаек
над Иртышом, как твой привет!
Встревожен вечер...
Смогли чайки, –
их скрыла дымкой полумгла.
... Ты почему не отвечаешь
на письма, как забыть могла?

ДЕВУШКА СПЕШИТ...

От деревьев пали,
удлиняясь, тени...
Девушка в косынке.
Легки её движенья.
Девушка спешит
тропинкой на свидание –
девушке неведомо
ни горе, ни страдание.
Вслед глядит старушка
с тихою улыбкой,
Шепчут губы вялые:
«Ишь, какая пряткая!..»
...Вяжет сети белые
вечер над рекой,
струйка дыма серого
гаснет над трубой...
Потемнело небо...
Лес затих в гаданье...
И луна выходит
к звёздам на свиданье.

АХ, ГОДЫ–ВЁРСТЫ...

В кустах – снега... А на краю
поляны
подснежников белеющих гряд...
Они нежнейшим ароматом манят
в иные, незабвенные года.
... Девятый класс...
Бежим мы в лес из школы,
но ты с другим подснежники те
рвёшь.
Я ухожу сторонкой невесёлый...
Ах, годы-вёрсты,
их уж не
вернёшь!

ЗАГАДОЧНЫЙ СТОН

Весна по лесам
колобродит:
из почек, из кочек, из нор
жизнь рвётся опять на
свободу
и в солнечный входит

простор!

Я слышу, как чибис
взлетает
и гуси на плёсах шумят,
и как перелётные стаи
под небом на Север летят!
А брачные крики ночами
над озером сводят с ума –
всё то, что до срока
молчало,
теперь и не пробуй унять!
Зов кряквы и оклики
выпи,
лягушек томительный звон
над гладью озёрной
рассыпаны
в любовный загадочный
стон...

ГЕРАНЬ

В окне герань алела,
листки прижав к стеклу,
стоял я, оробелый,
в проулке, на углу.
Внутри, за белой шторкой
я видел тень твою,
и сам с собою спорил,
что створку отворю.
Не отворил, не стукнул...
И алая герань
лишь нынче мне аукнула
в мою седую рань.

Тревожно тальники во
тьме шумели,
и волны пенил ветер
грозовой...
С тобою мы под лодкою
сидели,
дождь барабанил сверху –
резкий, злой.
Ты, к моему плечу припав
щекою,
дремала безмятежно...
Гром гремел...
И нежностью наполненный
святою,
тебя поцеловать я не посмел.
Зеленый остров

За вербной желтизной
над талою водой
ведет игру со мною
забытый голос твой!
То в согре вдруг аукнется...
то лугом проплывет...
то отзовется утицей...
то иволгой всплакнет...
На дне оврага сумрачно,
и малый ручеек

звенит,
поет задумчиво –
как чей-то голосок.
Спустился...
Пью.
Обветренным
губам прохлада власть!
И взгляд в воде приветливый,
как твой...
И что сказать?

Мартын все кружит
над весенней лужей,
крылами рассекая синий зной!..
– Зачем он кружит,
и о чем он тужит,
с ума сводя
свою белизной?!
То выше поднимается,
то с лета,
почти касаясь солнечной воды,
вдруг прокричит –
и в зове безотчетном
мне слышится дыхание беды...
– Зачем я здесь?
Зачем в тиши прозрачной
мартын все кружит,
стонет надо мной?
Последний снег в кустах
сереет мрачно –
он словно память
горечи одной.
Он не растаял
этот снег, поныне –
не я,
другой тебе цветы дарил,
напрасно я шептал ночами имя,
когда твой след
в чужих краях простыл.
...Стою в тени бездвижно,
молчаливо –
лишь кровь звенит:
я там, к тебе лечу!..
Ах, до чего же ты была красивой,
вся светлая –
подобная лучу!
Сквозь воду прорезается осока,
парит...
Вот здесь растаяли мы с тобой...
Мартын все кружит,
стонет одиноко,
с ума сводя
свою белизной!

ГОЛУБИНАЯ ТЕНЬ

Я – больной, и в постели пилюли,
горьковатые, пью целый день...
За окном в тёплом ясном июле
голубиная мечется тень.
То вблизи пронесётся стрелой,
то по ветру вольготно парит...
То с крыла на крыло, предо мною
развернётся...

И снова – в зенит!
Наблюдаю, а сердце томится
и по телу – щемящая дрожь...
... Ах, красивая вольная птица –
ну, куда ты бескрылых зовёшь!?

МАЙСКИЕ ГРОЗЫ

Разыгрались майские грозы
над лугами, залитыми водой.
Раскачались со свистом берёзы
с неокрепшею, тонкой листвою...
Не гляди на меня так тревожно –
я прикрою от ветра тебя...
Машут ветками робко берёзы,
и в вечернее небо трубят.

Я ВЕРНУЛСЯ

Я вернулся в край родной, в деревню...
Летний вечер...
Домик твой приметный...
... Здесь, где ивы шепчутся над
речкой,
ты тогда тропинкою ушла...
Призрачное лунное колечко
высветилось в редких камышах.
На воде славянской тонкой вязью
ряска оживала, серебрясь...
Столько лет!?.
Но я забуду разве –
как душа пожаром занялась?..
Как я бредил в снах,
и как преданье –
свет струился от далёких звёзд.
– Я приду на новое свиданье,
если даже годы ждать пришлось.

Щиплет уши мороз... Всё окрест
в белых бликах больших
покрывалов.
Чисто так!.. Целомудренный лес,
принюти мою душу усталую.
Как светло от обвальных снегов!
Как узорчивы гребни сугробов!
Я вернулся, но я не здоров...
Снег на пнях, вроде чьих-то
надгробий.
Светлой вере в поклоне клонюсь
и бреду по безлюдному полю,
и шепчу: *«Здравствуй, край мой,
винюсь...
Возврати снова радость
и волю!..»*

Ты зовёшь к себе маня –
и дразня, хохочешь...
Нежной песенкой звеня,
Покорить всех хочешь.
И в глазах – такой огонь!?
– Нет ему преграды...
Но в последний миг: «Не тронь!»
– шепчешь мне – «Не надо...»
НА ПРИЗ «НУВЕЛЬ ДЕ МОСКОУ»
Бал ледовый в полночи зимней
кульминации высшей достиг.
В каждом жесте –
неповторимость обаянья...
Загадочный миг!
В бирюзовых костюмах пара
над площадкою в танце парит,
и на лицах волшебным пожаром
вдохновенье в улыбке горит!
Нежность пластики –
до изумленья!
Да, в партнерше, видимо, соль:
красота в возвышении женщины,
а мужчине – поддержки изволь...
Он ведет ее четко по кругу,
поднимает легко над собой,
опускает в размахе упруго
на сверкающий лед голубой.
И она скользит в завихрении,
чуть капризна, лукава,
вольна –
в ней и блеск, в ней и власть,
снисхождение –
словно правит всем балом одна!..
Замедляется музыка...
Страстно
на колени партнеру клонясь,
непокорной принцессы
прекрасной
на мгновенье утратила власть!

СНЕЖИНКА

Ты дышала горячо...
Были в инее ресницы...
Снег скрипел под каблучком...
– Стала ты мне чаще снится!..
Вот стою на том же месте,
и снежинка на ладонь
села и, видать в отместку,
обожгла слегка огнём!
И растаяла мгновенно,
испарилась, словно вздох...
Те же окна, те же стены...
Ржавый на дверях замок.

ТВОЙ ГОЛОС

Ау!.. Ау!..– и я бегу
туда, где оживают звуки.
Ты на далёком берегу
опять протягиваешь руки.
Ау!.. Ау!..– слабеет звук
за дымкой дальних лет,
и я твоих не вижу рук –
тебя там просто нет...
А я бегу всё... Я – бегу...
Твой голос тайный берегу!

15. ЛЕТНЯЯ ПОРА

Лесная встреча

Жаркое солнце скатывалось за вершушки дальнего леса. На дорогу, изрезанную колеями телег, ложились тени деревьев – то маленькие, то большие, давая прохладу моему разгоряченному лицу. Я люблю ходить быстро, но с тяжелым рюкзаком за плечами и ружьем – это занятие не из легких.

Лесную тишину вдруг нарушил резкий лай Тарзана, которого я не понял. За многие годы совместных скитаний по лесам я научился различать его лай: тихий и незлобный – на птичек и ворон, более задиристый – на тетерева, севшего на ветку, быстрый, передвигающийся по лесу – на зайца, свирепый и отрывистый – на лисицу или бобра.

А этот лай – необычен. Вот Тарзан ворчит, затем начинает тихо скулить, а потом – сразу – злобный лай. Почти все вместе, сразу... Я быстро заспешил к нему. Метров через сто на поляне, у молодых осинок, помахивая хвостом и посматривая на землю, стоял Тарзан. Увидев меня, схватил и тут же бросил серый комок, злобно лая и мотая головой. И только когда я подошел вплотную, увидел большого ежика, свернутого в клубок, вздрагивающего от рычания Тарзана. Собака виновато отошла в сторону, на ее нижней губе запеклись капельки крови. Я укоризненно смотрел на нее, стараясь понять: в чем же дело? Рядом с ежиком лежал большой гриб. Ну и чего же? И раньше Тарзан встречал многих ежиков, но спокойно, мирно облаивая, подзывал меня. Так чего же они не поделили? Не гриб же, конечно...

Взяв прут, я перевернул ежика. Зашипев, тот подпрыгнул, как мяч, угрожая иглами. И здесь, под ним в траве, я рассмотрел маленький коричневый клубочек. Это был ежонок. Еж не просто фыркал, сердился и угрожал – он защищал своего малыша. Я представил себе, как Тарзан, пробегая мимо, наклонился к ежу, как обычно обнюхивая – а тот неожиданно, агрессивно подпрыгнул, вонзая иглы ему в нос. Если бы не детеныш, он бы этого не сделал...

Куропат

В конце мая травы на лугах и лесных прогалинах поднялись высокие и густые. Снега за зиму набралось много, и обильный весенний паводок сполна напоил землю.

С пустым рюкзаком за плечами с утра я спешил на озеро Травное – проверить рыбу в мордушках. А ходил я всегда не по дорогам, а по полям и лесам – напрямик. За домашней озеринкой, на высоком увале, у двух старых берез каждый год гнездилась пара белых куропаток. Ежедневные мои походы по лесным дебрям, глухим урочищам, плавание по озерам и рекам давали мне обильные знания, а именно: я знал где и сколько гнездится куропаток и тетерок; в каких оврагах выкопали свои норы барсуки и лисы, в каких сограх устроились на лето лоси и косули...

Так, нынче на озере, куда я шел, очень много кряковых селезней и гусей останется в камышовых островах на «линьку», а за озером Долгое цветут уже богатые кусты дикой смородины...

Подойдя к зелёному колку, я не увидел куропата (так у нас, деревенских, называется самец). Обычно он, резко хлопая крыльями, пронзительно и раскатисто гогоча, вылетал при моем явном приближении. Здесь у него, возле пня, – сторожевой пост. Мне, четырнадцатилетнему «ушлому» охотнику, показалось это стран-

ным, и я направился к месту, где должна сидеть на гнезде куропатка. Гнездо я нашел еще в прошлый раз. Немного продвинувшись, оторопел: в гнезде, вместо серых перьев самки, белели яркие крылья самца. Куропат не вытерпел моей близости, поднялся на ножках, сбежал с гнезда и, недовольно, громко крича, улетел в поле. Подойдя вплотную к гнезду и разглядывая яйца, вспомнил: подобное уже когда-то встречалось в моей охотничьей практике. Тогда я думал, что самка улетала кормиться, а самец садился на гнездо. Я ведь знал примеры совместного высиживания птенцов у некоторых разновидностей птиц, когда селезни подменяли самку-наседку.

Но таких случаев мало. Чаще самцы-селезни на все лето улетают от гнезда «куда подальше», оставляя самок в одиночестве.

Что-то насторожило мой взгляд, гнездо показалось мне частично разрушенным. И здесь я увидел рядом несколько коротких заостренных палочек. Теперь все стало понятно.

Сашка Мотин, самый хитрющий в деревне пацан, зачастую отлавливал на гнездах куропаток и тетерок. Прием прост: заострив с десяток палочек, прочно втыкал их в землю вокруг гнезда, соединяя концы сверху. Получался маленький шалашик с узким входом. Самка, проникнув через щель в гнездо, не разворачивалась и оставалась, как правило, сидеть хвостом к выходу из шалаша. Когда же Сашка, придя на второй день, подбежал к гнезду, птица, застигнутая врасплох, не успевала развернуться и взлететь и оказывалась в «цепких руках».

Таким образом Мотин отлавливал многих самок, и погибала уйма насиженных яиц. Взрослые его ругали, мы, пацаны, тоже не одобряли такие затеи. Но он продолжал, как хищник, разорять гнезда. Правда, это было в далекие голодные военные годы. С той поры много воды утекло.

Дятлы

Я ступал резиновыми сапогами по влажной оттаявшей поляне. Кое-где сквозь прошлогоднюю траву пробились молодые зеленые ростки. Желтовато-фиолетовые почки талов резко пахли у оврага, в котором еще лежали сугробы серого снега. Зато на пригорке распустился бутон бледно-розовой Печеночницы. Близко за болотом бормотали тетерева, в кустах звенела веселая песня невидимой мухоловки-пеструшки. С края леса шевелился большой муравейник, рядом с ним на пень присела бабочка–Лимонница, помахивая, как веером, желтыми крыльями, где-то в нескольких местах звенели, журчали неутомимые ручьи.

Пересекаю поляну, вхожу в лес и удивляюсь. Огромные старые осины то здесь, то там подгнили и повалились на землю. Некоторые странно наклонились. Такое я обычно наблюдал в заболоченной местности, да и этот лес находился в какой-то обширной низине, заполненной талой водой. Но еще поразило меня и другое: повсюду, по всему лесу разносились многочисленные дробные стуки от налетевших сюда прожорливых птиц, любимых мной дятлов, Их, видимо, собрали здесь отмирающие деревья, в которых легко выдалбливать дупла для гнезд.

Стою, слушаю... Вот раздался громкий хохот зеленого дятла. Следом желна, промелькнув меж стволов, разразилась пронзительной улюлюкающей трелью. А это барабанит по стволу молоточком, почти рядом со мной, пестрый дятел. К нему подлетел его напарник. И они продолжили уже вдвоем. Отовсюду такой треск по всему лесу, что захотелось пойти и посмотреть. Но делаю несколько шагов, проваливаюсь и зачерпываю краем сапога воду вместе со снегом. Выругался и вышел из царства дятлов обратно на теплую солнечную поляну...

Второй раз я попал в этот лес, собирая первые грибы. По всей округе снова слышались дробные перестуки, но звучали они реже и тише. Пригляделся: многие дятлы сновали туда-сюда, от гнезда в поле и обратно. В клювах несли корм, навстречу им из дупла выглядывали головки детенышей.

Под одним деревом я рассмотрел на земле небольшого птенца. Видимо, выпал из гнезда. Вначале я подумал, что это ежонок, так как острые пеньки будущих крыльев торчали на нем, как иголки. Взял в руки, рассматриваю полуголое тельце, большой клюв с выступающей уродливо нижней челюстью. Да, уродец и только, а не птенец красивой птицы. На дергающихся ножках, на широких и толстых пятках различаю грубые мозоли. Это специфические наросты, помогающие лазить по стволам.

Поднял я птенца повыше на дерево, и тот, как скалолаз, быстро полез к своему дуплу. Вот тебе и уродец, а какой проворный! Такие-то парадоксы природы. И еще – подрастет птенец, и, как из сказочного гадкого утенка, вырастет из него красивый дятел.

Я покидал лес с хорошим, светлым настроением. Конечно, трудно предугадать в нашей жизни: из кого что станет на этом белом свете, кто из нас кем вырастет. Чем прославит и удивит Мир?!

15. ЛЕТНЕЕ РАЗДОЛЬЕ

В ЭТОМ КРАЕ...

В этом крае камыши
высоки, как лес,
бесшумны.
Вёрсты плыть – и ни души,
жуткая за полночь
лунность.
По протокам, с плёса в
плёс,
пробираюсь...
Мучит жажда.
В тьме глубинной – сотни
звёзд.
Обступает зыбь и лавда.
Лишь ондатры здесь и там
дыбят воду, как
подлодки...
Здесь, на линьке, гусакам
редко встретится охотник.

КРУТОЯР

Луг внизу – кусты на нём,
домик, бродит стадо...
Я – на берегу крутом,
сосны светят рядом.
Крутояр – крутой откос
над водой завис.
Как спуститься – вот
вопрос:
нет тропинки вниз...

СЫРОЕЖКИ

В дни войны те сыроежки
приходилось в поле есть –
радость детства!
В рощах здешних
столько видов их – не
счесть!
По окраске – отблеск радуг,
волны утренней зари.
... Край грибной, встречай
и радуй,
вновь улыбку подари!

ЛУННЫЙ КОТ

А ночь поначалу
была так темна,
но тучка промчалась
и вышла луна.
И стало светло –
хоть иголки ищи,
а кто-то назло
всё мяукал в тиши...
Ограда, плетень –
в ледяной белизне.
тополя тень
подступила ко мне.
Из тени, вдруг, вышел
наш Васька – кот.
Взобрался мгновенно
на гребень ворот.
Смотрю я, не веря
глазам своим: «Чёрт!?!»
Похожим на зверя
стал лунный кот.

СКИРДА

Позабитая скирда
с прелою соломой –
ты стоишь уж года два,
словно дом огромный.
Как так?
Кормом можешь стать,
или крышу закрывать...
С края поля, у леска,
дремлешь – и плывёт тоска.

НИВА

Год назад здесь рос
бурьян,
нынче – хлеба грива...
Говорит мне дед Иван:
«Ах, полюшко красиво!
Наш сибирский сорт
пшеницы,
надо ж – славно уродился!».

В УРМАНЕ

Деревья подступили к
избам,

и светят огоньки в лесу.
По снежным голубым
изгибам
позёмку ветерки несут...
Иду по мягкому снежочку
до крайней, брошенной
избы.
Вот след зайчишки в два
прыжочка,
след лисий –там,
у городьбы.
Собака злобно лает где-то,
на ветках иней, звёздный
блеск.
Луна восходит...
До рассвета
ей плыть и плыть – в страну
чудес.

В КАСКАДЕ БРЫЗГ

Уставший к вечеру, почти
больной,
иду я к Иртышу косою песчаной.
Здесь дачи. Здесь – цветы, уют,
покой.
Иду к воде прохладной и желан-
ной.
И окунувшись, яростно плыву –
спортивный «кроль» – мелькают
руки, ноги.
В каскаде брызг я юностью дышу
и наполняюсь силой понемногу.
И вот – прощаюсь с ласковой
волной
и выхожу на берег – молодой!
«Иртыш, тебе спасибо!» –
говорю.
«Тебя я на века боготворю!»

НА ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Ветра промчались тёплые
с ковыльной стороны,
тугие почки лопнули
среди майской тишины!..
С утра листва зелёная
одела тополя...
Во взглядах всех влюблённых
рассветинки горят!..
Плывут гудки над речкою
в безбрежный небосвод.
И птичьими наречьями
гусиный клич – с высот.
Грачи слетелись стаями
на влажные поля!..
Оттаяла, оттаяла
родимая земля!
Как вольно, легче дышится
под первую листвою!
... В шуме веток слышится
далёкий голос твой!!

НОЧНАЯ ГРОЗА

Гром разразился майской ночью,
и долго длился страшный гул,
Он с перекатами так мощно
лес сотрясал

и в тьме

тонул.

Грозу я слушал, как впервые,
и, сжавшись весь, не смел
постичь
небесной силы позывные,
Природы тайной дикий клич.

ВСЁ ОЧНУЛОСЬ ВМИГ

По болоту шёл я
осторожно.

Но раздался треск гнилых
жердей
под ногами – словно
выстрел грозный
прогремел, вспугнув двух
крякашей.

Закричал угод, за ним –
сорока,
стала булькать, ухать
кочкара,

и лягушки всхлипнули в
осоке –
всё очнулось вмиг в лучах
утра.

Всё насторожилось,
окликают:
Кто я?..

И зачем в их тихом крае?!

ПЕРЕПЕЛЯТА

На поляне, клубничкой богатой,
треск кузнечиков.

Сотни стрекоз...

Разбежались перепелята –
слышен писк их у дальних берёз.
Меж цветов и травы непролазной
малых птенчиков как
рассмотреть?

Мать кричит: «Где ж,
проказники?».

...То – взлетит, то – садится на
ветвь.

ЛЕТНИЙ ДОЖДЬ

Над берёзовым леском
прокатился резвый гром.

Капли звонко застучали
по раскрывшейся листве,
на дороге зажурчали
ручейки...

И – всплеск в траве.

За увал свалилась тучка,
встала радуга-дуга.

От травы дурман пахучий
дымкою прикрыл луга.

КОВАРНОЕ БОЛОТО

А кочки, как живые, на плаву
играют, прикрывая мрак
колодцев.

Шагнёшь поспешно в рыжую
траву –
и с головою в воду окунёшься.
И не достанешь илистого дна.
Вокруг – талы и мхом заросший
берег...

Шумит камыш о том, что жизнь –
одна,
и что нельзя болотным кочкам
верить.

КНИГА

Буква к букве – слова,
следом – строчки.

Ну, а смысл весь порой между
строк!

...В этом мире жестоком,
непрочном –
науци верить книге, пророк!

ВСЁ КАК ПРЕЖДЕ

Дождь пролил... Десяток радуг
над рекою... Всюду – грязь!..

– «Здравствуй, старая ограда,
что грустишь ты, накреньясь!?

Здравствуй домик! Здравствуй,
детство!..»

Петушинный, здравствуй, крик!..

Дайте, дайте наглядеться –
я от вас почти отвек...»

... Вижу рядом – солнце в
окнах...

Голоштанная орда

мчит по лужам – все промокли.

Брызги градом – не беда!

Всё как прежде: небо, ливень
и речушки светлый лик...

Рядом плачется крикливый,
потревоженный кулик...

Прохожу вдоль огородов
по тропиночке крутой.

Захотелось, как в те годы,
искупаться под горой.

Тот подсолнух ярко-рыжий,
речки голубую гладь –

всё, что рядом слышу, вижу –
я готов расцеловать!

Улиц грязь – и та родная!

Край родимый не кори,
освежи меня прохладой
и любовью напои!

ОТПУСК В ИЮЛЕ

Июль выращивает травы,
зверят, рыбёшек и птенцов...
Для нас растут – не для поправки,
делянки ягод и грибов!..

Над полем в радостном паренье
взлетает птенчик на крыло...
клубника красная в горенье...
над речкой чисто и светло!..

Всё к солнцу тянется до срока...

За месяц я окреп, подрос!
Порозовел июльским соком!..
– Ещё б недельку – вот вопрос!?

ИЩУ ОТВЕТ

Вокруг рощи – пахота...

По лесу – борозда
от плуга.

Длинная, во всю поляну.
... Я за клубничкой вновь пришёл
сюда,

но всё переменялось как-то
странно.

Нет ягодника, белых нет цветов –
растёт сорняк да тощие травинки.
Прошли палы весной – из кустов
обугленные видятся тычинки.

И словно шрам, темнеет
борозда...

Не слышно птиц – видать,
сгорели гнёзда...

Какая драма, что же за беда
случилась здесь?..

– Найти ответ не просто.

Я УЙДУ...

Если друг меня обманет
или словом обзовёт –
жаловаться я не стану
взрослым дядям. Я – не тот.

Я уйду на луг. Цветами
надышусь, совет спрошу
у реки!..

Вновь сильным стану!..

И обидчика прощу...

ВОЛНУШКИ

Говорит мне бабушка:

«Август – для волнушек!
Семьями, все рядышком
светят по опушкам.

Шляпки в ярких лучиках,
с войлочным пушком...

Я ногами мучаюсь,
трудно в лес пешком.

Набери мне, внучек,

полную корзину,
маринады лучшие

наготовлю в зиму...».

16. РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЖИЗНИ

Домашние и дикие

Мальчишкой как-то принес с озера утенка кряковой утки, самой «матерой», как их называли старики. Попал в сеть рыбаку, тот отдал мне. Думал: «Выращу, может, получится подсадная».

Утенок много и охотно ел и пил из чашки, плавал в тазике с водой. Иногда я его выносил на речку. Вел он себя спокойно. Быстро подрастал. Появились дудки на крыльях, затем – маховые перья.

«Подстриги крылья», – посоветовал соседский Петька. Я не стал подстригать, уж больно хотелось мне увидеть, как мой утенок начнет подниматься в воздух. «Улетит», – повторял Петька, а он и не думал взлетать.

Часто на озерах я наблюдал за утиными выводками. Желтенькие, пухленькие утята быстро бегают по воде за мошками, подрастая, начинают нырять в воду, доставая со дна корм, потом, когда вырастают крылья, начинают учиться летать. Энергичные, резвые, смелые – они любили ветер, воду, небо.

Мой же утенок ничего не любил. В небольшом тазике, под навесом, скрывающим небо, он тучнел, жирел. И только когда в сентябре стаи птиц в небе поплыли на юг, он расправил свои крылья, взмахнул ими. Но они были тяжелыми, непослушными...

Я всегда против категоричности в суждениях и прямолинейности в сравнениях. И все же – как расценивать пример с утенком?..

Кто не видел, как домашняя утка, неповоротливая, спокойная, взмахивает крыльями и старается взлететь. Напрасно, бесполезно. Стая домашний гусей, слыша призывные крики с небес, долго разбегаются по берегу реки, махая крыльями. Некоторые даже поднимаются на крыло, пролетают метров сто и тяжело опускаются на землю. Они позабыли ощущение полета, крылатые, они сравнялись с бескрылыми. А в небесах торжественно и четко уплывают вдаль стаи свободных собратьев.

Вот так за плотными засовами ворот, клеток, вольер утрачивается ощущение прелести бега, полета, поиска. Дроботный корм, тихая жизнь сделали одомашненных животных малоподвижными, грузными. Но домашние птицы и животные – лишь один пример потери свободы. А есть еще категории людей, которые в этом смысле уподобляются бескрылым птицам.

Горностаи

Когда-то в округе возле нашей деревни водилось бесчисленное количество птицы и зверя. Зайцы часто забегали по ночам на огороды, лисьи следы появлялись у колхозных пригонов, волки иногда.

Лесная живность проникала часто в деревню. Около восьми семей зверьков-горностаев облюбовали себе место для жилья под амбарами и саманами, вырыв возле них глубокие норы. Вот такие – присутствия собак рядом не испугались.

За двумя горностаями под амбаром соседа я наблюдал с октября до самого Нового года. Небольшие, светлые, изящные и быстрые зверьки редко показывались днем из своих нор, но наутро я находил на снегу множество отпечатков их лап. Парные, четкие, размашистые следы резко отличались от кошачьих – тяжелых и частых.

И вот под Новый год у моего друга Сашки, что жил за три дома от меня, горностаи проникли в избушку и растерзали нескольких кур. Утром мы с ним вдвоем долго рассматривали следы зверьков и выследили по огородам ход в дальний амбар на другой улице. Такие хитрые наглецы: рядом у соседей кур не тронули, а пришли к Сашке. Я, рассматривая в углу избушки дыру, удивлялся, как они могли подкопаться и прогрызть половые доски, которые, правда, уже слегка подгнили.

Сашка, смелый и решительный пацан, давно занимался охотой с ружьем, а капканов не имел. Но в тот же день выпросил их у старого охотника и насторожил в дырах. На второй день оба горностаи попались в капканы, а друг мой не унимался. Поставил ловушки и к моему соседу под амбар. Отловил и этих. Так за зиму он переловил горностаев по всей деревне, за что получил десятки «спасибо» от баб и мужиков.

Я Сашке не признавался, что мне было очень жаль красивых, грациозных зверьков. Так не хотелось верить, что они хищные. Позднее, встречая в лесах и полях колонков, норок, лисиц и других пушистых четвероногих, я почему-то сразу вспоминал наших деревенских горностаев.

Поздняя ягода

По утрам стало подмораживать. На траве и кустах высыпает иней, а из низких серых туч нет-нет да и сыпанет не то град, не то – снег. Холодрыга весь сентябрь жуткая.

Наш путь лежит из Омска через Тюкалинск на Усть-Логатку, далее – на Карасук. В нем переночевали, утром рано выехали в деревню Заозерную. За ней какое-то брошенное село, где остались пустые, без окон, две избы.

Новенький пазик – вездеход идет без пробуксовки через ручьи и промоины. Начались зеленые рябки: слева, справа, впереди. В березовых колках деревья облепили стаи непуганых тетеревов. Их – сотни.

Опытный проводник везет нас без остановки до небольшого озера. Это – конечная точка пути. Вылазим, нас – восемь человек. Ставим палатку, зажигаем костер. Пьем чай, пятиминутные сборы – и в путь. По ряму, по еле заметной дорожке, по колену в воде, выходим через километр на клюквенное болото.

Клюква – крупная, спелая, прозрачная, налитая ароматным соком. Она алеет на покрывале из темно-зеленых мхов.

Изредка попадают кочки, на которых растёт багульник с уже почерневшей, сморщенной, перезревшей брусникой. А клюква – в самом соку. И столько ее много. Красно, куда ни глянешь. Ее тоненькие веточки-ниточки почти незаметны. Кажется, кто-то невидимый порассыпал эти необычные ягоды.

До обеда, в среднем, нащипали все по ведру. Перекусили и до вечера – ещё по ведру. Водитель с сыном собирают приспособлением – «комбайном». Они набрали по мешку каждый.

Обратный путь до палатки с грузом очень мучителен. Ноги глубоко проваливаются в мох, вода иногда захлёстывает за отвороты простых сапог. Хорошо, у кого они охотничьи, болотные.

Усталые, потные в темноте уже добираемся до машины. И в ночь – домой, 300 километров пути без сна и отдыха...

Зато как отраднo зимой наполнить тарелку свежей клюквой, пересыпать ягоды сахаром и, с хрустом раскусив их, ощутить аромат и сладость.

Клюква – особая ягода. Сохраняется подолгу, не теряя своих вкусовых качеств. Поздняя ягода, но и самая лучшая, самая полезная.

Списанный газик

Сборная команда стрелков возвращалась из Кургана с соревнований в Омск. Вся команда (6 человек) собралась в одном купе вагона. Шутили... Смеялись... Рассказывали байки...

...Миша, шофер Главпочтамта, работающий на новеньком ГАЗ-69, высокий и добродушный парень, душа всей компании, неожиданно спросил:

– Владимир Иванович, что выяснилось тогда с маслом?..

Эта фраза обращалась к зав. кафедрой одного из институтов, совсем не связанного с техникой. Владимир Иванович, очень уважаемый и скромный мужчина средних лет, всего как год купивший списанную машину ГАЗ-67, смущенно замялся.

– Понимаешь, Миша, приходил один товарищ, смотрел, сказал, что в основном через картер гонит и еще местами в двух-трех. Там, оказывается, нет какой-то прокладки, наверное, потерял, два болта сверху без гаек болтались...

Все присутствующие, наслуханные о притчах с ГАЗ-67 и об абсолютном техническом незнании Владимира Ивановича, насторожились, чувствуя подвох в вопросе Миши.

– Вы так весь газик растеряете, что ни поездка, 2-3 частей нет. И так-то старье, хлам. А все-таки тот раз вы доехали до места?

– Нет, Миша. Осталось километров пятнадцать, кончилось масло, в ближайшей деревне спросили, не нашлось. Правда, одна бабка предлагала сливочное, – как бы шуткой старался Владимир Иванович замять неприятный разговор. Все окружающие настроились на автомобильную тему, поскольку большинство имели свои машины.

– Владимир Иванович, и чего бы тебе не поставить волговский мотор и ходовую часть, как это сделал я на «Победу», – продолжил Толя Паршин, его старый друг, заглядывая ему в глаза.

– Где там, свои родные части не могу подогнать, люфт руля и тормоза до сих пор не отрегулирую. За сто метров до ямы начинаю тормозить, качков десять надо, и чаще притормаживаю уже после ямы, а на яме зубы считаю...

Видно было, что у Владимира Ивановича так наболело о газике, и он, не стесняясь, выливал горечь.

По городу о нем ходят анекдоты: раз его газик остановил милиционер, подумал: машина горит. Так из выхлопной трубы валил дым. Карбюратор и сейчас расходует тройную норму бензина.

– Н-да, ну и дела – промолвил как бы между прочим полковник запаса, наш представитель команды Павел Михайлович, – ты еще ни разу сам своим ходом не вернулся в город, все тебя притаскивают на буксире. Я на своем газике никогда не сидел в поле. Лучше тебе нанять шофера, как сделал наш генерал. Дешевле будет.

– А я ему предлагал свои услуги, – снова вмешался Миша, – при условии, если он купит задний мост, который подыскал я по сходной цене. Тогда соглашусь возить его на охоту и рыбалку.

– Где я возьму такую сумму денег, – ответил Владимир Иванович, – и так вся зарплата идет на запчасти, а ездить не приходится.

Молчавший до сих пор Володя Тищенко, художник, имеющий в безукоризненном состоянии «Волгу» первого выпуска, спросил:

– Володя, а как Петр Петрович в твоей машине брюки порвал о сиденье, и не смог пойти на работу. Говорят в тот раз он получил выговор за прогул?..

Все рассмеялись. Владимир Иванович не обижаясь, посмеиваясь со всеми, добавил, что ему было недавно хуже. Залез под машину, под колеса не положил ничего для тормоза, и колесо наехало ему на ногу. Помог сосед по гаражу. Еле вылез. В общем – одни неприятности и работать некогда, и дома не бывает сутками.

Разговор продолжался долго, перемежаясь шутками и смехом. Только я и еще Олежка, студент первого курса ИФК, мастер спорта, молчали, не высказывая своих эмоций. В конце, оставив в покое ГАЗ-67, начали вспоминать кто о чем.

Опята

Мокрое осеннее небо с утра темнело, хмурилось. Не хотело никак просыпаться. Но откуда-то налетел резкий холодный ветер, березовый колок вздрогнул, посыпалась с веток золотистая листва. Словно из вышины кто-то резко выдохнул раз-другой, и лес оказался полуголым.

Мглистая высь очистилась от туч, по вершинкам деревьев заскользили, заискрились солнечные лучи. Засверкали, заиграли яркие блики по опавшей листве, росистой траве, зеленой полевой дорожке.

Сворачиваю в лес, захожу вглубь. Огромный старый пенёк виден издали. Он весь усыпан опятами: на упругих ножках, кучками, весело поблескивающие шляпками. Они завораживают мой взгляд. Да, это к ним я спешил навстречу с утра пораньше. О них я мечтал длинными зимними вечерами.

Наклоняюсь, словно кланяюсь. Тихо говорю: «Здравствуйте!..»

16. ДНИ РАЗДУМИЙ

РАССВЕТНАЯ РАНЬ

Ковёр таёжный мягок и
зыбуч.
Над ним переплелись
верхушки сосен –
и в них застрял рассветный
первый луч.
Не верится, что на пороге –
осень.
Нетронутый покой.
Смола... Озон!
Так запах мха с багульником
дурманят!
Гагары крик всплывает в этот
сон
от небольшого озера в
тумане.
Урман...
Вокруг – такая глухомань,
за сотню вёрст охотничья
избушка.
Здесь в предрассветную,
глухую рань
люблю я дикий мир часами
слушать...

СОРОК ЛЕТ

Жизнь диктует свои права
и пугает суровою новью.
Кругом – кругом идёт голова,
обливается сердце кровью!
Сорок лет? –
Для мужчин – это срок!
– Прежнего нет стремленья,
горенья –
может, жизни уже потолок
давит сверху томительной ленью?..
Всё темней за окном небосклон
всё свинцовее низкие тучи...
И какой-то незримый сон
отчуждённостью давнего мучает.

В ШАЛАШЕ

Засыпает речка и поляна,
засыпает дальнее село.

И белеют белые туманы,
словно лебединое крыло.
Спите, подорожники и ивы.
И стога – как стойбище
слонов!

Спи мой луг, уставший и
счастливый –
я всю ночь сны охранять
готов...

БРОШЕННОЕ СЕЛО

Бурьян берёт в полон дома,
в проулках лишь репей с крапивой.
Без окон избы... Дел – нима...
Посмотришь – и даёшься диву.
А в улице один старик
сидит на лавочке, вздыхая...
Не слышен петушинный крик,
собаки у ворот не лают...
И странно: даже не слышать
детей играющих, их криков...
Мертво вокруг. Ни дать – ни взять...
Пустые окна смотрят дико.

НЕ СПИТСЯ МНЕ

Взошла над гривой яркая луна
и осветила лодки на приколе.
Уже за полночь – всюду тишина...
Туман и лунный свет плывут по
полю.
Костёр погас...
С надрывами храпит
напарник мой, уставший на болоте...
Но от чего душа моя болит?..
Не спится мне...
Не радуется охота.

ИЗ ПИСЬМА ДРУГУ

В сумерках поздних струится река,
паром негреющим дышит...
Ты мне напрасно судьбу предрекал
– время иное нам пишет.
Здесь, над обрывом, в густой
тишине
щелкают перепелята...
вот отдалённо сигнал прозвенел...
скачут вдаль жеребята.
Мчатся игривые на водопой,
пыль над дорожкой клубится...
Вновь на рыбалке –
но я здесь – чужой...
Прошлому не возвратиться!

ЗАЧЕМ РАЗДОР

Взгляд твой укоризненный
и жалиющий
ощущаю знойно на спине...
Ну, зачем раздор – ответь,
пожалуйста?..
... Ухожу вновь в злобной тишине...
С поздней электричкою, гремящей –
еду я на дачу, в замок свой...
... И в колёсном грохоте – кричащий,
голос твой всё гонится за мной.

НОЧЬ – КАК ВЕЧНОСТЬ

Ветерок порывистый, свистящий
щёки в темноте мне холодит.
Я иду от пристани сквозь чащу –
низко впереди луна висит.
За кустом «жигуль» мой
светлобокий...
Термос есть – костёр не надо жечь.
Ночь – как вечность, если одиноко...
Выпить бы чайку да раньше лечь.
Выспаться, на зорьку встать до
света...
А грустить к чему – пускай и ночь?..
Да и кто мне на печаль ответит?
Кто сегодня может мне помочь!?

СИЗАРЬ

Я – больной, и в постели пилюли
горьковатые, пью целый день...
За окном, в небе ясном, июльском
голубиная мечется тень.
Сизарь – то пронесётся стрелой,
то по ветру вольготно парит...
То с крыла на крыло предо мною
развернётся... И снова – в зенит!
Наблюдаю, а сердце томится,
и по телу – холодная дрожь...
Ах, красивая вольная птица –
ну, куда ты бескрылых зовёшь!?

НОЧЬ НА КОПНЕ

Глухомань лесная, всхлип болота.
Тлеют зябко звёзды в вышине.
Вымок и продрог – на то охота.
И лежу, согревшись, на копне.
Самолёт плывёт вверху. Мигают
Дальние сигнальные огни –
как в погоню, вслед за птичьей стаей,
к югу удаляются они.
Гул тоскующий, протяжный,
долгий –
мысли ворошу, схожу с ума:
Где я? Что я?..
Рядом блеск дустволки...
Осень... Слякоть...
Впереди – зима...

ГРУЩУ О НЕВОЗМОЖНОМ

Я – упрямый, озорной,
месяцами жду удачу...
Но душа порою плачет,
разуверившись судьбой.
Очень редко я смеюсь,
если рядом чьё-то горе...
И с собою часто спорю:
а на что же сам гожусь?..
И в глаза вползает грусть,
Если что-то невозможно,
и на мир гляжу тревожно...
Жить легко не научусь!

СВЯТОЕ ДЕЛО

Я – отпускник, бреду с охоты,
а рядом хлеб шумит волной.
Ядрёный колос с позолотой
усы склоняет над тропой.
Пора бы жать. Стоят комбайны:
солярки нет на МТС...

Хлеб перезрел, и не случайно
 полёт на землю там и здесь.
 А я с утра брожу с ружьишком
 в лесу озябшем и пустом,
 и вспоминаю – как мальчишкой,
 в войну, я жил земным трудом.
 Как я работал на прицепе...
 сенокосилкой хлеб валил...
 как звонко молотили цепи...
 в гуртах пшеницу я сушил.
 И плицей грёб зерно на печку,
 и на току ночами спал,
 где дед мне с думою извечной
 о жизни мудро так сказал:
 «Святое дело унаследуй,
 хлеб – наш кормилец, жизнь сама...
 Есть хлеб – и никакие беды
 нас не возьмут...
 Не в страх – зима».

И ПОЙМУ Я

Жизнь, порою, нас конючит,
 бьёт по лбу, пинает в зад.
 Исчезает солнца лучик –
 и тогда себе не рад.
 Если грусть в меня заглянет,
 изменёт без сна постель –
 утром я уйду к полянам,
 где в ночи пел коростель.
 Упаду в левкой, ромашки –
 обниму цветочный свет...
 Пчёлы, яркие букашки
 принесут мне свой привет.
 Посвежев, смотреть я стану
 в голубую неба высь...
 И пойму здесь на поляне
 по-иному слово «Жизнь».

НА ДУШЕ – ПОКОЙ

Вокруг крылечка – лужи...
 С крыши – дождь...
 Ни выглянуть, ни выйти за порожек.
 И сумрачно в избе...
 А ты всё ждёшь,
 отодвигая шторы незаметно.

Напрасно...
 Дождик мелкий, обложной –
 наверное, уж где-то осень рядом.
 И странно: на душе такой покой!..
 И думать, думать в тишине отрадно.
 ... А дождь стучит, лепечет и поёт –
 и, вроде, нет ни дел и ни забот.

В КОПНЕ СОЛОМЫ

В малой луже стынет мгла –
 ночь звездой в неё сошла.
 Холодеет тишь к рассвету,
 сплю в соломе нераздетый.
 Пар плывёт, как из берлоги.
 Затебли немного ноги.
 Потянулся, привставая...
 Чу! – вновь крик гусиной стаи.
 Брезжит серенький рассвет –
 лучше сна в соломе нет!

ДИЧОК

Он в саду и в огороде
 рядом с яблоней растёт.
 В дикой роще – на природе
 зреет солнышком, зовёт...
 Слово звонкое – «дичок»
 светит, словно огонёк!

НА РАЗЛИВЕ

Ах, Паисыч, как любили
 край берёзовый с тобой!
 Глубока твоя могила –
 только ты всегда со мной.
 Тюкалинский край приветлив:
 плеск волны... берёзы дрожь...
 По разливу в зорьке светлой
 в лодке ты к сетям плывёшь.

В ОХОТНИЧЬЕЙ ИЗБУШКЕ

Потемнели к вечеру деревья,
 обступили хижину мою.
 Где-то притаились рядом звери.
 Камыши озябшие поют.
 В песне этой – расставанье с летом...
 Мне дремать в избушке –
 до рассвета.

ЖАРКИЙ ПОЛДЕНЬ

Вьюн взметнётся – и уляжется
 золотистой струйкой пыль.
 Нежно-белым морем кажется
 вдоль обочины ковыль.
 Коршун медленно снижается,
 миг – и камнем упадёт...
 Распахнулась степь тишайшая,
 жаворонок лишь поёт.

ЖУРАВЛИ

В ясный полдень в небе синем
 кружат стайкой журавли.
 Пригляжусь: лишь росчерк крыльев

различаю я с земли.
 Марево...
 И испаренья,
 как потоки, ввысь текут...
 Крыльев взмах, затем – скольжение.
 По волнам плывут, плывут!
 На безветрии небесном,
 в синеве купаясь вновь,
 чуть курлыча, грустной песней –
 дарят светлую любовь!

Я НА СВОЁМ ВСЕГДА СТОЮ

«Воспоминание о будущем!» –
 я заголовок написал...
 В стране свободных и бунтующих
 по прошлым дням не тосковал.
 Что мне оплакивать парткомы –
 в коммуне я не состою,
 Их лозунги мне не знакомы.
 – Я на своём всегда стою!..
 «Воспоминание о будущем!» –
 смысл заголовка режет глаз...
 Да, мне хотелось быть бы любящим,
 но не когда-нибудь, сейчас!!.

МОЛЮСЬ НЕБЕСАМ

Светятся кедровые в разводьях зари,
 стекают лучи по иглокам.
 Где-то токуют в глуши глухари,
 дремлют в урочище волки.
 Алой брусничкой усыпаны мхи,
 птицы на кочках болотных:
 между тетёрок черны петухи –
 держится выводок плотно...
 – Праведный Боже!
 Молюсь небесам,
 стою, приобнявшись с сосною,
 себе я хозяин – и волен я сам,
 какую идти мне тропую.
 Нет на лице от сомнений теней,
 зарёю рассвечены дали...
 Вот вышло навстречу семейство
 лосей –
 они здесь людей не видали.

17. КРУТИНСКИЙ БАССЕЙН (ТЕНИС-ИК-САЛТАИМ)

Матёрое озеро

«Вот озеро, всем озерам озеро!» – восхищенно произносит каждый, кто впервые попадает на Тенис. Местные жители и старые охотники просто называют его – Матерое озеро...

Сибирь грандиозна, величава. Мировые события всколыхнули ее дремучесть и необъятность. Над Тенисом то и дело во всех направлениях, на различной высоте проходит множество самолетов, особенно часто в направлении стройки «Тюмень-Сургут». Недалеко, километрах в тридцати, ведется укладка асфальта на магистрали Москва-Владивосток.

Омская область по территории занимает площадь большую, чем некоторые западные государства. В области несколько тысяч озер, зарегистрировано тридцать пять тысяч охотников.

С озером Тенис связан проливом Салтаим – такое же громадное озеро. Несколько меньше озеро Ик, которое по весне речка Китерма соединяет с первыми. Их общая площадь – 150 тысяч гектаров, средняя глубина – 1,7 метра.

Озера имеют речки-притоки: Челдан, Карасук, Шипуновка, Горькая, Тенисовка, Конкульская. Из Тениса вытекает речка Оша. Это озеро любимее мне других. Ведь на берегу Ика стоит районный поселок-рыбозавод, а на Салтаиме много рыболовецких бригад, и оно отдаленнее. Основной пролет дичи идет через Тенис, здесь больше камышовых речек, плесов и мелких внутренних озер по береговому зарослям. В общем, оно более спокойное для дичи, хотя многие места труднодоступны. Здесь гнездится самая северная колония кудрявых пеликанов.

Зимой по этим заснеженным озерам бродят сотни рыбаков, долбят лунки, ловят окуней и спасают ценные породы рыб, таких как пелядь и лещ, от замора. Ведь через лунки озера дышат, вбирая кислород.

Мои дядьки, молодой и старый, так же беззаветно любят Тенис. Старый, Паисыч, поговаривает:

– Вот оно – наше царство! Хочешь, поезжай вправо, хочешь – влево или вперед, места хватит всем охотникам, сколько бы их ни было. И дичи тоже. Не так, как на других озерах, где охотники посыпают друг друга дробью. Того и гляди – глаза выбьют...

Правда, с развитием ценных пород рыб Тенис начали ограничивать, закрывать охоту, но мы по-прежнему бываем на нем. Паисыч – старожил Тениса, мы с молодым дядькой – тоже уроженцы здешних мест.

По берегам озера раскинулись десятки сел Тюкалинского и Крутинского районов, так что и за день их не объехать по берегу. Весной вода, заливая обширные луга, образует речки по низинам, и рыба устремляется из озера в озеро на далекие расстояния.

Много охотбаз выстроено на берегах Тениса, будет построено еще больше. Известные люди – гости из дальних городов нашей страны, дальнего и ближнего зарубежья охотятся на просторах Тениса.

Пройдут десятки и сотни лет, новые поколения людей будут наслаждаться его красотами и дарами. Такое озеро обмелеет нескоро. Дичь, рыба, ондатра, а главное – красивейшие места диких камышовых речек и плесов будут привлекать всех, кто любит природу, ее таинства.

Я знаю: мы с дядьками скоро снова приедем на Тенис. «Какие райские места!» – обмолвится старый Паисыч.

– Блеск, роскошь! – поддакнет Иван.

Я им в ответ улыбнусь и сделаю в блокноте еще одну маленькую запись...

Зимник

Мне не нравится охота на малых озерах. Стрельнешь раз – улетят туки, и жди, когда снова появятся. А появятся ли? Правда, уж если прилетит утка, то твоя, как в пригон идет. Возьмешь без труда. Но это мне тоже не нравится.

Люблю я трудную охоту на больших озерах. И с первого раза на озере Тенис полюбился мне «зимник». Привез меня на чалой лошадке Иван, конкульский конюх, рыжеватый, добрый и всегда улыбающийся мужик. В те времена еще мало было транспорта, и «зимник» считался глухим местом. Зимой через него возили сено и потому прозвали так.

Подъехали мы на рассвете, а по заливному лугу, на километр, расселись казарка и гусь. Многие, многие тысячи. Поднялись – неба не видать.

У Ивана были сети, и мы на деревянной лодке, которую привезли на телеге, отправились по проходам в камыше к озеру. В двух местах тащили волоком через заносы камыша, слежавшегося в плотную массу. Выбрались к озеру, а оно – подо льдом. Лед на многие километры. У берега закраины чистой воды метров пятьдесят шириной. По этим закраинам последовали влево в угол, который полностью оттаял. Вплыли в него, столько утки поднялось, что в небе образовалось несколько ее «этажей». Наверное, не хватало места в воздухе. Нырки кружатся у самой воды, кряковые над ними, а выше всех звенели гоголи. Такая красота!

Озеро Тенис. Самое северное гнездование колонии кудрявых пеликанов, занесённых в Красную Книгу.

Поставили сети мы и заехали в камыш на мысу. Утка бесперечь пронеслась над нашими головами, но стрелять мне Иван разрешал только голубую чернедь, самцов. Они в это время хороши, почти единственные, остальная утка – сплошная худоба. Правда, гоголи и хохлатая чернедь тоже справные, но пахнут рыбой. Настрелялись мы в волю. Подобных охот я до этого не видел...

Давно это было. С тех пор часто приезжаю сюда. Другой раз и добудешь дичи мало, зато досыта насмотришься на громадный, величавый простор озера, на большие косяки уток и казарок, пролетающие в разных направлениях.

Ведь Тенис – самое крайнее к урману из крупных озер, оно – как промежуточный пункт на маршрутах дальних перелетов птицы.

Заказник

Сентябрьские ветра принесли заметную прохладу. Иней по утрам стал похожим на снег. Сегодня же с утра светило ярко солнце, в разморенном полудне плавали легкие паутины, напоминая о «бабьем лете». На желтых кистях камыша звенела мошкара, все еще не желая расставаться с летом... Громадное озеро Тенис полудремало...

Николай лежал на дне лодки, положив голову на распорку и скосив глаза, наблюдал, как два сереньких крохотных «чирка» спокойно плавали среди чучел по плесу. Камыш был настолько высок, что лежащему ему казался лесом. Прикрывая глаза, вслушиваясь в близкое кряканье и отдаленный, гортанный крик гусей, думал: «Как хорошо, что есть такие дикие места на громадных сибирских просторах, и как плохо, что это любимое его место почему-то районное начальство сделало местным заказником...».

Он-то знал, что кое-кто из них постреливает в этих угодьях, но сделав сам несколько выстрелов, почувствовал себя «браконьером», сразу отпало желание охотиться, и вот теперь, лежа в лодке, пределся воспоминаниям, как с малых лет им завладела охотничья страсть. Всегда, каждую осень его сердце страстно колотится, просясь на раздолье озер.

Местный егерь Арсений, без левой руки, отличный стрелок, приглашал Николая в близкие им с детства места. Впервые Николай воспользовался «его властью», а когда один на всем мысу начал стрельбу, стало как-то неловко, не по себе. И вправду, чем он лучше других.

Нельзя так, нельзя.

Где-то близко в камыше прокричал гусак, сбитый им мелкой дробью на подранка. Тоже нельзя было этого делать.

Николай не любил охотников из города, хотя сам уже восемь лет как переехал в город. Горожане стреляют много и без толку, сбивают птиц в камыш и чаще на подранков переводят дичь, за это Николай считал их злейшими браконьерами. Да еще перепьют, вываливаются из лодок, тонут.

С увеличением транспорта, на озерах стали процветать хулиганство, воровство, чего раньше никогда не бывало.

Николай перебирал в памяти приятные и неприятные истории. Взгляд упал на часы: пятнадцать ноль-ноль. Через час за ним приедет на мотоцикле Арсений. Выплыл на плес, собрал несколько отборных крякашей, сбитых им на выбор. В другое бы время он разложил бы их в лодке, чтобы подошли и «имели вид». На этот раз затолкал в мешок. Разобрал ружье и – тоже в мешок. Медленно, оглядываясь, поплыл по протокам к берегу.

В капкане

На самую последнюю охоту мы с Иваном выехали на «зимник», где на лодках по займищу с плесами и речушками выплывали обычно на громадное озеро Тенис.

К пристани подъехали в полдень, не торопясь собрали лодки-раскладушки и по километровому проходу выбрались к озеру. Наступила первая половина октября, и то, что шел небольшой снежок, не удивляло. Легкий ветер колебал тяжелую ледянистую волну, которая прибывала к берегу первую шугу. Гребли через залив до мыса. Здесь идет основной пролет дичи. Простояли в островах часа два, но утки было мало. Правда, мне посчастливилось сбить дуплетом двух казарок.

В сумерках обосновались на маленьком плотном островке. Пужили. Постелив в лодки камыш, рано легли спать. Ночью ударил такой морозец, что стало холодно даже в спальнях мешках. Проснулись до рассвета. Вокруг тихо-тихо. Кое-где по камышам крякали подранки да высоко вверх звенели крылья пролетающих стай, спешащих на юг.

Немного прояснило. Сплошная пелена льда тускнела до самого горизонта. Дядька поинтересовался толщиной льда. Ударил веслом и удивленно ахнул. Алюминиевая лопасть с трудом пробила сантиметровый слой льда. А это значило, что на наших малютках-раскладушках его не проломить.

Продолжало холодать, ветер изменил направление и дул строго с севера. Небо затягивалось свинцовыми облаками. О потеплении не могло быть и речи. У нас сразу пропал интерес к охоте, да и стрелять было не во что. Местная утка за ночь отошла на юг, а та, что пролетала в вышине, шла напроход, и была за пределами выстрела.

Начали соображать: как выбираться? Ломать лед – бесполезно. Весел на долго не хватит. Деревянные, быстро сломаются, хотя лопасти из алюминия. Рубить лед нечем, вот был бы топорик...

Решили собрать тычки, что стоят рядом, вдоль камыша, и подвязать их под днища лодок. И ехать, как на лыжах. Так и сделали. На проходы, рубку льда и тычков ушло часа два. От брызг на одежде образовался ледяной панцирь. Вылезли на остров, затащили на камыш лодки и кое-как проволокой и веревками, что нашли в ящиках с патронами, привязали деревянные. Поставили раскладушки на лед и, толкаясь веслами, наподобие лыжных палок, двинулись в направлении берега. Вначале скольжение было хорошим, но ослабили крепления палок. Они начали смещаться, их нужно было часто поправлять. А здесь еще лодка Ивана проломила ледяной панцирь и оказалась в воде. Больше часа он с моей помощью выбирался на лед. Берег достигли уже в сумерках, и проходами в камыше, по заснеженному льду не опасаясь провалиться, пошли пешком, волоча за собой лодки. Еле переставляя ноги, голодные, измученные, наконец-то подошли к машине. Влезли в нее. Иван завел мотор, включил печку-обогреватель, и мы мгновенно заснули.

Тенис. Молодые пеликаны поднялись на крыло.

17. СЕВЕРНЫЕ ОЗЁРА

ТЕНИС

– Да, такая вот история
приключилась у нас.
Был Теннис не меньше моря, –
начал тихо дед рассказ.
Дед – рыбак, он любит воду,
в лодке может ночью спать,
а предсказывать погоду –
словно семечки шелкать!
С бородой замысловатой
над размахом плеч тугих,
он рассказ повел:
– Когда-то
не было страстей таких.
Чтоб такая уйма люда
на машинах,
и сюда!
Утка поднята повсюду,

вёсел столь –
кипит вода!..
Раньше здесь была избушка
на все озеро одна,
жил тогда я со старушкой...
Помню,
раз пришла весна –
щука,
и карась, и окунь
в берег шли
икру метать,
и у самых
этих окон
мог хоть тыщу
их поймать.
Не сетями,
а руками
щук хватал из камыша –
вот с такими головами!?!..
А теперь-то
ни шиша?
Есть-то
есть –
не та уж рыба...
И Гослов,
и Рыбнадзор
все разводят,
да не в прибыль –

недород,
а тот помор...
Зарастает,
обмелело –
и не жалко помирать.
А рыбацкое-то дело
надо тонко понимать...
Дед умолк,
темно в избушке –
он не любит свет зря жечь.
На соломенных подушках
и на нарах
нам всем лечь.
Молча,
скопом,
потихоньку
разбираемся впотьмах...
Словно сыч, сидит в сторонке
дед,
в крупнейших пимах.

ОЗЕРО ИК

Гаснут звезды. Тишь да гладь.
Лишь заря зардела,
рыбки начали всплывать
и плескаться смело.
Разбегаются круги
в золотистых волнах,
Светом радуги-дуги
лучики в них тонут.
Плес огромен – вдали и ширь...
Кажется безбрежным мир.

Непроходимый
в заводи камыш
склонился над водой
– и дремлет чутко...
Вверху прошелестела стая уток,
и снова разлилась тягуче тишь.
Вода прозрачна,
глубоко, до дна –
рассматриваю рыбок с интересом,
и с борта лодки,
осторожно свесясь,
пью жадно –
и пьянит меня она!
И смотрит из воды,
поймав с поличным
меня,
обветренное чуть лицо!..
Две капельки тяжелые
свинцом,
сорвавшись с губ –
летят в мое обличье!
Круги слегка расходятся, скользят
по лбу, щекам –
и кажутся улыбкой!
На зеркале, ломающемся,
зыбком
так странно я гляжу в свои глаза!

...Я долго пью,
и зубы леденеют –
засвищут скоро в небе холода!..
И потому прозрачней и светлее
день ото дня
озерная вода.

В темноте
по узким, мелким плесам
пробираюсь сквозь густой
камыш...
Жалобно поскрипывают весла,
нарушая вдумчивую тишь.
Вот и гладь озерная...
Дорожкой
катится свет лунный по воде,
кажется,
что в сторону немножко –
и луна исчезнет в темноте.
Но плывет она со мною рядом,
льет в лицо мне
свой лимонный свет...
Островов заснувшие отряды
медленно смыкаются вослед.
Поднимаю весла
и бездвижно
жду отставших путников своих,
и такая тишина –
что слышно,
как сорвавшись с весел,
дождь затих...
Где-то первых птиц раздалась
крики,
посветлело слева в вышине...
И зари расплавленные блики
засветились тихо на волне.

НА САЛТАИМЕ

От зари зажглись на плёсах блики.
Хлещут щуки по воде хвостом,
окуньки шарахаются дико
перед близким хищным
щучьим ртом.
Снова мощный всплеск, то
окунь яро
у сетей разбрызгал сонный круг...
И кричат плакучие гагары,
и в тумане гложет дальний звук.
...Озеро ночное – Салтаим,
с другом в лодке тихо мы сидим.

В БУРЮ

Почернело озеро,
лохмато
волны поизрезали залив,
гребни их с отливом седоватым
пенятся,
дорогу преградив.
Лодочки,
малютки-раскладушки,
из дюрала,

– эх, лиха беда,
к камышу попятелились послушно –
их пугает пьяная вода!
Ветра вой порывистее,
злее...
Час-другой...
Но хочется домой,
и нашелся тот,
кто всех смелее,
выплыл и –
подхвачен уж волной!
Чуть спустя,
вслед ринулась армада,
лодок десять –
брызги, весел взмах...
С каждым метром вал встает
громადней,
вяжет руки затаенный страх.
Главное,
чтоб лодочка-малютка
находилась сверху на волне!
И гребу,
сколь силы есть,
но жутко:
вал нещадно хлещет по корме.
Всё острее страх –
и так охота
вылезть из костюма и сапог...
Озеро огромно и глубоко,
да и берег все еще далек.
Зубы жжав,
гребу и привыкаю
к мысли,
что борьба с волной сладка!..
А над берегом вдали мелькают
чайки, –
словно чей-то всплеск платка.

НА МЫСЕ САЛТАЙМА
Озеро с чаячьим криком, –
за плотной стеной камыша.
Здесь
зыбун пузырится дико,
и невольно стынет душа!..
Глубина метра три,
не меньше,
плес идет к озеру
рукавом...
По разводьям во льду,
по трещинам
раскладушку толкаю с трудом.
Жестяная лодчонка-скорлупка,
оступись –
и разглядывай дно,

не спастись ни за что...
Это ль шутка:
лед схватил камыши давно!
... Сзади плес от шуги серебрится,
и снежок замелькал в вышине!..
Вот и озеро...
Стайками птицы:
гоголь,
чернядь
на чистой волне.

ВСТРЕЧАЙ, ПАИСЫЧ, НАС...
Под ноздреватым снегом
жесткий наст,
тепеют заскучавшиеся выси!..
Март близится...
Встречай, Паисыч, нас –
давай поговорим,
откройся в мыслях.
Давай поспорим про житье-бытье:
марксизм в тебе –
мозолистые руки...
любовь к земле, как песни давней
звуки...
Ну, а рыбалка,
в чем-то божество!
Ты едешь с превеликою охотой
рыбачить с нами
на родной Тенис.

Паисыч, –
друг,
развей мои заботы,
веселой шуткой снова отзовись.
...Вот впереди маячит Конкуль
старый,
а слева Новый виден на бугре.
На озере повсюду люди...
Яро
мы бурим лунки в ледяной коре...
Отменный клев!..
От луночек –
пар синий,
ворчит Паисыч:
– Эко, как озябли,
да и уха в котле давно уже стынет.
Ну что, родня,
по маленькой дерябнем?!

ОХОТНИЧИЙ ДВОРЕЦ
Нарядный дворец:
разноцветные стеклышки,
в стенах мозаики радужный
блеск...
Охотничья база сверкает на
солнышке,
сзади подворья –
роскошный лес.
А перед окнами,
от калитки,
водный канал,
где стоят катера...

Огромное озеро, солнцем залитое,
сияет лучами сегодня с утра.
Егерь небритый,
в куртке зеленой
сети в охалке на катер несет,
на грядке с клубникою красной
у дома
лохматая псина покой стережет...
Баня...Гараж...
Для прислуги два дома.
Не база –
дворец для князей!?
Эта мне местность лет тридцать
знакома –
здесь я ловил карасей
Вон Усть-Логатка,
родня в ней осталась,
дальняя, правда,
но все же родня.
На этом вот месте деревня стояла,
Тенисовка –
вон, в стороне, тополя!
Веселые улицы к озеру длились,
и там,
где кончался забор-городьба,
лодки-долбленки протоками плы-
ли... охотились...
Рядом гремела пальба...
Нету деревни, лишь кладбище
вижу
за тополями, в бурьяне
большом...
Тех, кто разграбил дворы –
ненавижу!
Я говорю о былом, о больном.
Нету деревни... А база сверкает
в радужных стеклах,
надменно глумясь
над бедностью страшной
родимого края,
где юность когда-то
моя пронеслась.

18. ОХРАНА ПРИРОДЫ

Директор заказника

Стояли теплые, солнечные дни середины октября. Село Коршуновка жило страдой. На полях гудели комбайны. По дорогам в клубах пыли мчались грузовики с зерном. На токах в основном работали студенты, с которыми я приехал на уборочную в местный совхоз.

Четыре учебные группы с четырьмя преподавателями во главе были разбросаны по трем бригадам. А я, как старший, ежедневно их объезжал или даже обходил пешком (деревни располагались одна от другой неподалеку). Попутно, прихватив с собой ружье, пробираясь вдоль дороги по лесу или болотам, я охотился на тетеревов и уток. Преподавателям и студентам это нравилось: они часто получали из моих рук охотничьи трофеи, из которых наши походные повара готовили жаркое.

Но в одну из суббот директор совхоза пригласил меня поехать на охоту с ним. Договорились встретиться за околицей, в полутора километрах, на перекрестке двух дорог. Так было удобно: он выезжал их конторы сразу за село, а я, живший на квартире на самой окраине, с противоположной стороны села, выходил по другой дороге в лес, к пяти часам вечера. Впрочем, может, ему не хотелось принародно собирать охотников, и это была своеобразная мера конспирации.

Так или иначе, положив в рюкзак болотные сапоги, ружье в чехле и два десятка патронов, я за полчаса отправился к назначенному месту. Шел медленно, рассматривая березовые островки леса и просторные поляны с еще зеленой травой и яркими цветами. Да и листва на березах была зеленой. Лишь отдельные листки пожелтели, и некоторые из них редко посыпали проселочную дорогу, тоже еще с зеленой травкой и неглубокой колеей.

Подошел к перекрестку и стал ждать, прислушиваясь к лесным звукам. Странно: ветра не было, но отчетливо слышались разные свисты, шелест, скрипы и лишь изредка – отдельные голоса птиц. Солнце низко клонилось к дальней согре, и от берез потянулись длинные прохладные тени. Я разглядывал у ног траву и цветы и заметил клевер. Он, чуть покачивая головками, мягко шуршал и, успокаивая, манил к себе, а мышиный горошек, дребезжа перезревшими стручками, словно о чем-то жалел. И еще много-много разных коробочек маков и других цветов, наполненных семенами, оживали вдруг, издавая тонкие звуки. Вот над головой просвистела пчела, вторая, третья... Значит, есть еще нектар на цветах... Здесь, прямо перед лицом, по коре березы ползут несколько муравьев. Куда и зачем?.. А вот, под валежником, прошелестела мышь... В нос бьют терпкие запахи переспевшей осени... Как-то неожиданно возник шум мотора, и из-за деревьев вынырнул «газик». Открылась дверка. В машине, помимо шофера и директора, был третий спутник. Оказалось, это – директор Чернолученского дома отдыха, тоже заядлый охотник. Директор совхоза, которого все называли Петрович, сказал, что едем в Баировский заказник. Это рядом, и там нас уже ждут.

Директор дома отдыха, Иван Васильевич, продолжал свой рассказ, прерванный моей посадкой. По тому, как он несколько раз обращался к Петровичу, было ясно: они – старые закадычные друзья...

Прошло совсем немного времени, и наш «газик» выскочил к небольшому озерку, обогнул его вдоль талов и оказался у осинника, где светилась копна золотистой соломы. Возле нее стояла телега, а рядом пасся конь. Из-за копны вышел мужчина. Высокого роста, плечистый, в легкой куртке, он шел навстречу нам, приятно улыбаясь. Петрович, невысокого роста, тоненький, жилистый, легко выпрыгнул из «газика», за руку поздоровался и отвел хозяина заказника в сторону. Николай, молодой парень, шофер машины, негромко усмехнулся. Он знал, Петрович будет проситься на охоту, но Петр Александрович (так звали директора заказника с необычной фамилией – Бартус) не пустит.

Петрович, недолго разговаривая, как-то странно махнул рукой и вернулся к машине, бросив: «Здесь останавливаемся...» Он вытащил корзину с едой, поставил к копне, приглашая: «Надо перекусить, а то не будет удачи...». В его руках появилась бутылка «Столичной», которую он и разлил на четверых. Николай, по понятным причинам, отказался. Чокнулись, выпили. Петрович нарезал тонкими ломтиками сало. Иван Васильевич достал баночку шпротов, настаивая отведать их.

Петр Александрович Бартус снял шапку, откинулся к копне. Спокойно поддерживая общий разговор, как бы между прочим, он рассказал, что вот это озерко на границе заказника – очень хорошее место для охоты. Сюда вечером так и валит утка на кормежку. В заказнике же не будет лучше – только хлопотнее, поскольку «больше разговоров...».

Светлые волосы с пролысиной, высокий лоб, внимательные живые глаза – все располагало к себе в облике Петра Александровича. Когда бутылка опустела, он поднялся и произнес: «Интересно, что вы за охотники? Посмотрим, как вы стреляете». С этими словами он взял баночку из-под шпротов, насыпал туда земли, умял ее и скомандовал: «Заряжай ружья». Потом предупредил, что он бросает баночку из-за копны произвольно, а мы стреляем по показавшейся внезапно цели.

Приготовились. После первого броска прозвучал один всего выстрел, Петровича, и тот – промах. Иван Васильевич даже не успел вскинуть ружье. Я же просто решил пропустить первую попытку.

Петр Александрович отыскал в траве баночку, выговаривая Петровичу: «Ну, какой же ты стендовик-мастер, а еще был чемпионом?!». Действительно, Петрович в свое время был чемпионом области в стрельбе по летающим тарелочкам. Но среди сельских спортсменов и имел всего лишь первый разряд. Петрович выслушал упреки, потом спросил: «Можно стрелять дуплетом?» Получив согласие, кивнул в мою сторону: «Вот это – настоящий мастер, пусть себя покажет». Я уже к тому времени сориентировался и

ответил согласием. И когда баночка только вылетела сзади, из-за головы, я мгновенно выстрелил. Заряд дробы весь угодил в цель, захватил ее с собой вверх и бросил метров на двадцать вперед... На этом соревнование и окончилось.

Петр Александрович, сказав, что утка пойдет на озерко только потемну, предложил нам пойти пособирать грузди. На днях де он наломал в этих лесах отличных, отнюдь не червивых, сухих, но попадались и сырые. А вот в том болотце даже встретились опята. Иван Васильевич сразу ожил, засуетился, попросил у Петровича корзину. А Петр Александрович засобиравшись домой, пообещав вместо себя подослать на мотоцикле своего сына.

Через пять минут мы с шофером остались одни. Николай, приподняв капот, поковырялся в моторе, вытер руки и подсел к копне рядом со мной. Думая о Бартусе, о его спокойных, неспешных движениях, какой-то своеобразной интеллигентности в манере поведения, хотел кое о чем спросить Николая. Но тот, словно почувствовав мое настроение, сам начал рассказ.

«Интересный же это человек – Бартус. При мне было только несколько случаев, когда он отказывался пускать в заказник всякое начальство. Однажды сам председатель райисполкома пожаловал с гостем из области. Приехали на двух машинах к нам в совхоз, хотели, чтобы их Петрович еще сопровождал бы. А Петрович прикинулся больным – послал своего зама. Приехали к Бартусу. Председатель спрашивает: «Как дела, Петр Александрович, дает ли совхоз дрова тебе, сено?.. И что еще нужно?». А Бартус поблагодарил за заботу и напрямую спросил: «Вам нужна охота – так едемте».

Потом провез их по территории заказника и вывел за его пределы – на одно пшеничное поле. Он выследил за несколько дней до этого, что вечерами из заказника сюда летят большие стаи крякши, серой утки на кормежку... Охота на сухом месте, на поле, в вечерней зорьке, получилась на славу. Постреляли хорошо. А что вне заказника, об этом гости и не знали. Бартус тоже был доволен: загнал обратно дичь в заказник. Так же он однажды вернул «домой» гусей, но с другими гостями. В общем, в конфликты ни с кем не вступал, а всегда находил выход. Вот и это озерко на границе заказника не раз служило ему громоотводом. У него в подчинении – четыре егеря, но помогают ему еще и три сына. А зятя своего, Андрея Семеновича, больше всех гоняет. С браконьерами, которые все равно лезут в заказник, он безжалостен. Раз даже составил протокол на руководство милиции. Правда, его вызывали в райком партии, но и там он заявил, что оштрафует любого и просто объяснил: дескать, иначе как же я буду смотреть в глаза своим егерям и народу?..

Не было случая, чтобы на него кто-либо затаил злобу. Мальчишек-охотников по деревням даже собирал в школах и вел с ними долгие беседы. Есть и среди них его помощники. Слышал я разговоры некоторых районных руководителей, которые прямо восхищались Бартусом, говорили о нем с уважением, вспоминая, как он их не пускал в заказник. Есть у него немало друзей – взять охотоведа района Левина. Тот всегда за него горой. Да и Петрович очень его уважает. Так что есть опора, есть кому охранять заказник, хотя площадь его входит в три района: Тюкалинский, Саргатский, Колосовский. Как человек, Петр Александрович очень душевный, всегда в центре любой компании. Как-то пришел он зимой в школу и видит: молодая учителька в тоненьких ботиках сидит за столом, кашляет. А он возьми да и линейкой с ее стола незаметно замерил один ботик. Наутро принес ей самокатки-валенки – так, бесплатно. И такой случай – не один...».

Наверное, многое бы еще рассказал мне Николай, но из леса появились Петрович с другом. Полная корзина груздей и еще – почти полный рогожный мешок. Иван Васильевич с блестящими от возбуждения глазами повторял: «Вот это да, какое богатство – как в сказке». Петрович дал команду Николаю подогнать «газик» ближе к камышу, где была малозаметная пристань. Сел в машину, махнув нам рукой. Солнце уже наполовину опустилось за дальний лес, и надо было торопиться. Мы с Иваном Васильевичем подошли к пристани, где уже Петрович с Николаем, выгрузив лодки-раскладушки, собирали их, закручивая болтики креплений. «Вот твоя, – указал мне Петрович на лодку, – она старенькая, подтекает, но не страшно. Озерко неглубокое».

Взяв у Николая пустую канистру вместо сиденья, положив повыше в нос рюкзак и ружье, я по узкому проходу в камышах потащил лодку к воде. Петрович впереди уже выезжал на озеро. Стоя, толкаясь шестом, он быстро гнал свою узкую самодельную лодку. И вскоре скрылся в камышах на другом берегу озера. Я свернул налево, на небольшой мыс, затолкал лодку в камыш и стал ждать.

Солнце давно скрылось за прибрежный лес, сгущались сумерки. И здесь в воздухе послышались свисты крыльев. Вначале пролетели несколько стаяк чирков, затем пошли табунки серой утки. «Серяк», так зовут ее охотники, меньшего размера, чем крякш. Утка шла непрерывно с озера Чистогай. Несколько раз сдуллетил Петрович, три раза одиночными выстрелами ответил Иван Васильевич. Стайки уток переместились к моему берегу, низко разворачиваясь над водой. Я открыл стрельбу, и через 15-20 минут у меня кончились патроны. Выехал на плес и стал подбирать сбитых уток. Близко у берега застрекотал мотоцикл. Значит, приехал сын Бартуса. Быстро темнело. Когда я вытащил лодку на берег, у машины все были в сборе, готовые ехать домой. Петрович протянул мне две связки сушеных карасей, сказав: «Это тебе и Ивану Васильевичу гостинцы от Бартуса, сын передал. Везите в город, будете варить щербу...».

Веселые, возбужденные удачной охотой, мы сели в «газик». Шофер включил свет, машина медленно двинулась обратной дорогой, огибая туманное озерко.

...Прошло уже лет двадцать с той охоты. И недавно я вновь случайно оказался в Баировском заказнике. Разговорился с местным пастухом, что гнал стадо на водопой. Вот что он мне поведал:

...Петр Александрович Бартус давно умер, дела в заказнике ведут его сыновья и зять Андрей Семенович. Трагически погиб его друг, Павел Левин, а место охотоведа в Тюкалинске осталось за его сыном, Валерием Павловичем. Нет в живых и Романа Николая Петровича, и егерем заказника стал сын – Владимир Николаевич. В общем, везде дети заменили отцов...

Закончив рассказ, пастух верхом поскакал на карей лошади к удаляющемуся стаду.

18. СОХРАНИСЬ, ПРИРОДА

Возле рощицы березовой
в недалекие года
на ветру плескалось озеро...
И сверкала синь-вода!
Чайки радостные с криками
здесь кружили а вышине...
Был карась... И утки дикие
в стайках плыли по волне...
Нет воды в низине илистой,
нет берез и камыша...
Есть канал...
– По чьей же милости
не осталось ни шиша?
Кто хозяйничал бульдозером
и куда ушла вода?
Неизвестно... Было озеро
и исчезло навсегда.
Лишь в сторонке невысокие
ивы – чахлые кусты,
небольшой кочкарник около –
от былой той красоты!

Опахали!..
Совсем опухали вокруг деревню,
и негде ступить.
Всюду грязь...
Ну, какому нахалу
надо луг деревенский чернить?
Если испокон веку знакома
зелень улиц и зелень оград.
Если нам
перед окнами дома
с детства виден родительский сад!
Эти вишни,
крыжовник с отрадой
я любил по утрам поливать...
Пахота подступила к ограде,
где буренку из стада встречать?
Нет лужайки, и нету теленка,
нет играющей стайки ребят...
И иду я родимой стороной –
и овраги печалят мой взгляд.
В поле сорные травы повсюду,
ноги колет нещадно осот...
– Ну когда мы научимся,
люди,
жить без глупых вот этих
забот?
Опахали.
Совсем опухали вокруг деревни –
слезятся глаза.
Зря, наверное, землю мы хаем,
что не хочет она хлеб рожать!

Плотину окончательно размыло...
А помню:
речка берега топила
весной –
на луг раздольно
выходила,
плоты и бревна на волне
кружила...

А нынче –
по колено воробью!

Через лес проторили дорогу –
чуть заметна в траве колея.
Вечереет...
Уставшие ноги
словно лечит родная земля!
Возвращаюсь с корзиною полной
крепких,
сочных сырых груздей!..
Да,
здесь в годы военные,
помню,
мы охотились на косачей.
Здесь на тырлах,
в таловом скрабочке
поджидали их на чучелах...
А теперь –
пустота, ни следочка
в поредевших от рубки лесах.
С каждым годом все хуже,
и больно
полумертвые видеть поля:
исчезает нетронутость,
вольность
тех лесов,
где счастливым был я.
Пусть уйдут навсегда без печали –
этой участи я не боюсь,
но хочу, чтобы птицы кричали
и цвела на лугах моя Русь!
И хочу,
чтобы мальчик, похожий
на меня,
здесь по лесу шагал...
И внимательно и осторожно
этот мир красоты познавал!

ЗАПРЕТ НА СТЕРЛЯДЬ

В старину здесь, давным-давно,
Ермаку подавали уху
стерляжью,
а теперь Иртышом проплывает
дерьмо,
и мазут спины голые мажет.
Говорят:

есть налим и чебак,
окунь мелкий идет на
мормышку.
Есть и стерлядь –
то местный
рыбак
знает с детства не понаслышке.
Бороздят катера речки гладь,
и инспектор недремлющим
оком
смотрит в темень,
мечтая поймать
браконьера за тем поворотом.
Не рыбак я, но знающий толк
в рыбной ловле,
слежу с
возмущением,
как сетей распускается шелк
с катера, широко по теченью.
То бригада у всех на виду
для обкома и облизполкома
тянет невод –
и в ней на беду
самый старый рыбак –
мой знакомый.
У него удрученный вид,
ведь в лицо говорят ему дома,
что холуй, потерявший он стыд,
и преступник от облизполкома.

В логу медвежьем тихо-тихо...
Через завалы, бурелом
пролазит потная лосиха
с лосенком маленьким вдвоем.
Вдали двулеток, с ним – рогац,
красавец с длинными ногами.
Там снег от крови ал, горяч...
Растоптан грязно сапогами...
Вчера, под вечер, обложила
в ряжке их пьяная толпа,
в упор из карабинов била...
И до сих пор в ушах пальба...
Под пихтой кряжистой
косматой
устало лоси прилегли.
Их раньше охранял сохатый –
подкрасться волки не могли.
Лосиха дремлет, на лосенка
глазами влажными глядит.
А он, истратив все силенки,
прижавшись к ней, во сне
дрожит.

От леса до леса
по полю,
по лугу
петляет машина,
надрывно рыча,
и мечутся зайцы прыжками
в испуге,
под фары к колесам летят
сгоряча!

Жнивье ослепляя,
 деревья и травы,
 свет фар между колками ночь
 колесит...
 Напрасно охотник грешит на
 потраву – вот так, браконьерски,
 весь зверь перебит.
 А стайка косуль
 в полутьме на зеленке
 сверкает глазами...
 Все ближе мотор,
 и вот из-за леса,
 пугая козленка,
 взлетает машина,
 и фары – в упор!
 И свет не щадящий,
 пугающий, яркий
 сжимает поляну –
 вокруг темнота.
 Ружейные выстрелы...
 Стоны подранков...
 Вот фары погасли, –
 вокруг немота.
 Во тьме непроглядной
 встревоженной ночи
 дыхание ярое черных людей...
 Копытцами бьется козленок
 и хочет
 из кузова выпрыгнуть
 в сумрак полей!

МЕСТЬ ЗЕМЛИ

В мир божий, человек, поверь!
 Земную плоть красой измерь!..
 У ног бурлит порог Падунский,
 а там, за тридцать земель,
 я словно вижу край подлунный:
 там – Ниагарский водопад!
 В каскадах брызг – светлейший
 град!..
 Мир Божий всем!... Звенит Катунь
 и волны – синь по камням катит!..
 Но где-то взрывы: гильз латунь
 искрит – там выстрелов раскаты!
 Там кровь и боль!..
 Свистят снаряды!..
 Не дремлет вечная вражда:
 в подземных взрывах –
 штат Невада!..
 Боль Хиросимы – навсегда!..
 Земля скорбит от ран кровавых:
 и в мирный день земную твердь
 терзает сталь, в полях – потрава,
 в лесах – пожары. Та же смерть!
 Рвы – оспой на лице природы...
 яд в реках... тиф...
 Беда лиха!
 О, страшный миг
 – дымит Чернобыль!..
 Взрыв поездов – в слезах Уфа!..
 О, люди! Загораясь мщеньем,
 земля от боли восстает:

вулканами, землетрясением
 нам лаву огненную шлет!
 Вызывая дрожь глубин,
 Кавказ, от пепла задыхаясь,
 лежит в руинах...
 “Как могли мы не беречь
 земного рая?!..”

Когда мне горько,
 не хватает
 ни сил,
 ни волн –
 вижу я
 в родимом небе птичьей стаи,
 в осеннем золоте поля!
 Я вижу дом родной у речки
 и маму тихую мою –
 и сразу
 мне теплой и легкой,
 и тверже на ноги встаю!..
 Иду я на свиданье снова
 туда,
 где жизнь взяла разбег,
 где я,
 пацан большеголовый,
 пью холодок светлейших рек!
 Там ястреб кружит осторожно
 над перепелками во ржи,
 там расцветает подорожник
 на перекрестке у межи!
 Там по тропиночке окольной
 вновь на охоту ухажу
 в поля росистые, раздольные,
 где сердцем до сих пор живу!

Я встрепенулся –
 быть не может?!..
 На самом деле слышу крик,
 крик журавлей!..
 Он растревожил
 меня и в душу мне проник!..
 Все меньше птиц
 в просторном небе,
 все глуше крики в высоте...
 – Ужель за думами о хлебе
 забыли мы о красоте?!
 Распаханы поля бескрайне,
 и в пыльных бурях мглист простор,
 в тайге да, может, на окраинах
 найдешь нетронутость озер.
 Течет мазутом индустрия
 в разливы рек и синь морей,
 мощней
 и внешне так красиво
 живем среди сверхскоростей?!
 Все надо!..
 Как лишь соизмерить
 те плюсы, минусы – когда,
 чтобы последствия проверить,
 нужны века, а не года!

Не рубим ли мы древо жизни,
 и не природа ли, грозя,
 в душе рождает некий кризис...
 Что можно нам, чего нельзя?!
 д. Таскатлы

Мечется русак под светом фар
 по жнивью осенней темной ночью,
 И лучи слепят, как сотни жал,
 бьют в глаза, и убежать нет мочи.
 Ближе-ближе все мотор рычит.
 Грянул выстрел – и дробины свищут.
 В сторону прыжок, и стог – как щит...
 Снова свет от фар по полю рыщет.
 На мгновение русак прилег,
 но машина объезжает стог...

К ПРИРОДЕ

Когда бывает очень трудно,
 когда, хоть плачь и невтерпёж –
 в глазах темно от многолюдья
 и мысли разные подспудно
 преодолевают – сам зовешь,
 зовешь прошедшие года:
 летят обратно поезда!
 И быстрой лентою кино
 меняются события, люди...
 Иное было так давно,
 и уж, наверное, не будет.
 Но есть и будет навсегда
 со мною верная природа –
 и не обманет никогда
 меня в любое время года!
 Не безысходностью –
 теплом
 глядит осенний лес в озера,
 а озимь даже зимним днем
 горит в снегах лучом зеленым!..
 О, сотни раз сюда я мчусь
 в дни выходные с сердцем
 грустным,
 и наслаждаюсь, и лечусь!..
 И вновь в душе и свет,
 и чувства!..

19. СПОРТИВНАЯ ЗАКАЛКА

В метель

Крупные белые хлопья быстро кружатся в воздухе, в промежутках между березами свиваются в тонкие кольца и оседают на ветках. Все вокруг белым-бело.

На небольшой площадке школьного спортгородка собралась большая толпа. Старт на дистанцию 10 км затягивают, ждем бригаду судей, которые ушли на пятикилометровый круг по-новой торить лыжню. Их-то всего с контролерами – пять человек. Вот они показались из леса, и главный судья вызвал на старт первые номера. Соревнования – районные, стартуют школьники и взрослые вместе, без деления на возрастные категории. В последних стартах подростки даже чаще выигрывали.

Как обычно, выделили «группу сильнейших», с десятого по двадцатый номер. Всего участников – 36. У меня – четырнадцатый номер, считаюсь претендентом номер один на победу в гонке.

Сразу со старта лыжники уходят в березовый лес. Лыжня – рыхлая, кольца палок проваливаются глубоко, вязнут в снегу. Пройдя лес, спортсмены выбегают на открытое поле – там ветер, метель. Видно, как впереди все больше и больше сжимается цепочка стартовавших ранее меня. Оно и понятно: первые номера бегут почти по колено в снегу, лыжня чуть приметна, лишь красные флажки обозначают ее путь.

Одного за другим обхожу около десятка участников, но чувствую, как сзади ко мне приближается кто-то из стартовавших позднее. Плохо. Оглянулся – недалеко группа лыжников из 5-6 человек. Если и дальше так идти, меня достанут все сильнейшие, вышедшие со старта позже. Там среди них есть самый крепкий, плотный паренек из Меркутлинской школы. Его зовут Павлом, он всегда попадает в тройку призеров и запросто может выиграть у меня. Да и не только он.

Выкатываю из леса. На поляне впереди идут рядышком сразу трое. Достая их, обхожу, а дальше – еле заметный след лыжни. Отчетливо видно, как по полю скользят белые волны поземки, моментально засыпая узенькую колею. Опять оглянулся: совсем близко за мной – уже большая группа преследователей. Явно догоняют. Судя по времени старта, я некоторым из них проигрываю по минуте и больше.

Снова вхожу в лес. Между деревьями тихо, ветра и поземки нет, лыжня – накапанная. В конце леса, метров через пятьсот, должен закончиться пятикилометровый круг, и надо идти на второй.

И тут в голову мне приходит смелая спасительная мысль: пока погоня главных конкурентов – еще на расстоянии 200-250 метров, надо убежать по хорошей лыжне от них, оторваться как можно дальше. И тогда снежная метель начнет засыпать за мной сильнее лыжню, так плотно, что у соперников, идущих сзади, исчезнет преимущество.

Делаю отчаянный рывок на пределе своих возможностей. Глянул за спину: преследователи явно отстают. Вот и стартовая площадка. Яркие спортивные флаги, судейский столик, присыпанный снегом. Лыжня здесь отличная – по ней катаются, греясь, с десятков болельщиков.

Иду на второй круг, вхожу в березняк. В нем та же хорошая лыжня. Впереди маячит чья-то мощная фигура. Жму из последних сил, догоняю. Это Иван Андреевич, работник райвоенкомата, перворазрядник.

Только его достал, лыжня вышла из леса на поле и растворилась в белизне. Одни редкие флажки да кое-где ямки или бугорочки снега.

Медленно качусь за широкой спиной Ивана Андреевича, отдыхаю и соображаю: может, и не надо выходить вперед, топтать целину, а отсидеться до леса и там обойти. Конечно, если ждать – потеряю драгоценные секунды.

И тут мой ведомый оглянулся, оценил ситуацию, сделал шаг в сторону и по-военному скомандовал: «Вперед!...»

Я вынырнул из-за его спины, притопывая лыжами (они абсолютно не катили), помчался в вихре снежной пыли. На повороте скосил глаза: Иван Андреевич был уже метрах в тридцати, а дальше за ним – никого. Значит, основная группа преследователей отстала основательно.

Еле переводя дух, добежал до леса и по хорошей лыжне покатылся вперед. Толкаюсь одновременно палками, отдышался. А за кустами – снова голая снежная поляна, и опять с притопом, бегом устремляюсь к дальнему лесу.

Странно: неужели обогнал всех – впереди не видать ни одной фигуры. Вот, наконец, большой предфинишный лес, а в нем – отличнейшая лыжня. И даже под лыжными кольцами снег утрамбован. Энергично толкаюсь палками, легко скольжу. И вылетаю из-за берез на финишную площадку.

Поздравления, поданная кем-то кружка горячего чая, лохматая шуба, накинутая на потные плечи. И радость в моей груди – я выдержал испытание одиночеством!..

Через минуту – другую финишировал Иван Андреевич, и почти следом за ним появилась группа лыжников во главе с моим главным соперником – Павлом. Он, сняв лыжи, сразу подошел ко мне, пожал руку, поздравил. С трудом шевеля посиневшими губами, обиженно вымолвил:

– Ну и компания за мной собралась. Один за всех торил лыжню, а из них никто ни разу не подменил, не вышел вперед. Такие вот – чужеспинники...

Судья объявил результаты. Оказывается, я выиграл всего-то 30 секунд у Павла и около минуты у следующей тройки. Вот если бы они, объединившись, по очереди выходили вперед топтать лыжню, наверняка бы сократили разрыв, а то и выиграли бы у меня по времени. Ведь даже Иван Андреевич, финишировавший сразу за мной, имел лишь пятый результат.

Я – чемпион

Тихий, солнечный субботний день июля. С Иртыша веет легкая прохлада, доносятся крики чаек. На стадионе «Динамо» проходит лично-командное первенство по легкой атлетике среди школьников Омской области.

Я приехал в составе команды Тюкалинского района, готовлюсь к первому старту, к забегу на 400 метров. Рядом с представителем нашей команды, рябым и круглолицым Иваном Федоровичем Крюковым, стоит высокий светловолосый юноша в элегантном спортивном костюме. Они знакомы, оживленно разговаривают. Позднее я узнал, что молодой человек – Юрий Яковлевич Тесман, чемпион города на восьмисотметровой дистанции, преподаватель института физкультуры.

Иван Федорович кивает мне, я подхожу. Юрий Яковлевич спрашивает:

– А ты когда-нибудь бегал эту дистанцию?

– Нет, – отвечаю, явно смутившись.

– Тогда слушай: постарайся со старта энергично пройти поворот, поработай как следует, набери скорость и, выйдя на прямую, поднимись на носочки повыше. Беги свободно, раскованно. Затем снова входи во второй поворот с максимальной скоростью и так беги до выхода из виража. Выйдешь на финишную прямую – стисни зубы и терпи до финиша, но скорости не сбавляй. Сделаешь все так – победишь...

Он похлопал меня по плечу, рассмеялся и шутивно добавил:

– Ну, если даже не победишь, будешь 2-3 призером.

Я шел к старту и думал: незнакомый, уверенный, но, наверно, знающий свое дело досконально. Он видел как я спуртовал, разминаясь. И ему мой бег чем-то понравился. Вот не подвести бы его, а тем более – Ивана Федоровича.

...Устанавливаю стартовые колодки, а сам мысленно повторяю задание: так, вход в вираж. Прямая – высоко, свободно. Еще поворот, выход на финишную прямую, и терпеть, терпеть...

Стартер дает команду: «На старт! ..Внимание!...» – и сразу почти неожиданный выстрел из стартового пистолета. Сорвавшись с места, мы всей четверкой забега устремились в поворот. У меня была вторая дорожка. Участники, бежавшие по третьей и четвертой, стартовали несколько впереди. Я их к выходу из виража немного догнал, но соперник слева, бежавший по первой дорожке вдоль кромки футбольного поля, чувствовался где-то рядом, за спиной.

Поднявшись на носочки, я свободно, широко пробежал прямую и при входе в вираж окончательно догнал впереди бегущих. Теперь во втором повороте я имел преимущество, пробегая его по меньшей дуге, чем соперники на третьей и четвертой дорожках. Они сразу отстали.

А вот с первой дорожки, сзади, слышалось близкое, резкое дыхание и мощный топот.

На финишной прямой мне удалось не потерять скорость, хотя признаюсь, было тяжело. Отчаянно махая локтями, отталкиваясь тапочками от гаревой дорожки что было сил, я бежал и бежал!..

Финиш!.. Замедляя бег, чуть не падаю. В глазах – темно. Подбегает Иван Федорович, хлопает по спине, протягивает открытую бутылку с фруктовой водой. Захлебываясь, отпивая пару глотков.

Диктор объявляет по микрофону результаты участников забега.

– Из прошедших забегов твой результат пока лучший, – радостно сообщает Иван Федорович, – Но вот в следующем бегут сразу двое тарчан, из спортивной школы. Смотри, по первой и третьей дорожкам...

Дали очередной старт. Спортсмены из Тары в белых маечках, и главное – единственные из всех – в шиповках, бежали легко и красиво. На финише соответственно были первыми. Ждем объявления результатов. Диктор, словно специально, тянет время. И вот его голос: результаты тарчан ниже моего. Я – победитель.

Откуда-то из-за спины подошел улыбающийся Юрий Яковлевич. Приобнял меня за плечи, улыбнулся и тихо сказал: «Все сделал, как надо!..».

Вечером по омскому радио (а мы жили в общежитии института физкультуры) передали информацию о наших соревнованиях. Я впервые услышал свою фамилию среди победителей.

На второй день соревнований я бежал дистанцию 800 метров. Стартовал в группе сильнейших. Темп бега был не высок, бежали плотной группой, и только за 100 метров до финиша, при выходе из поворота, все рванули вперед. В итоге, я оказался вторым.

И странно: после финиша почти не чувствовал усталости и спокойно разговаривал с Иваном Федоровичем. Видя мою свежесть, он ахнул:

– А ты даже не выложился до конца, тебе надо было спуртовать за 200, а то, может, и за 300 метров до финиша...

Я ничего не ответил, про себя же подумал: «Вот, опять нужен был совет Юрия Яковлевича...».

Но его в этот день на стадионе не было.

На третий день наша команда уезжала домой, автобус с посадкой запаздывал. Мы сидели в здании, в который раз детально разбирая прошедшие соревнования.

Сидевший рядом со мной незнакомый седой мужчина, узнав из наших слов, что я стал чемпионом области, вдруг похвалил меня и рассказал о своем племяннике – Всеволоде Боброве, который сейчас в Москве, а раньше учился в военном училище в Омске. Он стал теперь великим футболистом и хоккеистом...

Этот разговор произошел в 1952 году.

Ныне, когда с той поры минуло полустолетие, я часто вспоминаю того мужчину. И хотя я стал мастером спорта и выступал на солидных соревнованиях по легкой атлетике, лыжам, стрельбе, шахматам, – я не достиг в спортивных результатах тысячной доли того, что совершил легендарный Всеволод Бобров. Не получилось у меня, не сложилось. А для того мужчины я тогда все равно был пацан-чемпион, чем-то наверняка похожий на его знаменитого племянника.

19. СПОРТИВНЫЙ ХАРАКТЕР

*Шестикратному чемпиону мира
по классической борьбе
Виктору Игуменову*

Олимпийский Мюнхен грозовой:
бронетранспортеры, стража в касках,
КПП, проверки, встряски...

Первый день –
и роковой.

Город солнечно лучится.
Тренировочный бросок –
хруст ребра. И боль в висок...

Надо же тому случиться!
Вечером парад, борьба,

но, ломая расписание,
экстремисты рвутся в зданье:
взрывы слышны и стрельба.

Взяты в плен израильтяне.

Как заложники они
в эти жертвенные дни
показали: мир обманут!

Беспристрастно снайпер целит
в точки крохотных голов –
и на спуск нажать готов.

Кто же горечь ту оценит?

И тогда, как те бойцы
из Бобруйска и Рославля,
что в рейхстаг в огне ворвались,
встали вы, богатыри!

Казаков, Рязанцев, Роцин
и Шамиль Хиссамутдинов –
в схватках вы непобедимы,
ветер алый флаг полощет...

И еще один борец
с острой болью в межреберье
шел в захват, в победу веря,
веря в дружбу, наконец!

Капитан не мог отстать –
только в бой, а не в больницу...

Пусть в финал не смог пробиться,
но ты смог героем стать!

Увлекая за собою,
вел дружину ты вперед.
И победой общей горд.

И прекрасен той судьбою!

СТЕНДОВАЯ СТРЕЛЬБА

Чемпиону мира Бенешу Николаю

Взглядом цепким,
пристальным
я весь во власти выстрела!
Чуть наклонясь, пружинясь,
кричу команду: “Дать!”,
надеждой одержимый
мишень не прозевать.

А таймер лихорадит,
И прибавляет дрожь –
далекою отрадой
в секунды те живешь.

Нет, это не тарелочка
мелькнет от козырька,
а прыгнет где-то белочка
в просвете сосняка...

А может, в дымке перепел
из-под самых ног

с посвистом и трепетом
взлетит наискосок?

А может, с кочки рыжей
бекас пухнет в зенит?

...Но вмиг мишень я вижу,
приклад в плечо скользит.

В одной прицельной линии
тарелка, глаз, душа –
выстрел майским ливнем
над далью камыша!
Загадочно мерцает
блеск спаренных стволов,
и гарь пороховая
приятней всех духов!

МАРАФОНЕЦ

Канули в бессмертие века
с битвами жестокими, громами...
с колесницами и со слонами...
с дроптиком, пронзившим облака.

...Из легенды юноша бежит,
чудится: под ним земля дрожит.
Он бежит, спешит издалека –
кровь стекает в желтый зной песка!
Силы на исходе, путь коварен,
а в плече стрела

и ноет рана...

**Сорок два километра
сто девяносто пять метров
надо ему пробежать!**

Что за чудо

этот человек?

По преданью, воин славный, грек.
Из дружины, прямо с поля боя
послан он на родину гонцом,
зажимает рану он рукою –
и плывут круги перед лицом.
Видятся в кругах тех миражи,
где чумеют сфинксы от жары,
где жрецы в гробницах-пирамидах
не простят БЕССМЕРТНОМУ
обиды!

Но, презрев их, юноша бежит
к нам,

и больше жизни дорожит
тем,

что прокричит в конце пробега
слово величайшее:

“Победа!!”

ОДА МАРАФОНУ

*В городе Омске
международный марафон
проводится с 1989 года

Радости не тая,
площадь празднично
светится!

– Здравствуй, юность моя,
вот и снова мы встретились!

СТАРТ

...Многолюдный поток
хлынул в уличный створ.

Свет улыбок –

в них пламень задора.

И болельщиков

пестрый живой коридор –
стадионом стал целый

город!

НА ДИСТАНЦИИ

Ты устал, изнемог –

на лице тяжкий пот.

С Иртыша веет свежесть, прохлада.

В спину выдох соперника...

Вновь поворот...

Из толпы крик:

“Терпи, парень. Надо!”

ФИНИШ

Спурт!.. На финиш рывок!

Что за воля, как смог

вмиг собраться, пружиною
сжаться?

И победа сладка –

это счастья глоток.

Репортер, дай хотя б отдышаться.

КРУГ ПОЧЕТА

Он по кругу бежит,
и гудит стадион.

Он возносит молитвенно руки
к солнцу, к людям –

счастливейший он,
перенесший сомненья и

муки.

Он так долго бежал –

и в азарте шалел,
задыхаясь от ветра и пота,
обгонял, уставал, но вос-
прянув, смелел...

И в награду теперь –

КРУГ ПОЧЕТА!

ГОРОДКИ

*Председателю колхоза
Рудских Игнатию Ивановичу*

Я играю в городки
на зеленом поле,

зуд в плечах, как от тоски
по забытой воле!

С косарями я косил,
лес валил в деляне
и с тобой,

Игнатий, жил

общими делами.

Так что

очень не гордись

удалью старинной,
не проигрывал

ни в жизнь?

– А мне ли быть с повинной?!

Бью с размаха:

звон плывет

колокольным гулом,
в вихре пыли “Пулемет”

словно ветром сдуло!

“Крепость” – в щепы!..

Охнул “Рак”!

“Серп” блеснул над битой!
как Иванушка-дурак,

я не лыком шитый.

Распечатаю “Письмо”,
доберусь до истины,
но, коварное,

оно
хочет дольше выстоять!
А Игнатий тут как тут
подпирает,

ахает –
да, характером он крут,
впрямь, закалка пахаря!
Взмок я,

труден очень “Кон”
и мешает “Пригород”.
Долго целюсь, бью!..

И звон
сотрясает изгородь!

*Чемпионке Мира,
Мастеру спорта
международного класса
Селиверстовой Валентине*

Небо крутит парашюты
как пылинки,

как пушинки,
может, боги снова шутят
над бескрылым человеком?

Нет, иллюзия минутна,
многое подвластно веку.

Космос шире приоткрыт,
прилунился трактор,
близок нам метеорит
и атомный реактор.

Ну, а что же парашют?!
Первый взгляд в пространство,
где порой загадки ждут
вместо постоянства!

...Затяжной идет прыжок.

В жуткой круговерти
пляшет там – внизу –
кружок

зелененьких деревьев.
С адской скоростью земля
ближе,

ближе,

ближе...

Страх запрятав, затаясь:
выждать,

выждать,

выждать!..

Точно вырвано кольцо –
парашюта облако

всплыло...

Запах трав в лицо,
смех и шутки около.

Твой трехтысячный прыжок
выполнен блестяще –
он и мастерству итог,
юбилейный – к счастью!

ЖЕЛЕЗНЫЙ ГАВАЕЦ КОНО
“Полиомиелит” –

это слово жестоко звенит!..
Родился мальчик и заболел:
судорогой свело ручки,
одна нога короче другой.

Его бы в старое время в Спарте
сбросили в яму –

калека, урод,

но врачи привязали железо к рукам,
груз тяжелый к ноге –

для вытяжки,

тянули кости,

выпрямляли кости, –

неверующие смеялись: “Бросьте...”

А мальчик с годами сам
стал целыми днями железки

ворочать – играть в них,
ласкать их.

Гантели и гири

простыми игрушками были...

Стал юношей он,

окрепли кости,

исчезли дефекты,

но осталась любовь,

любовь к железу!

К гантелям и гилям

юноша штангу себе приобрел.

И пали рекорды,

вначале города,

затем и страны,

ну а парень все креп.

...Первенство мира!

Звездами в выси

засияли слова “чемпион”,

“рекордсмен”.

А поздней конкурсы красоты

культуристов –

красивей фигуры

и рельефнее мышц не

нашлось!

Нет, не сказка, то был,

этот юноша жил!

Из калеки, урода

через тяжкий труд,

чудотворный труд

вырос самый красивый и силь-
ный!

В ДОМБАЕ

М.И.

“Хочешь, эдельвейсы принесу
в спящую палатку утром
ранним?..

С лепестков не оброну росу –
только не смотри так строго,

странно...

Хочешь, я залезу к облакам
на снега вершинные Домбая,
поищу целительный бальзам,
хочешь, счастье вместе попытаем?..”
Ты молчишь,

задерживая взор

над дымками дикого ущелья
и на иглах белоснежных гор,
устремленных в синеву прицельно!

В кружевах резные терема,
теннисные корты и газоны.

Бьет фонтан нарзана...

Ты сама

уверяла в прелести озона!

Ты грустишь,

и это как укор

шумному вокруг тебя веселью.
Неужель пугает до сих пор
грохот камнепада в том ущелье?
По тропинкам солнечных полей,
в белом платье

празднично одета,

бродишь ты,

глядишь по сторонам –

словно ищешь давние приметы.

Столько с той поры

уже воды

утекло!.. И разве помнят горы
перевал в тот горький час беды
на пути к синему морю.

Мир прекрасен твоею мечтой!

Счастья самого трудного требуй,
каждый день,

каждый час иди в бой!

Силой духа себя исповедуй,

но в заветной дали голубой

отыщи свое слово – ПОБЕДА!

Это сладкое слово – ПОБЕДА!

Если выпала в спорте судьба:

в буре тяжелой,

под синью ли неба,

на чужбине ль –

себя не щадя,

стань Отчизны любимой

полпредом!

Как горька ни была бы борьба –

поллوبي,

поллوبي навсегда

это трудное слово – ПОБЕДА!

Это гордое слово – ПОБЕДА!

Нескончаем победный путь!

Бесконечно движенье к пределам –

в этом жизни манящая суть!

На вершинах,

белеющих снегом,

боль сомнений

и радость изведав,

сохрани, сбереги навсегда

это юное слово – ПОБЕДА!

Лучезарное слово – ПОБЕДА!

20. ОСЕННИЙ ГОРИЗОНТ

Ветер-«листобой»

На прохладной чистой зорьке осенний лес полыхает всеми цветами радуги. Краснеет осинник, серебрится березовая рощица, алеют кусты рябин и шиповника. Золотистая трава, освеженная росой, волнами улеглась на лесных полянах. Стоит прошелестеть ветерку, и сразу с деревьев на тихие дорожки, просеки сыплется цветистый шлейф из листочков, красочно пятная остывшую землю.

Прекрасная пора зрелости, увядания, прощания с летом. Я стою под березой с корзиной, наполовину наполненной грибами. С березки, с родимой веточки сорвались два золотистых листочка и полетели вдаль, невесть куда! А вот маленький листочек, падая надо мной, долго кружится. Так и норовит примоститься мне на плечо. Я подставляю ладонь и ловлю золотистого шалуна.

Кое-где под ногами, в ямочках – ворохи опавшей листвы, и оттого так таинственны шорох и шелест. словно рядом со мной прячется, идет следом лесная невидимка.

На кусту можжевельника белеет паутина, но в ней ни мух, ни комаров нет. Зато, как маятник, в сетке качается большой медный лист осины. Даже слышу: «Тук-тук, тук-тук...»

Из тайников памяти выплывают чьи-то размытые поэтические строчки:

*...Меня зовут осенние леса.
Их стойкое медлительное пламя,
скользенье невесомого листа,
печальный, ровный шелест под ногами...*

Небольшая канавка заполнена водой. Рядом – два гриба. На их вогнутых шляпках сверкают капельки росы или дождя. Наверное, маленькие зайчата по утрам любят лакать розовыми язычками эти светлые капли.

Снова налетел ветерок, и опять посыпалась листва. Какая нега, какая пышность! Очарование! И мое немое беспокойство. И опять стихи:

*...Облетели листья с тополей,
повторилась в мире неизбежность.
Не жалею ты листьев, не жалею,
а жалею мою любовь и нежность.*

Да, это строки Николая Рубцова, замечательного «тихого» лирика.

А ветер начинает дуть порывисто, с силой. С веток роем сыплется листва, вокруг меня кружит рыжая метель, и красивые ковры ложатся у моих ног.

Богатый сентябрь

Все лето стояла жарища, травы на покосах выгорели, в лесу под ногами шуршало и трещало так, что ни о каких грибах не стоило и мечтать. А еще говорят: «Июнь – первая волна, июль – второй скос грибов, а в августе жди третий – главный...»

И в августе – беспросветная жара, в лесу пусто. Но в начале сентября прошли сильные обложные дожди, затем наступила теплая, солнечная погода. По сути сентябрь – осенний месяц. Стало ночами прохладно. И пошли по утрам обильные росы, благодатная пора для всех грибов.

Выехав в пятницу с утра пораньше на охоту и рыбалку, я решил поймать и третьего зайца – насобирать грибов. Это занятие называется «тихая охота». Сразу за Сосновкой, на 46 километре, свернул вправо и поехал по лесам травяными дорогами. Березовые и осинные рощицы красуются в ярком убранстве багрянца и позолоты, на дорожках разбросаны узоры первых опавших разноцветных листьев. Далеко видны огненно-красные костры рябин, их негреющее пламя неистово, откровенно, безутешно. Вспомнилась народная сказка:

«Если в лесу много рябины – жди осень дождливую».

Выбираю мелкий редкий лесок. Выхожу из машины. Ба! Сколько же грибов: подосиновики и боровики, рыжики и сырые грузди, опята и сыроежки. Чтобы столько сортов и сразу?! И не припомню такого случая за полста лет.

Набрал быстро две полные корзины, открыл термос и с наслаждением пью чай. А вокруг разящая свежесть, благодать нарядных красок тихих полян. Это и есть «бабье лето», начало поры увядания, пышный осенний праздник.

Ароматный воздух настоен на перезревших цветах и травах.

Какая нега! Какое восторженное ощущение жизни в этом лесу!

Рядом со мной стоит свежая копна сена, на ее макушке шелестит мышь. Память воскрешает маму с ее поговоркой: «Мыши вьют гнезда на верху копен – значит осень будет мокрая и продолжительная, а зима – теплая...»

Высоко в синеве появились стаи казарок. Что-то рановато?.. Ее основной пролет 25-30 сентября. Клин за клином гуси уплывают в сторону юга.

Сажусь в машину и обратным следом еду в сторону Сосновки на асфальт. Догоняю бабушку с внучкой. Притормозил.

– *Давайте подвезу, мне по пути...*

Бабушка радостно закивала головой.

– *Спасибо, спасибо, мил человек. Благодарствуем...*

С этими словами они сели в машину, и пока ехали до поселка бабушка успела рассказать:

– *Внучка насобирала полную корзину грибов, я-то старая, нащипала целебных трав – шиповника коричневого, жостера слабительного, бузины черной, боярышника... Даже нашла рожки спорыньи и кукурузные рыльца. В следующий раз надобно накопать целебных корне-*

вищ валерианы, дягиля аптечного, девясила высокого...

Слегка улыбаясь, бабуля гладит жилистой рукой худенькое плечо внучки. В линялом цветном платке, со светлой седой прядью, с веселым взглядом, она излучает добро и вечность, какую-то отрешенность от земных забот. Ее лицо, усыпанное мелкими морщинками, покрыл жесткий коричневый налёт от солнца, ветров и времени.

– *А то смотри, мил человек, заедем к нам, молочком холодным из погреба угощу. Отдохнешь...*

– *Нет, бабуля, спасибо. Я еще не устал. Три часа как из дома уехал,* – ответил я, помогая внучке вытащить корзину из салона машины. Еще раз попрощался и нажал на газ.

Раннее предзимье

Ночами заметно похолодало. Поиняла, выцвела трава. На деревьях позолотилась листва...

Осень, словно рыжая лиса, крадется в луга, на поля, в лесные чащи. Незаметно, внезапно, неотвратимо ее появление в любом уголке моего полудикого края. Необъяснимыми тайнами полна живая Природа, меняющаяся с каждой зорькой, с каждым днем.

Особенно интересны перемены погоды, разные встречи со зверями и птицами около воды по берегам речек и озер.

Неожиданные ненастные дни мешают уборке хлебов. С начала сентября зачастили дожди, чувствуется туманное дыхание первого снега. Давно повяли цветы, засохли ягоды, заплесневели грибы. А по утрам, после ночного заморозка, весь лес и поле искрят снежным инеем.

Вхожу в небольшой колок. Птиц в облетающем лесу мало, на лугу у озера исчезли бекасы и гаршнепы, редко взлетают крикливые чибисы. Лишь иногда в камыше мелькнет болотная курочка. На песке у самой воды вижу большие следы серой цапли. Очень свежие, вчерашние. А рядом, вдоль воды – уже старые, мелкие оплывшие крестики – ноготки от бежавшего куличка. Еще чуть дальше – размашистей след перепончатых лапок. Это – кряква...

А вот – четкие отпечатки лап лисицы. Подошла к воде, попила и ушла.

Озерная зеркальная вода отликает синеватым холодным блеском. Караси и гольяны не плещутся, не выпрыгивают из воды, как на зорьке летом. Совсем не слышно лягушек – наверное, попрятались в мох. Не видно и водных паучков, куда-то подевались все стрекозы.

Кажется – даль мертва. Но вот и первая неожиданность, первая весточка зимы – в камыше мелькнула белоснежная синица? И не просто синица, а лазоревка. Ее еще точнее называют – Лазоревка Плеске, по имени известного зоолога, описавшего первый этот птичий гибрид.

Смотрю на лазоревку, что негромко попискивает рядом, и представляю, как будет скоро падать, кружась, первый снег. Как слегка припорошит опавшую листву, накроет белой панамкой поздний гриб.

Прикрываю глаза – и кажется: снег начинает идти на самом деле. Все быстрее, все гуще. Даже чувствую лёгкий озноб...

20. БОЖЕСТВЕННЫЕ ДАЛИ

Отавой скошенного луга
печалится душа моя,
а птичьи стаи круг за кругом
уходят ввысь, тоской звеня.
Чернеют тучи, заслоняя
озерный розовый закат...
Последняя исчезла стая...
Лишь крики в вышине звучат.

В ИЗБУШКЕ

Проснулся – в оконце большая
луна.
Смотрю я вокруг оробело:
Как днём.
И, признаться, уже не до сна.
А свет на стене мёртво-белый.
Струятся в окошко потоком
лучи
и по полу стелят дорожку.
В причудливом блеске
избушка молчит –
смотрю я вокруг осторожно.
И холодом веет, и боязно
мне...
И слышу дыханье и скрип в
тишине...

СЛОВО «ПРАВДА»

Слово «правда», и только –
правду
я вносил в заголовки страниц.
И стихи, вылетая и радуя,
были очень похожи на птиц.
Что им надо?
Синь неба да ветер.
Ввысь взлетая, играя крылом,
уносили меня в быль и
небыль...
Возвращался на землю с
трудом.

Но теперь – в дымах низкое
небо,
и «неправда» всем правит
вокруг.

И в глазах моих, тёмных от
гнева,
то – печаль, то – смиренность
разлук.

Зло и нечисть по улицам
бродят,
мутят прихотью души
людей...

И, сдвигая морщинисто
брови,
не пою о любви я своей.

МОЙ ПЛЕС

Со снегом ветер хлещет по
глазам.

Во льду озера... Стылый хруст
осоки...

Сгибается покорно рогоза,
и застегнуться поплотней
охота.

Прощай, мой плес, с напевом
камышья,
с ночевкой у костра и сладкой
негой.

Прощайте, крутояры Иртыша
под дымкой холодеющего
неба.

ПРОЩАЙ, РАЗДОЛЬЕ ГОЛУБОЕ ВОД

Морозный пар... Шуга,
шурша плывет,
колышется у берега припаем.
Медлительный последний
теплоход
идет в затон, гудком рассвет
встречая.
Белесый берег инеем блестит,
холодный ветер тальники качает,
и одиноко на косе сидит
рыбак... Не слышно даже чаек.
Прощай, раздолье голубое вод!
Прощай, причал до будущего года!..

ЦЕРКОВЬ ОТКРЫТА...

Я мимо церкви в шумящей толпе
медленно двигаюсь...
Мало мы знали всегда о себе –
бога не видели!
Долгие годы мечтала душа
в сне настоящем,
чтобы достойно, ни в чём не спеша,
внять говорящим.
Правда ...
Лишь правда открыла глаза
жаждущим людям,
правда способна одна показать –
кем же мы будем.

Церковь открыта.
Блестят купола
алостью вышнюю...
Долго нас к богу душа всё звала –
нынче услышали.
Я мимо церкви прошёл и ушёл
с думой о хлебе.
Тот, кто себя на земле не нашёл,
ищет на небе...

Когда уйду и буду я ничей,
сквозь полумрак и ветра
завыванье
из глины и песка пробьет
ручей
к тебе, с моей любовью и
признанием.
Родник! Беду и радость он
роднит,
и, словно жизни тайное
течение,
из-под земли весною
зазвенит –
моей судьбы он станет
продолженьем...

МИЛАЯ РОДИНА

Капают капельки.
Капают
дождинки, и с ними – тоска.
Чью-то судьбу оплакивать
решили с утра облака.
Дождь беспробудный и нудный
в душу мою моросит...
Милая Родина, трудная
зимушка нам предстоит!

ТРУДНЫЕ ВРЕМЕНА

Ночной крадётся полумрак,
в глаза и сердце проникая.
И делаю с трудом я шаг,
на ровном месте спотыкаясь.
Вокруг не ночь – то хмурый день
ползёт по матушке – России.
Не Судный день, а злая тень
надежду в сердце погасила.
Не спрятаться, не убежать –
всё поглощает тьма ночная...
О, Русь, как сыну не пропасть?!
Зри, Богородица святая!

Какая прелесть! Бабым летом
цветет осиноый колок:
Красным-красно!.. Вишневым
светом
в кустах шиповник сумрак
сжег!
Осенний лес в убранстве
ярком
роняет золото листвы.
Подставь ладони – станет
жарко
от захмелевшей головы!..

Иду тропиночкой окольной,
и листья липнут к сапогам.
Ах сердце, глупое, довольно
лететь за птицей к облакам!

В ОХОТНИЧЬЕЙ ИЗБУШКЕ
Зеленеет сосновая роща,
резок запах смолы на
стволах...
Ветер солнечный ветки
полощет,
и закаты плывут в облаках.
Ни звонков, ни гудков – над
избушкой
вьется струйкой узорчивый
дым.
Вместо радио – птицу я
слушаю,
в синей речке смотрюсь не
седым.
Как стемнеет – сажусь на
порожек:
чай брусничный из кружечки
пью...
Лет на двадцать себя я
моложе
здесь, в дремучем таежном
краю!

речка Туй

ГРУСТНО МНЕ
Потянуло холодом из леса,
льdistый снег уныло в окна
бьет.
Оттого, наверное, не весел
воробей, что под стрехой
живет.
Грустно мне от птичьего
молчанья,
видно, петь нам в зиму – не
судьба...
Дверь скрипит, скрежещут
петли ставней.
Сразу почернела вся изба.
Вот за изгибом скрылся
теплоход,
и крупный снег слетает с небосвода.

ЖНИВЬЁ И ОЗИМЬ
Жнивье и озимь!? – не сравнимы
два поля...
Словно две судьбы
глядят навстречу вьюжным
зимам...
Шепчу: их вместе ты люби!
Ведь колосок румяный, жаркий,
что светится сейчас в стерне,
нёс в детстве я домой подарком –
тогда отец был на войне!..
А озимь, первый снег встречая,
весенним светится огнём –
в нём юная любовь, святая
озарена далёким днём!..
Жнивье и озимь!? – это доля
избы крестьянской, всех забот...
Вот почему в осеннем поле
Моя душа мечтой живёт!!.

БРОШЕННОЕ КЛАДБИЩЕ
В роще берёзовой холмики всюду.
Сгнили кресты.
Кто же были те люди?..
Здесь я случайно...
На ранней заре
тополь мерцает в сплошном
серебре,
алый с вершины и светлый с
боков, –
высится призрачно до облаков.
Я у оградки, взгрустнувший,
сiju –
и за вершиною в небо скольжу...
Души согбенных, далёких людей
выплыли в выси среди журавлей.

В ДУШЕ РОЖДАЮ ЛУЧИК
Источник радости – я сам!
И сам – источник света!
Иду по льdistым берегам
осеннего рассвета.
Пусть резок ветер, морок пусть,
и дымкой даль затмило,
но в сердце – нежность, радость,
грусть...
Мне всё в округе мило.
И этот голый березняк,
загон, изба у речки...
И шелест вербы – добрый знак
над маминым крылечком.
Да, чем ненастней в осень день,
и непроглядней тучи –
превозмогая тлен и темь,
в душе рождаю лучик.
Он раздвигает серый дождь,
и освещает дали...
Мне с ним понятней веток дрожь
и птичий крик прощальный.

СПУСТЯ ПОЛСТОЛЕТИЯ
Я к земле припаду – и услышу
всю несладость, немилость
пути...
И душа моя грустью задышит –
и не просто печаль отвести.
От морщин невесёлых, усталых
встрепенусь в опадающей мгле –
и пройду к озерку, как бывало,
по осенней, но милой земле.
Озерко тихо светит в тумане,
здесь в войну был крупнейший
ток...
Молотьбы гул звенел по поляне...
Шёл тогда мне восьмой лишь
годок..

БОЖЬЯ КРАСА
В небе распахнутом – синь,
глубина!
Вечностью пахнет полынной.
Полюшко – поле, моя сторона:
клич журавлиный, былинный.
Тихая рощица светлых берёз
берегу дарит прохладу,
вновь ветерок запах мяты принёс
с луга –
а луг, вот он, рядом...
Божья краса, ты во всём мне
видна,
в зелень упал – и хмелею.
Божья коровка, очнувшись от сна,
крылья раскрыла, как фея!
И с рукава моего – фить!
– В полёт!..
Кузнечик над ухом стрекочет...
И жаворонок всё выше поёт,
его разглядеть – нет уж мочи.

21. ЖЕЛАННЫЕ ПОЕЗДКИ

ТАВОЛЖАН

В заболоченных тюменских лесах, на границе с Омской областью, раскинулось огромное озеро, на берегах которого приютилось несколько малых деревень. Труднодоступное для рыбалки и охоты, сплошь заросшее высоким камышом, оно имеет внутри плесы чистой воды, на которых осенью на пролете отдыхают и кормятся несметные стаи уток, казарок, гусей. Только опытные, самые заядлые охотники, отваживаются иногда пробираться по малозаметным речным проходам через лавды и тростниковые заросли на центральные плесы озера.

«Неоглядный Таволжан!.. Дремучий Таволжан!.. Непроходимый Таволжан!..» – называют его старожилы здешних мест. И что-то загадочное, могучее, древнее слышится в этом названии.

...Проехав длинную дорогу в несколько сот километров, черный от пыли и грязи допотопный ЗИМ остановился у кромки камыша на безлюдной пристани. Была вторая суббота октября, осока и трава блекло пожелтели, а впереди – насколько можно было видеть невооруженным глазом – колыхалось светло-рыжее море из метелок камыша, сливающееся на горизонте с небом. Стрелка часов показывала шесть часов вечера. Явно похолодало. Дратхаар, высокий коричневый кобель по кличке Рока, выскочил из открытой дверцы и начал обнюхивать истоптанную площадку. Ямка и обгоревшая трава вокруг нее хранили еще пепел недавнего костра. Возле лежала кучка сухих заготовленных дров. Леонид Георгиевич остался разглядывать в траве отпечатки колес или искал еще какие-нибудь приметы, чтоб определить: кто же здесь был до него? Всего две-три компании охотников пользовались этой пристанью, и он всех их знал хорошо. Похоже, что следы ГАЗ-69, охотников из Крутинки. Разминая затекшие ноги, прошелся по узкому заходу в камыше. Метров через двадцать началась вода, а в другие годы до воды надо было тащиться более ста метров. Вернулся к машине, открыл багажник и начал выгружать лодку, чучела и разные вещи. Нужно собрать лодку, приготовить все засветло и, немного отдохнув, часа в два ночи проснуться и начать пробираться к центру озера, на что уйдет несколько часов. Большое расстояние, трудный заплыв в темноте по узким обманчивым проходам – дело довольно сложное.

Слева издалека, от деревни Михайловка, которая чуть виднелась за прибрежным лесом, раздался дуллет, затем второй, третий... На этом стрельба и окончилась. «Наверное, рыбаки выехали, подняли утку на деревенском плесе, сдуллетили – и ставят сети...», – подумал Леонид Георгиевич, продолжая четко и аккуратно соединять болтами крепежные планки у «раскладушки» собственной конструкции. Удлиненная лодка, узкая, легкая, хорошо идет по камышу и в то же время очень прочная и устойчивая на воде.

Лодка собрана, и теперь можно перекусить, раскинуть сиденья и подремать... Маленький будильник на панели приборов зазвенел тихо и мелодично. Очнувшись от сна, охотник выключил будильник, сел на сиденье. За ветровым стеклом стояла густая осенняя темнота, полог из брезента часто и тревожно хлопал по капоту. Звезд на небе не видать, значит, погода изменилась. А ведь вечером было солнечно. Рока, сидящий на переднем сиденье, слегка заскулил. Хозяин погладил его по голове, открыл дверцу и выпустил из машины. Включил свет в салоне и начал неторопливо одеваться. Свежий воздух, втекающий в открытую дверцу, освежал, бодрил. Стакан выпитого чая окончательно прогнал сон.

Выйдя из машины, первым делом волоком перетащил лодку на пятьдесят метров по проходу до более глубокой воды, а затем в три приема перенес в лодку два ружья, патроны, корзину с едой, одежду. Скомандовал: «Рока, в машину, охранять!..». Стекло в передней дверце оставил открытым, чтобы собака могла выпрыгивать и запрыгивать в машину. Леонид Георгиевич – высокого роста, с фигурой спортивного склада, в маскировочном костюме цвета хаки, в военном берете – был больше похож на десантника, чем на охотника. Взяв в руки шест, осторожно подогнал лодку вперед. Странно, прошло 10-15 минут, а глаза уже привыкли к темноте: смутно различался проход в камыше, а в небе появились просветы, где поблескивали изредка зернышки звезд. Лодка слегка покачивалась и, как щука, скользила сквозь камыш, чувствуя энергию разогретого тела, азартно, как канатоходец, стоя и слегка раскачиваясь на пружинистых ногах, все сильнее и сильнее отталкивался шестом. Кончилась одна протока, через редкий камыш начиналась другая – и так много раз. Нужно было только безошибочно выбирать направление к центру озера... Сколько пробирался, он не засекал по часам, но вот впереди показалась большая чистая вода... Расставив чучела на мыске широкого полуовального плеса, заплыл в камыш и привязал ремнями лодку к двум привезенным с собой тычкам. Собрал дополнительно по бокам в снопы камыш и крепкой тесьмой притянул его к лодке. И стрелять было удобно и безопасно. До рассвета оставалось более часа. Откинувшись на сиденье в лодке, положив под голову плащ, отдыхая, мысленно повторил свой путь по камышам. Да, интуиция, наверное, самое главное для охотника – запомнить эти десятки проток, речушек, просто невозможно. Просчитать путь по направлению ветра, расположению звезд тоже не всегда удается. А вот чутье пока не подводит. И силенок со снаоровкой хватает. То тяжелое, тягостное состояние тела, головы, все городские заботы и сомнения исчезли, улетучились. А неприятностей, разных неразрешимых дел в последнее время хватало.

Его, академика, ректора крупнейшего вуза страны, на выборах в Законодательное Собрание из-за махинаций избирательной комиссии некоторых административных чиновников, что называется, «прокатили». И только усилиями общественности его друзьям и единомышленникам удалось вскрыть факты обмана и вручить ему заслуженный мандат депутата. Более того, Леонида Георгиевича выбрали председателем комитета по науке, культуре и образованию. Началась кропотливая работа, встречи на разных уровнях, запросы в правительство. А главное – борьба за выживание 14 вузов области. Но тяжелейшее финансовое положение России, отсутствие элементарной поддержки и понимания «в верхах» сводили к нулю всю работу. Порой наступало разочарование, безверие – наваливалась усталость. Правда, и раньше трудностей хватало. И с

давних лет, когда становилось неважно, он уезжал на 2-3 дня на охоту куда-нибудь подальше, в глухомань. И, как правило, один. Вот и сегодня, один на один со своими мыслями, спокойно и взвешенно подытожил дела последних дней...

От воды потянулся пар, в лицо пахнул легкий холодный ветерок. Появились первые утренние звуки: в камыше неподалеку забулькала ондатра, пробежала возле лодки водяная курочка, со стороны берега закричала спросонья утка. С каждой минутой все отчетливее проступали камышинки, медленно расплывались и сплывались чучела. В небе, затянутом высокими редкими облаками, стало настолько светло, что можно было рассмотреть тонкую узорчатую роспись воздушных волн с синими просветами, таящими бездонную глубину. Вечным и торжественным отсвечивала небесная синь, а потому озерный плес с камышами внизу навевал на сердце тихое смирение. Метелки камыша разбегались светлыми бесконечными покрывалами – озеро казалось степью, покрытой ковылем. Тихое и печальное позванивание тростника усиливало состояние покоя, которое вот-вот взорвется с наступлением рассвета. Ожидание чего-то сладостно-нового проникало в душу...

Неожиданно высоко-высоко над головой потянулись первые стаи гусей и уток. Их острые стрелы были направлены на юг, но некоторые стаи начали снижаться. «Да, рано нынче птица отходит...», – подумал Леонид Георгиевич. Вчера вечером тюменское радио передало резкое похолодание в Ханты-Мансийском автономном округе – снег, метель. И понятно: погнала погода раньше времени птиц к югу...

Отдельные стайки гусей и уток уже низко кружили над озером. Там и здесь садились на плесы. Но охотник ждал на первые выстрелы гусей поближе, наверняка. Потому положил в лодку ТОЗ-34, изящное легкое ружье штучного изготовления, а взял в руки второе – МЦ-8, спортивное, тяжелое, заряженное патронами с крупной дробью. Небольшой табунок гусей-гуменников низко зашел над чучелами. Дуплет – и пара птиц оборвалась вниз. Севшие до того на воду стаи уток и гусей после выстрелов поднялись вверх, заполнив собой все небо, в несколько этажей. Внизу мелькали стайки чирков и широконосок, повыше – шилохвостая утка. И уже вдаль – стаи гусей и казарок. Стреляя не торопясь, близко, точно выцеливая, Леонид Георгиевич сразу сбил около двадцати уток. И здесь низом, плотно зашла новая стая гусей. Первый выстрел – и из стаи выпало четыре гуся, второй – еще две птицы. «Вот это да! – подумал он. – Пора кончать охоту. Хватит!...». Но откуда-то появились стайки хохлячек и гоголей, которые без оглядки пикировали на чучела. Со свистом, рассекая тугими крыльями воздух, они садились в чучела, плавали, ныряли. Встав на ноги, любуясь этой северной птицей, охотник сделал еще несколько дуплетов по улетающим из чучел птицам. Сбитые на воду гоголи переворачивались на спинки, сверкая белыми перьями, приподняв вверх красные лапки. И хотя у Леонида Георгиевича было специальное разрешение на неограниченный отстрел дичи (не ехать же из-за пяти уток в такую даль, на край света), стрелять ему больше не хотелось.

...Собрав сбитых птиц, сняв чучела, снова заехал в скрадок. Перекусил, выпил крепкого кофе и лишь затем направил свою лодку к берегу. Она, нагруженная дичью, шла теперь медленнее, борта невысоко поднимались над водой. Солнце клонилось за середину дня, облака рассеялись. Но странно – в воздухе резко похолодало. «К морозу разведривает, – подумал Леонид Георгиевич, – ночью лед может сковать все плесы. Ведь и сегодня утром на камышинках уже был лед...».

Часа через два показался берег. Желтая осока и трава тускло поблескивали вокруг пристани. Далеко впереди темнел лес – вчера он был еще желтым, – ночью ветер сорвал с него последнюю листву. Рока, вздымая брызги, мчался навстречу по проходу. Жалобно повизгивая, соскучившись, запрыгнул в лодку, передними ногами уперся хозяину в грудь и нежно, влажным носом, коснулся щеки. Пошлепав по загривку собаку, охотник скомандовал: «Рока, на берег!...» – и вслед за собакой выпрыгнул из лодки, пошел вброд, волоча за собой тяжелую «раскладушку». Выйдя на берег, поставил на капот ЗИМа запасной термос, находившийся в машине, налил чаю и медленными глотками, с наслаждением, выпил две чашки...

И сразу появилось жгучее желание ехать домой. Удивительно устроен человек: страстно рвался на охоту из удушливого, пыльного города, прошло всего два дня – и скорее хочется вернуться домой. И уже не уставший, инертный – каким ехал сюда, а посвежевший, бодрый, полный желания бороться и работать, отстаивать свое гражданское право.

...Разобрать лодку и сложить вещи в машину не стоило большого труда. Завел мотор, немного прогрел. Включил передачу, отъехал метров десять, остановился. Вышел из машины, обошел место стоянки, осмотрел примятую траву – не оставил ли чего из вещей, еще раз посмотрел на озеро, на его бескрайние камыши. Небо над желтой равниной отсвечивало свинцовой тяжестью, холодом – попахивало снегом и зимней грустью.

...Вначале ехал по проселочным дорогам, не торопясь, разглядывая плотные заросли ивняка, отдельные островки леса, низкие болотца. Убранных хлебных полей не было видно, а там, где они были раньше, стоял сплошной бурьян. И здесь Леонид Георгиевич вспомнил некоторые деревни по пути сюда, тихие, разоренные. А скотные дворы – еще в хорошем состоянии – пустые, заброшенные. Многие из них начали растаскивать: сняты двери, разбросаны крыши, нет окон... Впереди показалась асфальтированная дорога, по которой стремительно мчались грузовики. Сгушались сумерки. И вдруг Леониду Георгиевичу захотелось посидеть у костра.

Не доезжая до асфальта, остановил машину у таловых кустов, собрал хворост, зажег. Ехать в наступающих сумерках не хотелось: без света фар – темно, с фарами – плохо. Да и встречных машин полно, слепят. Вот и присел у костра, согрелся, размечтался. Вспомнилась почему-то молодая актриса, пригласившая его на премьеру, даже в пении костра почудился ее голос... Рока рядом шастал по кустам, из них только что вылетели куропатки. Костерок то ярко вспыхивал, то угасал. Маленькие порции веточек постоянно подпитывали его веселый огонек. Когда догорели последние веточки, глубокая темнота обступила машину. ЗИМ быстро покатила по мягкой, травяной дорожке и быстро выскочил на асфальт. Включенный мощный свет дальних фар осветил громадный коридор вдоль дороги. Машина набрала скорость, за ветровым стеклом засвистел ветерок, а свет все раздвигал и раздвигал темноту, четко освещая придорожные кусты, копны соломы, задремавшие ряды деревьев. Молчаливая, таинственная ночь, расступаясь перед светом машины, открывала другую, загадочную жизнь. А ослепленный лес, туманные поляны и даже вечные стога казались фантастикой, чем-то нереальным. «Как же прекрасна жизнь вот здесь, на природе. И что снова ждет в городе?!» – подумал Леонид Георгиевич. И сразу в голову невольно ворвался вихрь тяжелых воспоминаний.

21. ПУТИ - ДОРОГИ

В ПОЛНОЧЬ

Вмиг ослепит звезда шальная,
слетевшая с небес стрелой!
И снова – мрак...
То – жизнь чужая,
сгорев, прощается с тобой.
И ветер непонятной речью
среди веток тайно прошумит...
И станет ясно: жизнь – не вечна,
и сердце – так заохолдит!

НА ПОЛУСТАНКЕ

В долгой скуке вокзала
дремлют, спорят, жуют...
На судьбу ты не жалуйся –
знал тепло и уют.
На потёртой скамейке
не впервые лежишь...
От заботы житейской
вновь подальше бежишь.
И блестят твои очи:
миг – и в них грянет гром!..
Скорый поезд грохочет
в темноте за окном.

Я СНОВА МАМУ ПОВСТРЕЧАЮ
«Жигуль» лесной дорогой жмёт.
спешу в село, души не чая...
У старых низеньких ворот
я снова маму повстречаю.
Вот и деревня на виду,
виднеются проулок, речка...
Там детство давнее найду,
Услышу мамино словечко.
Там, у калитки нараспах,
скамейка – и её подружки...
Там вечер маками пропах,
и во дворе белеют стружки...

МИРОВОЙ КРИЗИС

Вьёт следы в лесу дорожка
и выходит на поля.
Шаг за шагом – понемножку,
в край родимый привела.
– Здравствуй, просека сквозная!..
– Здравствуйте, в росе поля!..
Здесь горячая и злая
жизнь конючила меня.
Всё снесли: пожары, войны...
И теперь беду снесём.
... В поле чистом, в поле вольном
утро плещется овсом.

НА ПОЛИГОНЕ СЕМИПАЛАТИНСКА

Взревел над зелёною степью,
как гром, испытательный взрыв...
От вспышки живое всё слепнет...
Я – в бункер укрылся, я – жив...
А утром ещё в синем небе
все птицы трезвонили в степь,
но смерч, словно облако гнева,
взметнулся, пророча всем смерть!..
... И сердце сжимается смутно...
Померкло весеннее утро.

В ПУЛКОВСКОЙ ОБСЕРВАТОРИИ

Поднимаемся мы на высоты
меж деревьев, что покрыты
шрамами...
В глыбе камня – щель, остаток
дзота...
Тополь без вершины... Всюду –
ямины... А экскурсовод ведёт
рассказы
о планетах, о мирах безвестных...
Рядом слышен скрип протезный вяза,
заглушающий мне птичьи песни.
– Нет! Совсем не трубы телескопов –
жерла пушек смотрят в синеву!
И бурьян засыпанных окопов
шепчет мне полынную молву.
Вижу будто: Ленинград... и
холод...
в улицах – смертельные бои...
с Пулковских высот расстрелян
город...
«Девушка, об этом расскажи!»

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Заросший берега обрыв
навис над светлою рекою...
Стоял здесь – юный и красив,
ты давней раннею весною.
Последний лёд по речке плыл,
сверкая снежной белизною...
Твой край тебя благословил
в дорогу, ставшую судьбою...
И вот через десятки лет,
домой вернувшись, вновь с обрыва
в осенний смотришься рассвет...
Уже уставший и бескрылый.

МОЙ КРАЙ

Да, я горжусь своей деревней:
я родом из красивых мест,
где в тихих зорях речка дремлет,
где луг цветёт, и хмель – окрест...
Люблю по-детски, безотчётно
в росе высокие хлеба...
Люблю дроздов, синиц, чечёток...
Былин и сказок короба!
Моя Солдатка с речкой Ошей –
заветная навек судьба,

и не моя вина, что брошенной
стоит, ссутулившись, изба!
Вернусь ли снова я в деревню –
не знаю: возраст... мало сил?...
Но где б я ни был, свято верю:
мой край, меня ты не забыл.

В КОМАНДИРОВКЕ

Давно в своей деревне не был
и в поле не встречал зарю...
Вновь в сельском клубе:
люстры... мебель...
картины...
Но с тоской смотрю
на танцы – скачки, дикий визг!..
Я плавность музыки приемлю –

в душе моей жива деревня,
где под гармонику и свист
чечётку с дробью, трепака
или камаринскую пляшут...
Иль с выходом – родную, нашу!..
– Да так, что звон до потолка!

ВЕРНУЛСЯ

Приблизилось время жестоких
итогов,
и каяться, клясться – совсем
никчему.
Уж вечер.
Сиж у пахучего стога.
Лист жёлтый, сорвавшись,
летит в полумглу.
Я шёл по России – столбы верстовые,
как вехи, остались вдали...
Вернулся- и поле, и лес, как впервые.
В них – запах родимой земли!
И в лоб мой прохлада и листья
стучатся,
свет звёздный глаза озарил...
Не верится в вечность!
Ведь скоро прощаться,
а я ещё словно не жил...

В «ЧЕРНОЛУЧЬЕ»

Ни стука. Полночь. Меркнет снег...
Но поднялась луна –
её холодный резкий свет
струится из окна.

Лучи упали на кровать...
Свет по полу скользнул
и начал стены освещать,
в глаза мне заглянул.
И странно: сон хотя исчез,
я видел в полусне –
цветы на стёклах... дивный лес...
И профиль твой – в окне.

ТУРБАЗА НА ДОМБАЕ

Транзистор допоздна поёт...
Цветной экран... и люстры...
... Я спать ложусь. Сон – не идёт.
И на душе – так пусто.
Вновь вижу пред глазами даль –
Сибирь обетованную!..
Там по лесам цветёт миндаль,
малина там багряная.
Там – синь озёр...
На тропке в ряб
мох ластится периной...
Вольготно там тетеревам
и стаям журавлиным.
Там где-то есть и мой шалаш...
И в нём – забытый патронташ.

ИЗ КЛЕТИ ЖЕЛЕЗНОЙ

Запах сладкий плывёт от леска...
Золотится июльский полдень...
Листья замерли – ни ветерка...
Собираю клубнику в ладонь я.
Я вернулся в родные края,
окунулся в лесное приволье –
как дикарь – из небытия,
как из клетки железной – на волю!

НЕЧАЯННЫЕ СНЫ

За окном проплывают вокзалы,
речки, рощи, мосты – всё назад...
В полусне далеко уезжаю –
непонятный, смешной маскарад!?.
А проснусь – вовсе не уезжаю...
– Я полжизни куда-то спешил!..
А теперь вот – во сне возвращаюсь

в прошлое, где я что-то
забыл.

В ЭКСПРЕССЕ

Я помню: в юности, на-
встречу
летели гулом города...
Прошли года... Осенний
вечер...
Вновь за окном летят
назад –
мосты, деревни, полу-
станки...

– Назад!?

– Нет!.. Это – как понять?..

Я – возвращаюсь!..

После странствий,
вдали от дома,
ждет нас мать...

Пора нам камни собирать...

ИЗ ОКНА ВАГОНА

Тяжело опершись на лопату,
молитвенно руки сложив,
старушка стоит, горбятся –
глазами состав проводив.
Мгновенье – и сразу пропала
за летящий назад откос...
– Что она у дороги копала,
что ей в жизни видать
привелось?..

Вспомнил мать:

с топором и лопатой...
в огороде до самой зари...
рано утром – у печки с хватом...
сковородки, чугулки, горшки...
Вспомнил детство несладкое,
бедное –
под гудок паровоза победный...

ТАРА

В улыбку робость спрятав,
настилами скрипя,
по мостикам горбатым,
по улочкам опрятным
иду после дождя!..
Каков он музыкальный
старинный тротуар!
... На лицах встречных – алый,
зоровой пожар!
Вдоль сквера маки алые,
здесь девушки смешат
безусых, на побывку
приехавших солдат.
Поют частушки – баиньки
встревоженным сердцам!..
– Ах, тары-бары... Бабоньки

судачат здесь и там.
Открыты настежь створки,
калитки – нараспах...
У Русиных вечёрки –
там пёстро от рубах!..
У Ивановых провода –
сынка готовят в путь.
... И по прямому проводу
молю: «Приедь... Ну, будь...»

ВОЖАТАЯ

Тороплю я трамвай до вокзала,
он скрипит... он дымит – и встаёт.
И вожатая громко сказала
в микрофон: «Всё, хана, не
идёт...»
Дверь открылась в кабине –
молодка
краснощёкая вышла, смеясь:
«Что, не чуешь – сгорели
колодки...
Ну-ка, топай пешочком, князь!..»

ТЮКАЛИНСКИЙ КРАЙ

Край озер, лесов зелёных
с криком чаек, в блёсках линз!..
Вспомни первых новосёлов,
древний город Тюкалинск.
География России
в поселениях слышна,
лишь отчаянных и сильных
принимала сторона!
Здравствуйте – Оша, Орловка,
Островная, Кабырдак...
Славен силой и сноровкой
в них охотник и рыбак!
В память тех, кто шёл этапом,
улицам навеки цвесь!..
Курская в Старосолдатке
и Воронежская есть!
Вспомните: почтовый станец...
Тройка...

Голос: «Та – не та?..»

И с тех пор пошло название:
«Тюкала» да «Тюкала»...
Есть форпост Кумыры, первый...
Старой церкви купола...
Труд без роздыха и меры
славит прошлые дела!
Вдоль увала длинной гривы
пахотный прочерчен клин...
– Будь весёлым и красивым,
город детства Тюкалинск!

22. ЗАГАДОЧНЫЕ ВЫСИ

Непогода

Порывы ветра прижимают камыш к самой воде, тонкие стебли упруго сгибаются, и метелки их напоминают оперение стрел, что наполовину вошли в воду. Камыш и стрелы?.. Временами ветер ослабевает, и тогда камышинка выпрямляется, и становится похожим на частокол копий. Небо, застланное черными, рваными тучами, сливается на горизонте с водой. И само громадное озеро почернело, лишь гребни волн, поднимаясь высоко, отвечивают тусклой свинцовостью.

И мне кажется: это не озеро, а вспаханное поле – такая между волнами зияет чернота борозд.

Вдоль берега, над увалом и дальше – словно косматая конница в атаке, стелется под напором ветра длинная гряда леса, раскачивающего гривами вершин.

Вокруг – темно, вся природа приняла угрожающе угрюмый вид. В воздухе чувствуется что-то тревожное, трагическое...

Я пристально вглядываюсь в дальний луг и различаю (а может, мне кажется) стога – богатырские шлемы витязей. А еще дальше, за стогами (уж точно мерещится) вижу плетни и частокол, деревянные постройки. Ну, точно, как застава, или форпост. Стены, редуты, глубокий ров. И белые мазанки, белые рубища россиян...

Из-под полузакрытых и дремотных век выплывают все новые и новые картинки древности, удаляются и растворяются в мираже...

А дождь мелко и нудно стучит в капюшон плаща, порывы ветра то усиливаются, то утихают. И только здесь, на глухом, затерянном в лесах, озере, безлюдном и дремучем, я понимаю, как мир дик и древен. Ничто вокруг не обозначает времени, цивилизации. Деревня, стога, изгородь – все это только чудится. Потому что на пятьдесят километров в округе нет ни одного поселения. Когда-то были, но сегодня разрушены, исчезли без следа...

Тетерев

Островки леса тянулись вдоль железнодорожного полотна, и основная масса грибников хлынула по ним, расцвечивая куртками и платками лужайки, утопая по грудь в зелени кустов.

Я круто повернул от разъезда через луг к дальнему лесу, в сторону которого вела травяная дорожка. Солнечное июльское утро предвещало жаркий день. Роса почти сошла, птицы всю трезвонили, невидимые в кустах и в воздухе.

Задумавшись, я медленно приближался к большому массиву, уже понимая, что в таком высоком и плотном лесу навряд ли есть грибы. Маленькая болотина с таловыми кустами примыкала к самому лесу, и над зелеными космами кочек кружилась стая чаек. «Вот ерунда какая – воды не видно, а чайки кружат», – подумал я. Наверное, где-то в кочкарнике все же была лужа, иначе зачем же им кружить.

Я всегда люблю одиночество в лесу. Больше видишь, замечаешь. Никто не мешает слушать, не отвлекает от мыслей, которые раздольно вливаются в самые загаженные уголки твоей души. Такое откровение с самим собой, словно на исповеди!..

Вхожу в лес. Сумрачно, сыро. Высокие травы и папоротник затрудняют шаги. Грибов мало, и те – несъедобные. Волнушки очень тонкие и прозрачные, какие-то трухлявые, в ладонях разваливаются. Но что это?.. Почти из-под ног с треском выпорхнул тетерев, как-то странно трепеща крыльями, пролетел метров пятнадцать и сел на чистое место. Переступил несколько раз ногами и, встав полубоком, рассматривает меня. Я тоже встал и тоже рассматриваю его...

Сотни раз я видел тетеревов на охоте – сидящими на деревьях, летящих, бубнящих на току, но так близко и непосредственно видел впервые. Наверное, это возможно лишь тогда, когда смотришь на птиц без ружья в руках. Черный, как смоль, тетерев, видимо, линял, так как в крыльях виднелись во время полета большие просветы. Потому он и не улетел – просто не смог. Красные брови, гордый изгиб шеи, веерообразный хвост – все отличительно подчеркивалось зеленым фоном травы и листьев.

Так мы стояли долго, потом он, воркуя и выбирая, где меньше травы, стал медленно уходить в сторону...

Я, обходя его, продолжал путь, припоминая, что примерно такая же встреча состоялась у меня в детстве, а вот уже и позабыл. Надо же так...

Моя заря

Я приболел, сижу дома, на охоту не поехал...

Над городом в полнеба полыхает заря. Ярко отражаясь на стыке с синью, она походит на громадную радугу. Огромная заря – на всех одна. Мне она – чужая. Моя, маленькая, в тоненькую полоску, сейчас догорает где-то в озерных камышах. Сгорает тихо, безымянно...

Над городскими улицами в шуме и трескотне машин мечутся яркие языки вечернего света, прячутся в деревьях и под крышами домов. Фонари, как ночные совы, выплывают в тревожную мглу.

Моя заря – полевая, неслышная, тает сейчас во мне. Чудится, как на верхних листочках деревьев вспыхивают светлячки, на камышинках звенят комарики, по воде, как на водных лыжах, скользят паучки. Нежно и заботливо перекликаются птички. А на озерной глади сужается светлый круг, края его темнеют, поглотив прибрежный камыш и лес. Круг растворяется в воде, тонет. Но откуда-то появляется луна, и дорожка от нее, посеребренная таинственными жемчугами, тянется ко мне по зеркалу озера... Ночной город долго не хочет засыпать, раздраженный голосами и гудками. Вдалеке, над нефтезаводом, тревожные факелы огня зловеще подсвечивают небо.

А перед моими глазами встает вновь и вновь моя тихая, полевая заря.

Отлет птиц

Пушистые белые хлопья медленно скользили вниз из-под вечерних низких облаков. Сумерки сгущались быстро, окрасив в темный цвет воду, камыш, прибрежный лес.

Угол большого озера, куда я вышел из леса, подернулся по тонкому льду белым покрывалом снега. Но у ближнего берега, под самым камышом, большая стая уток плескалась, ныряла на небольшом плесе незамерзшей воды.

Первым выстрелом я оставил неподвижными несколько птиц. Поднявшись, покружившись, стая улетела на озеро. И здесь случилось непонятное: с озера, разбуженного моим выстрелом, в мой угол потянулись птицы, стая за стаей.

Некоторые садились на плес, в затишье, но остальные летели над берегом, напроход, дальше. Моментажно расстреляв патроны, а их было немного, я, мальчишка, зачарованно смотрел, как все плотнее и поспешнее уходили стаи уток надо мной в сторону юга.

Среди них свистели белогрудые, острокрылые северные птицы: гоголи, лутки, крохали – всегдашние спутники льда на озерах. Стемнело окончательно, но странно светились камыши, тропинка, кустарник – все было покрыто мягким слоем снега.

Неподалеку, у пристани, я нашел в осоке лодку и поплыл подбирать убитых уток. Вода от выпавшего снега загустела, потемнела, ветер стих окончательно. Местами, где была трава, терся о лодку, хрустел, позванивая, лед.

Охотничья избушка

С самого утра выюжит, пуржит. Хлопья снега мечутся вверх и вниз, зависают перед лицом, лезут за воротник.

Зимний день короток. Наш проводник, старик-охотник, повернув от реки, огибает ельник, входит в кедрач. Ступая след в след, мы – трое горожан очень обрадовались, выйдя на опушку и увидев крохотное зимовье.

Входим внутрь избушки. На земле стоит печка-жестянка, маленькое окно затянуто светлой пленкой. Но света достаточно, чтобы оглядеться.

Дед-охотник поджег в жестянке сухие щепки, наложил полешек. Сначала немного подымив, печь тихо загудела, затрещала, раскаляясь докрасна. Мы, уставшие, согрелись, развалились на нарах. Какое блаженство! Великолепное ощущение тепла, свободы, отрешенности...

На всём белом свете в эти минуты есть только мы и избушка, мы и печь. Можно счастливо, ни о чем не думая, лежать и слушать, как потрескивают поленья, поет огонь. И дремать. Сладко-сладко...

22. ТРЕВОЖНОЕ НЕБО

ЛУЧ НАДЕЖДЫ

И чем ненастней в осень день
и непроглядней тучи,
в душе преодолая темь,
я сам рождаю лучик!
Он раздвигает серый дождь,
в лесу находит звуки,
мне с ним понятней веток
дрожь,
и ближе – боль разлуки.

ПОГОСТ

В роще кладбище и церковь,
на надгробьях – имена...
Даже солнце в листьях меркнет,
и немеет тишина.
Низко голову склоняю.
Лица близких вспоминаю...

ОГРОМНЫЙ МИР

Если грустным станет вечер,
если дома – канитель,
я иду к туманной речке,
где так плачет коростель.
Посижу я над обрывом
у холодного ключа...
Будут звёзды плыть над ивой,
месяц вспыхнет, как свеча!
И в воде холодной, тёмной
отразится мир огромный.

КОСТРОВИЩЕ

Чёрный пепел вдаль разносит
дым огромного костра.
Костровище на покосе
превратилось в боль утрат.
Долго здесь расти не будет
ни трава и ни репей!
Пожалейте луг мой, люди:
ивы – нет, исчез ручей...

НАДГРОБНЫЙ КАМЕНЬ

Печалью роковой белеет
в степи поляна ковыля.
Огромный камень – мавзолеем!
Тревожно щели в нём глядят.
Исхлёстанный дождём и снегом,
от горя, времени – седой,
под вольным неоглядным небом
грустит один в степи большой.

ГРЕХИ И ОБИДЫ

Темно в душе – ах, как болит
обида, брошенная камнем...
Смотрю я ввысь: метеорит,
сгорев, в ночном просторе
канул.

Привольно жил, легко дышал,
спешил в цветущий дол,
а вот сегодня сотни жал
вонзились...
Мукой изошёл!

Не уберечься, не сбежать
от божьей кары нам.
Что в оправдание сказать –
мы непослушны небесам!
Врагами меж собой живём,
святое топчем безрассудно...
Грехи вернуться к нам копьём
и покарают – зло, подспудно!
Свой крест я бережно несусь:
горька обида – боль легка...
Прости безбожных, Иисус –
коснулась лба твоя рука!

В ОЖИДАНИИ ГРОЗЫ

На лесной глухой поляне,
где токут глухари,
на меня саранки, глянув,
спрятались среди травы.
Прячутся и медуницы,
светом синих зорь маня...
А вдали мелькают спицы
молний страшного огня.
Слышу дальний гром – и вижу
отчего цветы грустят:
тучки чёрные всё ниже –
и, возможно, будет град.

ВЕЧЕРНИЙ СНЕГ

Пусто в роще, одиноко.
Лишь кричит вдали сорока.
Шапкой снежной горд кустарник,
иней травы серебрят,
на сосне корявой, старой
сверху облачко висит.
К вечеру мороз серчает,
тихо плавится закат.
А стволы скрипят, не зная,
что тревожат сны зайчат.

КУРГАН

Нет, не злостный ураган
эти вздыбил кручи –
захоронен здесь в курган
человек могучий!
Был он воин-богатырь
иль охотник смелый...
Степь цветёт...
Такая ширь!..
И ковыль – сон белый.

У КРЕСТА

Разрыв-трава, полынь-трава...
Как жизнь жестока, неправда!
Могильный холмик свежей глиной

зовёт, кричит мне: «Ты повинен!».
...Дождь мелкий перешёл в туман.
И шепчут губы: «Мама...Мам!».

БОЖЕ

Боже всевышний, на землю сойди –
дай нам молитвы,
крест свой спасающий не отведи
от душ, что печалью сокрыты.
Встань над безверьем, разверзни
простор
и озари наши лица,
а всем виновным сверши приговор
своей беспощадной десницей!
Боже, но слабых утешь, пожалей...
Пусть жаждущим чудо приснится..
Явись над просторами вольных
полей.
Да имя твоё осенится!

АВГУСТОВСКИЙ ВЕЧЕР

День угасает...
Тени враз легли
на пыльную дорожку меж
деревьев...
А облака, прозрачны и легки,
плывут в высоком небе над
деревней.
Иду домой с корзиною грибов –
белеют шляпки и чернеют срезы.
Как чуден запах!.. Давняя
любовь,
я в городе о нём зимою грезил.
В тумане – луг... Печалится
травка...
И птицы умолкают в перелеске...
Всё резче запах – кругом голова!
... Закат сгорает тихо в
поднебесье.

ДЛИТСЯ МИГ

Я содрогаюсь на ветру
под огненной листвою!
К лесному тихому костру
склоняюсь головою.
Настой увянувшей травы
дыханье будоражит...
– Пред вечностью мы все равны,
лишь только в землю ляжем!
Пред вечностью?..
Но длится миг
борьбы моей день каждый,
пусть многого я не постиг –
своё мы слово скажем!
Что вечность!..
Осень отойдёт
и белая равнина,
укутав даль, опять замрёт
и будут рощи стынуть.
В ночах морозы затрещат,
обламывая сучья,
страша напуганных зайчат...
Бессонницей всех мучая!?

ЕСТЬ СЕКРЕТ

Если жизнь не в радость станет
и померкнет белый свет,
самогон пить из стакана
я не буду... Есть секрет!
– Я уйду в поля, в тумане
упаду в цветы, в траву –
надышусь – вновь сильным
стану!..

Беды все переживу.

В РОДНЫХ ЛУГАХ

В родных лугах стихали вечерами
ветра, и долго нежилась закат...
Цветы свои реснички закрывали,
смолкали птицы...
Я бродить был рад.
Загадочные звездочки манили
меня, мальчишку...
Млечный путь блестел...
Туманы от реки текли,
клубились...

О, как быстрее я подрасти хотел!
... Сегодня я седой, иду усталый.
Над речкой обмелевшей сник за-
кат...

Как жизнь промчалась?..

Что со мною стало?..

«Ау!.. Ау!..» – иду я наугад.

СТАРЕЮ

Старею... Множество болячек,
и сердце ноет по ночам...
Но я больничный лист не клянчу
и даже – не хожу к врачам!
Режим вольготный не меняю
и рву бессмертник на меже.
Не будет птиц, цветов – я знаю,
на том, последнем рубеже.
А потому – природой нежусь,
и пью берёзовый я сок...
Останусь до конца я прежним,
и старость зря стучит в висок!

НОЧЬ У ИРТЫША

Угасающий день
бросил в улицы тень,
тихнет шум –
и отчетливей шорох.
Нефтефакелов всплеск
бьется в сини небес –
и огнями
край дальний распорот.
В светлых бликах Иртыш:
острова в ивах,
тишь...
Вот всплывает к поверхности
рыба:
в жабры впился мазут,
смертный яд,
страшный зуд...
Плавники замирают дыбом.
Вижу я, как река
продолжает
вдаль течь, –
нефтяные разводы – уроды
на волне с быстринной...
И разносится смерч,
отравляя природу на годы...
Мчит Иртыш сквозь тайгу,
где в лесах стерегут
зверя, птицу все новые беды:
из-под фар по ночам –
/это видел я сам/
там стреляют зайчишек последних.
С вертолета в снегу
рыжих лис на бегу
хладнокровно дырявят картечью,
с вездеходов лосей –
мирных, как лошадей –
пулями, жаканами калечат.
Поопасней медведь? –
В щелку танка смотреть,
гусеницами въехать в берлогу!..
Ужасающий век:
жалок ты, человек,
не боишься проклятий и Бога.
Столько зла натворил
и себя отравил:
пестициды, сульфаты, нитраты...
Синь озер осушил,
лес огнем опалил...
Обмелел Иртыша фарватер...
Но Иртыш все течет,
потеряв бедам счет,
до Оби, с ней – до синего моря!
... Вот и тундра! Встречай,
необъятнейший край!..
Чу!?! Сегодня и здесь –
боль и горе.
Ягель трактором взрыт,
нефть ручьями журчит,
грязной глиной очерчена вышка,
А кругом – мерзлота
и траншей немота...
И гусей перелетных не слышно...
На оленьей тропе
нефтепровод везде –
путь отрезан до пастбищ...
И бескрайний Ямал
оказался так мал

для оленьих
бесчисленных кладбищ!..
Ах, прости нас, Иртыш,
и Сибирь вся
услышь,
как жестоки к природе мы –
люди!..
Город мой, огневой,
задымленный, большой –
отчего тяжело
дышишь грудью?!

КОНЕЦ СВЕТА

Христос воскрес?!
– Давно воскрес,
да не спускается на землю,
глядит тревожно он с небес
на мир внизу,
что странно дремлет.
Где были реки – там камыш...
В полях – бурьян, в деревне –
пусто...
А вместо леса – пни да тишь...
Не видно птиц, зверей...
Так грустно.
А города –
в сплошном дыму,
вкруг – котлованы да траншеи...
И не понять умом ему:
“Как мир надел ярмо на шею?”
Он шепчет: “Бедная земля,
твои ожоги и нарывы
чем залечу сегодня я?..
Как убережешь тебя от взрыва?..
Очнись, безбожный человек. –
от боли корчится природа!
Ты омрачил двадцатый век
и дикарю опять подобен.
Страшись!
Смертельный близок риск:
от ран и мук сойдя с орбиты,
земля звездой сорвется вниз –
обугленной,
дымком обвитой.

ПУСТЬ УЙДУ

В небе месяц блеснит
однорогий,
выплывая на Млечный
Путь...
Пусть моя оборвется дорога,
пусть оплачет болотная
грусть!
Я – пожил!
Исходил мест немало,
целовал и уста, и цветы.
Годы копят седины,
усталость –
только в сердце рассветы
чисты!
И гляжу на поля я с отрадой
на осенний закат золотой...
Посижу, погрузу.
Мне лишь надо
не забыть – попрощаться с
рекой!

23. ДЕРЕВЕНСКАЯ ЖИЗНЬ

О ДЕРЕВЕНСКИХ ПРОБЛЕМАХ

(Авт. Мой собеседник – Владимир Борисович Медведев, начальник отдела ФГУП Федерального кадастрового центра «Земля». По долгу службы он часто бывает в районах области и постоянно видит картины сельской жизни. О том с ним наш откровенный разговор).

– Владимир Борисович, что окружает сегодня деревню?

– Вокруг села обычно находятся бросовые поля, заросшие травой и бурьяном. На лугах пасутся малочисленные стада, не то, что в недавнем прошлом.

– А как смотрятся сельчане?

– Люди ведут себя спокойно, никуда не торопятся. Ведь рабочих мест в поселках почти нет. Да и хозяйства у всех – небольшие. Даже коров не все держат.

– В прошлом году в Омской области получили кредиты около двух тысяч фермеров, в этом – уже 1500. Это же здорово.

– Не совсем. Кредиты надо вернуть своевременно, а цены на зерно и другие сельхозпродукты очень низкие. Зато техника и горючесмазочные материалы настолько дорогие, что от урожая не остается никаких доходов. Даже наоборот – бывают убытки.

– Но ведь есть другие примеры, не зря же президент В. Путин на встрече в Огареве с губернатором Леонидом Константиновичем говорил о ряде успешных достижений в Омской области, в том числе и в сельском хозяйстве.

– Конечно, сегодня на селе кое-где много строится жилья, есть богатые кооперативы. Добротные дома, покрашенные ворота и заборы видны издали. Но, в основном, в большинстве сел царит бедность мелких фермерских хозяйств, которые не в состоянии выжить в одиночку.

– Владимир Борисович, когда-то я написал стих:

*«Все мы родом из полей рассветных,
деревень забытых не вернуть,
Почему крестьянские мы дети
к Родине своей забыли путь...».*

– Это вы заглянули в меня. Я родился в деревне Кувшиново Москаленского района, ее давно нет, осталось лишь кладбище, куда я приезжаю на могилы своих родственников. Вот они были настоящими крестьянами.

– Раньше город постоянно помогал сельчанам осенью в уборке урожая, и на столах омичей появлялись в достатке сельхозпродукты. Свежие, качественные.

– Да, сейчас употребляем больше импортное, передержанное и не свежее.

– Мне запомнилась информация из газеты «Омская правда» от 11 мая прошлого года, где

на селекционном совещании в Правительстве области шла речь о весеннем севе. По поручению губернатора вел его министр сельского хозяйства и продовольствия Николай Гуца. Он сообщил присутствующим о выделении Правительством 173 миллионов рублей для частичной компенсации затрат на горючее, о 20 миллионах рублей, выделенных по статье «Техпереворужение», 5-ти миллионах – на проведение мелиоративных работ и т. д. Как в этом году будет?

– Наверное, так же.

– Где любите бывать в области?

– С удовольствием и часто бываю в с. Тумановка Москаленского района. Люди там «пашут» с темна и до темна. Работы в АО нет, зарплата – мизер, выживают только за счет личного подсобного хозяйства. С деревенским юмором говорят: «Курс доллара, евро и т. д., а мы все считаем на поросят. Если что-то нужно купить, то сколько поросят за эту вещь нужно вырастить...».

– Ваши любимые увлечения, хобби?– Природа: грибы, ягоды, шишки, охота, рыбалка. Очень нравятся живописные места Усть-Ишима, Тевриза, Знаменки, Муромцева (уникальнейший район, знаменит на весь мир, – 5 озер – энергетический пуп земли).

Деревня Кумыра, первый фортост Тюкалинского района
на снимке: старейший житель Иван Андреевич
Шелудков (86 лет), со своей правнучкой.

– Самое приятное воспоминание из поездок?

– Тевризский район, с. Кип. Ранняя весна, паводок, лагерь на берегу у реки. Подснежники, вода – как стекло. А вокруг – тишина, воздух можно просто хлебать. Костер, палатка, уха!!!

– С невестой, будущей женой, где познакомились?

– В институте, у раздевалки: «Я помню

НА РОДИНЕ

Я вижу спелые колосья
в вечернем поле у леска,
их золотит пыльюю осень
от стебелька до волоска!
Осот, пырей и повиллика
теснят пшеницу, тянут вниз-
и волнами колосья никнут,
с травой накрепко сплелись.
И грустно мне смотреть на поле,
и не могу найти ответ:

другой
–высокой, чистой- помню
пшеницу в дымке дальних лет.

Давно уже я горожанин,
мне подавай горячий хлеб!..

Все из села поуждали-
за счастьем бросились в побег.

То счастье
с длинными рублями...
Остались пьянь да старики...
И вот сорняк в полях упрямо
сжимает, душит колоски.

Прости, земля, мне за измену,
что не живу твоим трудом...
Мы все не знаем хлебу цену.

Мы все – раскаемся потом.

чудное мгновение, передо мной явилась...». Явилась Галина, ныне – Галина Георгиевна.

– Семья, дети?..

– Старшая, Юля, замужем. Закончила пединститут. Внук – Илья. Мария, младшая, (в память о моей матери) учится в институте Сервиса (дизайн, 5 курс).

– А еще родственники?..

– Племянники (двое) Женя и Сергей учатся в ОмГАУ, пошли по моим стопам.

– Самое заветное желание.

Самое заветное мое желание – это заработать много денег, которых бы хватило на строительство большого дома на большом участке земли, и собрать всех родственников под одну крышу.

– Владимир Борисович, я часто бываю в районах области, не раз становился очевидцем неужоженных, заросших травой полей. Иногда осенью встречал даже не скошенные, не убранные хлебные полосы, которые укрывал уже выпавший снег. Меня все это волнует, расстраивает, возмущает. И я тогда пишу стихи.

Усть-Логатка

Глаза захлёстывает беспредельность простора. Высокие волны, посеребренные солнечным светом, вольно катят по неоглядной равнине громадного озера Тенис, раскинувшегося в округе на десятки вёрст. Противоположного берега не видно, там на горизонте сверкающая вода соединилась с синью неба. Величественное зрелище!!

Стоя возле машины, отдыхаю на высоком песчаном пригорке перед деревней Усть-Логатка. Позади – дорога в 200 километров. Усть-Логатка – конечная цель моей поездки.

Озеро с высоты передо мною – как на ладони. Июльский теплый ветер, порывистый и сильный, освежает лицо, дыбит волосы, пригибает придорожные травы. Много раз за долгие годы, вот так, с бугра я любовался могущественным простором Тениса. Сегодня моё восприятие знакомых мест сильно обострено, точнее – опечалено. Я еду на похороны дальнего родственника, землепашца, бедного крестьянина.

Петрович всю жизнь проработал скотником на колхозной ферме. Механизации никакой, всё – вручную. Круглый год – изнурительная непосильная работа. Вдобавок – большое домашнее хозяйство: корова, овцы, свиньи, гуси, огород.

Лет десять назад его дети (двое сыновей и три дочери) перебрались на жительство в Омск, но по несколько раз в год наезжают в родную деревню, забирая в город мясо, картошку, овощи. Полностью опустошались погреба, но сам Петрович был рад этому. Ведь как-никак – дети. В 45 лет приключилась у него болезнь. К врачам в Крутинку не поехал. Всё некогда было. – В груди, внутрих чего-то жжёт, – однажды пожаловался мне... Я особо не обратил на то внимание, долго потом не приезжал в Усть-Логатку. Прошёл год – и вот телеграмма: вызов на похороны.

Да, 46 лет – и человека уже нет. И выглядел он в свои 45 старым пенсионером. Лицо – в глубоких морщинах, потемневшее. Руки – в сплетении, в жгутах набухших вен. Ладони – мозолистые, в ссадинах. Невольно приходят на ум откуда-то строки:

«... И твои руки тянет, тянет
Какой-то силой роковой.
Земля, темнея под ногтями,
Соединится вновь с землей...»

Ещё две строчки:

«... Земля, которая в горсти,
И по которой – крест нести...»

Стою и размышляю. Вот и новый век, 2003 год. А жизнь не полегчала, совсем наоборот. Новые реформы – вроде хорошие, да не на пользу. Больше стало возможностей, свободы – и еще больше появилось проблем, забот. Фермерское хозяйство зачастую – пустой звук. Нерентабельно. Это-то на нашей благодатной кормилице – земле.

Добавление:

После приезда в город, вспоминая Усть-Логатку и озеро Тенис, я решил продолжить размышления о поездке, и стал перебирать в памяти свои дела последних дней. А именно: недавно на областном совещании заведующих детскими библиотеками один пожилой мужчина сказал мне, что было бы хорошо написать книги о водных достопримечательностях области, например – о реке Оша и одном из озёр Крутинского бассейна: Ике или Салтаиме, или Тенисе. Книжку о реке Оша я уже написал. Теперь начал подготовку к изданию своей очередной, по счету – двадцать второй книги. Она так и называется «Тенис». Решил посвятить её специалисту № 1 в вопросах охоты, образованному, интеллигентному и очень уважаемому в Омской области человеку, Борису Ивановичу Мишкину, начальнику Управления по охране, контролю и регулированию использования животных Омской области. В разное время я писал о нем в газетах статьи, брал интервью. Вот короткая информация из его личного дела:

«Родился в 1951 году на хуторе Жирное Полтавского района в многодетной трудовой семье. 14 детей растила мать Александра Васильевна, успевая работать на колхозном поле, в личном огороде и по хозяйству в доме. Отец – Иван Васильевич – механизатор широкого профиля, имея образование 7 классов, помогал в конторе, в школе и всем жителям хутора..

Борис Иванович после окончания школы поступил в Иркутский сельхозинститут и успешно завершил в 1976 году обучение на факультете «охотоведения». Начальником Управления работает с 1986 года, придя на это место из областного общества охотников, где занимал пост председателя правления. Так что охотничьи дела, лучших организаторов охотхозяйств области знает досконально. За успехи в работе награжден почетным знаком «Охрана природы России», имеет звание «Заслуженный работник охотхозяйства России».

Так, размышляя о сегодняшней жизни, замечаю, что я стал категоричнее, строже в суждениях по многим вопросам. Хутор Жирное, где родился Борис Иванович, давно исчез. За моей спиной, в двух километрах, была деревня Тенисовка. Сейчас от нее не осталось ничего. Далее, еще через три километра, нет следов от деревни Могильное. Справа, через три километра стоит на Оше – Конкуль, осталось всего два дома. Севернее, километрах в пяти перед Островной, исчезло навсегда Паново. Чуть левее и дальше, за озером Ачикуль, была деревня Старичье. Вот так-то. В радиусе 5-10 километров исчезло навсегда большое количество «неперспективных» деревень. Это ли не показатель уровня жизни нынешней российской глубинки.

23. КРЕСТЬЯНСКИЕ ЗАБОТЫ

ДЕНЬ ГОД КОРМИТ

Цыплят по осени считают.
Хороший вырос урожай –
ты собери его, и к чаю
сготовь душистый каравай.
Иду в полях... По грудь пшеница,
давно созрели колоски.
Пора страде поторопиться,
деньки под осень коротки.
Дождь брызнет – полнедели слякоть,
валки намокнут... Там снега...
И хлеб под снег уйдет... Да, плата
за разгильдяйство дорога.

ДИВНЫЙ СВЕТ

Сошли на нет последние
цветы,
Лишь озимь полыхает
буйством лета.
И свет зеленый нежной
красоты
в осеннем поле издали
приметен!
И я шепчу ему: «Мой дивный
свет!
Уйдешь под снег ты
молчаливо скоро,
но не погибнешь от мороза,
нет...
И сохранишь мне душу от
разора!»

ПОЛЕВОЙ СТАН

Будка... Рядом под навесом
стол огромный, две скамьи...

На лугу, за ближним лесом,
крики, ржанье до зари.
Люди сено убирают,
до деревни - далеко...
Здесь едят и отдыхают.
Стан - устал... Сказать легко.

БРОШЕННОЕ ПОЛЕ

Некошеной пшеницы островок
грустит в сыром и неуютном поле.
И перепелки тонкий голосок
в нем раздается затаенной болью.
Снег первый выпал, сутки полежал,
растаял, мертвой белизной пугая.
От желтых колосков исходит пар...
Ворон крикливых опустила стая.
Коров бродячих стадо подошло.
Идут пшеницей... Мнут и бьют
копытами.
Кипит во мне отчаянье и зло:
О нива, потом ты зазря полита.

АВГУСТ ТКЁТ ЗОЛОТИСТУЮ ПРЯЖУ

Август ткёт золотистую пряжу,
погружаясь дремотно в теплынь...
Я берёзку корявую глажу
в налетевшей тоске паутин.
По-над речкой туманы колдуют,
расцветает в полнеба луна...
И скучая, медлительно жду я:
прозвенит ли во мне тишина?!
О желаньях заветных не споря,
растворяюсь, почти невесом...
... Не смолкают комбайнов моторы
на полях, прозвеневших зерном.
В свете фар, к элеваторам дальним
движется вереница машин...
И сижу я у стога, печален,
с тайной ночи – один на один.

ЗАКОН ПРИРОДЫ

Верь старой проповеди – верь:
не страшен человеку зверь.
Я в этом убеждался часто,
когда один в тайге глухой
шагал в непроходимой чаще.
Я спал на травах, под сосной.
И ночью слышал рыки зверя –
и шелест рядом, за кустом...
Но знал от стариков поверье:
Не трогал зверь нас испокон!..
Закон природы!..
Почему же
я ночью в городе страшусь
пройти по улице со службы?..
... Иду, нет – нет да оглянусь.

ГОСПОДИ, КОГДА МЕНЯ УЙМЁШЬ

«Господи, когда меня уймёшь?..
В полночи глухой, дождливой,
стылой

я тащусь по полю через рожь,
вымокший в росе, почти
бессильный.
В лес вхожу –
берёзовая ветвь
бьёт наотмашь, обжигая щёки...
Осень... Сырость...
Дома бы сидеть!..
От тоски бегу я, одинокий,
и оплачет осенняя грусть...
Я – пожил!..
Исходил мест немало,
целовал и уста... и цветы...
Годы копят седины, усталость –
только в сердце рассветы чисты.
И гляжу на жнивье я с отрадой,
на осенний закат золотой...
Вот и берег крутой...
Мне лишь надо
поделиться тревогой с рекой.

ДОЖДЬ ТРЕТЬИ СУТКИ ЛЬЁТ

В полях полёг созревший хлеб,
в ухабах грязная дорога...
Весь транспорт встал...
Лишь скрип телег
там, за кустарником, у лога.
Дождь третьи сутки льёт и льёт,
грядой плывут по небу тучи.
Деревня просит, молит, ждёт –
хотя бы ветер, малый лучик.
Чернеет в копнах Кошара,
а бурая вода ручьями
журчит... По радио вчера
снег повсеместно обещали...
... С ружьём с охоты я бреду
и чую близкую беду.

НА ВОСХОДЕ

Звенит коса у тальника:
жиг... жиг...
Отавы- блеск...
Пчела на маковке цветка
колдует... Дремлет лес...
Молчат в тени перепела,
молчит берёз листва...
И лишь коса в мой стих вплела
с мелодией слова!

В ЧАС ПОСЛЕДНИЙ

Я хочу, земля родная,
в час прощальный, на краю –
где всех ждёт судьба слепая,
быть душою не в раю.
Что мне звёзды, поднебесье!?
– Грех от Бога не тая,
в час последний, неизбежный,
я уйду в свои поля.
Там, в вечернем птичьем хоре,
не мешая никому,
растворюсь вновь в алой зорьке,
побеждая боль и тьму!

ДЕД-КЕРЖАК

Над рекою посветтели выси,
отражаясь бликами в воде...
Дед серянкой огонечек высек,

и махрой пахнуло в бороде.
 Не спеша столкнул баркас. И
 тонко
 скрип уключин в воздухе
 поплыл...
 Два мешка сетей, рюкзак,
 двустволку
 поверху от брызг плащом
 накрыл.
 Сидя на скамье, любуясь
 зорькой,
 в телогрейке, сжавшийся в
 комок,
 в темноту уставя взгляд свой зоркий,
 к островам погреб наискосок.

УЧИСЬ!

Дождинки били по стеклу...
 Одна с другой сливаясь,
 натягивали тетиву –
 и вниз, стремглав, срывались!
 И исчезали за окном
 серебряные стрелы...
 Но вот затих уставший гром
 и капли отзвенели.
 А эта капелька – одна –
 последняя, слабая,
 скользит... След тонок – не видна...
 – «Учись!» – шепчу себе я.
 «Учись, ты также одинок
 и к цели путь твой труден,
 но окунись в людской поток –
 втройне сильнее будешь!»

ЧУЖАЯ ПЕЧАЛЬ

Там, у калитки в вечер синий
 скрывается, как тень, во двор...
 – Я знал её лицо и имя...
 – И помню встречи до сих пор...
 За ней ухаживал мой друг,
 стих посвятил, дарил букеты...
 На Сахалин уехал вдруг,
 и ни привета, ни ответа...
 Болезнь жестоко с ней
 разделалась...
 Тоска... Старушка –
 в тридцать пять.
 Ведь всё ждала, и всё надеялась:
 придёт расцеловать!
 И плечи выпрямит покорные
 и увезёт её с собой...
 ... Но за окошком – ночи чёрные
 с невыразимой тоской.

ДОЛГИЙ ДОЖДЬ

Час какой – не знаю,
 сыплет дождь подряд...
 День тоскливо замер,
 словно виноват.
 Полдень или утро,
 вечер ли идёт?..
 Сонно, беспробудно

сверху льёт и льёт!
 За окном заплаканным
 серый город сник,
 крышами – заплатами
 у земли приник.
 Улица безлюдная
 речкою плывёт,
 и трамвай причудлив –
 словно теплоход.
 Жизнь повсюду смолкла,
 тонет звук любой –
 над землёй размокшей
 плещется прибор!..
 Я стою, прижавшись
 к влажному стеклу –
 как порою важно
 побыть так одному.

ДЕМОКРАТИЯ

Да... Дураки и делают погоду...
 Их – большинство. А умных – раз...
 и два...
 Ты демократам явно не угоден,
 что требуешь себе особых прав...
 Черту, дозволенную лишь
 немногим,
 переступил под вопли дураков –
 и сразу в угол жмут, клеймят
 йгом!..
 И ты – на голове стоять готов!

СЛОМАЛИ ДОМ

Остались лишь ворота,
 а на воротах чудо-петушок,
 с таинственной блестящей
 позолотой,
 возносит в небо красный гребешок.
 Расправив крылья, хвост слегка
 откинув,
 в простор небесный, кажется,
 взлетит!
 И оттого, что всеми он покинут,
 вот-вот в пустой ограде закричит...
д. Ипатова

ИЗБА НАША

И вот за увалом деревня
 открылась... Я всё узнаю...
 Домишки на солнышке дремлют,
 разлив – до колен воробью.
 Ах, речка любимая, Оша –
 совсем превратилась в ручей!
 Ловлю я гусёнка в ладоши:
 «А ну, желторотый, ты чей?..»
 Спешу по-над речкой...
 В сторонке
 свалилась в полынть городьба...
 Кровь ёкает под селезёнкой,
 а пульс у виска, как пальба!
 Родник бьёт струёй из-под кручи –
 жи-ви-тель-ная вода!...

... Избы нашей окна – все в
 лучиках...
 Точь-в-точь, как в былые года.

ЦЕЛИНА

Там, в урмане, за болотом,
 есть широкий луг с травой...
 распахать собрался кто-то
 его нынешней весной.
 «Целиной» зовут в народе
 луг – но нет к нему дорог.
 По болоту люди ходят
 в ягодный тот уголок.

ЧУГУНЛИНСКИЙ РЯМ

Озябшее солнышко лижет
 лучами верхушки стволов...
 Оранжевый, розово-рыжий,
 над озером – шлейф
 облаков.
 В просветах, над топью бо-
 лотной,
 сквозит бесконечная высь.
 Во взгляде моем беззаботном
 иные пространства слились.
 Пугает в них тайная вечность:
 миров неземных бесконечность.

А ДОЖДЬ КАК ИЗ ВЕДРА

Дождь с ночи тарабанит,
 и лужи во дворе...
 Амбар, саман и баня
 сверкают в серебре.
 Мать, говоря, смеётся:
 «Во дождь – как из ведра,
 сходил бы до колодца,
 сынок, нужна вода...»
 В обед чуть посветлело –
 пошёл я за водой.
 Мне до дождя нет дела:
 укрыт я с головой.
 На мне плащ с капюшоном...
 В болотных сапогах...
 ... У ног моих со звоном
 лужи плещут: «Ах!..»

24. СЕЛЬСКИЕ БЫЛИ

Мотин

Между нами, мальчиками, был он героем. Взрослые же чаще называли его хулиганом. Правильным было и то, и другое. Он мог переплыть осеннюю речку, пройти по первому льду, оседлать любого жеребца. Летом с ордою ребят навел ужас на деревенские огороды, обирал горох на колхозных полях. После войны нас, безотцовских, голодных, было полно. И всем хотелось есть.

Если школьники классом копали картошку, то в конце дня уходили в лес, где пекли на костре «печёнки». Когда собирали весной колоски, то выливали из нор ярко-красных крыс и серых кротов.

Сашка вечно что-либо выдумывал. Любил в ночь возить с поля зерно и сочинять всякие небывлицы, пока быки медленно тащились сквозь темноту. Или на сушилке, разгрузив зерно, жаря на плитах коноплю, пытался вставить слово в разговоры взрослых, обсуждавших последние сводки информбюро. И все-таки больше всего известен был он своими проказами.

Помню, как проволокой через дырку снимал он дверной крючок в колхозном клубе во время киносеанса, как первым влетал в кинозал. Намерзлые валенки катились, как коньки. Где-то уже у сцены, несколько раз развернувшись, валенки останавливались. Затем он, а следом мы падали меж рядами, лезли под стулья. Контролер включал свет, находил и выпроваживал кого-то, но кое-кто оставался и потом бесшумно (ведь кино тогда было немым) вылезал из засады.

Зимой мы ловили снегирей, чечеток, дроздов. Может, это были не дрозды, но посеребренные, большие красивые птицы удивительно походили на них. Правда, старые люди называли их «подорожниками», так как они обычно бегали по заснеженным дорогам. Ловили мы птиц коробами, ситами от веялок. Ловили десятками. Сажали в огромные клетки или просто пускали по избам.

Летом, как только выросли выводки птиц, мы с собаками и ружьями днями бродили по озерам и лесам. Ружья были старые, в основном, берданы, к которым имелось по три-четыре патрона. Чаще стреляли мы из пращей. И вот в первый послевоенный год, в начале августа, когда нам было уже по двенадцать-тринадцать, случилось несчастье.

...С самого утра лил дождь. Прибежал ко мне Петька и говорит: «Мотин зовет нас в лес, на тетеревят». Я отказался, так как у меня на пятке от прокола сучком образовался нарыв (даже по лесу мы ходили босиком). Ушли они в тот день втроем (пошел еще Генка). Я сожалел, так как знал, что в дождь тетеревьята летают плохо, у них намокают перья на крыльях и их легко ловить собаками. А если они садились на деревья, то невысоко, и из пращей, рогаток, а то и просто палками, мы сбивали их с веток.

Дождь лил весь день. Не прекратился он и вечером. Ветер дул с севера и сильно отдавало осенью. Да и вообще август в Сибири считается осенним. Ребята не возвращались домой допоздна. В темноте Петькина мать пришла к нам и, распросив меня, ругая «Мотина», ушла домой.

Вообще-то, «Мотин» имел фамилию Рудских, звали его Сашкой, а окрестили «Мотиным», скорее всего, по отцу, слыша в этом Наверное: мотало, мот, промотавшийся.

Ребята не возвратились домой и затемно. А дождь поливал, как из ведра, всю ночь. Наутро, предчувствуя неладное, кто на верхних, кто пешком, более десятка колхозников и мы, ребятня, отправились на поиски. Петьку с Генкой нашли сразу – у озера Травяного в рыбацкой избушке, в пяти километрах от деревни. Мотина с ними не было.

Петька с Генкой рассказали, что они выбились из сил еще у Воробьевского рьяма. К вечеру, вымотавшись окончательно, вышли к озеру Чистому, а затем и к Травянному, на другой стороне которого стояла избушка. Особенно ослаб Генка, которого пришлось тащить за руки. Потом сдал и Петька. До избушки было меньше километра, но трава вокруг поднималась по пояс, густая и вязкая. А впереди – стена дождя. Генка с Петькой плакали, прижавшись друг к другу. Они ничего не боялись, просто у них не было больше сил.

Резкие, холодные порывы ветра налетали на прибрежный лес, который угрожающе шумел. Худенькие тела ребят давно израсходовали все тепло. Руки и лица посинели. Вяло и равнодушно смотрели они на ругавшего их Сашку. Потом он начал упрашивать их пройти хотя бы несколько шагов. Поочередно приподнимая, протаскивал немного вперед. Им захотелось спать. Тогда, озверев, Сашка начал бить их по щекам ладошками, со злостью тащил за волосы. В один из моментов он заплакал и сам, размазывая слезы кулаками. А может, то скатывались капли дождя по лицу. Между тем ребята почти теряли сознание.

...В избушке они немного пришли в себя. На нарах лежало сухое сено. И хотя было прохладно, но – без дождя и этого пронизывающего ветра. Около печки лежали поленья. Сашка долго старался развести огонь, ударяя какой-то железкой по железной петле двери, но слабая искра бесследно исчезала в сене. Ребят он раздел и выжал из одежды воду. Немного согревшись, они задремали.

Проснувшись на второй день к обеду, услышали храп коней и голоса... Сашки ни в избушке, нигде не было... Ясно одно: ночью один, он ушел в деревню за подмогой. Посоветовавшись, колхозники, идя вдоль дороги, шаг за шагом осмотрели лес. Дорога огибала болото. Наверное, Сашка пошел напрямую. До самой темноты большой группой людей, прибывших из деревни, с собаками осматривали болото. Дождь смыл все следы. Так и вернулись домой ни с чем, понимая, что случилось непоправимое.

Если бы Сашка был жив, он давно бы объявился сам. Мы, ребятня, в ту ночь долго не расходились по домам.

...На следующий день, до солнца, когда еще коров не доили, бабка Поля пошла по костянику в лес. Она была такой старой, что брала ягоды сразу за огородами, в

маленьком колке. Он возвышался на бугре, на виду у всей огромной деревни, а между ним и огородами метров на триста протянулась пашня. Она после дождя была грязной, и бабка, обогнув ее по тропинке, вышла к краю колка. Шла, опустив голову, и... замерла. На мягкой пахоте отчетливо виднелись глубокие следы рук. Именно рук, а не ног: тонкие пальцы глубоко врезались в черную землю. Присмотрелась своими старческими глазами вправо по следу, который вел в деревню, и увидела резиновый рваный сапог. Посмотрела налево – второй. На каждый налипло по пуду грязи. Небольшие, детские. И все поняла. Прошагала по следу метров пятьдесят и наткнулась в глубокой борозде на скрюченное тельце, лицом зарывшееся в пахоту. Колени поджаты, руки вытянуты вперед, в сторону деревни. Словно парнишка собирался встать, но не смог почему-то и неестественно замер.

Бабка перекрестилась, бросила бидон на землю и, размахивая руками, что-то крича и проваливаясь в пахоту, поспешила вниз, к деревне...

Пахотный клин

*«Но достойней за тяжелым плугом
в свежих росах поутру идти...»*

А. Блок

Мотоцикл, недовольно чихнув несколько раз, заглох. За минуты быстрой езды лицо Андрея посвежело, разрумьнилось. Он бодро направился к трактору, что стоял под навесом берез, а я вылез из «люльки» и по узкой дорожке в уже желтоватой осенней осоке вышел к озеру, на котором вчера поставил сети.

Крупная роса скатывалась на мои сапоги, они сверкали невиданной чистотой. Озеро безмятежно светилось, как лицо спящего ребенка. До восхода солнца оставались считанные мгновения, у берега из воды выскакивали рыбки, и на том месте, играя и искрясь, долго отсвечивали, разбегаясь далеко в стороны, незатейливые кружочки волн.

Свежесть и прохлада утра насквозь пронизывали тело, пружинили шаг, веселили мысли, уверяя, что жизнь – чудо, подаренное

вот таким пробуждением земли, рождением нового дня.

Я столкнул лодку на воду, она мягко закачалась, весла тихо погрузились в заревую воду. Озерная гладь переливалась всеми цветами радуги, но главенствовал красный, отчего вода адела на сгибе волн, бегущих за кормой...

Когда я вернулся к полемому стану, Андрей доканчивал первый загон. Широкая, ровная, черная полоса вспаханной земли парила, искрилась глянцем. А рядом мерцала золотистая стерня! Только что освободившееся от тучных хлебов, поле готовилось снова к великому, таинственному обряду. Повторение жизни, обновление жизни, продолжение!.. Яркие поэтические слова переполняли мою душу, любящую крестьянский труд.

Я долго стоял и смотрел на благодатное поле, рокошущий трактор, и по-хорошему завидовал работе Андрея. Это для него в моей голове трубили Блоковские слова: «Но достойней за тяжелым плугом в свежих росах поутру идти...».

Сельский выходной

«Цып-цып-цып!» – распевно созывает цыплят за соседним забором бабка Настя. Солнечное утро августа ласково парит над домами. Приближается косовица ржи, и, словно перед боем, по деревне разносятся звонкие удары о наковальню в старенькой кузнице. У машинного двора фыркают моторы, гудят трактора. Но людей по деревне мало. Перед страдой, как исключение, для заготовки сена для личных нужд, объявлен сегодня выходной.

Я – отпускник, проснулся поздно и, разминаясь, пошел по своей улице. Дай, думаю, потолкую со старыми знакомыми. Зашел в один двор, во второй – никого, кроме малых ребятишек. Все в поле: косят и убирают сено. Зато в конце улочки, где у ворот два брата Петровых заготавливали дрова пилой «Дружба», на лавочке у забора сидели трое немолодых мужчин и распивали водку. Подозвали. Предложили «стопарик».

Отказался, ссылаясь на головную боль. Приподнявшись с лавочки, знакомый мужичок похлопал меня по плечу и снисходительно хихикнул.

– А у нас голова не болит, все в порядке. Нужно вовремя опохмеляться. Тогда и болеть не будет...

Сказал и, опрокинув полный стакан, похрустел огурцом. Напарник слева похвалился:

– Я вчера не смог дойти до дома, уснул на берегу реки...

И третий, в рваной телогрейке, также вспомнил последние свои попойки, часто повторяя: «Напился – в дым!»..

В шутку задаю знакомому вопрос:

– Не часто ли пьете?

Он возразил, пересыпая ответ поговорками и прибаутками типа: «тот, кто утром водку пьет – тот весь день не устает». И добавил:

– Пьют в деревне все, только одни жадные, так они пореже, а вот мы – не такие. Можем пропить и последний рубль...

И вправду. Все они были одеты в поношенные телогрейки, в стоптанные кирзовые сапоги. Лица помяты, небриты, осунувшиеся. Один – даже слегка поцарапанный.

«А кто же молотить и обрабатывать хлеб будет, если бригадир вчера мне жаловался, что людей не хватает», – подумал я про себя. И словно дополняя мои раздумья, мой знакомый произнес:

– Чтой-то не видно горюжан, а уборка начинается. Хлеб-то наш едят...

24. СЕЛЬЧАНЕ

РАЗГОВОР С КОМБАЙНЕРОМ

“О чем еще задумался,
ответь!...
Хлеб скошен весь, и убрана
картошка,
а в погребках на полках всюду
снесь...
Еще не снег, передохни
немножко...”
Но молвит он: “Стар дом, и
сгнил сарай,
там слегу заменить, углы
подправить,
у бани двери – палкой
подпирал,
отпали петли... Там сенник в
потраве...”
А я молчу в ответ, моя печаль:
прощай, охота... Зорь медовых
жаль!..

д. Конкуль

ОЧЕРЕДНОЙ ПРИЕЗД

Тропа словно в прятки играет:
то в рошу ведёт, то – в овраг...
А рядом – река протекает,
где берегом ходит рыбак...
Знакомые всплески рыбёшек...
Вмиг криквя взмахнула крылом...
Утята спуют – ловят мошек...
Вот мостик – две плашки с колом.
До боли родная картина,
пять лет не бывал – как вчера!!
Всё те же плетни и плотина...
лай...хрюканье... стук топора...
Трезвеющий запах полыни,
на грядках – сырой чернозём...
Всё дорого, близко поныне...
– Мы детство в душе бережём!

Капли бьются о листья крапивы,
в дымке серой плывет городьба...
И ручьи зажурчали игриво –
только вмиг постарела изба.
Стали черными стены и крыша,
заслезилось на окнах стекло...
Из дверей голос мамы я слышу:
“Сенокос, что ж ты, Боже,
назло?..”

ВДОЛЬ ШОССЕ НА БОЛЬШИЕ УКИ

Вот что значит целина –
осушила рям до дна.
Нет багульника, нет ягод –
так кому-то было надо...
Гать болото раздвоила,
вдоль канала – кочкара...
Помню: утки здесь носились
стаями по вечерам.
Этим местом любовался,
приходил сюда не раз –
из травы крикаш срывался,
я стрелял... Был зорким глаз...
Сколько всякой дичи было?!

КОМСОМОЛЬСКИЙ ВОЖАК

Трубы вьют дымки в простор,
в улицах – бело!
Речка с лугом, косогор –
а на нём – село.
Шутит милая дивчина:
«Что вам показать?..»
В полушубочке овчинном –
шапка, валенки – под стать.
И лукавит и смеётся
комсомолии вожак:
«Говорите, как живётся?..
– Хорошо, судите так:
Клуб вот новый, МТС,
кормоцеха стройка...
А за речкой, дальше в лес –
новая там дойка...»
И в словах – сердечный жар!..
Речь лишь о подруге.
На щеках – густой загар
от ветров и вьюги.
Но с потрескавшихся чуть
губ, улыбка сходит:
«Что, учёба?.. Как-нибудь...»
– И глаза отводит.

ОТ ЗАРИ ДО ЗОРЮШКИ...

У тракториста Сидора
в доме два телевизора –
их некогда смотреть.
В пригоне две коровы,
свинья в хозблоке новом
и с птицей разной клеть...

Есть сапоги с подковами,
костюмы ненадеваны,
и даже галстук есть...
Но от зари до зорюшки
на тракторе он в полюшке.
И некогда присесть.

СЕЛЬСКИЙ БАЗАР

Я случайно на базаре –
районный городок, –
суетня, как на пожаре!
“Эй, посторонись, дружок!”
В мотоциклах
и машинах,
на телегах
и пешком –
все спешат неудержимо
к воротам.
И я бочком.
“Беларусь” пыхтит с прицепом,
с лентой свадьба в “жигулях”.
“Эй, Покровка,
вас с приветом!..”
“Ба!..” – и руки нараспах.
“Эх, деревня ты, Кумыра,
где частушек перепляс?..”
“Погоди шуметь-то, милый,
угости сначала нас...”
И скрипят слегка подпруги,
кони рвутся на вожже...
Парень – в шапке, тетка – в шубе,
дед –
тот в валенках уже!!
Деревянных лавок мало,
вижу –
прямо на земле
на подстилках горки сала,
в жире вафельном гусей!
Клюква алым соком брызжет,
пробую:
кислит, бодрит...
Фляги меда, масло “рыжик”,
серебрятся караси!
Тушки цельные баранов:
“Подешевле?..” –
“Забирай!..”
Лица свежестью румяны,
плещут шутки через край.
...И плывет дымок холодный,
на заборах иней бел.
Прибавляется народу –
больше шума,
меньше дел.

НЕОФИЦИАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

“Скажите, бабушка Аксинья,
Вам, верно,
девяносто пять?..”
Смотрю в глаза с весенней синью,
ответ хочу в них прочитать.

Лицо иссохшее в морщинах
 покрыл загар нелегких лет,
 но этот отсвет
 юно-синий
 из глаз струится, как рассвет!..
 Она смеется:
 “Да, сыночек,
 мне скоро девяносто шесть,
 в деревне этой,
 между прочим,
 вся жизнь прошла моя,
 как есть.
 И та скамейка возле входа,
 огнетушители,
 ходок –
 на наше схоже,
 наше вроде
 – дай погляжу еще разок?”
 И смотрит на газету “Правда”
 со снимком птичника в углу,
 косит и на меня украдкой –
 что я еще сказать смогу.
 “Вот, бабушка,
 и надпись ниже:
 совхоз Иртышский,
 Ваше имя...”
 “Нет, плохо я, сыночек, вижу,
 с чего ты взял,
 откуда вынял?..”
 И гладит пальцами старательно
 концы линялого платка
 ее сухая,
 узловатая,
 неторопливая рука.

ДОМ КУЛАКА

То березовые рощи,
 то осиновые
 обступают путь-дорогу с двух
 сторон,
 деревушки –
 то Солдатка, то Совиновое...
 А над ними стаи черные ворон.
 На отшибе грива чудная –
 Копытиха –
 разметала золотистые хлеба,
 дом стоит один – калека
 недобитый,
 а над ним преданий тайных
 короба!
 В тех тридцатых, распроклятых,
 по Сибири
 раскулачивали всех середнячков:
 дед мой, Павел, не носил одежды
 в дырах,
 был зажиточнее многих мужиков.
 Меньше спал, вставал до зорьки с
 петухами,

сильным был, хозяйство умно
 вел:
 раньше сеял, раньше жал, –
 но с потрохами
 раскулачили его –
 в тайгу ушел...
 Дом его перевезли вот на
 бригаду,
 и порою, на охоте, я здесь спал,
 на полатах и на стенах я
 разглядывал
 знак родства –
 наследство мне он завещал!
 Бревна в стенах толщины-то
 необхватной –
 прилегают друг на друга без
 щелей...
 Говорили: дед мой был
 с хорошей хваткой,
 мастерить любил,
 любил детей, коней.
 Памятники, как обычно, мертвые,
 этот дом особый –
 он живой!
 Снова я на Родине,
 и черточки
 оживают старины былой.

КУЗЬМА СТЕПАНЫЧ – ВОДОВОЗ

Два в бричку впряженных коня,
 перебирая удилами,
 храпят, глухую тьму дразня, –
 и вот уж где-то за домами
 стихает drobный стук копыт,
 и вновь деревня тяжко спит...
 Танкист,
 он глос на поле битвы
 от взрывов,
 лязга гусениц –
 четыре “тигра” им подбито
 еще под Брестом,
 у границ.
 Потом в степях у Сталинграда, в
 Крыму,
 на Эльбе дрался он,
 на минах рвался...
 И снарядом

в бою последнем подожжен.
 И на таран
 горящий танк свой
 вел в наползающем дыму...
 Теперь по службе интендантской –
 протез ноги виной всему.
 Наохлившись,
 как старый
 беркут,
 к далеким правит огонькам,
 на черных бочках звезды мер-
 кнут...
 Все ближе гул издадека.
 Комбайны, светом тьму кромсая,
 идут повзводно полем ржи,
 из бункеров зерно ссыпают
 на землю прямо
 у межи!..
 Туман слоится над поляной
 и островком чернеет лес,
 и там,
 у полевого стана,
 он ставит бричку под навес.

КОМБАЙНЁР ПРИШЕЛ В КИНО

На экране ласковое море
 лижет загорелые тела...
 А в ушах – стучат ещё моторы
 тихо, будто бы перепела.
 А в глазах пшеница морем катит
 и в руках – дрожание руля,
 и комбайн натруженный
 укачивает
 в сумерках остывшая земля.
 ... Кадр за кадром – на экране
 море,
 пляжи – и лежат в лучах тела,
 а его усталость клонит, борет –
 дома ждут хозяйские дела.
 Не был отродясь на жарком юге
 и без дела часа не лежал,
 на ветрах степных, в колючих
 вьюгах
 лишь лицом багрово загорал.
 Раза три за лето искупался,
 было даже – баню пропускал,
 для вдовы – соседки постарался:
 дров привёз и сено ей сметал.
 Осень Прииртышская – короткая,
 прозеваешь – и хлеба в снегу,
 надо запастись ещё картошкой,
 дом подправить, заменить слегу.
 Надо многое – усталость клонит,
 и глаза слипаются без сил...
 Чудится ему: свои ладони
 в волны ласковые опустил!..

25. В ПРИИРТЫШЬЕ

Распорки

Один из них был рыбак, другой – охотник. И потому им всегда было трудно найти водоем сразу на двоих. Вот и на этот раз они остановились и разбили палатку у чистого круглого озера, где была рыба, но не было уток. Михаилу-охотнику (он же шофер машины) пришлось в три часа ночи вставать, заводить газик и ехать через лес, примерно за километр, на озеро, заросшее камышом и редилиями, со множеством островков.

...Кончался октябрь. Безоблачное небо светилось звездами, однако заря долго не загоралась. Но постепенно воздух стал прохладнее. Кое-где в камышах закрывали утки. На воде все отчетливей проступали чучела, медленно сплывающиеся и расплывающиеся в стороны.

Михаил томился в сладком ожидании. Ружье приятно холодило ладони, подсадная утка всякий раз неожиданно всплескивала воду и отзывалась на утиные крики в камыше. Сзади, где-то близко, прокричал селезень: «Швак!

Швак!» Подсадная тотчас ответила. Было слышно, как селезень с шумом поднялся и, рассекая воздух тугими крыльями, полетел в ее сторону. Михаил, повернув голову назад и скосив глаза, спокойно проследил за птицей. Когда селезень пролетел над головой, охотник, приподнявшись, выстрелил в упор. Было еще темновато, выстрел прозвучал неуверенно. Селезень, упав в камыши, начал бить крыльями.

Не имея привычки выплывать за подранком, но ясно представляя в своих руках красавца-крякаша в его уже весеннем оперении, Михаил все же развязал камышинки над лодкой и толкнул ее веслами. Подплыл. Селезень был уже мертв. Досадуя, что выехал зря, Михаил резко наклонился вперед, доставая птицу рукой.

То ли он оперся на переднюю распорку лодки-раскладушки, то ли его движение вызвали большую нагрузку, как вдруг распорка переломилась и нос лодки сложился. В сущности, это была не распорка, а урезанная тычка. Напарник забыл распорки дома, Михаил отдал ему свои, чтобы у того сети не цеплялись за шероховатости палки. А тычка вот оказалась хотя и крепкой на вид, но гнилой. Вода с угрожающим шипением ринулась к ногам охотника. Приподнимая нос лодки, Михаил быстро отклонился назад, но тут вторая распорка, настоящая, также предательски треснула, и лодка, сложившись в конверт, пошла на дно.

Уже стоя по горло в воде, не шевелясь, охотник чувствовал, что суденышко продолжает проваливаться в ил, и мучительно, лихорадочно думал: «Что делать? Как быть?» Высокий, жилистый, сильный – он никогда еще не попадал в подобные опасные ситуации.

Ах, да, вспомнил, что давно договаривался с напарником: в случае беды – пять выстрелов подряд. Нашупал под ногой ружье и, нагнувшись, нырнул под воду, достал. От движения лодка провалилась еще ниже, и надо было уже задираТЬ вверх подбородок, чтобы вода не попадала в рот. Одной рукой приподнял ружье над головой, вылил воду из ствола, снял предохранитель. Резко прогремели пять выстрелов, опустошая обойму браунинга. Ненужное теперь ружье он привязал за подводок к плавающему чучелу и опустил рядом с лодкой. Стал ждать.

Легкий ветерок с той стороны наверняка приглушил выстрелы. Да и напарник уже в годах, глуховат. Ясно, что сигнала он не слышал. А иначе последовал бы ответный выстрел.

«Спаستись! Спаستись!» – стучало в голове. За минуты, пролетевшие с того момента, как он выплыл из скрадка, полностью рассвело. На камышинках перед лицом, там, где они касались воды, поблескивали капли-льдинки. Вода казалась свинцово-тяжелой. Но странно, Михаил пока не ощущал ее грозного холода – наверное мешало чувство смертельной тревоги. «Спаستись! Спастись!» – сверлила его мозг одна только мысль. Первоначальный порыв – плыть к берегу – он сразу выгнал из головы. Пятсот-шестьсот метров по леденистой воде, через островки камыша и редилий со льдом не проплыть! Судорога неминуема.

«Жить! Жить!.. Спаستись! Спастись!» – его заиклило на этом ставшем единственным и неотвязным заклинании. Как глупо, как нелепо – умереть в этой чистой светлой воде.

«Что делать?» – лихорадочный вопрос жег голову... Распорки, сломанные распорки... Чем заменить? Ага, деревянные весла! Как не додумался сразу. Нож – где. В кармане? Да – нашупал, выгащил... Как лучше? Два весла, две распорки? Нет, это долго. Уже чувствительно деревенеет тело. Обрезать одно весло под распорку и вставить по центру лодки, под крепежные металлические планки. Правильно, а вторым веслом надо будет грести... Быстрей! Быстрей!.. распорка готова. Он вытолкнул ногой из лодки ящик с патронами, бросил на него ружье, туда же – ногу из лодки. Ящик уходит в ил. Второе весло опускается на него. Кажется, можно встать. Встал – так низко, что нужно запрокинуть голову. Осторожно приподнял ногой лодку, с трудом вставил распорку, она намного шире посудыны, но это и лучше.

Итак, лодка поднята, теперь из нее нужно вылить воду. И поставить снова, не зачерпнув бортом. И оказалось, что это не выполнимо. Вытянутых рук не хватает, чтобы в воздухе перевернуть лодку, и она, прихватив бортом воду, снова утопает.

И вес-то ее пустяковый, каких-то шестнадцать килограммов, но при малейшем усилии ноги проваливаются вместе с опорой в ил так, что голова целиком погружается в воду. Остается одно. С силой толкать один край лодки, придерживая другой, чтобы она, поднявшись, перевернулась. Толчок... Второй... Слабо. Лодка снова падает вверх дном. Еще и еще. Опора ушла так низко, что для вдоха нужно всплывать.

Несколько раз второпях заглотил воды. В голове появилась боль, шумит и потрескивает в висках... Нет, все! Бесполезно!.. наступает вялость и безразличие. Покальвая иглами, все глубже в тело проникает холод. На цы-

почках, держась за лодку, с запрокинутым лицом, Михаил стоит несколько долгих минут. А небо чистое-чистое. Синее-синее. Холодное и враждебное. Наверное, взошло солнце, а воздух – как лед. Из рта идет пар и растворяется вверх. В глазах начинает кружиться небо и что-то тяжелое тянет вниз.

«Конец... Конец... Конец...» – зазвенело где-то внутри. Или Михаил отдохнул, или в порыве отчаянья сделал невероятное усилие: левой рукой толкнул лодку вверх, правой – по ходу, изо всех сил, опережая левую – дернул другой конец. Лодка, зачерпывая немного воду, встает на ребро, медлит и нехотя шлепается на днище. Слышится, как плещет в ней вода, постепенно затихая.

И здесь, громко, торжественно забило сердце. Уже почти замерзшее тело ожило. Надо теперь залезть в лодку. Как? Вот метрах в пяти камыш погуще. Весло из-под ног в лодку. Энергичные движения ногами. Посудина передвинулась. Веслом нагнул камыш с обратной стороны, набрал в замерзшие пальцы, прижал к борту. Камыш, словно карась, выскальзывает из ладоней, но все туже натягиваются его струны, все плотнее прижимается Михаил грудью к борту. Из изо всех сил работающая одеревеневшими непослушными ногами, всплывает, тянет себя на борт, используя камыш как лебедку.

Елозит грудью, дергает себя и чувствует, как через острый край борта, вперед, продвинулось одно ребро. Немного наваливаясь то влево, то вправо, бултыхая ногами, продвигается еще на одно. Потом еще и еще. И наконец, пересчитав все ребра, переваливается в лодку. Полежал. Осторожно развернулся, сел. Выплескал ладонью воду. Взял обледеневшее весло. Весло в руках не держится, выпадает. Разворачивается профилем, не гребет. Через голову к чучелам спикировала со свистом стайка хохлатых чернедей, но, увидев лодку, круто взмыла вверх. Провожая их взглядом, Михаил вдруг увидел над камышом большой красивый, огненный круг взошедшего солнца. К нему от воды медленно плыл морозный пар. Стиснув зубы, наконец начал яростно грести, и лодка зигзагами пошла к берегу. Плохо соображая, не помня как, он доплыл до берега, добрался до машины, взял из-под колеса ключ зажигания, вставил в щель, но никак не мог повернуть его несгибающимися пальцами. Пришлось сделать это двумя ладонями. Залез в машину.

Завел мотор. Проехав сквозь лес, остановился у палатки, не выключая двигатель, нашел паяльную лампу, разжег и залез в палатку. Через несколько минут от жары стало ломить уши, но руки и ноги не ощущались. Тогда он направил огонь на ноги. Обгорели волосы, кое-где вздулись пузырьки, но тепла кожа не чуяла.

Тем временем, увидев машину, на берег выплыл напарник. Заглянул в палатку и понял все. Налил из термоса в кружку чаю и подал товарищу. Михаил взял, понес ко рту, однако руки так дрожали, что в кружке ничего не осталось. Налили снова, то же самое. Тогда начал пить из горлышка термоса. Зубы стучали о медь, чай растекался по синим опухшим губам.

Напарник долго растирал посиневшее тело охотника, накрывал тулупом и всей одеждой, что была на двоих. Дрожь высоко подбрасывала тело Михаила, он вылезал из-под тулупа и снова грел себя паяльной лампой. Так повторялось много раз.

К вечеру дрожь унялась. Михаил несколько раз пил чай, стал нормально двигаться, пальцы на руках и ногах сгибались, хотя в них еще не было никакой силы. Все же вместе с напарником поехали на озеро. Изготовили багор и легко подняли со дна все вещи. Вода была светлой, ящик с патронами, ружье и все остальное отчетливо виднелись, выступая из ила. Куртка и шапка плавали между чучелами. Воздух, нагретый за день, потеплел. Вместо льдинок на камыше сверкали крупные капли. Подсадная утка за камышом, охрипшая за день от крика, воткнув голову под крыло, спокойно дремала. Когда подошла лодка, она сама запрыгнула в нее, недовольно поглядывая на хозяина. И только теперь Михаил вспомнил об убитом крыкаше. Тем же следом, по редкому камышу, он подплыл и поднял с воды красавца-селезня. Глаза у того были открыты и отдавали каким-то живым, насмешливым блеском, хотя весь он окаменел, вытянув шею и лапы. От неожиданного сравнения с собой Михаил вздрогнул. И какой-то неведомый, даже в те ужасные минуты, страх проник в него. Михаила передернуло, он спрятал под мокрую телогрейку селезня и торопливо, наклонив голову, стал грести к берегу.

Пропаций выходной

Увядшая листва купается в лучах тихого, ласкового солнца. В воздухе разлилась первая нега золотистого сентября, а у меня разболелась голова. Сейчас мне нужно бы плыть по озеру, ставить сети, а потом, выбрав место покрасивее, сесть в скрадок, предварительно выставив на воду чучела.

Хотелось бы... Пропадает второй выходной, нет машины, и я хожу по комнате из угла в угол, выхожу на улицу, смотрю подолгу зачем-то в небо и молчу. Молчу целыми часами и жду: когда же позвонит дядька, которого по работе загнали куда-то в район.

Мне начинает не нравиться город с его шумом и суетой. На листьях деревьев я различаю толстый слой пыли, скверы затоптаны, голуби шарахаются от назойливых кормящих рук.

Голоса детишек, как крики грачей перед дождем, слились в сплошной гул. Где-то сверху из окна ругается старуха и вместе с ней лает щенок, живущий в клетке высоко под крышей. Как ничтожны вот эти двое пьяных, перемазанные грязью, идущие в обнимку, или те вон парни, что столпились во дворе вокруг играющих в карты. А недалеко за столиком стучат старики в домино. Небольшой сквер пуст, за исключением скамейки в центре, где, не стесняясь, обнявшись, сидят парень с девушкой, а может, парень с парнем – не различишь. У того и другого – длинные волосы и брюки... Как неприкаянный, хожу я, долго брожу по улицам, забыв, что дома семья и дел уйма. Что охота – не самое главное. Но в данный момент душой я там – на озерах, в лесу.

25. ИРТЫШСКИЕ ПРОСТОРЫ

НАД ИРТЫШОМ

Берёзы островком стоят в воде.
 Парит...
 И зеленеют смутно ветки.
 Скользят казарки клином в высоте,
 я слышу клич их в тишине
 рассветной.
 Горит костёр, дым вьётся в синеву.
 Гудит буксир за поворотом дальним.
 И чибис, кувыркаясь, наяву
 исчез над луговиною
 зеркальной.
 А солнца шар над кручей
 Иртыша
 вползает в небо, ослепляя
 дали...
 О чём, о чём печалится
 душа?
 И почему в кустах снега не
 тают?

У оврага сестрички – две ивы
 желтым пухом слегка зацвели.
 Ветер треплет им косы
 игриво,
 слышу клик лебединый
 вдали.
 Пахнет гнилью, увядшей
 травой.
 Пар прозрачный плывет из
 куста.
 Неуютно, прохладно – не
 скрою,
 но такая вверху – СИНЕТА!!

ЗАТОР

Льдины мчат во весь опор
 по реке могучей...
 У моста опять затор –
 льдины сбились в кучу!
 Треск и скрежет...
 Ледокол
 жмёт, гудит призывно.
 С хода глыбы расколол!..
 Волны плещут зыбко.

ДИВНЫЕ СЛОВА

Погружённый опять в
 созиданье,
 дивные созываю слова.
 А они не идут – с
 состраданием
 смотрит нежно с небес
 синева.
 Вышел к берегу.
 Чайки взлетают.
 Вдаль сверкает разлив
 Иртыша,
 острова из воды прорастают –
 и невольно очнулась душа!
 И люблюсь, как пойма
 лучится,
 вижу лодку и взмахи весла.
 И в висок радость пульсом
 стучится.
 И звенит новой рифмой
 весна...
 Зеленеют, шумят острова –
 в них волшебные слышу
 слова.

СПАСАТЕЛЬНЫЙ КРУГ

Камыш в метёлках пожелтелых...
 А дальше плёс, шугой шурша,
 качает плот обледенелый...
 Ознобом веет с Иртыша...
 Скользят по ветру птичьи стаи,
 и день и ночь спешат на юг...
 И пуст причал...
 Не мне ль оставлен
 спасательный, на крючьях, круг?!

ИРТЫШ В НОЯБРЕ

Испепеляющий закат...
 Сижу на камне у реки –
 под плеск волны,
 грачиный гвалт
 мне думы осени горьки.
 Припомнил юность: ледостав,
 смех девичий, весло.
 Звучали дивные слова –
 куда их время унесло?..
 ... Свинцово светится залив
 за кромкой камыша...
 О чём спросить у голых ив
 пытаешься, душа?..

ПОЗДНЯЯ ОХОТА

Вновь горечи мои, обиды,
 как искры, гаснут на ветру...
 Знакомый лес – моя обитель,
 я голову клоню к костру.
 Полночный вздох.
 В нём запах тонкий
 травы осенней, камыша.
 Крик одинокой перепёлки.
 Туман холодный с Иртыша.
 Мне утешенье и отрада:
 палатка, лодка и ружьё...
 Охота!?! –
 Большого не надо,
 ты – исцеление моё.

МЫС

Плыли мы по Иртышу
 по теченью, вниз...
 У местечка Артышу –
 остров, рядом – мыс.
 Белый выступ, пляж песчаный –
 одинокий и печальный.

В БУРЮ

Когда волна в лицо швыряет
 каскады брызг, а вихрь грозы
 пугает одичавших чаек,
 ты страх подальше отложи.
 И пусть трясёт, как в лихорадке,
 тебя отчаянная дрожь –
 берись за вёсла без оглядки!
 Гребь смелей – и доплывёшь!

БОЛЬШАЯ БИЧА

Цветы – по грудь, и пчёлы –
 у виска...
 Хожу я по некошеным полянам,
 по ягодным местам – им нет конца!
 Здесь Север –
 и закат в сто крат румяней!
 Под соснами – багульник, мох – как
 пух.
 Непуганые рядом птицы, звери...
 Мир первозданный – вековечный дух!
 Впервые хочется в бессмертье
 верить!

НА ДЕМЬЯНКЕ

Дремлют тихо камыши,
 рябь воды седая.
 Крики дальние слышны
 перелётной стаи.
 Паутина на шесте,
 лёд, намёрзший в лодке, –
 И снежинки в высоте
 запоздавшей сводкой!

ПОДРАНОК

Там, в облаках, за клином клин
 по ветру вдаль летит казарка...
 На озере, во льду, один
 подранок – крик несётся жалкий.
 С утра вверху за клином клин –
 и кружит пух, как отблеск зим.

Болотная,
 застойная вода
 слегка гнильем в округе отдавала,
 но сосны зеленели...
 И всегда
 брусника алым соком наливалась.

И вот канал прорыли отводной,
 кочарники весною распахали –
 не видно даже ягодки одной!
 А сосны на корню повысыхали...
 Багульник лишь зацвел
 и отгорел,
 по пахоте – осоки малый пучик.
 Посеяли подсолнух –
 он сопрел,
 а к осени подрос бурьян колючий.
 Так поле бросили...
 Ну, а поздней
 мох загорелся –
 дым до снега в ямах...
 И думал я:
 какой же дуралей
 творит со зла трагедию упрямо?
 Зачем природе душу ворошить
 и выворачивать нутро наружу?..
 Иду тропинкой прежней –
 не попить...
 ни ягод...
 даже птахи не послушать!

Ах, какая акварель
 в ярко-красочных лесах!..
 Пахнет терпко дикий хмель,
 ал шиповник на кустах!
 Лист осины ярко-красный
 на безветрии дрожит,
 и на зорьке чисто-ясной
 травы иней серебрит!
 Тихо светит можжевельник,
 ракета слегка блестит.
 Рям зеленый,
 как отшельник,
 летний свет в себе таит!
 Пожелтел камыш прибрежный
 и метелки поутру,
 осыпая бисер снежный,
 коченеют на ветру!

ЗИМНЯЯ РЫБАЛКА
 Заметает поземка следы,
 лихо сыплет на лунку мукою,
 и вода, наподобье слюды,
 застывает,
 покрывшись шугою!
 Но, «шумовкою»
 сбросив ледок,
 плавно дергаю тонкую леску,
 подсекаю,
 тащу поводок,
 окунь выброшен
 с яростным плеском!
 На искрящемся
 мягком снежке
 красно-синий рассвет излучая,
 бьется рыба,
 на миг ошалев –
 плавниками лучи отражая...
 Возвращаются свет и тепло,
 Возвращается теплое лето!
 Что-то нежное
 в душу вошло,
 и сажу,
 этим чудом согретый!
 И синеют таинственно льды,
 гранью радуг света
 под водою...
 Пар над лункой –
 памяти дым!
 ...Вновь вода застывает слюдою.

ОТАВА

Вспомнил детство:
 ... Луг в стогах
 светится прокосами,
 в дымке утренней слегка
 распевает косами!..
 Друг за дружкой мужики
 движутся, махая.
 Вижу: где сошлись платки –
 там мама молодая!..
 ... Вновь ступаю по ковру
 мягкому, зелёному,
 Поклоняюсь я добру

– и присказка вспомнилась:
 «Хоть трава там не расти
 после нас...» –
 Неверно,
 вот успели лишь сгрести –
 прёт отава кверху!..
 Верю:
 будут после нас
 бить ключи заветные
 И придут на луг, как в класс,
 дети с думой светлою!
 Вновь в сторонке я родной,
 не узнать край ныне –
 рощицы той, молодой,
 не было в помине...
 Напеваает тихо мне
 юная отава:
 «Вспомни день тот по весне,
 как свой дом оставил?..»

На лугу меж ивами мерцает
 старицы серебряный рукав...
 Ряской, камышом он зарастает.
 Берег в мягких травах, как в коврах.
 Отражаются в воде сонливой
 белые, как льдины, облака...
 От кувшинок тихий блеск
 игривый...
 Далеко за дамбой синь-река.
п. Кушайлы

НАЧАЛО ЛЕДОСТАВА

На песке – шуги наросты,
 меж камнями – первый
 снег.
 И его сгребает горстью
 любопытный человек.
 Рядом первая синица
 шустро шмыгает в ветвях.
 Над рекою пар дымится,
 словно вздох о летних
 днях.

ПОЙМА ИРТЫША

Пойма Иртыша. Лес...
 Ежевика
 в глубине роскошно так цветёт,
 на больших листах играют блики,
 иволга загадочно поёт.
 Папоротник с головой скрывает,
 прячет мох лосиные следы...
 По тропе звериной я плутаю –
 а они ведут все до воды!

26. ОСЕННЕЕ НАСТРОЕНИЕ

Прощание с летом

Август. Последние недели лета. Днями тепло, но по ночам прохладно и сыро. Все чаще по утрам встают густые молочные туманы. Лес полон особой прелести, очарования и щедрости. На лесных полянах перемешались всевозможные цвета и запахи. Сегодня на рассвете прошёл дождь. Посвежевшие поля бьют в ноздри хмельным ароматом трав, цветов, прелых листьев. И, конечно же, в воздухе царит терпкий грибной настой.

На опушке, куда я только пришел, видимо-невидимо волнушек. Нахожу несколько белых грибов. Аккуратно срезаю и двигаюсь вдоль кустов бузины. В ее зеленых ветвях уже сверкают красные яркие гроздья. Оглядываюсь. Вокруг и дальше по лесной закрайке разметался сплошной осенний пожар бузины.

Когда я ехал сюда, вдоль дороги видел кусты рябины и калины. На них еще только намечается багряный блеск, а здесь, в темноватых ветвях бузины, зажглись, словно раскаленные угольки, красные мелкие ягодки. Раньше я как-то и не замечал прелести этого кустарника, хотя зимой не раз встречал на нём множество кормящихся снегирей и чечеток. И всегда любовался ими издали.

Вхожу в лес. Присмотрелся. Под ногами виднеются маленькие пенечки от боровиков. Сверху на них различаю не срез ножа, а характерные тонкие бороздки от зубов грызунов. Это мне знакомо: здесь похозяйничали мыши-полевки. Гнезда их, небольшие свитые серые шарики, я видел в кустах на ветках. Прохожу дальше – и снова множество рядов пенёчков, уродливых, без шляпок. Надо же, близко на опушке кусты бузины, мыши ее не любят, боятся. И обычно рядом с ней не селятся.

И чего только не бывает? Часто грибы склеивают птицы, их поедают зайцы, белки, домашний скот. Иногда встречаются молодые, крепкие грибы, ножки и шляпки которых поражены лесными слизняками. Так что редко найдется рощица, где грибы не тронуты. А такое нашествие мышей я вижу впервые.

Перешел в мелкий березняк, в середине его – низина, очень сыро. О, сколько же разноцветных сыроежек разукрасили всю землю. Кое-где из-под земли выглядывают сухие грузди. Наполняю корзину, две сумки. Все, хватит. Не унести. Вокруг еще остается уйма грибов. По одному, кучками, грядками... Целое грибное царство...

Последний дуплет

Ветер разогнал низкие темные облака, и сразу вокруг все посветлело. Громадная гладь воды тихонько колыхалась, дышала холодным паром, отливала свинцовым блеском.

Прибрежный лес на той стороне озера подходил на серую щетину. Только внимательно приглядевшись, можно было различить безлистый, голый березняк.

На отдельных камышинках, тяжело склонившихся к воде, намерзли сосульки, а некоторые из них, особенно крупные, пригнули стебли до самой воды. Солнце иногда тускло проглядывало сквозь рваные облака, и сосульки в такие моменты ярко светились.

Паисыч представил, как позавчера в бурю ветер хлестал по камышам, окунал их в воду, посыпал снегом. А теперь камыши отзванивали ледышками, метелки тонко шелестели, как крылья пролетевших птиц. Да, птицы на озере не наблюдалось. Вчера ее было много, но городские охотники, приехавшие на двух грузовых машинах с будками, так отбомбили, что озеро затихло, помертвело. «Не осталось ни одной птахи, старик», – хвастливо сказал один из них, когда Паисыч подъезжал утром к пристани, а горожане отбывали домой.

Прошло около часа с той встречи. Паисыч выплыл на озеро, поставил чучела и затолкал лодку, отдыхая, разглядывал озерную даль. Вода в камышах схватилась тонким льдом, на котором белели снежинки-пушинки. Деревянная лодка обледенела, весло тоже поблескивало льдом.

Охотник натянул на руки рукавицы, сгреб под валенки на дне лодки сено, поднял воротник старой шубейки, поправил шапку-ушанку. «Как зимой... Так-то оно лучше», – подумал он, прикрывая по-стариковски в дремоте глаза. В воздухе опять закружились снежинки, метаясь туда-сюда, и казалось, что они совсем не падают вниз. Несколько чучел на воде постепенно удалились из поля зрения, и вот перед глазами, где-то далеко-далеко, возникла давняя картина...

...Он, еще совсем молодой, и его друг-просмешник Тимофей плывут на большой лодке по этому озеру. Вокруг на берегах лежит снег – изумительно белый. Уже спеклись в ледяную тесьму закраины, а незамерзшее озеро стонет от дичи. Столько ее, что не видно воды. И гуси взлетают, и казарки. Они с Тимофеем быстро ставят чучела, затаскивают в камыш лодку. Не успевают заломить камыш и спрятать лодку, как большая стая гоголей со свистом опускается к ним в чучела. Плавают себе, ныряют, а дробовики еще не заряжены... Спешно зарядили «самопалы», и Тимофей спрашивает: в каких ему стрелять. А гоголи не обращают внимания на их разговор, плавают – лобастые, с белизной на крыльях...

И здесь из глаз все исчезло. Паисыч вздрогнул, очнулся от свиста крыльев. Круто разворачиваясь и снижаясь, к чучелам подлетало четыре гоголя.

Резко тормозя крыльями, выпустив лапки вперед, сели под самый камыш, к лодке. Охотник сжался, затаился. Медленно просовывая двустволку сквозь будыля, дрожащими пальцами взвел курки. Гоголи, явно видя лодку и охотника, быстро отплывали к чучелам. Паисыч в упор различал их желтоватые глаза, коричневые клювы. Предводительствовал самец-старик, белый как лунь, за ним вплотную плыла гоголюшка, за ним – третий. Охотник ждал момента, когда соединится троица, чтобы взять их первым выстрелом, а затем сбить четвертого, что в стороне, достать в подъеме из второго ствола. Такое у него получалось не раз...

Медленно-медленно сплывались птицы, стволы ружья дрожали от напряжения. Наконец третий гоголь приблизился к паре вплотную, и Паисыч, дернувшись от усталости, а может, от лишнего волнения, резко нажал на спуск. Ружье странно качнулось вниз, громыхнул выстрел. Чувствуя неладное, охотник не стал стрелять в четвертого, а вперил взгляд в троицу, разбегающуюся по воде в разные стороны. Один был слегка ранен, два других стремительно взлетели вверх. Паисыч навскидку, не целясь, пальнул вторым патроном в переднего самца, но заряд дробы прошел где-то выше птицы.

Подранок, улетающий низом, выправился и присоединился к стайке. Охотник долгим взглядом провожал птиц, сердце его учащенно билось, но странно – досады не было.

Как в том дремотном сне, он увидел гоголей наяву, рядом: они заставили горячо забиться его сердце, приблизив прошлое, молодое время...

Посидев еще немного, собрал чучела и поплыл к берегу. Недалеко по гриве громыхал трактор, таща на волокуше солому. Совсем прояснило, снег перестал идти, выглянуло солнце. Но какое-то бледное, желтоватое – оно не грело. «Все, – подумал Паисыч, – в эту ночь озеро станет, лед закует весь плес...».

Вспомнил про письмо от младшего сына, который приглашал поехать на охоту на Север, в Тюменскую область. Хорошо бы съездить к старшему в Запорожье, давно не видел внуков, соскучился. Этим летом так никто и не навестил его в деревне.

Проломав белую закраину льда у пристани, вытащил лодку, перевернул и, оставляя галошами рубчатый след на тонком чистом снежке, побрел к телеге. Гнедой в нетерпении переступал ногами, позванивал уздечкой, искося глазами за хозяином. Его коричневая грива и бока покрылись инеем, побелели и, поблескивая, также напоминали о приближающейся зиме.

Лебединый плач

Снежный вихрь бил по глазам, леденил щеки. Влажные хлопья снега липко ползли за воротник куртки. Видимость вокруг – не более двадцати метров. Моя последняя рыбалка, в смысле погоды, оказалась неудачной.

Без рукавиц, с покрасневшими мокрыми ладонями, от которых валил густой пар, я вначале греб на веслах, затем вытаскивал лодку на пристань, потом складывал леденитые сети в рюкзак. На шапочку, на рукава куртки, на окружающие предметы постоянно налипал снег. Толще и толще. Поляна у причала белела, но темнота над озером сгушалась. В воздухе резко похолодало....

Перевернув лодку вверх дном, я залез в машину. Снял мокрую куртку, надел сухой свитер. Завел мотор, включил обогреватель. Через пять минут в салоне стало тепло. Налил из термоса чаю. Отпиваю из кружки малыми глотками, наслаждаясь ароматом, немного хмелею. С подветренной стороны открыл боковое стекло.

И здесь я услышал над озером, в сплошной мелькающей круговерти снега, лебединый крик. Точнее не крик, а жалобное клыканье одинокой птицы. Печальный зов лебедя перемещался по озеру с места на место. То приближаясь, то удаляясь. Птица искала свою стаю, но ее уже не было.

Еще часа два назад, до снега, большой лебединый караван спустился на пролете на озеро. Птицы попили водички, отдохнули с часок и поднялись в небо, снова устремившись клином на юг...

Почему отстал этот лебедь, как это произошло, даже для меня, находившегося в это время на озере, оставалось загадкой...

Мрак окончательно сковал озеро, а снег все валил, мельтешил, кружил и даже залетал ко мне в форточку. Я закрыл окно. Лебединое клыканье, похожее на плач, стало глуше, отдаленнее. Но какое-то тревожное, мучительное чувство овладело моей душой. Я постоянно думал о слабой птице. Я представлял себе, как озеро схватилось льдом, покрылось снежной белизной, а над этой мертвой белой пустыней все мечется привидением одинокая отчаявшаяся птица.

– «Клы-клы, клы-клы...» – печальный стон стоял в моих ушах постоянно. «Ну, чем я могу помочь бедняжке, что предпринять, что придумать?..» – целый рой вопросов возникал в моей воспаленной голове. Лебединый крик снова приблизился к моей пристани. Я опять открыл боковое стекло, вслушиваясь в резкие порывы ветра.

«Может, догадается сесть под густой камыш и переждет холод до утра. Ведь в камыше нет этого ужасного ветра...».

Пока я так размышлял, клыканье удалилось и затихло где-то вдали. И больше его не слышалось. Только под утро я ненадолго задремал...

26. ОСЕННИЕ ПЕРЕМЕНЫ

СЛЕДЫ ПРОШЛОГО

Озябший лес промок, он светел,
наг...

Тропа усыпана листвой багряной.

Смеркается... Я замедляю шаг,
и обхожу туманную поляну.

Зачем я здесь?.. Ищу что в
вечерах,

с двустоволоку, закинутой за
плечи?..

Нет в рюкзаке «ни пуха, ни пера».

И все же, чем так дорог этот
вечер?..

Не в мыслях, а в душе ищу
ответ...

За мной в траве рососо светит
след.

ПЕРВЫЙ ИНЕЙ

На исходе сентября
инеем лесок припудрен.

В нём сверкает перламутром
охлаждённая заря.

На траве зелёной – блёстки
ослепляют новизной,
и смущают наготой
у дороги две берёзки.

На ветвях у ивы пух –
расцвели под снег серёжки!
Слышит вьюгу осторожный
напрягающийся слух.

«ДЕНЬ ИЛЬИ»

Вот и август. День Ильи –
синь прохладой веет
с речки.

Откупались, отгребли...
Пляж пустынный смотрит
в вечер.

С луга стелется туман.

Сырость из кустов пахнула...

В небе – птичий караван.

И грибами даль вздохнула.

ЛЕСНОЙ СКРИП

Пахнет пронзительно сладкою
гнилью

ягод, груздей и травы.
Пусто, прозрачно... Поляны
накрыли
Пледы опавшей листвы.
Тихо, беззвучно иду по опушке
и огибаю лесок.
Пташек не видно, исчезли
кукушки,
слышится скрип–голосок.
Ближе звук, ближе... Большая
осина
ствол, расщепленный повдоль.
На полувысохшей черной
вершине
в скрипе – щемящая боль.

У КОСТРА...

У костра, золотого костра
я один просижу до утра.
Буду слушать, как пламя гудит,
как притихший лес тягостно спит,
и во тьму будут искры лететь...
Я костру расскажу все, как есть.
Память пе-ре-во-ро-шу!..
Все обиды чужие прощу...
И останется блеск от костра
на лице, словно отсвет утрат.

Даль холодна, желта, пуста...
Под небом – клич гусей.
Рассветный иней на кустах
заметней и светлей!
В просторе беспредельном –
синь!

Раздвинут горизонт...
А лес – (ты взглядом лишь окинь)
– он – разноцветный зонт!
Последних листьев яркий цвет
искрит огнём в ветвях,
За паутинкой белый след –
снежинкою в кустах.
Невдалеке зелёный рям
весенний свет зажжёт...
... А я душой ещё упрям –
храню в ней огонёк!!

НА МАРЬЯНОМ ПЛЁСЕ

Дремлют тихо камыши,
рябь воды седая...
Крики дальние слышны
перелетной стаи.

Паутина на шесте,
лёд, намёрзший в лодке –
И снежинки в вышине
запоздавшей сводкой...

ДАЛЬ УГАСАЕТ

В березняке от гнили, черни –
так зябко!..

В поле – ни души.

На паутинке листик прелый
играет, трепетно дрожит.

Даль угасает. Лес – немеет...

Бредут стада через туман...

С минутой каждою – темнее,
мрак льнёт плотней к моим ногам.

Бреду по лугу, наблюдаю...

Мне сладко, грустно – даже дрожь
в груди...

Я с осенью прощаюсь...

– Столь пережить с ней довелось!

ЗА КЛЮКВОЙ

Пахнет багульником, хвоей и
мхом...

Булькает лавда под кочкой...

Четверо нас. Через рям мы идём –
путь этот много короче.

Клюква поспела, красна и чиста...

Солнце встает из-за леса...

Пот на лице и во рту – тошнота.

«Что нос, Андрюха, повесил?..»

Друг улыбается: «Мне не
впервой,

больше за вас беспокоюсь –
кромкой тропинки держитесь за
мною,

дальше – воды аж по пояс.

Клюква, она на столе весела:
светится алая, рдеет...

А на горбушке, ой – как тяжела.

Обратный путь вдвое труднее...»

Я рассмеялся: «Спасибо, дружок,
добрым словечком утешил...»

... Путаюсь в лямках болотных
сапог,

споткнулся:

«Ах, чтоб тебя, леший...»

НА СТАРИЦЕ

Мороз сковал огромный плёс,

и вмёрзли лодки в няшу,

и ветер первый снег разнёс
над лугом полинявшим.

Шуга шуршит на Иртыше,
льдом старица мерцает...

Вот и лисица в камыше
подранков подбирает.

Виляя огненным хвостом,
ползёт она к закрайкам.
А ворон хрипло над леском
по-зимнему закаркал.

НА ИСХОДЕ СЕНТЯБРЯ

На исходе сентября
инеем лесок припудрен...
В нём сверкает перламутром
охлаждённая заря.
На траве зелёной блёстки
ослепляют новизной –
и смущают белизной
у дороги две берёзки.
На ветвях у ивы пух –
расцвели под снег серёжки!
Слышит вьюгу осторожный
напрягающийся слух!

ОСЕННЯЯ ДРОЖЬ

Слегли цветы, осыпав семена.
Шиповник красный рожницы мне
корчит,
и жидкой грязи колея полна –
в ней два пера обшарпанных со-
рочьих.
Дождь нудно третьи сутки
моросит –
промозгли, почернели пни,
коряги...
Лес каждой голой веткою дрожит,
и в сердце – дрожь... И нету с нею
сладу.

На паутинке листик
прелый
играет, трепетно дрожит.
В березняке от гнили,
черни –
так зябко...

В поле – ни души.
Даль угасает, и в закате
бредут стада через туман.
И вот туман стада уж
спрятал.
И мокрый иней – по ногам.
Бреду по лугу, наблюдаю.
Мне сладко, грустно – даже
дрожь
в груди...

Я с осенью прощаюсь.
А что взамен её ты
ждёшь?!

СЕНОКОСНЫЙ СТАН
Болотный осенний туман
укрывает притихшую
речку.

Сенокосный дырявый стан
приютил меня в этот вечер.
Рядом плещется рыба в
сетях,
а сквозь крышу вверху –
отсвет звёздный...
Думаю о безвестных
мирах
и о счастье своём,
невозможном.

ЗАРНИЦЫ

Скатилась с неба
колесница
за горизонт,
А грома – нет.
Тепло в полях. Хлеб
колосится –
не от него ли молний
свет?!

ХУТОР

На отшибе, за лесами
есть избушка, скотный двор...
Нелюдимый дед Исаич
проживает с давних пор.
Семь коров, телки, барашки.
У ворот – пёс с рыком страшным.

ПОРА СОМНЕНИЙ

В паутинах куст белеет
над обрывом Иртыша.
Не пойму - о чем жалеет
грустный шелест камыша?
Стынет золотая осень
на жнивье и по лесам,
почему никто не спросит:
отчего печалюсь сам?..
В небе дальнем птичьи стаи
клиньями спешат на юг.
Отчего в глазах грусть тает,
с чем я нынче расстаюсь?..
В паутинках куст - белеет, -
ну, а он о чем жалеет?..

БАБЬЕ ЛЕТО

Бабье лето!..
В рощах – просинь
с ярко-рыжею листвой!
Паутину вдаль уносит
свежий ветер озорной!
Ветви в красках – словно шали
дорогие на плечах!..
Две осинки размечтались,
осыпая лист в лучах.

ПЕРВАЯ ШУГА

Даль пожелтела, посветлела.
Свинцовый плёс, шугой шурша,
качает плот оледенелый...
Ознобом веет с Иртыша.
Скользят по ветру птичьи стаи,
и день, и ночь спешат на юг.
На жёлтых травах иней тает,
и холодно сверкает луг!

Там, в облаках, за клином – клин,
крича, летит на юг казарка...
На озере, во льду, один
подранок – клич несётся
жалкий!..
На камышах – нить паутин
и белый пух, как отблеск зим...
... А в небе вновь – за клином
клин.

ЗАОЗЕРЬЕ

Под липким вихрем листопада,
среди налетевшей полумглы
уже не дождь – дробинки града
стучат о лодку и стволы.
Волна встаёт и с пеной бьётся
в мой островок...
Накинув плащ,
сiju, притих. А сердце – рвётся
за вихрем ввысь.
Тоска, хоть плачь...
Ещё немного – свечереет,
и длинная настанет ночь.
...Никто меня не обогреет,
никто не в силах мне помочь.

ЛИСТОК

Меж кустов, где пахнет тмином,
сети натянул паук.
В них попал листок осины
и качается: «тук-тук».
На листке, в прожилках красных
точки, знаки – шрифт лесной...
Словно строчки о прекрасной
стороне моей родной!

27. НА ОЗЁРНЫХ ПЛЁСАХ

На острове озера Дикое

Темно-свинцовое осеннее небо, затянутое низкими сплошными облаками, никак не хочет светать. Время-то по часам – начало восьмого. Пора бы. Вот в вышине, в восточной части, появились два светлых пятна, смутно просвечивая меж облаками.

Как сладостно и томительно ожидание...Подсадная неожиданно громко закричала, и сразу послышался шелест крыльев. Большой расплывчатый силуэт крякша возник метрах в тридцати и медленно стал спускаться за высокий камыш справа. Машинально ружье вставляется в плечо, короткий поводок. Мгновение – выстрел. Птица с шумным плеском падает на воду. Тишина. Значит, не подранок. В такой темени можно и промазать. И сразу по всему озеру зашлепали, зашумели, зазвенели птичьи стаи, поднятые громом выстрела. Мелодичные переливы, как звон по льду, идут от гоголиных стай; резкий, рваный шум – от табунков чернедей. И еще

разные всплески множества крыльев, объединившихся в общий гул. Да, утки скопилось много. Озеро кормовое, наверное, два-три дня ее не трогали, не пугали. Напарник Володя Сафонов сейчас сидит на маленьком островке, влево в углу. Это там стоит сплошной шелест от кружащих утиных стай. Что-то он не стреляет?..

И, словно в ответ на мой вопрос, раздался торопливый дуллет. Гулкий, протяжный – по воде. Ясно, стреляет в сидячих, в чучелах. Немного погодя, еще выстрел, добивал подранка.

Шум утиных крыльев переместился к центру водоема. Это озеро огромное, красивое, известное на всю область. Сегодня на нем, кроме нас с Владимиром, да еще моего дяди, Ивана Владимировича, что сидит на противоположной стороне пристани, никого из охотников нет.

Слышу, как в воздухе приближается шум крыльев, но уток не вижу. Староват, уже 65 лет, слабеет и зрение, и слух. Присмотрелся на плавающие чучела и с трудом различил их очертания. И здесь, с шумом и всплеском,

к ним подсаживается стайка гоголей. Четко вижу вокруг птиц разбегающиеся круги волн. Прицеливаюсь. Выстрел. И ничего больше не видно. Ведь в патроне моем наполовину дымный порох перемешан с бездымным. Второй выстрел делаю с опозданием, почти наугад, по взлетающим в бледном рассвете, еле видимым точкам. Промах. Но после первого выстрела на воде остались две неподвижных утки. Что ж, для начала и это неплохо.

С противоположной стороны от дядьки гремит дуллет, следом два одиночных выстрела. Определяю: стрелял тоже в чучелах, на воде, и добивал подранков. Из угла от Владимира опять звучит торопливый дуллет. Выстрелы подряд: тах-тах! Оно и понятно. Он в охоте и стрельбе еще новичок. Иное дело я, старый волк, уже 51 год охочусь. К тому же я мастер спорта по стендовой стрельбе (спортивно-охотничьей). Потому-то, сидя на любом озере, знаю: кто из какого ружья стреляет – влет или на воде. Определяю в любое время года вид птицы, возраст, повадки. Знаю даже мелочи по многим вопросам, за что меня частенько кличут «профессор».

Вот и сейчас понимаю: стайки звенят, свистят высоко, уходят на другие озера, особенно на громадное деревенское у Островной. Через час-другой птица начнет отдельными стайками возвращаться обратно, охотно пойдет в чучела. Вот тогда и начнется настоящая охота.

Провожая взглядом высоко летящие табунки, я поздно заметил, как на бреющем полете мимо меня проходит стайка хохлачей, на расстоянии не больше 50 метров. Делаю поспешный дуллет, вниз выпадают две птицы. Одна из них на воде замерла, вторая, хлопая крылом, быстро плывет вдаль.

Я сижу в скрадке на острове, расположенном за 200 метров от береговой кромки. Камыш на нем только начал желтеть, еще темноват, да и остров сам по себе огромен. Этого не любит северная дичь: гоголи, лутки, хохлатый чернедь. А вот Владимира я посадил на маленький желтый курень. Он опять сделал два дуллета по сидячим. Отменное место.

Свои чучела, а их двадцать шесть, я расставил в сторону от берега, в пролив, по которому любит пролетать небольшими стайками утка в поисках кормовых мест. Чаше стайка не подсядет в чучела, а немного подвернет к ним, и этого мне хватает для удачного выстрела. Подсадную, что взял в Тюкалинске у Геннадия, посадил под самый камыш. Гоголи не любят кряковых уток, когда они громко кричат в чучелах. Даже шарахаются от них. Зато кряковые селезни с большой охотой идут на крик, как в пригон, забывая свою осторожность.

Сегодня третье октября, в последнее время по ночам – заморозки. Вокруг Дикого оказалось множество болот, прихваченных первым ледком. Потому-то и появились на береговых плесах стайки осторожных крякашей.

Уже полностью рассвело, и я далеко вижу отдельно пролетающих птиц. Подсадная все настойчивее, призывнее крякает, плещется на воде, перебирает клювом, словно расчесывая свои перышки на крыльях.

А подсадная не унимается. Вошла в раж. Кричит, плещется, хлопочет. Откуда-то сзади налетают сразу три кряквы. Дуллет, и два селезня, блистая опереньем, обрываются вниз, рядом с лодкой, а самка метнулась ввысь. Перезаряжаю ружье, а низом от берега претса еще один селезень – прямо под камыш, к утке. С трудом успеваю сделать выстрел. Порядок! Теперь на воде лежат уже пять крякашей, два гоголя и чернедь. А вся охота еще впереди.

С первого октября сняты все запреты и ограничения по количеству отстрелянных уток и отменены «Дни тишины». Охотиться каждый день, стреляй, сколько хочешь. И правильно. До 10-15 октября вся утка и гусь отойдут на юг, в чужие страны, к чужим охотникам. Дичь, выросшая здесь, должна частично остаться у нас. Жирная, сочная, обработанная птица у многих охотников сохраняется в холодильниках до Нового года. Это все естественно. Но для меня, пожалуй, главней сам процесс охоты, особенно стрельбы. Я – стрелок, «хлебом не корми», дай настреляться вволю!..

Сижу, наслаждаясь прохладой и чистой утра, пью из термоса чай, а в то же время верчу головой. Но лета нет. У дядьки дела совсем плохи, а вот Владимир сделал еще два дуллета. Минут через десять налетает на меня еще один крякш. Меткий выстрел – и трофей на воде. Прекрасно.

Посматривая по сторонам, думаю: что же делает сейчас Геннадий, четвертый наш компаньон, заядлый рыбак. Вчера вечером я с дядькой в «Ниве» (мы из Омска) и Владимир с Геннадием в «девятке» с прицепом (они из Тюкалинска) подъехали после обеда к соседнему озеру «Старичье». Когда-то жилое, с деревней на берегу, озеро славилось отменно вкусным карасем. Деревня распалась, разрушилась, поросла крапивой.

Подъехав к пристани, мы вчетвером быстро поставили сети, затем обустроили для Геннадия палатку, вместе поужинали и вече-

ром по темноте, оставив его одного, втроем переехали на Дикое. Езды всего-то два километра, рядом. Геннадий, наверняка, сейчас уже потряс сети, набрал рыбы и варит уху. Обедать часа через два поедем к нему.

За размышлениями поздно заметил первых гоголей и чернедей, вернувшихся с соседних озер обратно. Небольшая стайка гоголей подседа к чучелам Владимира. Дуплет, и несколько птиц переместились в мою сторону. Три белых лобастых гоголя, затормозив полет, подвернули к моим чучелам. Не ожидая посадки, бью из одного, затем из второго ствола. Две птицы плюхаются на воду, третья, сделав небольшой круг за чучелами, на средней высоте проходит снова над островом. Хватаю второе ружье, и первый же выстрел обрывает полет птицы.

Да, у меня в лодке два ружья. Одно держу в руках – ТОЗ-34,Е – штучное, прикладистое. Оно заряжено патронами с крупной дробью. Второе лежит на перекладине в лодке, ИЖ-12, в нем заряды с мелкой дробью, специально для стрельбы уток в чучелах. В корме лодки стоит открытый ящик с патронами, в нем – экстрактор для извлечения застрявших стреляных гильз, плюс охотничий нож. Все настроено для быстрой, непрерывной стрельбы.

А оно так и получается: после гоголей подсаживается стайка хохлачей. Беру ИЖ-12, дуплечу по сидячим, хватаю сразу же ТОЗ-34 и прицельно расстреливаю на подъеме еще двух чернедей. Наверное, если бы было и третье ружье, то успел бы выпалить и из него. Но хватает двух двустволок – на воде сразу прибавилось пять сбитых уток.

Только перезарядил, как стайка гоголей на большой скорости прошла между островом и берегом, но далековато. В азарте, автоматически, дуплечу, и из табунка выпадают две утки. Но обе – подранки. Так нельзя переводить дичь. Одна утка ныряет сразу – и больше я ее не вижу. Гоголи, чернеди, лудки и крохали – великие ныряльщики на большие расстояния, а потому плыть из скрадка и пробовать взять подранка – целая проблема. Второй мой гоголь сидит бездвижно на ряске, мотая головой. Я начал отвязывать лодку от камышей, но неожиданно, не дожидаясь моего выезда, подранок нырнул. И до свидания. Вынырнул уже за сто метров. Снова привязываю лодку к камышу. Жаль, тычек нет, а то было бы прочнее.

Откуда-то сбоку с шумом подседа пара лудков. Близко, к самому камышу. Жду, когда отплывут. Стреляю в первого, второй в это время ныряет. Выныривает он далеко за пределами выстрела и взмывает вверх. И такое бывает: два ружья, а взял из двух сидевших рядом одну дичину.

Раз за разом в сорока метрах прошли несколько стаяк. Дуплечу, утки, выпадая из табунков, с лета резко ударяются о воду. Несколько штук снова уходят на подранков. Оно и понятно. Дробь в патронах – самолитка хвостатая. Убойность – на 30-40 метров.

И все же на проливе между островом и берегом видны повсюду сбитые утки. Есть они и в чучелах и за чучелами ближе к камышу. Легкий ветерок относит их в сторону берега, и я легко соберу дичь по окончании охоты. Правда, гоголи и чернедь хохлатая, падая в воду, переворачиваются, как всегда, вверх брюшком. Их ярко-белое оперение отпугивает некоторых пролетающих уток, но выезжать и подбирать мне дичь некогда. Бесперывно идет стрельба.

Но вот лет прекратился, я встаю в лодке на ноги и осматриваю озеро. Ветер постепенно усиливается. Снова сажусь в лодку на весла, что положены поперек борта. Так удобно. Пью чай с бутербродами. Чуть слышно, со стороны деревни Заозерная донеслось около десятка выстрелов подряд. Смотрю на часы: половина одиннадцатого. «Долго же вы спали, охотнички», – с усмешкой думаю про себя и оборачиваюсь на шум крыльев. Со стороны Заозерной, стая за стаей, потянулась утка криковых пород: шилохвость, свиязи, соксаны, серяк. Утки этой породы уже отошли на юг, остались лишь небольшие табунки, которые почему-то собрались на тех водоемах.

Стайка шла высоко, через центр озера, напроход. Вот два белобрюхих свиязи снизились, подвернули к моим чучелам. Дуплечу, сбиваю обоих. Со стороны берега налетела шилохвостая, поздно замечаю. Навскидку в угон первым выстрелом перебиваю крыло. Птица старается тянуть дальше, но второй выстрел обрывает ее полет. И она по инерции падает метров за сто.

Из-за камыша с центра озера низко вырывается стайка красноголовиков, опять «навскидку» вставляю ружье, без поводка делаю два выстрела. Первая утка падает сразу за чучелами с такой силой, что взмывается столб брызг. Вот так скорость полета. Второй чернядь протянул на сорок метров дальше, оборвался вниз и воткнулся в плотную ряску. Да, навыки мастерской стрельбы позволяют автоматически ловить цель.

Несколько стаяк на середине озера поднялись и стали уходить в высь, осталась сидеть только черная цепочка из лысух. И здесь я увидел лодку Ивана Владимировича, направлявшегося к моему островку. Греб он мощно и через десять минут был рядом со мной. Ругая себя, что остался у пристани и потерял такое хорошее утро, он закурил сам и предложил мне. Я не курящий, но на охоте закуриваю. Посидели, выпили чаю.

Уже одиннадцать часов. На озере – тишина. Высоко в небе появились две стайки хохлатой чернеди, они спикировали на центр и подсели к лысухам.

– Видать, пришли с Тениса, на такой высоте, – прокомментировал дядька, и тут, как по заказу, разворачиваясь над чучелами, пронесся одинокий чернедь.

Я стреляю, птица красиво по виражу падает вниз. Смотрю на дядьку, он даже и ружья в руки не успел взять.

– Ладно, Иван Владимирович, я поехал собирать убитых уток, а ты заступай на вахту.

С этими словами я вылез из скрадка и поплыл, разминая затекшее тело. Через полчаса, собрав 57 уток, разложив их в корме и носовой части вверх брюшками, я возвратился к дядьке. Пока я ездил, он стрелял дважды и то очень далеко. Даже подсадная давно перестала кричать.

Увидев доверху нагруженную дичью мою лодку, Иван снова нахмурился, выплыл из скрадка и начал помогать собирать мои чучела. Пока мы неторопливо сматывали поводки чучел, подплыл Владимир. Громко ругая себя, показал целлофановый мешок, в котором лежала гора гильз.

– Настрелялся, аж плечо болит, скобой разбил ладонь, из пальца вот кровь идет, – жаловался нам начинающий охотник.

– А сколько взял? – спросил его дядька.

– Да всего 16 штук, а подранков отпустил еще больше, – виновато оправдывался Владимир.

– Это еще хорошо, я взял всего четыре штуки, охранял все утро машины и пристань. В мою сторону птица и не летела...

Иван Владимирович снял с головы шляпу, опустил ладонь за борт в воду, расчесал пятерней волосы. Немного посидел, надел шляпу.

Подсадные, моя и Владимира, обрадованные встречей, раскрякались на все озеро. Я посадил свою в корзину, он затолкнул в мешок.

– Надо будет Геннадию пяток уток отдать за подсадных. Кричали они старательно на всю округу, иначе бы к вам не валила так птица табунами, – шутя, улыбаясь, говорил нам дядька.

Наверное, его успокоило, что Владимир, расстрелявший полмешка патронов, всего-то и взял полтора десятка дичи.

Иван Владимирович первым, а мы за ним, поплыли через озеро в направлении пристани. Я уже думал о горячей свежей ухе.

27. В КРАЮ ОЗЁР

ДОРОГА К ОЗЕРУ

Гулким шагом в стыллой тишине
на лесной дороге след впечатан.
У межи кричат перепелята.
Рядом коршун кружит в вышине.
Вдоль болотца, в колее, вода
отливает чистой стальною.
Точечкой плывущей, золотою
светится в ней поздняя звезда.

НА ЧАНАХ

Озеро в тумане тонет,
стынет синяя вода.
Выпь в болоте тихо стонет,
вздрагивают невода.
Всплеск, круги – то рыба в сети
попадая, бьёт хвостом.
... У костра я не заметил:
ночь ушла, светло кругом.

НА БЕРЕГУ ОЗЕРА

Завешены зелёным хмелем окна,
и облепила дремлет у ворот.
От зноя день затих. Плывут
волокну прозрачных облаков.
А высь – поёт!
В ней – жаворонка голосок бес-
печный,
в ней – грусти журавлиной оклик
вечный.

В ЗАОЗЁРНОЙ СТОРОНЕ

Вновь пришла седая осень.
Тёплую постель забросив,
сплю я сладко на охоте
то в палатке, то в копне,
то в избушке допотопной
в глухоманной стороне.

Клюкву ем, варю ушицу,
чай с душичкой на ночь пью.
Крепко сплю – и часто снится
как я в облаках парю...

ЛУННЫЙ СВЕТ

В небе меж тучками вышла луна
и осветила речушку до дна:
белые рыбки неслышно
скользят...
блеклые травы задумчиво спят...
Грустные листья поникших берез
в капельках светлых мерцающих
рос...
Снежные совы к поляне летят,
белые мыши у норок сидят.
В белой, хрустящей одежде
я сам...
Всюду бело- даже больно глазам.

ОЗЕРО ЧЕРТАЙЛЫ

Таёжное озеро – старицы ветвь.
У берега – лодки,
на вешалах – сеть.
Кувшинок цветы, зелень ряски
в воде,
гагары на лавде пригнулись
в гнезде.
Тревожные чайки над синью
кричат...
Гребу на рыбалку,
мой светится взгляд.
Сквозь толщу воды
различаю язёй –
метровые щуки на дне средь
корней!
А рядом вдоль берега кедры
шумят –
красив величавый зелёный
наряд.

ГИБЛОЕ МЕСТО

Расскажу Вам повесть – быть
про урман, где в детстве был:
... За сосновыми лесами,
где есть клюква по рямам,
где безлунными ночами
воют волки в души нам –
на займке вчетвером
сено косим и гребём.
Два мальчика, два старика –
мы копним, вершим стога!..
Впереди лежит болото,
там в ряжке есть озерко.
Поразьело майки потом,
нам с Ванюшей нелегко.
Очень хочется помыться
в озерке, да и напиться.
А дедам хоть что – кряхтят,

нам купаться не велят.
Говорят: там не вода,
а сплошная тина...
Видели, как лось туда
шаганул – и сгинул.
И пошел, пошел ко дну –
грязь его всосала...
Не один он утонул –
всяко здесь бывало.
Эти гиблые места
кляли старожилы.
Утверждали: не спроста
черти здесь селились.
Раньше жили две семьи,
год назад – исчезли.
А зимою полыньи
все открыты бездной.
Паром дышит озерко –
сотни в нём промоин,
Нет в них дна. Так глубоко.
Подходить не стоит.
... Вот такое нам деды
с Ваней рассказали...
Много раз у той воды
с ним потом стояли.
Не вода, а вонь и грязь
булькала, вздыхала...
Тычка, что у нас нашлась,
дна не доставала.
По ночам во тьме сычи
плакали, стонали.
Чудилось: как кто кричит?..
Мы тревожно спали.

озеро Поварня

ДОЖДЬ ТРЕТЬИ СУТКИ ЛЬЁТ

В полях полёг созревший хлеб,
в ухабах грязная дорога...
Весь транспорт стал...
Лишь скрип телег
там, за кустарником, у лога.
Дождь третьи сутки льёт и льёт,
грядой плывут по-небу тучи.
Деревня просит, молит, ждёт –
хотя бы ветер, малый лучик.
Чернеет в копнах кошара,
а бурая вода ручьями
журчит... По радио вчера
снег повсеместно обещали...
... С ружьём с охоты я бреду
и чую близкую беду.

М. А. Ларину

ПОГОНЯ

Под корнями березы,
поваленной ветром,
в логове тихом средь

темных трущоб
спят волчата, дыханьем
согретые.

Но привстал волчица,
наморщив лоб.

Слышен лай, голоса,
лошадиные всхрапы...

И все ближе и ближе топот
и визг,

заскулили волчата,
царапаясь лапами,
за волчицей к реке
припустили вниз.

И вдоль вязкого берега
узким проходом,
среди коряг ивняка,
камышами ползут...

Голоса, лай собак позади
стихли вроде.

Вот и брод – и по речке
всей стаей плывут.

ОХОТА С ПОДХОДА

Жнивье да скирды...

Кончилась страда.

Чернеет пашня влажными
пластами,

и медленно в загон бредут
стада,

и резкий ветер свищет над
кустами.

Прохладно так... А чибис,
как шальной,

взлетел – и кувыркается,
смеется...

Вхожу в кочкарник, и
прижав рукой

приклад, все жду: а вдруг
крякаш взметнется...

НА РАЗВАЛИНАХ

Деревни нет... Есть три избы
полуразрушенных, без окон...

да два пролета городьбы...
да с края – тополь невысокий...

Родные веси! – с дядькой нам
всё хочется сюда упрямо...

– Вот снова здесь – по сторонам
обломки кирпича да ямы.

Где скотный двор был – там
холмы

стоят, поросшие бурьяном...

... Глаза прикрыл я – вновь из
тьмы

всё возвращается обманом:
собак примчались голоса...

и женский крик ворвался в
ветви...

и кони в поле у овса

заржали... рассмеялись дети...

Старик на лавочке в тени,
пуская дым из самокрутки,

напомнил мне былые дни,
что в памяти остались смутно.

Вот женщина прошла легко,
к груди ребёнка прижимая...

... Глаза открыл я – далеко
всё растворилось, исчезая.

Музыку осени в ветках берез
слушаю с трепетом.

Запах полынный, горький
до слез,

выплеснут ветрами.

Листья, сорвавшись,

под ноги летят,

полуживые,

но почему же печалят мой взгляд
дни золотые?

Золото! Золото!

Осени клад
выстлал дорожки...

Но почему же себе я не рад,
что так тревожно?

Долго по лесу кружу я
и пью

чудные запахи,

ветки деревьев зовут и поют
музыкой Баховой!

В небе бескрайнем

по ветру скользят

белые стаи,

музыкой вечной крики летят,
нас настигая!

Живу не так,

как сам хочу,

и в том нелепость!

Зажечь бы надобно свечу –
гляжу так слепо.

Я не любил всегда людей
с лицом под маской,

и близких я

забыл друзей

и чьи-то ласки.

И часто говорю не то,

иду с оглядкой,

скрываюсь, я – инкогнито,

играю в прятки.

А как хотелось б дорожить
своим талантом!

Зачем в себе мне тайно жить,
как эмигранту?

Душа изныла, тяжело ей...

Из заточенья кричу себя я:

«Дуралей, к чему терпенье?..»

Кричу: «Холопом сколько быть
под небом вольным?

Пора и честью дорожить,

и жить достойно».

МОЖЕТ БЫТЬ

Я в полях навек останусь,
растворюсь в них, как в
раю.

Утром из тумана встану

и откликнусь журавлю.

Или на лесной опушке

васильком на вас взгляну.

Может, голосом кукушки
о забытом намекну...

Ну, а может, в час ночной
загорюсь вверху звездой

28. СУЩНОСТЬ ПОЭЗИИ

О ТВОРЧЕСТВЕ

Прочитав письмо сестры, я одновременно и расстроился, и в то же время снова почувствовал огромную нежность и близость к родственной душе, от которой удален на тысячи километров. Стал просматривать свои книги, находя и вспоминая многие серьезные и смешные истории нашего детства в родной Старосолдатке: «Еще ночами холода и легкая метель...», «Свежо...Небес голубизна вновь обещает день погожий», «На пролете птичья стая к озеру спустилась утром...», «Оранжевое в синем над плесом занялось...», « В полнеба разлилась заря, и лес звенит от пробужденья...» и др.

Я люблю писать короткие стихи из 8-4 строк. Часто чужие стихи запоминаю по одному четверостишию или даже по одной, но главной, строчке. Могу иногда идти по лесной дорожке и бесперечь цитировать разных поэтов, создавая этим определенный творческий настрой.

*« О, я хочу безумно жить,
все сущее – увековечить,
безличное – вочеловечить,
несбывшееся – воплотить...».*
А. Блок

*« Нас и били, и крыли,
ты ж Россия – одна,
как подводные крылья,
направляешь меня...».*
А. Вознесенский.

« Я буду скакать по холмам задремавшей Отчизны...».
Н. Рубцов

*« На земле безжалостно маленькой
жил да был человек маленький...»*

*Какое это чудо – человек!...
Какая это мерзость – человек!...».*
Р. Рождественский

*«И я думаю грешный:
кем же в жизни я был,
что я в жизни поспешной
больше жизни любил.
А любил я Россию
всею кровью, хребтом,
ее реки в разливе,
и когда – подо льдом...».*
Е. Евтушенко

*« Веленью Божьему, о муза, будь послушна.
Обиды не страшась, не требуя венца,
хвалу и клевету приемли равнодушно
и не оспаривай глупца...».*
А. Пушкин

*« Цель творчества – самоотдача,
а не шумиха, не успех.
Позорно, ничего не знача,
быть притчей на устах у всех...».*
Б. Пастернак

*« Теперь, когда бессонно по ночам,
я простыню коленями горбачу,
и мучаюсь в раздумье я, и плачу,
что жизнь растратил я по мелочам...»*
Е. Евтушенко

Не люблю читать длинные вирши, где может быть много разных изяществ и красот, но зачастую отсутствуют мысли и правда чувств.

*« Дрова – как будто бы сухи,
но не пылает печка.
Стихи – как будто бы стихи,
да правды – ни словечка.
Я устаю от той игры,
от горького секрета.
Как будто еду до поры
в вагоне без билета...».*
А. Твардовский

Еще хуже, если стихи надуманные, неестественные, не-реальные.

*« Я не люблю абстрактного искусства,
оно подобно жареной воде...
Мне нужен хлеб, квашеная капуста...
Мне жизнь нужна, замешанная густо –
где рвутся всходы в каждой борозде...».*
Н. Грибачев

Когда-то я, делая первые шаги в творчестве, написал на чистом листе одну строчку-клятву: «Писать всегда одну Правду и только – Правду». Всегда ли этот жизненный принцип оказывался в моем творчестве верным, трудно судить. Вот замечательный поэт Тимофей Белозеров уходил иногда от действительности, от бытовых деталей. Смело фантазировал, придумывал необычное, создавая удивительные, сказочные образы в своих стихах и поэмах для детей и подростков. Так что, в принципе, творчество должно быть многоплановым, индивидуальным и не ограниченным никакими рамками. Надо, как утверждал в свое время Владимир Маяковский: «Побольше поэтов, хороших и разных...».

Понимая разумом все эти истины, все-таки придерживаюсь только своих убеждений и пишу всегда достоверно, конкретно по жизненным фактам. И по-прежнему считаю это главной линией, чертой своего творчества. Кто на чем стоит – пусть так и будет. Пусть каждый доказывает свою правоту делом.

Бред вдохновения?

(Отрывок из разговора с молодым кандидатом исторических наук)

И здесь, неожиданно для меня (наверное, и для себя тоже, – как я заметил потом по его покрасневшему лицу) мой собеседник высокомерно выпалил:

– И Вы, и подобные литераторы, пишете об истории всякий бред. Почему, для чего – непонятно. «Такой бред наносит только вред», – по ходу срифмовал молодой ученый-историк.

Я на какое-то время замешкался, ошарашенный бестактностью, а точнее, – наглостью, снобизмом и даже цинизмом юного кандидата наук. И подумал: *«Вот еще птенчик – воробушек, а как воинственно чирикает. А что будет, когда дорастет до доктора исторических наук. А чувствуется, что он способный, энергичный, пробиивной юноша, который в жизни добьется своего. Не мытьем – так катаньем».*

Смутившись, я непроизвольно ответил.

– Ну, и нахальны же Вы, молодой человек. Признаться, не ожидал от вас такого хамства...

Я встал и направился из кабинета к выходу здания, а молодой ученый, сопровождая меня, что-то невнятно бормоча, начал извиняться за свою оплошность.

– Вырвалось это оскорбительное слово «бред» у меня случайно. Хотел по-иному выразить мысль, а слов нужных не нашел. Так, Вы уж простите меня за грубое сравнение...

Выйдя из здания, мы остановились на крыльце. Я решил прочитать маленькую лекцию «всезнающему» кандидату исторических наук. И произнес длинный монолог.

«..Поймите, слово бред – для меня обозначает высшее творческое состояние. Так сказать, вдохновение на грани фантастики и психического срыва. А еще – в преклонном возрасте, в общих чертах, мне больше, чем Вам, знакома история прошлого и сегодняшнего времени. Вы – археолог, уже немного покопались в курганах, вскрывали могилы с останками людей, разгребали древние кострища, где собирали черепки от горшков и другой домашней утвари. Подобных экспонатов только в Омском историко-краеведческом музее более ста тысяч. Я Вас просил написать в мою книгу, в раздел «Приложения», ваши живые ощущения, когда археологи вновь возвращают нам далекое прошлое. Но у Вас на это не хватило воображения, фантазии. Нужно ведь мысленно снова увидеть целыми горшки, воскресить на время в памяти тех людей, что жили когда-то до нас. Вы не смогли написать это. У вас нет воображения, которым обладают литераторы и поэты. Вот потому-то и я пишу исторические книги.

А различные экспонаты, которые Вы собираете, я видел не только в Омске, но и по всей стране. Мне в прошлые годы пришлось много ездить по нашей Матушке – России. Был в Крыму в пещерах и на Малаховом кургане, в Киево-Печорской Лавре и во многих древних церквях и монастырях. Внимательно разглядывал в 1952г. остатки дотов и дзотов на Пулковских высотах в Ленинграде и там же посетил Петродворец, Пушкино, Гатчину и другие исторические места. И после многих посещений писал стихи – «Малахов курган», «В Пулковской обсерватории», «В Пушкине», – как бы воскрешая, оживляя картины прошлого.

Так что историю, в ее главных проявлениях, я знаю не меньше Вашего. А теперь – конкретно о бреде.

Да, в словарных справочниках это слово представлено в двух смысловых понятиях. Первое – когда человек не знает толком, о чем говорит, а потому речь его выглядит вздорной, запутанной, как у психически больного человека. Второе определение – более четкое, в котором видится огромное желание сказать что-то особо важное, выразить самое сокровенное, чего еще не удавалось сделать другим (оно как бы раскрывает суть первого). Это когда, скажем, музыкант, художник, поэт и другие люди творческого склада, в один из своих самых ярких вдохновенных порывов, находятся на грани срыва, безумия. Да и не только люди творческого труда, но и простые люди, когда они не спят и не едят, а только думают бесконечно о чем-то дорогом, тайном. О них часто говорят: «Он бредит охотой», «Он бредит футболом», «бредит своим городом», «бредит своей невестой» и т.д.

Например: при создании своей гениальной работы «Демон» знаменитый омский художник Михаил Врубель повторил этот образ в многочисленных вариантах. Работал до изнеможения, до полного истощения физических и душевных сил. Очевидцы того времени отмечали, что иногда в те дни он доходил до умопомешательства. Прочитав об этом, я написал стих «Демон», и в нем мои последние строки – о бесконечности совершенства:

<i>«... Демон красив, величав и силен, Демон – античные Боги!.. Врубелю мало: мечтой озарен, плечи уставшие горбит.</i>	<i>Лепит без отдыха, лепит без сна юношу – дивную сказку ... Сходит с ума – а душа так ясна. Демон навеки прекрасен!».</i>
---	--

Поэт Хлебников, при написании своих стихов, постоянно находился на грани психологических срывов. Не хочу перечислять еще факты того же порядка у известных музыкантов, актеров, литераторов. Лучшее доказательство – свое творчество. Насколько подобные мои образы значительны, не могу утверждать, но во многих стихах у меня просматриваются черточки наивысшего вдохновения. Например:

*« ... Я – болен, я – безволен...
Я вечно чем-то недоволен.
Как объяснить, как разгадать,
как самого себя понять?...»*

В обостренных мыслях и образах яснее просматриваются творческие позиции любого автора. У меня есть:

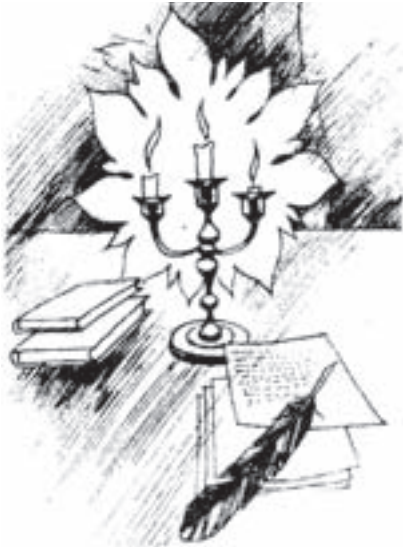
<i>...Иному самоутверждение: семья, работа да доход... А я порой до униженья растрачиваюсь, словно мот... Стихи! – они, как на пожарище,</i>	<i>горят во мне... Душа – в огне!.. Один я! – нет друзей, товарищей. ... И ничего не жалко мне.</i>
--	---

И вот еще строчки из моих же стихов, как точное доказательство присутствия творческого бреда.

<i>«... Каждый по своему сходит с ума, каждому – светлая доля!».</i>	<i>.....или – «... Схожу понемногу с ума, светлею в рассветном шоне...».</i>
--	--

Здесь я прервался, чувствуя, что уже достаточно высказался на реплику о бреде, да и мой юный кандидат наук понял, что я простил его и одновременно оправдал незнание им простых истин.

28. ИСТОКИ ПОЭЗИИ

Е.Е. Чащину

Я спрашиваю у себя:
 “За что люблю поэзию,
 за что, так многое терпя,
 в нее, как в дебри, лезу я?..”
 Вновь за ответом прихожу
 в край, что всего дороже,
 в край детства,
 где во снах брожу
 без тропок, без дорожек.
 Тот край я знаю наизусть,
 ему мечтой обязан,
 он для меня и дом,
 и Русь!
 Я с ним навеки связан.
 Был горек он от вдовьих слез
 в дверях военкоматов,
 я беспризорным в поле рос –
 мать в том не виновата.
 Я драл подошвы по лесам,
 в озерах умывался,
 как сказке, веря чудесам,
 с которыми встречался.
 Лес вел мне точный календарь,
 луга цветы дарили,
 мне песни пел свои глухарь,
 сверчки во тьме светили.
 Там в первый раз подслушал я
 шептанье трав и листьев
 и подсмотрел, как у ручья
 мышата зубы чистят.
 А как завидовал птенцам,
 поднявшимся на крылья!..
 – Да, в том краю, конечно там,
 свой первый стих открыл я.

ДА, Я – ОДИН

Я избегаю творческих дискуссий,
 я не был членом СП и литгрупп...
 И не вхожу на паперть к Иисусу,
 и не хвалюсь,
 что есть особый друг.

Да, я один – какие могут школы
 зажечь в душе таинственный огонь?
 Я перед совестью своею голым
 всегда стою...
 Других прошу: не тронь!
 Отвечу за грехи свои, коль надо,
 и кровью!..
 Только, Боже упаси,
 зачем признания мне и награды?
 Я это делал для святой Руси!
 Я это делал исподволь,
 невольно –
 для тайных чувств судьбы на свете
 нет!
 Хотя и мне бывает очень больно
 от множества непонятых мной бед.
 Так жизнь устроена,
 что мало солнца иному –
 и не радует весна,
 когда в душе порой угрюмо,
 сонно... О, муза!
 Мукой грешным ты дана!

О ВЕЧНОМ

Долдонят мне друзья кругом:
 “Стихи про космос?!”
 То – навечно!..
 Я соглашаюсь... Но молчком
 пишу о самом о простом –
 о теплоте сердечной.
 О, звезды, звезды?! Славят вас,
 но жизнь бы враз померкла
 без света добрых, милых глаз,
 без любящего сердца.
 Пусть небо в тучах, солнца нет,
 но не пугает вечер,
 когда пишу, как дорог свет
 любви,
 и как он вечен.

Неужели

напрасны слезы мои,
 когда, стихами измучен,
 слышу, как ручейки крови,
 отзвенеv, затихают в излучинах...
 Я шагаю по тихой поляне
 Предосеннего теплого дня –
 пусть надежда на счастье
 обманет,
 только радость вселилась в меня!
 С ней светлей
 пожелтевшие травы,
 ярче поздние в росах цветы!
 Пусть стихи мою душу оправят
 цветом,
 жаром такой красоты!
 Пусть от запахов сердце заноеv,
 защемит сладким чувством
 в груди...
 Словно август, я хмелем настоян,
 не пугают ни хмарь,
 ни дожди!

Кружатся жернова
 под ночным колпаком,
 не зерно, а слова
 засыпаю тайком!
 Что-то там перемелется,
 не горчит ли мука?..
 У меня ль, у Емелюшки,
 белый дым у виска?..
 В облаках высеивается
 и не дождь, и не снег.
 – С чем же ты приближаешься,
 Двадцать первый век?!
 ...Вихрь над древнею мельницей
 взмыл,
 как атомный взрыв!
 Целый мир перемелется,
 кто останется жив?..
 Кружатся жернова –
 мы играем с огнем,
 как полова, слова,
 если в чем-то солжем!
 От полыни, от хмелюшка
 боль сквозит у виска...
 – Только в лучшее верится
 на года, на века!

Что хотелось, то и пелось
 просто так, вполголоса...
 Не заметил: прошла зрелость,
 серебрятся волосы!
 Не хочу я краснословить,
 воду в душу лить –
 от частушек и пословиц
 путь мне свой торить.
 В свой талант пора поверить,
 пусть мне не везло,
 но зачем за плотной дверью
 прятать барахло?
 Брошу все! Пойду по миру,
 ноги в кровь соблю,
 обрасту... Святой и сирый,
 песнь свою спою!

ВОЗМУЖАНИЕ

*В.А. Макарову
другу-поэту*

Набитая рука...
 Отточенное слово...
 И рифма – так звонка!
 И ритм – душой взволнован!
 В стихию без прикрас
 стремись,
 как в храм господний.
 Люби, как в первый раз,
 в полста – ничто не поздно!
 Склоняясь головой
 пред звездами ревниво,
 в стихах Россию пой
 без позолоты лиживой!..
 Как молнии, строку
 пронзают биотоки.

Пусть жизнь невоготу –
придут иные сроки!.

Да, каждый день, подаренный
судьбой,
уходит в сумрак, к звездам
отдаленным...
Работа на износ –
борьба с собой,
и на душе – как в роще
оголенной.
Средь седины пролысины
видны,
и тени под глазами,
боли в сердце...
Страничкой улетают мои дни,
и все труднее радостью
согреться.

ДВЕ ОТРАВЫ...

Две отравы: стихи и вино,
две старинные, сладкие боли
мне завещаны были давно
прадедом из моей родословной.
Пусть душой молодею на час –
никуда мне не деться от страсти.
Вновь бросаюсь я всякий раз,
словно в омут, в их пламень пре-
красный!..
Две отравы: стихи да вино –
а иного мне не суждено.

ТВОРЧЕСТВО

Погружённый опять в созидание,
дивные созываю слова...
А они не идут – с состраданием
смотрит в окна небес синева.
Скомкал листики, бросил в корзину,
одеваю скорей башмаки –
и дорожкой любимой, старинной
через рощу спешу до реки.
Вышел к берегу...
Чайки взлетают,
вдаль стремятся разлив
Иртыша...
Из воды острова прорастают –
и невольно очнулась душа.
И любуясь, как пойма лучится,
вижу лодку и взмахи весла...
Половодьем стремнина искрится,
лёд последний на Север неся...
... Зеленеют, шумят острова –
в них волшебные слышу слова.

Чудак, напрасно время трачу,
жгу чувства лучшие свои...
Пусть, я – никто...
Зачем же прячусь –
ведь мне пропели соловьи?!
Стихи созвучны с шумом моря,
когда штормит – и что мне ритм,
с самим с собою часто в споре –
в моей груди огонь горит?
Стихи живы не яркой рифмой,
и даже мысль, порой, не в счёт.

И даже голос, может, хриплый –
СТИХИ – когда душа поёт!..
... А ею – человек живёт!!.

УСТАЛОСТЬ

Рано лист рябины вянет, –
слишком резки холода...
От тумана ли устану,
иль озябну ото льда?!
Но стихи я не заброшу!
Выйдя в поле поутру,
душу с первой порошей
в них развею на ветру.

ТАКИМ ОСТАНУСЬ

Я – независим! Так должно –
останусь прежним.
Наивен – пусть!?.
Но всё равно:
в мечтах – железный!
И мне начхать на весь абсурд
и кривотолки.
Общественный не страшен суд
в насмешках колких.
Я сплетни слышу за спиной,
и желчь, и бредни...
Такой останусь: гордый, злой –
из могикан последний!
Дилеммы нет мне:
«Быть – не быть?!»
Живём однажды...
И новый день спешу дарить
себе, как праздник!

Тимофею Белозёрову

Тимофей Максимович, с вами
было радостно думать, дышать...
Понимаем мы только с годами
тех, кого нам пришлось потерять.
Я – дурачился, я – каламбурил,
над тобой насмеялся не раз.
Это было немножко от дури,
от лихачества – напоказ!
Уважая твой дар в поэзии,
и твою неумную страсть –
почему же порою невежливо
я старался тебя исказить.
И теперь вечерами тоскую,
вспоминая, как близок ты был
очень многим – к себе их ревнуя,
понимаю: тебя я – любил!!

ПОЭЗИЯ

Не счастье теперь поэтов,
играющих стихом:
тот – фокусник со светом,
тот – в крике, петухом!..
Порой сильнее грома,
как молнии лихи,
врываясь в мир огромный,
теряются стихи.
Слова их сладковатые,
подкрашенные хной,

смешно замысловатые
встают горюн-травой!
Зачем мне позолота,
узоров кружева?
Поэзия без пота
и крови, – не жива!
С мольбой шепчу: «Поэзия,
тернист твой, труден путь,
порой идешь по лезвию –
ты знаешь боль и грусть!
Бесхитростною строчкою
приди ко мне, приди...
и непроглядной ночью
раздумья освети!..».

Жестокий май!..
В сорок четвёртом
погиб отец, цвела сирень.
И ныне давней грустью светит
тот солнечный весенний день
... Мои стихи –
мои дороги!
Из них не выбросить
теперь
раздумий и сомнений
многих,
как память горькую за
дверь.
Как есть –
таким мир принимаю:
едины “радость – боль”,
“свет – мрак”.
Иду всю жизнь
навстречу Маю
и не могу прийти никак.
И обелиски,
монументы
отчетливей весной
видны,
мне не вплетать цветные
ленты
венками в праздничные
дни.
Признаюсь –
по душе мне осень
за скромность,
хмельную красу,
но если откровенно
спросят –
я в детстве потерял
весну.

О, я хочу, преодолевая тленность,
увекочить дух,
вложить в мечты
несбывшееся,
чтоб над плотью брэнной
всегда сияло чудо красоты!
Обожествить все таинства
Природы,
очеловечить лик земли родной...
О, как хочу
прийти к вам через годы
строкою
с искреннею добротой!

29. ОХОТНИЧЬИ ЗОРИ

ДЕСЯТИЛЕТНИЙ ОХОТНИК

Лай дальний слышен от деревни,
вдали мигают огоньки...
Меня пугают меж деревьев
не то зверьё, не то пеньки.
Слетает тяжестью на плечи
такой пушистый, первый снег.
Я голоден. Огни далече.
И клонит в сон усталость век...

НОЧНАЯ КОПНА

Меня застала ночь в лесу...
Залез в копёшку сена,
согревшись, сразу же уснул.
И выпался отменно.
Проснулся: темень под плащом,
у ног мышшь шелестела,
ночная птица за кустом
светло о чём-то пела.
Вот где-то вскрикнула сова,
ей кряква отозвалась...
Плащ приоткрыл – вдали едва
зарёй высь освещалась.
Светлело небо...
А вокруг
в росе луга искрились –
как будто звёзды с неба вдруг
на травы опустились!

ПЕРВЫЙ ВЫСТРЕЛ

Небо тонкой полоской зарится,
кромкой плёса пронёсся чирок...
Гладь озёрная смутно искрится...
Выпрыгнул из воды окунёк.
В камыше кто-то булькнул? –
Ондатра,
да, конечно – там хатка видна...
Первый выстрел по займищу
трахнул –
раскололась вблизи тишина.
Стайка чернядей мчитя со свистом,
вслед им кряква призывно кричит...
Розовеет восток светло-чистый.
... Ствол ружья повлажнел
и блестит...

ВОЗВРАЩЕНИЕ С ОХОТЫ

Злой, голодный и полужаросший –
возвращаюсь из лесной глуши...
Словно гость, полночный и
непрощенный,
у дверей избы стою в тиши.
Мать на стук любила отзываться,
и дверной засов враз открывать...
А теперь тоскливо возвращаться.
Некому меня уже встречать.

МОЙ ПУТЬ – НА ОЗЁРА!

Отстали, исчезли огни городские...
Мой путь на озёра, в леса!..
О, душевные скверы, заботы мирские –
и в дымах сплошных небеса?!
От вас убегаю...
Дремучие дали
с туманом, с кострами зовут.
Там нету насмешек, разборок,
скандалов.
Там звёзды в сны тайно сойдут.

РАДОСТНО МНЕ

Лодка-казанка скользит в камыше
быстрой, огромною щукой...
Гильзы латунные в патронташе
светят обоймою тускло.
Тулка – двустволка блестит на корме,
рюкзак с чучелами, ряжовка...
Волны бегут, пропадая во мгле...
Правлю шестом со сноровкой.
Тоненький месяц плывёт по волне,
лучиком переливаясь.
Тихо вокруг...
То-то радостно мне...
Я в темноту улыбаюсь.

НА ВЕСЕННЕЙ ОХОТЕ

Утро майское разлилось
под лучами солнца,
дымкой озеро покрылось,
затихая сонно.
Камыши в воде – бездвижны,
а пары – всё гуще.
Я в плену у белой жизни
миражей плывущих.
Стайки уток надо мной
просвистели низко,
но покрыто небо мглой –
слышу только свисты.
Рядом острова плывут,
миг – и исчезают...
Рыбы всплеск... растаял круг...
В белизне – витаю...
Явь ли это, или сон!?
Может сказка злая?..
И немного обозлён:
вроде, чушь какая...
Дышит воздух горячо,
солнце жжёт до пота!..
... И кладу в чехол ружьё –
кончена охота.

ТЫ – ИСЦЕЛЕНИЕ МОЁ

Вновь горечи мои, обиды –
как искры, гаснут на ветру.

Знакомый лес – моя обитель,
я голову клоню к костру.
Полночный вздох!..
– В нём запах тонкий
травы осенней, камыша...
Крик одинокой перепёлки...
Туман холодный с Иртыша...
Мне утешенье и отрада:
палатка, лодка да ружьё.
... Охота! – большего не надо,
ты – исцеление моё!

ВОЛЧИЙ ВОЙ

Ночь... Луна...
Хруст морозный, печальный,
на снегу – лап огромных следы...
Волчий вой от болотины дальней
наплывает в просвет городьбы.
Под навесом скотина в сарайке,
пар над крышею дымкой встаёт...
... И Мурзилка, отменная лайка,
чуть скулит и хозяина ждёт.
Ждёт, когда из избы выйдет он
и с берданкой, уже не впервые,
обойдёт сеновал и пригон,
слушая волчьих стай позывные...

КОРМУШКИ

Дед сказал мне:
«Внучек, слушай,
нынче лютая зима,
понесём мы в лес кормушки –
птицам там кормов нема».
Положили мы в кормушки
зёрна, хлебные горбушки...

ДРОБОВИК

Дробовик 10-го калибра
(шомпольное, древнее ружьё
на пристенке затаилось
хитро).
Это дедовское – не моё.
Он тяжёлый, длинный,
неприкладист,
а отдача – что не устоишь.
Для стрельбы рогатину дед
ладит,
если стрелишь – стаю всю
сразишь...
У меня же – лёгкая берданка,
и калибр всего лишь –
тридцать два..
Вытертый затвор...
Я спозаранку
в лес иду, на ток, к тетеревам.
Заряжу патрон с литою
дробью,
выстрел бахнет – дробь летит,
свистит...
Глажу я берданочку с
любовью,
если птица камнем вниз летит.
Мне и лет-то нынче только
десять –
но без дичи не хожу домой.
Вот сегодня – тетерев увесист.
Бережно держу его рукой.

Я держу его за шею крепко,
ноги волочит он по стерне:
ведь я ростом – меньше метра,
с кепкой,
но охотник – признанный
вполне.

В ОХОТНИЧЬЕЙ ИЗБУШКЕ
Проснулся, а в окнах – большая
луна...
Смотрю я вокруг оробело:
как днем... И, признаться, уже не до
сна.
А свет на стене – мертво-белый.
Струятся сквозь стекла потоком лучи,
и по полу стелят дорожки,
в причудливом блеске избушка
молчит...
Смотрю я вокруг осторожно.
И холодом веет, и боязно мне.
Я слышу дыханье и скрип в тишине.

СТАРАЯ СОСНА
Огонь прошел по ряму, обжигая
багульник, ели, даже влажный мох.
Курились ветки, тихо остывая,
но торф погаснуть до конца не смог.
И вот уж тлеет целую неделю –
и дым клубится белою куделью...
А на поляне, в стороне, сверкает
зеленой кроной старая сосна,
огонь к ней крался, искрами играя,
но обошел... Теперь стоит одна.
Смола слезой застыла на коре –
и каждый день она горит в заре.
д. Буслы

Охотничья
заветная тропа:
лесной рассвет
с полоской нежно-
алой,
грибной настой,
которым лес пропах,
ручей с осокой –
жесткой, полинялой.
Предутренняя сладостная тишь
и куропатки белые на кочках,
безоблачная зарева высь –
где спутника светящаяся точка!..
Охотничья
заветная тропа!

– Нет, не мирки,
миры летят навстречу
на крыльях птиц
и в легких облаках...
Мою ты
душу новизною лечишь!
Целебен воздух,
чист полей простор,
светла вода,
приветливы
дубравы!..
– Гори вовек,
охотничий костер,
не требуя ни денег
и ни славы!
...Уходит тихо к горизонту день,
палатка растворилась меж деревьев –
и светит мне в ночи трухлявый пенёк,
и льются песни за рекой,
в деревне!

ТАК СВЕТЛО
Так прохладно на зорьке,
светло!..
Облака растворились в просини,
лист пожухлый с деревьев снесло,
и открылись сквозные просеки!
Тянут клином на юг журавли,
и седая плывет паутина!..
Есть щемящее чувство любви,
когда роща тиха и пустынна.
Над водой поднимаю весло,
и срываются капельки-лучики!..
Так прозрачно –
что видно дно
на зеркальной
речной излуцине!
Даль светла,
широка,
высока!..
Над живьем светит
хмельная радуга!..
Пригорюнился стог у леска,
только жду я чего-то
– и радуюсь!?

Домик егеря.
Причал,
березняк, дорожки...
Нынче домик заскучал

*Лайка загнала зверька на дерево,
громко лает, зовёт к себе охотника*

брошенной сторожкой.
Но зато по выходным –
здесь столпотворенье:
«москвичи»,
«газоны»,
«зимы»
льнут к его строениям.
Полны комнаты гостей,
а сегодня – вторник...
Золотистых карасей
чищу я проворно.
Пес зевает у крыльца,
бабка моет сенцы.
Два зеленых деревца
напевают сердцу
тихий, радостный напев
на господней воле...
И дымок,
с трубы слетев,
улетает в поле.
Егерь где-то заплутал
в озере с сетями...
Вновь транзистор забренчал
музыкой, вестями.
Выключаю...
Вечер тих,
солнце красит воду
и звучит в ушах мотив
песенки народной.

НА ТРОПЕ
Закат догорает...
Я слушаю звуки
лесные в сосновом бору.
Иголки мне тычутся в тёплые руки,
я шишки в ладони беру.
Как пахнет смолою, озоном
и мхами –
как дышится грудью легко!
Сажусь на пенёк, в полутьме
отдыхаю –
идти мне ещё далеко.
В медвежьем логу
у затеряной речки
избушка давно меня ждёт,
и там из трубы
дым струится колечком –
охотник Федулыч чай пьёт.

ОСЕННЕЕ НЕБО
В белой дымке осеннее утро.
Первым инеем росы легли
и, сверкая, искрят перламутром...
Первый холод дохнул от земли.
Чёрный тетерев ветку качает
и серёжки неспешно клюёт,
а над озером с криками чаек
золотистое солнце встаёт.
И лучи, растекаясь несмело,
красят алостью воду, камыш...
Ставлю сети – приятное дело.
Светят плёсы, и в воздухе – тишь!

29. ОХОТНИЧЬИ ТРОПИНКИ

ТАЁЖНАЯ ОХОТА

Анатолий КАНУШИН – ОХОТНИК ТАЕЖНЫЙ

С Анатолием Михайловичем я знаком давно и вроде бы знаю его – и не знаю. Знаю как человека, садовода, председателя областной секции охотничьего собаководства, как охотника на водоплавающую дичь, а вот как таежного охотника – почти не знаю. Хотя он одним из первых выполняет договорные обязательства по сдаче пушнины и является победителем многих соревнований со своими таежными лайками. Я мало бывал в тайге и, когда мы встречаемся с ним, задаю ему массу вопросов о таежной охоте.

– Анатолий Михайлович, а много ли в Омской области профессиональных таежных охотников?

– Да как сказать, человек тридцать будет. В области три госпромхоза: Тевризский, Усть-Ишимский и Тарский – и два охотничье-промысловых участка: Седельниковский и Большеуковский. Очень известные охотники Ходарев Виктор, Федоренко Валентин.

– У нас в северных районах области много егерей, охотоведов, а они – кто?

– Эти люди работают в штате областного управления охотничьего хозяйства, и профессионалов среди них мало. Они в основном занимаются организацией охоты на местах. Хотя один из них – Червяковский

Виктор из Тарского госпромхоза – знаменитый охотник, таежный профессионал.

– А как давно вы стали таежным охотником?

– Я родился в 1939 году в Омске. Детство провел на берегу Иртыша, любил рыбалку, рано приобщился к охоте на уток. А в тайгу попал в 1963 году и сразу понял: вот она, настоящая охота! Охота на зверя в глухих местах, где не ступает нога человека, таит в себе непередаваемые словом ощущения первозданной природы, ее нетронутой красоты! Да пусть простят меня охотники-утятники, а их у нас огромная армия, но только на таежной охоте можно познать все величие Матери-Природы!

– Но таежная охота, как все говорят, очень трудная!

– Согласен. Мне за пятьдесят, выгляжу молодо, есть и силенка, но очень стали побаливать суставы рук, ног. Обращаюсь к врачам, а они говорят: профессиональная болезнь. Постоянные переохлаждения на морозе, ночи у костра или в холодной избушке, переходы по пояс в снегу по 100-200 километров – все это не проходит бесследно. Исходил я весь Север, был в Тюменской и Томской тайге, и везде в одиночестве. Такова судьба таежного охотника, а с внешним миром общаемся только по радию. Но что бы ни было – таежную охоту не променяю ни на что.

– Какие виды охоты для вас любимее?

– Больше всего мне сегодня нравится охота с лайками на соболя и белку. Охота на лосей, медведей и другое зверье – все это уже в прошлом.

– Анатолий Михайлович, вы инициатор создания базы натаски и нагонки собак. Как дела там?

– В Драгунские вольеры завезены медведи, белки и другие звери. Вольеры являются учебной базой общества охотников, здесь можно проводить и экскурсии, натаску собак на зверя и другое. Но сегодня общество охотников денег на нее не выделяет, и многие работы приостановлены. Мне за свой счет это тоже не под силу. Хотя у меня есть и хорошие ребята-единомышленники.

– Какое место в вашей жизни занимают собаки?

– Они со мной на охоте, на соревнованиях. Каждый день я провожу с ними 2-3 часа. Когда мне нездоровится или у меня плохое настроение, я с ними подолгу сижу, разговариваю, глажу их. Они мне смотрят в глаза, скулят, лизут руки. И мне становится сразу лучше, я обретаю душевную уверенность, становлюсь сильнее.

– Ваши любимые охотничьи места?

– Это участки бывшей охоты на речках Аю, Тегус на границе с Тюменской областью. Нравились уголья на речках Яголя и Полугарь. Сейчас охочусь на речке Еголя.

– На севере области есть бобровые заказники, вы там были?

– Да, я бывал во многих заказниках. Очень много бобров на реке Туй и ее притоках. Но и на моих охотугодьях всегда есть по 2-3 семьи бобров, которых я охраняю от возможных браконьеров.

– А что, даже в глухомани есть браконьеры?

– Сейчас при наличии разной техники, вертолетов появляются нехорошие люди и в тайге. Они следят за охотниками, когда те возвращаются с пушниной домой. Они уничтожают любую живность на охотничьих тропках. Правда, на моих участках таких людей не было. Если бы они появились, я бы был к ним беспощаден. Вообще-то в тайге чувствую себя в полной безопасности, не то что в городе. Находясь месяцами в тайге один на один с природой, я настолько проникаюсь доверием к зверям, птицам, что сам как бы становлюсь частицей тайги. Настоящий охотник – самый бережливый к природе из всех людей, вторгающихся в ее целомудренную жизнь.

ИСПОВЕДЬ ТАЕЖНОГО ОХОТНИКА

Беседа затянулась. Более часа сидим с Михалычем у него на квартире в небольшом кабинете. На сте-

нах развешено различное охотничье оружие: старинные дробовики, винтовки зарубежных и отечественных фирм, штуцеры, мелкашки, карабины. На отдельном ковре – ножи, кинжалы, сабли. А когда я входил сюда, в коридоре натолкнулся взором на чучела глухаря, белой куропатки, филина. Впечатлили огромные лосиные патлы, рога оленей, косуль.

Михалыч два дня назад как вернулся из тайги. И так-то здоровенный мужик, а еще и в пуховом свитере, он выглядит громадиной на фоне маленького дивана. Шкиперская борода, густые волосы с чуть заметной сединой, молодой взгляд, энергичные движения – ему никак не дашь за шестьдесят. Он совсем не похож на пенсионера.

Но сегодня ему явно не по себе: покашливает, чихает, нездоровым румянцем дает знать о себе температура. Под глазами полукругами – темные отеки. Тем не менее, донимаю его вопросами, надеясь тем самым не только заполучить интервью, но и отвлечь его от недомогания.

– Михалыч, мы с тобой прежде больше говорили о том, как ты удачно поохотился, о встречах с разными людьми, о красоте природы... Словом, «о трудовых успехах». А ведь тайга полна неожиданностей, случается наверняка такое, когда охотник оказывается на грани жизни и смерти. Расскажи об этом.

Михалыч немного помолчал, размышляя, потом ответил:

– Знаешь, о тяжелых и опасных моментах не люблю вспоминать, зачем ворошить старое. Оно вот здесь, под сердцем. Не хочется нервировать, волновать родных и знакомых, отпугивать начинающих охотников. Но и замалчивать такое, пожалуй, нельзя. Взять хотя бы ситуацию, когда по окончании сезона приходится выходить из тайги «пёхом»...

НЕОПЫТНОСТЬ НАКАЗУЕМА

Случай этот произошел на третий год моей таежной охоты. Промышлял я на пару с таким же молодым парнем – Димкой Емельяновым. Он – из Тевриза, а его родичи – семейство остяков – жили когда-то на речке Ягыльях, притоке Васюгана.

Стояла середина декабря. Собрав в рюкзак десяток шкурок соболей и около тридцати беличьих, положив маленький топорик и литровый мятый чайник, я отправился в сторону Тевриза один, оставив напарнику все свои продукты. С мелкокалиберной винтовкой и рюкзаком за плечами, я торопился домой – на Новогодние праздники. А Димка оставался в тайге до конца января.

Вместе с Кучумом, моим преданным псом, я рано утром в сумерках пробрался через огромный кедрач и к рассвету вышел на мыс, где стояла одна из наших избушек. Зимовье маленькое, но в нем есть запасы продуктов и крохотная печка из жести. На ней сварганил чай, передохнул. Прихватил в рюкзак несколько сухарей, нацепил лыжи и вышел на край яма. Запомнилось, как с одинокой березы слетели три тетерева...

Впереди, насколько хватало глаз, простиралось бескрайнее болото. Над блестящим снежным покровом поднимались редкие, невысокие сосенки. А внизу из-под снега кое-где пробивались клочья мха, кочки, багульник. Мне предстояло пересечь эту белую пустыню, длиной в двадцать пять километров по центру, дойти до мыса соснового бора, что справа по ходу, свернуть туда, а там, через восемь километров, у речки, в доме старика-охотника, живущего с бабкой в давно брошенной деревеньке, можно передохнуть. От них надо идти кедрачом до заимки, за которой расположен хутор, населенный большим семейством остяков. А уж дальше будет люднее. Этим путем я раньше выходил из тайги с братьями Федоренко. Есть такая знаменитая в Прииртышье династия охотников. С их помощью школу охотника я прошел приличную.

...Стою у болота, смотрю вдаль и замечаю, как в потеплевшем воздухе начинают роиться снежинки. Стал усиливаться ветер. «Быть пурге, – определил я с опаской, – этого еще не хватало...».

Делать нечего, двигаюсь вперед. Лыжи глубоко проваливаются в снег, при этом носки их задираются так, что мне необходимо высоко поднимать колени. Палка-посошок помогает сохранять равновесие. Через километр вспотел, промок насквозь (хорошо идти по путику, по накатанной лыжне, а если бить целик, то лучше вдвоем, попеременно меняясь). Устал. Сбавил темп. А ветер все сильнее и сильнее, пронизывает до костей. Оделся-то я легко, даже свитер запасной не захватил.

Прошел километра четыре. Снег – все гуще, видимости почти никакой. Болван – компас забыл в избушке. Ориентируюсь только по ветру, что резко хлещет в левую щеку. Где-то километра через два неожиданно усилился «подлип» на лыжах, цепляясь за них целыми комьями сырого и вязкого снега. Видать, внизу, у мхов, стоит вода. Сбросил лыжи, взял их под мышку. И мои кисы-торбаза действительно зачмокали под снегом по воде. Это очередная моя оплошность. Вода быстро просочилась в обувь, и носки стали сырыми. Пришлось снова надеть лыжи.

А снег повалил, как из мешка, таким сплошняком, что в двух шагах ничего не рассмотреть. Подсчитываю – прошел уже более половины пути. В голове – одна лишь мысль: давай, давай, иначе несдобровать...

Отдыхать, честно говоря, не привык. Все последние дни, проверяя капканы, по путикам я пробегал на лыжах по 30-40 километров. И ничуть не устал. Удивляя Димку, хлипика, он-то и половины моей работы не делал, даром что из деревни. Пить надо меньше: даже в тайгу взял три бутылки водки, козлов, а продуктов – всего мешок сухарей да капуста. Я набрал масла и сала, колбасы и сыра. Едим-то с общего стола. Ну, конечно, я не курю и не пью. Запросто Иртыш дважды подряд переплывал без отдыха...

Так за размышлениями о Димке и о себе я протопал еще несколько километров. Вот-вот должен пока-

заться долгожданный мыс соснового бора. А ветер схолодал. На левом боку у меня в штормовке – маленькая дырочка. Напоролся где-то на сучок несколько дней назад. Туда проникает ветер с такой силой, что вначале леденило, а теперь появилась режущая боль. Что делать? Остановился. Несмотря на холод захотелось пить. Похватал снегу. Почувствовал голод. Достал четыре сухаря, два – себе, два – Кучуму. Пес, раздавив клыками сухари, долго и тщательно собирает крошки в рыхлом снегу.

А левый бок у меня еще пуще болит, мерзнет. И тут меня осенило. Достая из рюкзака шкурки двух соболей, толкаю их под куртку. Поплотней застегиваюсь. Сразу стало тепло. Давно бы так.

После маленькой передышки пошел сначала быстрее, легче. Но вскоре снова навалилась усталость, и появилось какое-то безразличие. Отсыревшие кисы заледенели, сверху, за отвороты, тоже попал снег. Чувствую: явно сдаю, одолевает сонливость. Снова хочется пить – хватаю снег горстями, хотя знаю, что этого делать нельзя, а надо бы вскипятить чай. Собака следует позади меня, по лыжне. Пробовала выбегать сбоку, не получилось. В глубоком снегу она проваливается, а короткие лапы не достают до земли. Дергается, елозит – и опять выбирается на мой лыжный след.

А мыса справа нет и нет, хотя, по всем расчетам, давно пора бы ему быть. Что-то не так. В душу проник неведомый доселе страх. Обессиленный, прилег на снег отдохнуть, хочется заснуть. Но твердо знаю: этого ни в коем случае делать нельзя.

Кучум прополз по глубокому снегу к моему лицу, несколько раз лизнул в щеки. Я сразу с трудом (опереться-то не на что) поднялся, пошагал дальше. И все думаю: «Когда же появится этот проклятый сосновый бор?..».

Голова – тяжелая, как чугунная. Во рту – пересохло. Разгреб снег, сорвал с кочки несколько клюквинок. Пожевал. Вроде посвежело.

Только двинулся дальше – увидел черноту. Как же так?! Это сосновый бор клином слева наступает на болото. Но мне-то нужен лес справа. Кучум, стараясь выпрыгнуть из снега, короткими скачками удаляется к крайним деревьям и начинает громко лаять. Делаю несколько шагов в его направлении и вижу: на нижней ветке сосны пристроился громадный глухарь. Он цокает, слегка прихлопывая крыльями. Явно сердится на лающую собаку. С большим трудом замерзшими руками достая из плеча тозовку. Целюсь. Стреляю. Глухарь тяжело обрывается в снег. Подхожу, кладу его в рюкзак – тянет на десять-двенадцать килограммов.

Как замерзли руки!.. Пробую согреть их дыханием. Но, кажется, и выдох мой уже холодный. А сам все размышляю: «Как это отклонился влево так далеко?» Четко помню с прошлых лет что этот косяк леса выступал как раз напротив нужного мне мыса, что с правой стороны. Расстояние между ними – километра три. Небольшое, конечно, однако мне, вконец обессиленному, страшно далеко. Ну, а влево я забурил из-за ветра, постепенно менявшего свое направление.

Встаю спиной к ветру и двигаюсь прямо в снежную глубь, пересекая болото. Ветер строго дует в затылок. Прошел немного, оглянулся. Мой след обозначился перпендикулярно кромке. Теперь не заплутаю. Недалеко до мыса, за полчаса ветер меня не подведет. Надо только не останавливаться, не отдыхать.

Медленно, шаг за шагом продвигаюсь сквозь мутную белизну. Пурга явно стихает, снег на лыжи не липнет. Но вот незадача – замерзший глухарь в рюкзаке камнем давит на плечи. Наверное, сейчас время позднее, раз глухаря застал на дереве. Да и метель обычно стихает к вечеру. Как мучительно долго тянется переход. Вечность. Целую вечность!..

Глаза слезятся, протираю их ладонью. Да, конечно, это уже чернеет мой сосновый бор. Наконец-то! Каких-то двести метров пройти. Мой спасительный мыс. Спешу, спотыкаюсь, падаю, встаю... И так – несколько раз, пока не подошел в упор. Вот она, знакомая сосна, с двумя зачесами и мелкими зарубками.

Сил прибавилось. Спешу по чуть заметной просеке вовнутрь бора. Даже Кучум, чувствуя конец перехода, то и дело пытается выпрыгнуть вперед, и каждый раз возвращается на мой след. Тяжело ему. А мне каково?

Этот чертов глухарь тяжело давит и леденит плечи. И на кой он мне хрен? Выбросить его из рюкзака. Да вот руки не могу поднять – такая усталость, безразличие. Вот тут бы упал сейчас же в снег – и замер.

С трудом перебарываю себя и толкаю ноги вперед. Хорошо, хоть лыжи в лесу проваливаются меньше, чем на болоте. Вокруг становится темнее и темнее. Но что это? Метрах в ста в стороне раздается волчий вой. Такой долгий, тягучий и тоскливый. Через несколько минут повторяется. Теперь – гнусавый, жуткий, с подвизгиванием. Чую опасность, Кучум рычит, поднимает шерсть дыбом.

И вот – маленькая радость: на небольшой поляне стоит стог сена, обнесенный изгородью. От этой поляны до дома охотника – километра четыре. Подхожу к изгороди, облакачиваюсь, расслабляюсь. Силы окончательно разом покинули измученное тело. И надо же, изгородь не выдерживает моего веса, трещит, ломается. Я трупом сваливаюсь в небольшой сугроб, зарываюсь в него с головой.

Лежу и думаю: как приятно, тепло. Отдохнуть бы так минут с десяток. В голове возникают какие-то голоса, слышится женский ласковый говор. «Наверное, я уже пришел, это бабка охотника о чем-то меня спрашивает...».

Сознание отключилось полностью. Так сладко невесомому телу. Весь я куда-то плыву, плыву. Смутно различаю: кто-то тычет в лицо. Это Кучум. Он не просто лижет мои щеки, а сильно и больно толкается влажным носом. Очухиваюсь. Чего же это я делаю? Вставать, вставать как можно быстрее! Руки проваливаются в сугроб. Посошок я где-то выронил. Ворочаюсь, с плеча соскочила винтовка – опираясь на нее, встаю.

И снова, уже близко – волчий вой. Кучум яростно лает и бросается вперед. В полутьме, на просеке мгновенно мелькнула тень – большая, злоеющая.

Осматриваюсь, шагаю. Быстрее, быстрее. Чую подсознательно: обстановка – хуже некуда. Прохожу сто метров, двести... Километр...

Что это за огни впереди? Сотня огней! Как в деревне. Но деревни-то здесь давно нет. Мотаю башкой. Огни исчезают. А вот небо прояснело. Вызвездило. К холоду. Прошел немного, в глазах – снова рой огней. И опять

трясу головой: огней словно и не было...

Как во сне, тихая снежная просека ведет меня дальше и дальше. И вновь вокруг – огни. Теперь-то я понимаю: это – галлюцинации. Тру виски руками и прогоняю мираж.

С трудом переступая, поминутно возвращая себя из забытья, наконец, уперся носом в бревенчатую стенку. Из-под навеса залаяла собака, Кучум незлобно огрызнулся. Вхожу в сенцы, поднимаюсь по ступенькам. Фонарик мой почти не светит – батарейки сели. Или оступаюсь, или поскользнулись заледеневшие кисы, только я загремел с крыльца на пол. Через приоткрытую дверь слышу бабкин голос:

– Дед, иди глянь – не медведь ли торкается?..

Что дальше – не помню. Спал более суток без просыпа. Выпил несколько чайников душисто заваренного чая. На второй день одыбался. Старый охотник, тряся реденькой рыжей бородой над моей кроватью, дымя самосадам, приговаривал:

– Ничо, паря. Всяко бывает... На то она и тайга...

ТРЕТИЙ ЛИШНИЙ

Нас – трое. Наш путь лежит по глубоким снегам через Урнинское болото. От речки Тягус до Тевриза – двести пятьдесят километров. Выходим из охотничьей избушки в четыре ночи, подсвечивая фонариками, добираемся до выступа соснового бора, что у кромки болотистого рьяма. В темноте точно находим нужное место, пьем чай. Первые проблески рассвета. И сразу – вперед.

Признаться, это же каторга: идти по пояс в снегу, переправляться через речки, лезть через заломы. За день болото не пройти, на ночь вместе с собаками надо зарываться в снег. Костерок – крохотный. Наломашь веточек-вершинок, лишь бы чай вскипятить. И прижавшись друг к другу, терпишь холод до утра.

У нас – шесть собак. Три – мои, две – Валеркины, а одну подсунул мне знакомый: «Возьми в тайгу, пусть с твоими побегае, поучится...» Взять-то не проблема. Но и ответственность возникает: потеряется вдруг или кто застрелит – хозяин подумает: «Продал...». Знаю эти номера.

Только вышли на болото – видим крупный свежий след соболя. Собаки умчались по кромке бора. Валерка еле докричался до них. Стоим, смотрим. Далеко-далеко впереди – вершины, этакой тонкой полоской. Это – Малые Урны, мы туда не идем. Если показать по карте: здесь – Малая Урна, здесь – Кедровая речка, она – побольше. Дальше – стенка. Черная, еле заметная. Неопытный сразу не поймет. Мы обычно прем мимо-мимо. Нам – вот сюда, левее, где Большая Урна. Мы будем все идти и идти по болоту. Надо выйти на западный профиль, и по нему – прямо в стенку Урны...

Много раз бывал я здесь, Валерка Сысолятин тоже места эти исходил. А вот третий наш компаньон, Николай Васильевич, – совсем далекий от охоты человек. Флегматичный, слишком полный и медленный – ему все до лампочки. Он наверняка первый и последний раз в тайге.

Вышли мы на болото рано, перли почти без отдыха целый день, а пройти его не удалось. Ветрина – ужасный, пробирает насквозь. Свечерело, делаем привал на ночевку: копаем ямки в снегу, ставим бортики от ветра, разжигаем костер, готовим чай. Холодрыга – ужасная. Еле дождалась рассвета. Утром мы договариваемся с Валеркой идти на Урну. Собаки – голодные, самим есть нечего. Попеременно с ним, топчем целик, прокладывая лыжню. Николай Васильевич неприспособленный выполнять этот каторжный труд, тащится сзади, по готовой лыжне. Чужеспинник. А как уговаривал меня, чтобы я взял его с собой, обещал делать любую работу. За всю охоту он ни разу не развел костра, не приготовил ужин. Придет в избушку, упадет на нары и заявляет: «Устал, ничего делать не могу...». Нахал да и только.

Вот и сейчас. Я – впереди, Валерка – за мной, за ним бегут собаки, и последним – чужеспинник. Он то и дело кричит на собак, иногда и пнет какую-нибудь. Они ему, видите ли, мешают. «Ну, выродок какой-то...» – зло думаю я про себя.

Идем долго, без отдыха. Силы у всех – на пределе. Голодные, озябли. Но вот, в кедраче – избушка. Зимовье крохотное, в нем – ни продуктов, ни дров. Насобирали валежин, затопили печь. Согрелись. У меня в рюкзаке – небольшое НЗ, выдаю каждому по сухарику. Пьем чай...

– Пойдем на Обитово, так прямее, – предлагает Валерка.

Я соглашаюсь – и зря. Только вышли, в такие ломи забурились – не пролезешь. Сняли лыжи и продираемся сквозь нагромождение сушняка. Вышли в пихтач – из-под ног вырвалась стайка рябчиков, мелькнула и скрылась.

– Нет, чтобы сесть на деревья – был бы у нас обед, – недовольно ворчит неутомимый Валерка, пробивая лыжню.

Дошли до балка-вагончика. Он без окон, со сломанной дверью. Вошли внутрь, разожгли костер. Я выдал всем еще по одному сухарику. Собакам сварил похлебку с крошками. Чай пьем без сахара. Отдыхаем. Молчим. Гляжу на Николая Васильевича: это по его вине сломалась рация, и мы оказались без вертолета; по его вине сгорела наша базовая избушка, а с ней – продукты и одежда. Пожар случился 21 ноября. Я и Валерка ушли утром проверять капканы, а этот увалень еще спал. Продрав глаза, затопил жестянку и поперся тоже осматривать свои капканы. Он их ставил рядом с зимовьем. У печки – дверца плохая, угли высыпались постоянно – за ней глаз да глаз нужен. Дрова, положенные для просушки возле печки, видать, и загорелись. А

стена – рядом, в пазах ее – сухой мох, который вспыхнул, как порох. Правда, Николай Васильевич находился поблизости. Увидел дым – прибежал. Вынес сразу из огня три связки шкурок и мое дорогое ружье. Но второй раз войти не смог. Уже полыхала вся избушка. Лабаз с продуктами, стоявший поблизости, тоже сгорел.

Рация в первые дни работала, хотя и потрескивая. Он заявил, что эту технику знает, как свои пять пальцев. И принялся за ремонт. Разобрал и с трудом собрал. Остались лишние запчасти. Повторил разборку-сборку. И опять – без толку, молчок. Вот и она сгинула в огне.

Итог: без рации нет вертолета; без продуктов и одежды мы не могли продолжать охотиться и оставаться дальше в тайге. Потому-то налегке срочно выходим с промысла. Голодные, холодные, с полупустыми рюкзаками. Даже подстрелить тетерева или глухаря за последние дни никому не удалось.

– Чего задумался, Михалыч? – подтолкнул меня не унывающий никогда Валерка. – Мечтаешь, как бы поскорей добраться до избы Макарыча и наесться горячей картошки?

– Отгадал, – отвечаю я. – так оно и будет. Вы здесь собирайтесь, прикройте балок, чтобы какая-нибудь собака у костра не осталась, а я побежал тропить лыжню. Догоняйте...

С этими словами поднимаюсь, выхожу, цепляю лыжи и начинаю бить целину. Медленно-медленно за мною потянулась лыжная полоска. Вхожу в ельник и вижу десятки следов всевозможных зверей и птиц. «Чего это они здесь собирались?» – думаю, приглядываясь к кустам. И вижу под валежиной притаившегося зайца. А тозовку-то оставил Валерке. Надо же, рядом добыча – и не возьмешь. Оглянулся – попутчики тянутся следом. Собаки залаяли – заяц не выдержал, выскочил и метанул куда подальше.

Вечереть стало. Дошли до Обитова, впереди – увал, за ним – избушка. Но надо сначала обойти плотные заломы из поваленных деревьев. Валерка, подтянутый и суховатый, зашебутился.

– Михалыч, вон старый путик, давай по нему обойдем завал слева.

Так и делаем. Валерка – впереди, я – за ним. И пошли, и пошли. Все влево и влево. Кругаля даем. Бац!.. Выходим на свой же след. Валерка, изображая удивление, протягивает:

– Смотри-ка, здесь лыжня свежая, кто-то уже проходил...

Я не вытерпел:

– Сейчас как дам тебе кулаком по глазу, так будешь видеть, чьи это следы.

Постояли, посмеялись. Я снова встал во главе. Спустились в ломи, взяли лыжи под мышку. Еле продрались сквозь чащобу и поднялись на увал. В избушке нам повезло: в одной сумочке на полке нашли с килограмм крошек от сухарей. Вскипятили воды, насыпали крошек, накрыли котелок. Эх, и напарилась же каша. Разлили по чашкам. Едим молча, неторопливо. Руки дрожат, ложки стучат по зубам. Такая вкуснота. Попили чайку, огляделись.

Крыша у избушки по центру дырявая, прямо на нары падал снег, подтаял, потом снова застыл, превратившись в лед. Валерка срубил его топориком, пока я готовил кашу. Снова кипячу похлебку из остатка крошек для собак, а Николай Васильевич уже успел упасть на нары и захрапеть. Валерка выматерился:

– Ну, и трутень. Выхватил кровать, а нам с тобой – на полу. Как всегда...

Переспали. Выхожу за дверь. Выпал небольшой снежок. Собаки вскочили, открыли пасти, зевают, крутят голодными языками. А Ласки, чужой собаки, нет. Вечером-то я и не рассмотрел в темноте. Вхожу в избушку, ярость накапает в груди, сжимаются кулаки. Спрашиваю:

– А где Ласка, кто последний выходил из балка? Я же просил его закрыть...

Валерка отрицательно мотает головой: «Не я...». Николай Васильевич сознается:

– Я выходил последним. Закрыл ли – не помню. А Ласка – хрен ее знает где.

Чувствую, не договаривает он чего-то. Я – злой, готов его пришибить чем-нибудь. «Ну, вредитель какой-то и только: сжег избушку, оставил нас без вертолета, а теперь вот и собаку потерял...». Выругался я крепко, не стерпел, плюнул в его сторону.

Валерке говорю:

– До избы Макарыча 21 километр, это большая деревня Пролетарка. Если по прямой пойдете, намного короче. Вечером будете там. Я вернусь за собакой. Если вас не догоню, не ждите. Встретимся в Тевризе.

С этими словами отдаю ему тозовку. Она на троих одна. Мне бежать обратно – только лишняя тяжесть. Достāju НЗ: кусочек сала и пакетик супа. Валерка – категорично:

– Ты чего это? Мы вечером будем ужинать у Макарыча. Оставь себе.

Кладу кусочек сала обратно в рюкзак, а пакетиком накрываю на печке сверху чайник, вместо крышки. Жалко оставшуюся заварку. Зову с собой Кучума, цыкаю на остальных собак и качу на лыжах обратно к балку. Ласка, наверное, осталась там. Десять километров ходу, лыжня накатистая – и через час с небольшим я у цели. И точно. Внутри, у костра – ночная лежка Ласки. Ей было тепло, она и осталась. Но утром почему-то не пошла по нашему следу, а повернула назад, в избушку. Это еще 15 километров.

Передохнул. Делать нечего. Зло сплюнув, побежал туда. Не люблю отступать от задуманного. Да и собаку жалко. Качусь, а следов по свежей пороше – уйма: и соболя, и норки, и колонка. Ветерок подул, с сосен и пихт посыпался куржак, припорашивая следы. Осталось с полкилометра. Вот и ручей. Глубокий, не замерзший; сильных морозов ведь и не было. Сосна – поперек, наш мостик. Перехожу, тороплюсь. Лыжи – под мышкой, рукам неудобно держаться за ветки. Одна обломилась, я потерял равновесие, упал.

И надо же: правая нога, попав между двумя толстыми сучьями, пошла на излом. Резкая боль – аж в глазах потемнело. Ухватившись руками за ствол, подтянулся, освободил ногу. Как верхом на лошади, передвигаюсь по дереву. Слез на землю, стою на левой ноге. Правое колено горит огнем. Потрогал рукой: вроде бы чашечка на месте, вывиха нет. Наверное, разрыв связок.

Осторожно переступая, подобрал у ручья брошенные лыжи, достал топорик. Вырубил два аккуратных посошка. И, как на лыжных палках, пошел, стараясь не загружать больную ногу. В конце шага грудью наваливаю на палки. Доковылял до избушки. У порога (дверь – открытая) меня встречает радостная Ласка.

Сразу же разворачиваюсь и без передышки – обратно. Таким медленным шагом...

Сначала боль вроде небольшая. Но оступись раз, другой – и невтерпеж. Остановившись, пережидая, пока успокоится колено, – и дальше. Сплошные муки. Вышел я в полдень, а пришел в балок в час ночи. Зажег печку, насобирал на полке по углам хлебных крошек и сварил с салом суп. Покормил и собак. Ночь показалась чересчур длинной. Холодрыга – окон-то нет. На ладонях от палок и чрезмерной нагрузки – кровавые мозоли. Стерты и плечи.

Несколько раз за ночь топил печь. Утром попил чайку. Перед тем, как выходить за порог, пощупал колено. Боли особой нет, но оно чудовищно распухло. Даже страшно стало. Залез в штанину рукой, а там, вокруг колена, – большое водянистое месиво, обтянутое кожей. Поникий духом, осторожно вылез, надел лыжи и поковылял, передыхая время от времени. Прошел километра два – как вдруг, рядом с лыжней, взлетел глухарь, аж снег взвихрился следом.. Сел он на сосну метрах в тридцати от меня. Вот фокус-то. Тозовка висела за плечами целую неделю – и не попало ни одной дичины. А здесь – безоружный. В рюкзаке пусто, жевнуть нечего.

Остальные восемь километров тащился до вечера. Шел и все думал о пакетике супа, оставленном на чайнике. Съели его мыши или нет? А голод к вечеру навалился ужасный. Результат почти двухнедельного недоедания (последние дни совсем впроголодь). Иду и досаую на себя: зачем было оставлять пакетик на чайнике, лежал бы себе целехонек в рюкзаке. Я собирался вернуться к вечеру, а миновало два дня. Думать о чем-нибудь другом я уже не мог. Ах, пакетик, пакетик...

Дошел до избышки в сумерках. Как хорошо, когда на пути есть зимовье. И отогреться, и отоспиться. Захожу, а пакетик супа на чайнике – целехонек. Вот удача, вот радость-то! Быстро затопил печь, в кипяток всыпал осторожно содержимое пакетика, распарил. Себе налил погуще, собакам развел пожиже. Неторопливо ем, как Богу молось. Смакую каждую ложечку, боясь расплескать содержимое. От усталости руки трясутся. Поев, еще раз натопил печь докрасна, аж уши завяли. И заснул мертвецким сном.

Проснулся рано с единственной заботой: как преодолеть 21 километр до Макарыча. Ночевать в лесу, у костра – не очень желательно. А дня и вечера на переход не хватит. Растер колено. Опухоль немного спала, боль не простреливает. Настраиваюсь на трудный путь. Так оно и получилось. Хорошо, что не нападало снега. Лыжня, оставленная Валеркой, подмерзла и держала отменно. Приплелся я в бывшую Пролетарку в два часа ночи.

Несмотря на позднюю ночь, радушный дед Макарыч встретил ласково. Бабка приготовила ужин, потом долго охала, ахала над моим коленом. На ночь наложила на опухоль какой-то мази, замотала тряпками. Я забрался на печку.

За два дня я отлежался, восстановился. Колено не болело. На третий день поплелся на Бородинку. И тут повезло: меня подобрал трактор, тащивший волоком бревна.

В Бородинке до этого случалось бывать много раз. Так что я знал дорогу в столовую. А денег в кармане – 26 копеек. И на них мне отвалили тарелку борща с мясом и горку хлеба. Не верилось даже. Наелся, как царь. Одна из поварих, молоденькая, рыжеватая, подошла, расспросила, отчего я такой заросший и исцарапанный. И пригласила к себе домой ночевать. Я рассмеялся и отказался. Принял ее предложение за шутку.

Рядом со столовой располагалась котельная автохозяйства. Пришел туда, забрался на мягкие резиновые шланги, ноги вытянул к печке и такого дал храпака, что к утру даже приснилась та самая повариха.

Рано утром на попутке выехал на Тевриз. Прихожу к Валерке, а собаки мои у него. Я-то просил Николая Васильевича, когда за ним придет машина из Омска, чтобы он меня дождался или хотя бы забрал моих собак. А он один сел в восьмиместный «пазик», и даже собак не взял. Вот тварь, нахалюга, хуже не придумаешь. Столько бед от него в тайге натерпелись, и в конце – черная неблагодарность...

Такие люди – случайные на охотничьей тропе. С настоящим охотником, пешком на лыжах, я готов идти хоть до Салехарда и дальше. Опаснее одному, но, если по-умному, тоже не страшно. Нужен просто опыт. Вот в тот, первый раз, когда я один чуть не замерз, сам во всем виноват. Надо было обязательно взять компас, а когда очень устал, в том месте, где я подстрелил глухаря, срочно развести костер. Отрезать, скажем, лапы, отереть и сварить. Поесть, попить чаю и как следует отдохнуть у костра. Восстановил бы силы и уверенно пошел дальше. Если б нужда приспичила, можно было и у стога разжечь костер. А так – выматывать себя до смертельной усталости – нельзя. Такое делает только новичок.

БОЛЕЗНЬ НЕ ЩАДИТ И СИЛЬНЫХ

Для меня 1978 год был самым удачным. Добыл соболей много, выполнил около трех планов. А вот в следующий сезон – невезуха. Мне тогда шел сороковой год. Считай, охотник в самом расцвете сил: и опыт, и сноровка, и здоровье отменное.

Прилетели вдвоем с опозданием. Попутного вертолета не было, а нанимать спецрейс – дорого. Взял с собой сына

старейшего охотника, жившего когда-то и промышлявшего на притоках Туя. Леха хоть и рос с отцом, а охотник из него никудышный. Слеповатый, очкарик, доходяга, сопляк. Черноватый, круглолицый. Помесь ханты с манси. По-русски толком говорить не может. Не окончил ни единого класса школы. Ни бельмеса не понимает в жизни. Упрашивал меня здорово.

– Хочу в родную тайгу, надоело колотиться в городе. Буду тебе готовить обед, шкурки обработаю, рыбы наловлю, ягод, орехов насобираю.

Я согласился. В тот же день, как прилетели, я вечером двух оленей завалил. Все-таки четырех собак кормить, да и самим жрать надо. Мясо с уксусом замочили, наварили аж гору. Жую, чай распиваем. Леха долдонит:

– А я, Михалыч, давеча неподалеку след соболя видел. Через ельник следок, по кочкарке на болотину, потом с валежины на валежину. Тут и пропал след. Глянул на ель: огромная, кухта с нее вокруг поосыпалась. Значит соболю пошел по верхам, видать, рябчиков и белочек промышлять. След-то ба-а-ль-шой. Матерый зверек, завтра покажу...

Слушаю Леху и думаю: «Пусть и хреновый охотник, а тайгу знает и любит. С ним – веселее».

На второй день с утра – легкий морозец. Тайга вся белоснежная, в инее. На снегу всевозможные следы: вот соболю промчался, там наследил зайчонок, здесь топтался и взлетел глухарь, а тут – колонок. Смотрю, и душа радуется. Расставляем по пути капканы, и у обоих расстройство желудка. Наверняка обьелись оленины. Возле каждого куста приспускаем штаны.

Прошло несколько дней. Я хожу по путикам, проверяю капканы, Леха рыбачит рядом с избушкой на небольшой речке, похожей на ручей. Сегодня я принес двух соболей и белку. Снова наварили оленины. Не спеша распиваем чай. Я по обыкновению слушаю очередной рассказ Лехи.

– Утресь подошел к речке, след норки свежий. У нас с отцом заимка стояла у такой же протоки. Как сейчас, вижу родные места: молодой кедрач синий-синий. Дальше – темная, густая таежка, еловые отъемы вниз по увалу. Все рядом, под боком. Отец плашки ставит от порога и по кольцу путика. Через четыре зимовья два дня ходки. У отца двести плашек да всякие кулемки на норку, выдру, зайца, колонка. Шкурок дома на нарах – целая гора. Спал на них.

Слушаю Леху и улыбаюсь...

Каждое утро тайга выглядит по-иному. Сегодня пасмурно, сыро – тайга мрачная, особенно угрюм ельник. Следов соболя не видать. Да и вообще его нынче мало. На орехи нет урожая. Бескормица. Соболю, как бывало не раз, перешел в другие места. А после оленины – опять резь в кишках.

Весь ноябрь – одно и то же: плохая охота, расстройство желудка. Может, инфекцию где подхватили, а может, олени заразные. Как знать?..

Надо готовиться домой. Рация барахлит, разговоры соседей-охотников ловим, а нас им не слышно. Что-то случилось с микрофоном. Покопался отверткой, постучал – бесполезно. С вертолетом на обратный рейс сразу не договорились, а теперь без радиации даже с соседями не потолкуешь, как выбираться из тайги. Пошел декабрь, первая неделя пролетела быстро. Проверяем днем капканы, вечером готовимся к выходу из тайги. И, как назло, воспалились почки. Несколько ночей не сплю, по нужде сходить – проблема. Может, тоже – от оленины?

Вот и сегодня кручусь от боли. Сел голой поясницей поближе к раскаленной печке – чуть легче. Леха талдычит:

– Михалыч, спина-то горит, аж шкварки отскакивают...

Я злюсь и говорю ему.

– Сгонял бы ты лучше к Сашке-соседу, может, с ним улетим. Время-то уходит.

Лехе неудобно, он морщится, жалостно смотрит мне в глаза и принимается канючить:

– Михалыч, я бы пошел к соседу, да боюсь, что его не найду. И даже признаюсь: не в этом дело. Просто сорок километров в один конец, сорок – обратно, я не осилю.

И начал мне буравить свои длинные побасенки:

– Как-то отец мне, еще папану, подарил новую понягу, мягкие ичиги, вручил старенькую берданку. Собачка у меня была Найда. С утра – в тайгу. Полюбил пахучесть ельников, горьковатый привкус сосновой коры... Нравилось, как шуршит под ногами заиндевевшая сухая трава, как алеет навстречу темная брусничная поляна, как ноги беззвучно погружаются в мох. На душе – радость. Да вот беда: сердце каждый раз покалывало при беге, щемило при тяжелой работе. Приду – расскажу матери. Та гоношится: блинчики мне с маслицем, варенье, медок... Потом вмешался отец, повез меня в Тару до врачей. Те определили: врожденный порок сердца, что-то там с митральным клапаном. Я до сих пор не знаю, что это за штукавина. Врачи предупредили: любая чрезмерная нагрузка и – каюк, можно сквырнуться в могилу...

Рассказывает Леха, а я зло думаю: «Да, на вид-то ясно, что ты – недоносок». А сам говорю вслух.

– Леха, мы с тобой оба сейчас дефектные, дистрофики. А домой-то выбираться все равно надо...

Утром проснулись, и я решительно заявил:

– Вставай, у меня страшные боли в почках, сейчас же идем вместе к Сашке-соседу. Я с ним однажды уже улетал из тайги, он еще приглашал в гости. Восемьдесят километров – порядочно, может, «клин клином» болезнь из почек выбью.

Сказано – сделано. До обеда вышли с базовой избушки, легко по путикам прокатились за 25 километров до крайнего зимовья. Переночевали. Следующие 15 километров – очень трудные, без лыжни, по целине. Вечером, уже в темноте, подошли к путику соседа. Встали на готовую лыжню, и вдруг прямо на нас вышел лось. Здоровенный рогач. С первого же выстрела его свалил. А стемнело окончательно. Быстро обдираю добычу, рублю на части. Холодно. Мясо моментально застывает. Мороз – градусов за тридцать. Где-то по ходу к избушке, через километр, у Сашки – вертолетная площадка. Взяли с собой по лосиной ноге. Я – заднюю,

тяжелую, а Леха – переднюю, полегче.

– Остальное с Сашкой перетащим завтра утром, – сказал я и пошел вперед, подсвечивая фонариком.

Мясо настолько замерзло, что у меня от холода заломило плечи. Леха кусок свой бросил сразу: «Не могу, сердце не выдерживает», – выдохнул он. Я же тащил до самой площадки.

Пришли в избушку. Дверь открыта, внутри пусто. Сашка уже улетел. Затапили печку, у меня такой открылся кашель – колотит всего. Вспотел, взмок. «Все, остыл, бронхи», – мелькнула болезненная мысль. Выпил несколько кружек горячего чая и заснул.

Утром пошли назад. К вечеру были в своей крайней зимовке. Устали. Зашли, сели – и вставать не хочется. Это я-то старый осел, сижу потный и остываю, жестианку не затапил. Продрог, спохватился, но поздно. На-топили избушку, а меня всего сотрясает кашель. Тошнит, морозит. И плюс еще боль в почках. Во дурак – дожил...

Утром с воспаленной головой долго не встаю. Ворочаюсь, но надо топить печку. Сварили кусок лосятины, попили чаю. И потихоньку потопали. Лешка, обычно хныкающий, глядя на меня, больного, молчит, сопит. Затем старается сказать мне что-нибудь ободряющее.

– Смотри, Михалыч, вон птицам – ни забот, ни горюшка. Какие у сойки лазоревые перышки, а как синицы тенькают. Погода потеплеет...

К вечеру добираемся до базовой избушки. Еще раз настраиваю рацию. Тишина, и соседей не слышать. Прилет, всего лихорадит. От болей в почках, от надрывного кашля – сердце болезненно ноет, чувствуются в нем какие-то перебои. «Ну, влип, – думаю. – Что делать? Надо на что-то решаться...»

Наутро, до рассвета, поднимаю Леху, стараюсь говорить уверенно, бодро:

– Идем сейчас к Ваське, на Демьянку. Может, он еще на месте. Другого выхода нет...

Через 25 километров, к ночи кое-как добрались до избушки Василия. Она открыта – в порог воткнул топор. Значит, хозяин покинул тайгу.

Зажгли печь. На полке я нашел полведра сухарей. Забираем их. Хлеб-то у нас кончился. Пишу о том хозяину записку и кладу в пустое ведро.

Уже конец декабря. Утром больные направляемся в свою избушку. Сердце покалывает. Организм, в предчувствии огромной опасности, на пределе. Напарник мой еле-еле телепается сзади. Мы с Лехой, видать, остались единственными в этом огромном море лесов.

Даже собаки начали поскуливать и путаться под ногами. словно наш страх перед неизвестностью передался и им. А сердце у меня готово выскочить из груди – болит нестерпимо впервые за всю жизнь.

Пришли к себе в избушку. Натопили как следует. Оленину не варим, надоело от нее бегать по кустам. Да и аппетита нет. Пьем чай – и тот без сахара. Два дня остается до встречи Нового года. Доедаем сухари, а что будет дальше?..

В невеселом раздумьи пролежали два дня. Молчим, дремлем. Два сердечника, тот и другой держатся за грудь. Да, нам с Лехой своим ходом пройти 260 километров до Тевриза не под силу, нечего и думать. Надо ждать на месте, а вдруг кто придет на помощь?

Вспомнил, что на полке есть давний запас валидола, брал когда-то для одного спутника. Теперь пригодился и самому. Положил под язык – полегчало. Говорю Лехе.

– Есть нечего, сходи по путику, может, пару рябчиков или тетерева подстрелишь. Отметим встречу Нового года...

Леха встал, вышел. Вернулся поздно, в руках – пусто.

Этим вечером долго не спали. Все-таки Новый год. Сварили две последние пачки киселя. Праздничный ужин. Вышли за порог, в тайге тихо-тихо, белым-бело. Снежок мягкий, редкий – медленно кружится. Касается лба, освежает щеки. Взяли мы ружья и сделали салют – два дуплета. Даже боли вроде утихли.

Минуло три дня: 1, 2, 3 января. Слабость в теле неимоверная. В голове невеселые мысли. То загудит громким басом нудный комар, то в воспаленных глазах забрезжит река, то в ушах зазвенит сосновый бор. Всякая, разная чушь...

А вот из памяти приятное: жаркое солнце, я на даче с женой, поливаю себя холодной водой из шланга...

Чего только ни возникает в воспаленных мозгах. Страшно закрыть глаза...

Кашель у меня почти прошел, но опухли губы и нос. С утра подбираем по углам последние крошки и варим похлебку. Так проходят 4 и 5 января. Нечего есть и пить, кончилась заварка. Осталась оленина, но при одном ее виде тошнит до рвоты. Варим ее собакам.

На пятый день нашего бездеянья Леха предлагает:

– Михалыч, ну чего мы лежим? Пойдем своим ходом. До какой-нибудь деревни, может, доберемся, или охотник какой, еще не вышедший из тайги, попадетсЯ...

– Нет, Леха, у меня шибко болит сердце. От перенапряжения лопнет – и хана. Да и ты не лучше. Будем ждать здесь, нас должны искать.

– Кто нас будет искать? Уж лучше умереть в пути, чем так лежать, околевать, как мухи...

Я смотрю сейчас на Леху уже другими глазами, одобряю. Зауважал наконец-то парня, а то про себя все над ним посмеивался...

С утра седьмого января тайга зашумела. Заскрипели деревья, засвистел ветер. Я вышел за порог, снег метнулся вихрем в лицо. Зябко поежился. «Да, занепогодило, теперь несколько дней будет метель, буранить», – пронеслась безрадостная мысль в моей давно отупевшей голове.

Постоял, посокрушался, зашел обратно. Лег на нары, накрывшись телогрейкой с головой. Задремал. Сколько прошло времени, не знаю. У дверей снаружи раздался резкий треск мотора. Я вскочил. В открывшуюся дверь ввалился в полушубке Виктор Червяковский, охотовед, мой давний приятель.

Обнялись. Поговорили. Не теряя времени, Виктор сел на свой «Буран» и умчался на речку Туй, на хутор, где была рация, чтобы вызвать вертолет.

А после обеда над нашей избушкой затрещала винтокрылая махина. Вокруг свист, пурга, в небе – сплошная муть. Летчик Виталий, из Новосибирского авиаотряда, мне знакомый – раньше прилетал сюда. Но как в такую слепящую бурю найти зимовку? Это – подвиг. Ордена надо давать таким. Он летел сюда почти над самыми вершинами, рискуя за них зацепиться...

Из вертолета спустились врач и директор госпромхоза Смирнов. Доктор сделал мне укол, Смирнов накормил нас с Лехой из термоса горячим домашним борщом. И вертолет снова поднялся в мутное небо.

Через час приземлились в Таре. Меня отвезли в больницу, сделали пару уколов, расспросили о всех заболеваниях. Положили в одну комнату на кушетку. А дверь в кабинет закрыли неплотно, и я услышал, как пришедший инфекционный врач, узнав про оленину и расстройств желудка, категорично заявил:

– Это брюшной тиф, поместите его срочно в изолятор...

В приоткрытой двери мелькнуло его сердитое лицо. Я тут же соскочил с кушетки, натянул обувь и шмыгнул на улицу. Добрался до автовокзала, купил билет на Омск. Перед посадкой позвонил домой Смирнову, еще раз поблагодарил за спасение, объяснил ситуацию с врачом. Извинился за своеволие.

Приехав в Омск, на второй же день пошел и сдал в больнице анализы. Никакого брюшного тифа не обнаружилось...

На работе секретарша встретила меня охами и ахами.

– А нам несколько раз звонили, что вы замерзли в тайге, и вас ищут. Что скоро должны привезти труп.

– Кто это вам наплел?

– Анатолий Михайлович, не сердитесь, ведь звонили ваши друзья – а Болоцкий и Худов даже сказали, что купили венки, и хотели бы уточнить время похорон.

– Ладно. Если позвонят еще раз, передайте, что я их просил оставить эти венки для самих себя...

Секретарша улыбнулась и успокоилась...

Да, меня уже трижды собирались хоронить. Впервые – молодого, неопытного. Этот – второй случай. А третий раз – недавно, когда я чуть не погиб, выходя один на Васюган.

БЕЗРАССУДНАЯ СМЕЛОСТЬ

Вертолета в назначенное время нет, не прилетел. У нас, охотников, такой закон: два дня ждем и, не теряя времени, двигаем пехом. Сколько раз зарекался: «Не буду далеко забираться в тайгу». А сам на этот раз забурлил аж в самую глушь, в отдаленный угол, на речку Егольях. Это у самой границы с Томской и Тюменской областями.

Со мной – Геннадий Тимофеевич, весельчак, балагур.

– Давай-ка сколачивать нарты, – говорю ему, – сбрую шить для собак, да пойдем на Новый Васюган. До него – 125 километров, а до Тевриза – все 280.

– Нет, Михалыч, считаю, лучше подождать вертолет. Может еще и прибудет. У меня – плохое здоровье, дважды уже был инфаркт: не дойду по такому глубокому снегу.

Я помолчал, раздумывая. Снега за последние дни выпали обильные, как по заказу. Но оставаться и ждать – глупость. Продукты почти все кончились. Хлеба – пять булок всего. С прищуром гляжу на напарника, стараясь говорить помягче.

– Ты пойдешь за мной, по готовой лыжне. Это не трудно. Вспомни, ты, собираясь со мной сюда, обещал меня слушаться во всем. Заверил: «Знаю все...»

– Да, Михалыч, почти все. Знаю характерные приметы, как войти в тайгу, а вот как из нее выйти, не знаю, – посмеивается он в ответ.

– Вот выйдем из тайги, тогда и это узнаешь. А пока, на правах старшего, решаю я. Готовимся и выходим...

Два дня сколачиваем нарты, шьем сбрую для пяти собак. На третий, с утра пораньше, укладываемся и выходим. Отошли с километр, Геннадий о колодину ломает лыжу. Может, специально? Я хочу на месте отремонтировать, он настоял вернуться в зимовье. Мол, там у нас есть одна запасная лыжа. Хотя я и суеверный, но согласился с ним. Вернулись в избушку.

– Вот видишь, Михалыч, запасная короче, и поуже. На ней идти – замучаешься. Не сердись на меня. Я не пойду, буду ждать вертолет. А может, давай останемся вместе, обедать будем один раз в два дня. Смотришь, из дичи чего подстрелим...

Я вскипел и выпалил ему прямо в лицо.

– Ну, стихотворец, дуроплет, ты меня еще и учить будешь. Здесь просидеть можно всю зиму. А жрать один раз в два дня – так надо мной вся тайга гоготать станет...

Завелся, а зря. Раз человек не хочет, так его хоть убей. Бесполезно. Да и мой характер – не золото. Чего уж решу – назад не отступлю ни за что.

Набросал на нарты свою одежду, топор, пилу, тозовку. Из пяти булок хлеба взял себе две, три отдал ему. – Вот тебе хлеб, – говорю зло, – оставляю свое дорогое ружье, можешь стрелять глухарей. И еще тебе – мешок с пушниной. Жди вертолет, я за тобой его обязательно пришло. А вообще-то на прощанье скажу откровенно: ты – говно, пидарас. Так в тайге не поступают...

Запрягаю в нарты своих собак. Им втроем тащить нарты по свежему глубокому снегу будет очень тяжело. Но мое самолюбие – превыше всего. Конечно, в этом есть большая доля безрассудства, а переиначить уже ничего не могу.

Ухожу, не оглянувшись. Вначале собаки легко трусили по старому следу, пока он не закончился. Потом по старому путику километр шли без отдыха. Но кончилась лыжня, вышли на целину – и собаки встали. Лапы их не достают до земли, они ложатся беспомощно в снег. Выхожу вперед, топчу лыжню, дергаю собак за поводок. С трудом, и все же они тянут по лыжне проклятую повозку, цепляющуюся за сучья и стволы. Нарты то застрянут на валежине, то перевернутся на кочке. Возвращаюсь назад, подправляю их и снова выхожу вперед – топтать след. И так – целый день, до тошноты. К вечеру забурился в такой болотистый ям – еле выбрался. Стемнело. Решил заночевать в ельнике. Долго готовлю дрова на всю ночь. В основном – ель, пихта. От них – сплошной дым над костром, хуже не придумать. Сильно разъедает глаза.

Всю ночь греюсь у огня, дремлю. Это – не сон, а слабое забытье. Но все же – отдых. Холодище где-то за тридцать. Заснуть страшно, вот почему в переходах не одному надо быть, а вдвоем: когда один спит – другой дежурит. А одному – дело дохлое. Муки одни. Надью делать или выстилать лапником ямы в снегу для ночевки – занятие глупое, для дураков. Охотник, если опытный, возьмет две сушнинны, сделает тески-лыски, нагреет на костре аж до накала – вот на них можно полчаса и поспать, если сделать из снега стеночку от ветра. Так что одному ночью – ни сна, ни хорошего отдыха толком нет.

На второй день после обеда я уже двинулся за двадцать километров от нашей базовой избушки. И тут услышал шум мотора: его в тайге верст за пятьдесят различишь. Уходя, я наказал Геннадью: «Если в первые 2-3 дня покажется вертолет, я еще буду недалеко. Выйду на чистое место – и зажгу костер. Летчик обязательно увидит дым, только покажи ему направление, где я. И вы заберете меня».

Так и делаю: зажигаю костер на чистине, прислушиваюсь. Вертолет достиг моей избушки, присел, сбавил обороты: фыр-фыр-фыр. Через пять минут поднялся и направился строго на юг.

А как же я? Почему Геннадий не сказал пилоту обо мне? Тут всего-то пять минут – долететь до меня. Ругаюсь на чем свет стоит: «Ну, и сволочь ты, Геннадий. Да какое у тебя большое сердце? Его просто нет у тебя. Видел я не раз как ты по полведра водки выпивал. Сердечник сра...ый...».

Затих шум мотора, и я поплелся дальше. В пять вечера набрел на хороший сосновый бор с сушняком. В нем и остановился на ночевку. До двенадцати ночи рубил, пилил. Натаскал гору дров и к утру все спалил. Мороз покрепчал до сорока, лицо и руки обжигает у огня, а спина промерзает...

Рано поутру пускаюсь в путь. Собаки устали, поскуливают, тащат медленно. Я проваливаюсь по пояс, задыхаюсь от пота. Да, здоровье надо слоновье, чтобы двигаться так, одному. Вот вдвоем бы...

Снова ночевка, костер, дым. Впадаешь в забытие, пугливо просыпаешься. Стоит крепко заснуть и уже не проснешься никогда.

...Иду так же медленно и мучительно четвертый день. Морозец – за сорок. Воздух – синий и прозрачный между деревьев. Вековая тайга – в светлых пятнах берез и осин, вокруг тихо-тихо. А силы уже

на исходе. С каждым днем наслаивается усталость.. Кончается хлеб. Вчера в ельнике спугнул табунок рябчиков. Они расселись по веткам. Сбил двух. Вечером сварил суп, наелся сам, покормил собак. Сегодня решил переночевать в кедраче, на ужин – ломтик хлеба и кружка чая. Собаки улеглись спать голодными...

Утром, на пятый день, справа показалась вдалеке речка Ягыльях, это в нее впадает мой приток Егольях. Мелкие речками пошли увалы, на их склонах – кусты маличника и шиповника. Такие плотные. Пока лезешь наверх, лицо и руки исцарапаешь до крови. Где-то впереди две реки объединятся и потекут в Васюган. «Интересно, как здесь весной бывает», – размышляю я на ходу.

Вечером доел последний ломтик хлеба, чай пил без заварки. Настроение – аховское. Холодище далеко за сорок. Где-то посреди ночи, не вытерпев, я крепко заснул. Очнулся от озноба. Костер почти потух. Окоченел настолько, что пальцы не разгибаются. Долго тру ладонями лицо, пока не зашипало щеки. Испугался, разжег всю костер и уже не дремал до самого утра. Руки и лицо отогрел, но кожа, сильно обмороженная, потрескалась и слегка кровоточит. Поспи я еще немного – превратился бы в снежную глыбину.

Утро шестого дня – самое безрадостное. Есть нечего, весь обморожен. Еле запряг собак. Передвигаюсь с частыми остановками для отдыха. Муки – целый день. Вечером, перед тем как встать на ночлег, вышел на свежий след соболя. Собаки взыграли, стали рваться на запах зверька. Я освободил их от упряжи, боясь что порвут. И они умчались по следу. А я стал готовить костер.

Собаки долго не возвращаются и где-то начали злобно лаять. Наверное, загнали соболя в корни и поджи-

дают меня. И вижу: катит кубарем по снегу мой любимец Душман. Подбежал, жметесь к ногам, скулит. Словно зовет куда-то. Чувствую, что-то неладно. Иду за ним. За ельничком нашел собак. Крутятся у наклоненной березки. Перед ними – сугроб, в нижней части его – небольшая дырочка, снег вокруг ее подтаял, покрылся куржаком. Вот в это отверстие и лают собаки. Мне сразу все ясно! Там медведь...

Недолго думая, ведь жрать-то все равно нечего, я вырубил кол, заострил и зашел с другой стороны березы. Если зверь выскочит из берлоги, мне сзади не опасно. Успею выстрелить. Да и собаки его отвлекут. И нет во мне ни грамма страха, настолько я устал и хочу есть. Да и собак силком не оттащишь уже от берлоги. Вошли в раж, рычат, идут приступом на зверя.

Опускаю кол в отверстие, тычу им в разные стороны. Ничего не пойму. Яма – неглубокая, странно как-то. А собаки еще больше взъерепенились, лезут в дыру. Стал я шурудить колом по углам и в одном месте наткнулся на что-то мягкое. Ага, значит, здесь. Вращаю кол, накручиваю на него шерсть (это делал я до этого не раз, чтобы разбудить зверя). Медведь не выдержал боли, взорвал снег фонтаном и выскочил из ямы. Первый выстрел – промах, второй – зверь падает. Небольшой двухлеток, пестун. На редкость черный.

Волнения во мне как не было, так и нет. Лишь одно в сознании: теперь голода ни мне, ни собакам не будет. Они уже рвут мертвого медведя, рычат. Отгоняю их, быстро обдираю зверя. А темень наплывает со всех сторон. Шкуру и мясо за три захода отнес на нарты. Внутренности отдал собакам. И неожиданно замечаю: обмороженная кожа на моих руках приятно оттаивает. Руки-то в медвежьем сале, а оно – лечебное. Намазал им и обмороженные щеки. Полегчало...

Развел огромный костер, навалил целый котел мяса. Наелся от пуза, аж жарко стало. Мало-мал одыбался, появилась уверенность в себе.

Ночь провел спокойно, два еще принимался за еду, так что утром почувствовал прилив сил. Вышел рано. К обеду, миновав два увала, подошел к кедрачу. Вхожу в него и вижу путик. Накатанный, крепкий. Нарты скользят легко – собаки взбодрились. И вдруг слева на путик выходит свежий лыжный след. Охотник где-то рядом. Это уже территория Томской области, кое-кого из тамошних промысловиков я знаю. Отцепляю нарты, спускаю собак и – бегом за охотником по его следу. Через километр навстречу выскакивают две чужие собаки. Загривки вздыбились, рычат. Мои бросились к ним, заварилась драка. Визжат, катаются по снегу, рвут друг друга в клочья. Это мои две сучки и две чужие. А Душман сидит в стороне и смотрит на меня.

Из леса появился огромный мужик – корявый, в ичигах, ноги кривые. Распинал по сторонам собак, успокоил, подошел ко мне.

– Здорово, – первым говорю я.

– Здорово были, – отвечает Цыган (я уже о высоком, черном охотнике-томиче знал по рассказам соседей).

– Как бы отлежаться в избушке, денек отдохнуть? – продолжаю разговор.

– Это можно, – Цыган с улыбкой показывает на путик в стороне, – вот по нему найдешь неподалеку мое зимовье. Иди отдыхай, а я к своему Саньке сбегаю и к вечеру вернусь.

Охотник позвал собак за собой и сразу скрылся в кедраче. Я вернулся за нартами, запряг собак, и вскоре был в его избушке. Она стояла на взлобке – просторная, новая. Затопил печь, сварил медвежатины, нагрел чай. В рюкзаке осталось около кружки спирта в медной фляжке – на самый крайний случай. Или плохой, или хороший. Развел чаем и выпил. Моментально вспотел, размяк. Упал на нары и проспал сутки с лишним. Проснулся только после обеда на второй день. Вот как вымотался.

Цыган сварил мне уху из свежей рыбы, поджарил лосятины, заварил крепкий чай. «Да, основательно устроились томичи на зиму, – отметил я про себя. – Как и надо настоящим охотникам».

Провожая меня на третий день, Цыган сказал:

– Кедрач кончится, выйдешь на болото. Тянется оно на 33 километра. По нему идти хорошо, наст держит прочно. Войдешь в сосновый бор, еще встретишь двоих охотников. За ними – километров через десять стоит хутор, ну а дальше – и сам Новый Васюган.

Поблагодарив охотника, я уверенно выдерживаю курс на всем оставшемся пути и, два дня спустя, без всяких приключений добираюсь до Нового Васюгана. На вертолете через день прибыл в Омск.

...Прихожу к родителям (они живут от меня отдельно), выясняю у них:

– Охотник, Геннадий, был?

– Нет, не был...

Как же так? Прошло пятнадцать дней, а он не соизволил известить их, что я один остался в тайге. Ладно. Прихожу на работу, спрашиваю секретаршу:

– Звонил ли мне кто-нибудь из охотников?

– Да, один звонил, сказал что вместе охотились. Своей фамилии не назвал. Уточнил просто: «На работе, или нет, Анатолий Михайлович?..»

Беру машину, еду домой к своему «верному» напарнику. Вхожу, а он мне навстречу выскакивает. Трясется, заикается... Дрожащими руками подает мое ружье и мешок с пушниной. Хотелось мне захватить ему кулаком в морду, да сдержался. Плюнул ему под ноги. Хлопнул дверью и ушел. На что он рассчитывал? Что я не вернусь, дубу в тайге дам, а ружье и пушнину он оставит себе? Возможно все...

Сейчас, когда встречаемся, он со мной лебезит, по-прежнему пытается шутить. Я молча отворачиваюсь. Не могу простить подлости, вернее даже предательства, не взирая на обстоятельства.

КОВАРНЫЙ ИРТЫШ

В этот год мы с Валеркой Сысолятиным поохотились неплохо. В конце первой недели декабря сделали нарты и с речки Демьянки тронулись в путь на Тевриз. На четвертый день вышли напрямую к Иртышу. Пять собак (три мои и две его), привыкшие к нартам за несколько лет переходов, тащили их дружно и уверенно.

Мы поочередно топтали целину, прокладывая путь для лаек.

Середина декабря, а погода держится теплая-претеплая. Ночью прошел легкий снежок. Стоим мы с Валеркой на обрывистом, высоком берегу и смотрим через Иртыш, где за дальним березняком мелькают крошечные точки автомашин на асфальтовой дороге. Наша первостепенная задача – добраться до автострады и на попутке доехать до Тевриза. Это километров с тридцать будет.

Спускаемся с обрыва вниз, на лед. Снега намело много, но он затвердел. Идти легко.

– Давай дадим ногам отдохнуть, – предлагаю я и первым отцепляю лыжи, укладывая их на нарты. Валерка следует моему примеру и говорит.

– Михалыч, смотри, как бы нам не забурить в промоину, морозов больших еще не было.

И – как накаркал! Метрах в ста впереди из невысокого снежного заноса торчал край льдины. Обходить его не стали. Но как только зашли на снежный бугорок, одновременно ухнули в воду. Шли-то ведь рядышком. Лед под снегом оказался тоньше сантиметра, чуть схватился. Или снежный бугорок виноват, сохранивший тепло, или здесь на дне – яма с большим круговоротом, или что еще?..

Собаки с нартами, шедшие впереди нас, выдернули из моих рук поводок и побежали дальше, а мы с Валеркой барахтаемся в воде. Ширина промоины – метра три, длина – метров пять. Я пообломал возле себя тонкий лед, держусь за толстый край. Пробую подтянуться на руках, а снег мешает ладоням, сыплется меж пальцев. И лед скользкий. Опоры нет, ничего не получается. Скосил глаза на Валерку, он также пытается выбраться, но безрезультатно. Я отчаянно бултыхаю ногами и поднимаюсь немного грудью на лед, стараюсь руками держаться за рыхлый снег, затем опять сползаю медленно назад.

Валерка от меня – на расстоянии трех метров, он полечче, упрямо ползет на лед, срывается, что-то кричит мне. А я – словно оглох, не могу разобрать ни слова. Страх обжигает голову, даже пока не чувствую смертельного холода воды. Очень мешает движениям одежда, но она же немного предохраняет от леденистой воды.

Опять хочу, опираясь сверху на лед, выпрямить руки, подняться из воды повыше, перевалиться через край. Немного было выдвинутся на лед, но руки скользят, и тело медленно уходит обратно в воду.

«Все, хана, нам не выбраться», – застучала в висках страшная, безотвязная мысль.

Вижу, как собаки, убежавшие вначале далеко, вернулись с нартами и стали шагах в десяти. Смотрят на нас. И меня осенило.

– Душман, ко мне! – громко зову своего жоака. Повторяю несколько раз.

Пёс с большим усилием тянет за собой собак с нартами, осторожно приближаясь ко мне. Вот он уже рядом. Хватаюсь одной рукой за упряжь, перебираю её, подтягиваю нарты к себе. Выждав момент, цепляюсь и другой рукой.

Собаки, нервничая, отодвигаются от края промоины, натягивают ремни. Несколько раз поочередно дёрнули нарты и стоят, ждут. Напрягаясь, бултыхая ногами, я заорал хрипло: «Вперёд!»

Лайки, умнейшие собаки, разом рванули. Нарты тронулись с места, неохотно поползли от полыньи, вытаскивая моё большое мокрое тело на заснеженный лёд. Собаки протащили меня метра три, остановились. И только тогда, с трудом веря в спасение, я разжал онемевшие пальцы и сел на нарты.

Не задумываясь, машинально снимаю с винтовок ремни, связываю вместе. Лево́й рукой держусь за нарты, правой забрасываю конец прямо в руки Валерке. Тяну сколько есть сил, а Валерка – ни с места. Сообразив, привязываю ремень к нартам, держу узел обеими руками, ору на собак: «Вперёд!... Вперёд!..»

Лайки легко сдёрнули с места нарты и поволокли Валерку, а я, отвалившись в сторону, блаженно растянулся на льду.

Валерку (он же лёгонький) лайки протащили метров десять. Он всё никак не хотел бросать ремень.

Минуты через три, немного придя в себя, с трудом открывая посиневшие губы, мы заговорили, приняв план действий. Решили побыстрее добираться до берега, предварительно надев лыжи (ведь можно и ещё раз вляпаться в такую же историю) У берега густые заросли тальника, там можно развести костёр.

Так и делаем. Подходим к талам, рубим сушняк, разжигаем костёр. Одежда сохнет плохо. Несколько раз пьём чай. Разворачиваемся, прыгаем, пляшем вокруг костра. Наконец решаемся идти наверх, к проезжей дороге. Почти бегом, часто меняя друг друга, проходим березняк, выбираемся на автостраду. Шофер первой же попутной машины, видя наше бедственное положение, притормаживает, садит вместе с собаками в кузов.

Через час мы были в Тевризе. Подъехали прямо к дому Валерки. Нам срочно истопили баню, в магазине закупили водки. Напарили, напоили, накормили... Выспавшись, мы встали на второй день совершенно здоровыми.

Ну, небольшой чих, хрипота в груди. И только.

Через сутки я был уже в Омске и, как ни в чём ни бывало, вышел на работу. Про эту нашу глупую оплошность мы с Валеркой договорились никому не рассказывать. Так что сегодня я откровенничаю впервые, в порядке исключения.

30. ЗЕМНАЯ КРАСОТА

В РОЖДЕСТВЕНСКУЮ НОЧЬ

*Чемпионке Мира
по художественной гимнастике
Галиме Шугуровой*

На окнах зимние цветы
в кристалликах тончайших
ожили, начали цвести
под светом фар случайных!..
Погасли фары... Меркнет снег...
Там, за стеклом мерцающим,
твой различаю силуэт,
из сини воскресающий!
...Ты, приподнявшись на носках,
плывешь, держа высоко
слепящий мяч в резных лучах,
я узнаю твой локон!
Вот обруч – легок и упрям,
неведомой орбитой
вращаясь строго по кругам,
летит – ты им обвита!
Твои раскосые глаза
с улыбкой обжигают
поведать могут, рассказать
про Рождество и таинства...
Про быль и небыль, ворожбу
с причудами, где снится,
как ждем иную мы судьбу,
в которой нам не сбыться!
Дрожат огни...
Цыганки вальс...
Из ленты плещет пламя!..
Но медленно простор угас,
и остывает память.
Гляжусь я в звездное окно
из хрусталя тончайшего.
Да, божьей милостью дано
искусство величайшее!

ВСТРЕЧА С КРАСОТОЙ

Вы появились так внезапно –
что мир невольно засверкал,
от клумб повеял нежный запах
и день светлее, шире стал!
Улыбка Ваша излучала
Ум,

Благородство,
Чистоту!

И показалось мне сначала:
Я вижу просто Красоту!
Не знал тогда я, к сожалению,
тот горький и святой секрет:
есть сердце Вашего горенья
и восхищающий нас Свет!
О, вам непросто быть красивой
в заботах разных и делах,
еще труднее стать счастливой
и скрыть печаль в своих глазах.
Вы все смогли!..
И вновь, как прежде,
с улыбкой смотрите в рассвет.
Пусть не обманутся надежды
и не погаснет в сердце свет!

С рождеством, Ангелина!
Здравствуйте на года!
Мы в судьбе неделимы
и сейчас, как тогда.
Сколько зим просвистело
за оконным стеклом,
сколько весен звенело
в Иртыше серебром...
Вы по-прежнему ясно,
смело смотрите в жизнь.
Вы душою прекрасны.
Чужд вам женский каприз.
Зная радость в работе –
отдаетесь ей вся.
Да, года с позолотой,
нелегка и стезя.
Время бедами метит
каждый день, каждый час,
но ведь счастье же светит
иногда и для Вас!
Этажом живем выше,
этажом живем ниже –
Ваше сердце я слышу,
Вашу горечь я вижу!
Как Вам хочется верить
в близость преданных душ
и светить в жизни серой
огоньком давних дружб!
В чистый день сокровенный
тайного Рождества
Вам желаю везения,
женских чар – божества!

В РЕСТОРАНЕ

А ты ничуть не постарела,
еще прекрасней расцвела.
Бровей смолистых, жгучих
стрелы

летят над краешком стола.
И откровенность плеч открытых,
улыбка губ, движение глаз –
возникли тайной позабытой
в далекий тот,
прощальный час.
Степей хакасских, полинялых
ковыль ласкает мне лицо...
Я захотел, ты поменяла
позолоченное кольцо.
Сверкая,
с седовласой пеной,
унес волну вдаль Енисей...
И забывал я постепенно
ту красоту в угаре дней.
И Абакан, как бы в тумане,
все растворялся и мельчал,
и, словно камень на кургане,
я высыхал, белел, дичал...
Но горделивые Саяны
и храп коней,
твой тонкий стан –
опять возникли сном случайным,
и, как тогда, тобой я пьян.
Да,
ты ничуть не постарела,
еще прекрасней расцвела!..
И беспощадно, жгуче стрелы
летят, разят...
Как ты мила!

В ДЕНЬ ВЕСНЫ

Еще снег и мороз,
Ярким лучиком, нежным,
солнце светит в глаза,
согревает плечо...
Поздравляю я Вас
с первым праздником женским,
много праздников Вас
ожидает еще!
Золотая пора!
Исполненье желаний,
в зрелом возрасте их,
как подарков, не счесть.
Вы – любимая женщина,
бабушка, мама.
Вы – земная, но в Вас
что-то тайное есть.
Не весенняя синь,
не июля цветенье –
в вас осенний пожар
сладострастных садов!
Красоте, волшебству
и святому горенью
в День Весны, в День Любви
поклониться готов!!

31. МИГ – И ВЕЧНОСТЬ

В лице прекрасном –
Миг и Вечность!
Так близко звезды чудных
глаз.
Они мне часто душу лечат
с надеждой вновь увидеть Вас!!

Царство лесное...
Внутри озерко
с бликом рассветным.
Мне одиноко
и странно легко
в проводах лета.
К пристани тропка ведет в камыше,
еле заметна.

Тихо,
уютно с утра на душе –
кончилось лето!

Солнцем сочится
березы листва
в каплях росистых!
Как беспредельна вверху синева
осени чистой!

В синей пустыне,
в небесной дали
кликают стаи,
словно по морю плывут корабли,
белым блистая.

В царство лесное
зовет озерко
чаячьим криком...

Мне одиноко,
приятно, легко
в сне полудиком.

Сети проверю,
ушицу сварю
с перцем душистым...

Я одиночество боготворю
осени чистой!

Как стали вечера тихи
в морозном
свете...
Хотя дела твои плохи –
терпи, не сетуй!

Ты все хотел свободней жить,
служить талантом –
и только правдой дорожить,
но нет гарантий.

Вокруг теперь царит разбой,
всем злоба правит...
Шельмует всяк твоей судьбой
и душу травит.

Да, с нищетою сладишь сам,
найдешь и хлеба,
но как открыться небесам?

Что скажет небо?
В Христа не веришь –
Бога нет,
есть только вера,
что небеса подарят свет
в день серый.

Чтоб грудью полною дышать
и жить свободно,
ни в чем не надо подражать
кичливой моде.

Скромнее пусть,
зато – свое!
Своя кровинка.

И верь:
посветит волшебство
душе невинной!

Снежком с утра запорошило
продрогшие насквозь поля.
Не спрятать грусти,
словно шила
в мешке,

глаза мои болят...

Снег ослепляет белизною
и мучит чистотой до слез.
Дорожка светит бороздою
среди пышных,
в инее,

берез.

Белым-бело...

Пустыня жизни...

Я сам притих,
как в землю вмерз.

И размышляю с укоризной:
а до приюта – сколько верст?
Где он, предел

тревогам, мукам
на этой стынувшей земле?
И взгляд опять печали мутят,
как ты того бы не хотел.

...А лес красив
и не заслежен,
и небо в дымке голубой!

О, край родной –
не жил я, не жил...

Как мы расстанемся
с тобой?

НЕ ВЕРЮ...

Я слезе твоей давно не верю:
среди насмешек, всякой чепухи
дразнишь ты во мне подспудно
зверя,

забывая про свои грехи.
Женственность с упрёками
порочна,

и смиряясь, их пока терплю...
Но не слишком многого ты
хочешь?..

– Я тебя, как раньше, не люблю!..

РОЖДЕСТВО

День рождественский теплый,
без ветра.
С неба хлопьями сыплет
снежок.

Да, молитвы –
лечебное средство,
если кто-то душой занемог.
Я молился от зла, наговора,
и от сглазу и всякой чумы...
Бог у каждого – свой,
и не спорят
о чудачествах

те, кто умны.
Снег пушистый все кружит и
кружит,
он не хочет касаться земли.
Христарадничать вовсе не
нужно,

вижу белую церковь вдали.
Непорочная дева Мария,
богочтивым не стану вовек,
только вера и мне подарила
в сердце святость –
ведь я человек.

Тайное нам от рода не чуждо,
и любовь к ближнему,
ко Христу...

Но в загробное верить так
трудно:
рай всевышний

мне не вмоготу!
И хотел бы я в светлой рубашке
в час последний прийти
на лужок,
поклониться ручью и ромашке,
из ключа выпить
чистый глоток!

ЗНАКОМОЙ КРАСАВИЦЕ

А в тебе на глубине
жуткий, темный омут,
быть с тобой наедине
не желал б любому.
Где-то рядом ясный день,
лес и птички трели –
а в тебе ночная тень,
холодок метельный.
Рядом запахи лугов,
росы и рассветы,
рядом свет живых цветов –
ты же безответна.
Нет в тебе любви ручья,
нежной, светлой песни...
Тем горда, что ты “ничья”?
– Не хочу быть вместе.

Снег, из низкой тучки выпадая,
хлопьями летит среди ветвей...
Кажется он – лебединой стаей,
если взгляд прищурить посильней.

С ТОБОЙ РАССТАТЬСЯ НЕ МОГУ

Уйти бы надо— не могу...
Сказать в ответ, в словах взорваться,
и попытаться — разобраться!..
Но молча я чего-то жду....
А недомолвки, твои ссоры,
претензий всевозможных груз
сильней всё давят — и боюсь:
разъединить нас могут скоро.
Я пытки все пока терплю,
Бегу из собственного дома
Порою даже к незнакомым...
О, как я ругань не люблю.
Быть может я не берегу
тебя, очаг семейный...
Может
У нас характеров несхожесть!?
Расстаться бы — но не могу.

ПЕРВЫЙ ЛИСТОПАД

Творится на душе разлад —
мир предстаёт в превратном
свете.

Пугает первый листопад
дыханьем стынувшего лета.
Быть может, испытанье сил —
вся эта скверная погода.
... Так долго дождик моросил
до твоего прихода.
Балкон продрог... Среди цветков
в горшочках, жёлтоватой меткой,

прозрачный тополя листок
пожухлой коркой светит...
Причин не видится пока
трагедии и драмы,
но с желтоватого цветка —
предательское пламя!
... Закрою наглухо балкон
(порывы ветра, свисты),
скользит по крыше небосклон
и сыплет дождик мглисто...

Тепло в машине под брезентом,
по крыше тарабанит дождь —
при мысли об ушедшем лете
по телу пробегает дрожь!
Полупроснувшись,

ощущаю,
как приближается рассвет,
и медленно я одеваюсь,
и не включаю даже свет.
Пусть Иван поспит немного:
ему сегодня в ночь рулить,
грязища будет на дороге —
а надо двести верст пилить...
Открыл машину —
ветер льдистый,
и серый сумрак над водой.
Накинув плащ,
иду на пристань,
по сторонам — камыш
стенной!

Беру насос,
качаю лодки,
готовлю сети,
чучела...

И стройность
с твердою походкой
моя фигура обрела.
Размялся и согрелся малость,
дышу всей грудью на ветру —
и не пугают годы,
старость!

В рассвет уверенней смотрю!

Там,
где волны сбрасывают пыль,
где черта свиданий проходила,
там, на волнорезе, ждать любил,
чтоб тебя
ко мне волной прибило...
Появляясь в брызгах предо мной,

ты на камень скользкий выплывала.
Он, зеленый,
с мягкой травой,
становился, вроде пьедестала.
И твой тонкий
профиль над водой
в бронзовом загаре,
под лучами
отливал такую чистотой,
что в висках
прибоем кровь стучала!
Волнорез от берега вдаль —
волны бьют... шипит,
стекая, пена...
Рядышком проходят корабли.
Нам с тобою море по колено.

Над талою весеннею водой
сверкает зелень молодых побегов!
О, где же вы, оставленные мной
улыбки,

увлечения,
победы?!..

Я разучился весны понимать,
я многое теперь не замечаю,
и кажется пустынной луга гладь,
и призрачность миражная пугает...

Но рядом травы
зеленью лучей
пробились сквозь сияющие лужи,
и этот мир,
огромный и ничей,
опять меня в своих объятьях кружит.
Я подхожу

и пальцами ловлю
на гибкой ветке почку золотую,
и терпкий запах
снова я люблю
— и эту иву я к тебе ревную!
Не замечая,

как и для чего,
я с хрустом
прутик тоненький
ломаю,
и на губах творится колдовство:
горенье поцелуя ощущаю!
И молодею снова я душой —
я тайное весны опять изведаль..
Над талою весеннею водой
сверкает зелень
красотой победной!

32. ПРИБРЕЖНЫЕ РОЩИ

ЛОЖБИНА

Луг искрит закатом синим,
 воды талые сошлись
 по низине на ложбину.
 Отразилась в водах высь!
 Гуси, лебеди на плёсах.
 Лодка, сети – капли с
 вёсел...

МОЯ БЕРЕЗА

Декабрь.
 Моя береза во дворе
 в хрустальных ветках, серьгах
 утопает,
 сверкает в непорочном серебре,
 как Королева Снежная, святая...
 Но странно - в бледных отсветах
 зари
 я женский лик так близко разли-
 чаю:
 румянец на щеках, - иль снегири
 на ветках... И опять души не чаю!
 Прошло немалых долгих, труд-
 ных лет,
 а предо мной все тот же ясный
 свет:
 в костюме белом, светлая,
 с улыбкой
 пронзительной,
 по даче Вы прошли
 среди цветов... И может,
 по ошибке,
 вдруг биотоки сердце
 мне прожгли!..
 А вечером ушли Вы не одни,
 и были отчужденно холодны...
 Но с той поры нет образа светлей!
 И вот сейчас в мерцающей заре
 я вспомнил: день рожденья
 в декабре
 у Вас... О Боже, даже – юбилей!..
 Что б ни было – судьбу благодарю,
 Вас и березу снежную – ЛЮБЛЮ.

ДРЁМА ЛУГОВАЯ

А день с утра безоблачен, горяч.

Поникли травы, вянет лист
 берёзы,
 гудят шмели.
 И на поляне грач
 вздремнул, над ним парят легко
 стрекозы...
 Пылит дорога на краю
 села,
 там стадо медленно бредёт
 до речки.
 Сижу я в лодке – с мокрого
 весла
 срываются блестящие
 колечки.
 И нет конца ни дрёме
 луговой,
 ни дымке призрачной
 с речной излучины.
 А солнце плавится над
 головой,
 и на воде играют в жмурки
 лучики...

ЗАКАТ

Золотые плывут облака.
 Золотистые блики на
 речке.
 Рыжие у лошадки бока
 влажной шерстью
 отвечивают.
 С красным блеском
 горшки на плетне.
 Огненные над крышами
 трубы...
 И алеет одежда на мне.
 Жаром дышат собачьи
 губы.

БЕРЁЗОВАЯ РОЩА

Она стоит над речкою
 царевной.
 Возвышенная – светит и
 искрит!
 Иду я к ней на исповедь,
 как в церковь:
 в листе зелёной божество
 горит.
 Вхожу под ветви:
 тишина сквозная.
 Прохладу ощущаю
 на лице...
 Берёзка – мать, в коре твоей есть
 шрамы,
 они – воспоминанье об
 отце.
 Отце, погибшем в
 страшную войну...

И эту горечь я в душе
 храню.

УЙДУ ТРОПОЙ...

Если верить я устану
 всем улыбкам и словам,
 если друг меня обманет –
 не пойду с обидой в храм.
 А уйду тропой лесною
 к речке светлой, к
 родникам.
 Приклонюсь я головою
 к ивам, травушкам,
 цветам.
 Надышусь... Напыюсь...
 Поверю
 в лучший, солнечный
 рассвет.
 И у птицы, и у зверя
 «Как мне жить?» – спрошу
 совет.

БЕССОННИЦА

Над озером – огромная луна,
 поблескивают лодки на приколе.
 Вокруг кусты, камыш и –
 тишина...
 Я слышу лай собачий в дальнем
 поле.
 Костёр погас.
 С надрывами храпит
 напарник мой, уставший
 на болоте...
 Луна так низко над водой висит –
 видны мне камышинки
 с позолотой.

ВМЁРЗШИЕ СЕТИ

Покрылись льдом
 камышовые плёсы,
 и первым снежком
 ветер иней разносит.
 И чаек не слышно,
 и утки не кричат...
 Ночь холодом дышит
 на лоб мой горячий.
 На плесе, раздетый,
 веслом лёд долбал
 и вмёрзшие сети
 весь день добывал.

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Дождь бил в лицо с порывом
 ветра,
 с небес катился грозный гул...
 Возле берёзы встал под ветви.
 День летний в сумрак потонул.
 Прошли минуты.

Ливень схлынул,
скатились тучи за леса...
До блеска дождичек всё вымыл –
и капли всюду, как роса!
Вмиг солнце брызнуло лучами,
зацвёл и заискрился простор.
Очнулись птицы, закричали –
и в грудь мою вошёл восторг!..

ШУМ БЕРЁЗ

Ветра нет.

Но в тихой зорьке
слышу близкий шум берёз:
в нём – полыни запах горький,
в нём – шептанье дальних звёзд.
В нём – все звуки пробужденья:
всплеск крыла дремавших птах,
капель росных вниз скольжение
и букашек первый страх...
Листья ото сна очнулись –
и лепечут, и поют.
Веточка слегка качнулась –
муравьи по ней ползут.
Тонко тенькнула синица,
сети вьёт свои паук...
Лёгкий пар внутри струится,
и скрипит засохший сук.

ЗИМНИЙ РЯМ

Под вечер так зелено в мягком
ряму!
Снежинки затеяли в нём
кутерьму:
с верхушек скользят...
в ветках лепят снежки...
и алую ягоду прячут в мешки...
Старик по лыжне на заимку
спешит,
и взгляд молодеет от веток
зелёных,
а лайка его на поляне в тиши
крадётся вдоль лунок, в снегу
затаённых.
В тех домиках –
лунках те-те-ре-ва,
с деревьев слетев, будут спать до
утра.
И лайка сторонкою птиц всех
обходит –
лишь соболь и белка нужны ей в
охоте.

ЛЕСОСЕКА

Был отец мой дровосеком,
брал меня с собою в лес.
Помню я, как в лесосеке
на деревья, к гнёздам лез...
И журил меня отец:
«Не слети с ветвей, скворец!».

Я – ЧУЖОЙ

Я в лес вошёл – сплошная тишина.
Покачивает ветка мирно листья.

И лишь пчела передо мной одна
на маковке цветка нектар всё ищет.
Две-три минуты длилась немота,
лес очнулся, ожил :
Крик птичий, шорох с каждого
куста...
Да, я – чужой здесь,
а точнее – прохожий.

НА РЕЧКЕ ШИШ

Легко взбираюсь я на кручу.
Былинный яр, тропа – узка...
В еловых лапах малый лучик
мелькнул прощально, с высока.
Вхожу в овраг.
В нём – сумрак, сыро.
Клокочет дико водопад.
Поляна впереди открылась,
и аlostью цветы горят...
По грудь таёжные цветы –
необычайной красоты.

РАЗВЕДРИЛО

С утра метались тучи,
и ветер листья рвал...
Разведрило –
и лучик
на лодке засверкал.
Вылажу из палатки
на солнечный простор
в одежде влажной,
мятой –
глаза свои протер.
Разведрило!..
Разведрило
и в мыслях и в душе!
И воля стала твердою,
и весь я посвежел!..

Камыш стеной темнеет вдоль
причала,
над ним кружа
в наплывшей тишине,
как по сигналу, чайки замолчали

и сели на прибрежном зыбуне.
Я задремал...

С лохматыми бровями
Емеля-дед
рукой убрал зарю,
прикрыл луга туманным
покрывалом
и заложил табак себе в ноздрю.
И так чихнул,
что молния упруго
свилась над колосащеюся
нивой...
И рассмеялся, сотряса округу...
...Проснулся я,
а надо мною – ливень!
Сверкали молнии,
грома гремели...
И я залез под лодку,
как сурок,
и вспоминал про дедушку Емелю.
А сон-то
в руку –
слыл дед
как пророк!

Я В ГОРОДЕ СКУЧАЛ

Через ночь дорога пролегла...
Вызвездило и похолодало...
Огоньки знакомого села
на ночлег манили, как бывало.
Только некогда передохнуть,
и гудит мотор, свистят колеса...
Близко в небе вьётся Млечный путь,
полумесяц – словно знак вопроса.
...Вот озёрный рям, камыш,
причал –
как я в городе без вас скучал!

ЛЕСОСТЕПЬ

Здесь – осины, там – берёзы.
Синь поляны меж лесов.
Остывает отсвет розовый
летающих облаков.
Островками перелески...
Лесостепь –
мой край прелестный!

33. ТВОЯ ЛЮБОВЬ

Твоя любовь –
не легкая пыльца,
что веет с яркой розы золотистой...

Твоя любовь –
не красота лица,
хотя и ей могу вполне гордиться!
Твоя любовь –
не синий небосклон
и прелести всего земного рая...
Твоя любовь –
от бед любых заслон,
когда хожу по острому краю!
Твоя любовь –
высокой чести долг,
в ней материнство,
женственность, забота,
и если я чего-то в жизни смог,
то это ты мне помогла,
не кто-то.
Твоя любовь –
рассветный, ясный свет
и луговое майское цветенье!..
И без тебя,
пожалуй, просто нет
меня, семьи –
всей жизни продолженья!

Я НЕ ПРЕДАМ

И пусть мерцает холодно
восход,
и в ночь, порою, лужа
замерзает,
но скворушка нам
радостно поет,
что время для влюбленных
наступает...
Цветет сирень, белея, по
садам –
и в небе синем – с громом
первый дождик!..
Своей любви к тебе я не предаю,
я с нею до весны желанной
дожил.

Ты, как эти дни, непостоянна,
как ручьи, как талые снега!..
То – смеёшься звонко,
неустанно...

То, вдруг, молчалива и строга.
Я люблю лучи твоей улыбки,
я ловлю задумчивый твой
взгляд...

Утром было солнце!..

По ошибке

к ночи разразился снегопад.
Потемнело небо, помутнело –
мокрый снег кружится допоздна,
улица под вечер побелела,
словно здесь и не была весна.
... У окна сидишь, прилежно
вяжешь,

поправляешь шторы и молчишь...

Ничего не спросишь, не
расскажешь –

и меж нами тягостная тишь.

Знаю я, придёт пора – растают
все снега, в саду мы будем жить!..
– Но какие холода пугают,
если ты не можешь не грустить?!

Ветра промчались тёплые
с ковыльной стороны,
тугие почки лопнули
среди майской тишины!..
С утра листва зелёная
одела тополя...
Во взглядах всех влюблённых
рассветинки горят!..
Плывут гудки над речкою
в безбрежный небосвод.
И птичьими наречьями
гусиный клич – с высот.
Грачи слетелись стаями
на влажные поля!..
Оттаяла, оттаяла
родимая земля!
Как вольно, легко дышится
под первую листвою!
... В шуме веток слышится
далёкий голос твой!!

Ты в глаза мои гляди почаще –
и поверишь чувству моему.
В них увидишь огонёк горящий –
это сердце светит через тьму!
Ни ветра и ни ночная слякоть
не страшны, когда с тобой вдвоём.
Если жизнь заставит нас
заплакать –
взявшись за руки, переживём!

ШУТКА

Умру – одиноко поплачешь...
Жить буду – поплачешь вдвойне!
Ты дорого очень заплатишь
за то, что понравилась мне!!!

Солнце светит над поляной,
а подснежников все нет...
Ты опять непостоянна,
как ручьи,
как вешний снег.
То смеёшься,
то ревнива...
То добра,
а то строга...
Вечером была счастливой –
ночью выпали снега.
Ты проснулась,
брови хмуришь,
отвечаешь невпопад,

у окна сидишь понуро.
Вновь под снегом тихий сад.
Кто в глаза твои заглянет,
душу кто твою поймет?
Ты со мной непостоянна,
как ручьи,
как вешний лед.

Днем ты –
свет в оконце!
Ночью ты –
луна!..
Проживу без солнца,
обойдусь без сна.
Лишь была бы рядом,
улыбалась мне –
много ль счастья надо
людям по весне?

ТЫ – СВЕТИЛАСЬ!
Заметно прибавилось сини
в проталинах меж облаков...
Я сердце, как будто бы вынул –
и талой водой его вымыл
в сверканье несбыточных
снов!
Но солнце под вечер
скатилось
в озёрную тёмную глубь...
А ты вдалеке мне светила –
как божья, забытая милость,
с улыбкой таинственных губ.

Желтоватые поляны
на опушке меж берез
терпким запахом дурманят,
душу трогают до слез.
Отгорели, отшумели
листья ветреного дня.
С грустным полем неужели
столь созвучий у меня?!
Эти думы, эти шумы
мне поет густой овес.
У березки тонкой, юной
ветер блески рвет из кос.
Только озими нет дела
до ветров и холодов.
Как она зазеленела –
поклониться ей готов!
Вновь шагаю луговиной
к светлой речке у рямка
и, раздумием гонимый,
хмурю брови я слегка.
Но на сердце прорастают
для тебя любви слова –
словно птицы вылетают
там, где в небе синева!

Снег закрыл небеса и просторы,
хлопья снега чисты и нежны –
как узоры
на легких шторах
у далекой,
но верной жены...
Страхи прочь!
Прочь завесы и дымы!..
Дань забудьте,
раскаянья нет –
я прощенья прошу у любимой
через сотни сомнений
и бед!
Я на озере диком,
пустынном
зло ломаю предательский лед,
и опять предо мной
тлен незримый
и грозный судьбы поворот!
Оступись на мгновенье –
и сразу
смертным холодом
будешь сжат...

Я тобою давно наказан –
как,
не знаю,
вернуться назад.

За окном метельный ветер
свищет,
в проводах тоскливое нытье!..
Захотелось мне, грустя,
помыслить
и понять насущное, свое!
Вышел в поле...
Сумрачно и дико
волнами поземка вдаль скользит,
слышу храп коня, полозьев
скрипы...
На лугу знакомый стог стоит.
Он – под шапкой снежной,
великаньей –
весь пропахший травами, теплом.
Грустное мое воспоминанье
об охоте, лете,
о былом!
Милое бродяжничество!..
Тайна
увяданья,
крики журавлей...
Что же вечно в жизни,
что случайно,
что же главное в судьбе моей?!
Я преподаватель,
я учитель –
вечное, святое ремесло!
Как мне быть сегодня,
подскажите,
если в душу снега намело?
Голод приближается, разруха,
хватит ли терпенья,
наших сил
побороть нужду, собравшись с
духом,
чтобы день счастливый наступил?

ЛЮБИМАЯ, ПРОСТИ...
Аэропорт...
рекламные огни...
турбины отгремели,
ставят трапы...
Слежу я издали
за профилем одним –
он ближе, ближе –
как огонь из мрака.
Подходишь... “Здравствуй...
Где твой поцелуй?”
В глазах усталых
чистота и нежность.
“...И не смотри так строго,
не ревнуй,
я прежняя,
не надо быть железным...”
Целую, вещи медленно беру...
Бреду к машине...
О какой измене
я грезил?..

Сам теперь, как на духу,
готов стать на колени!
“Любимая, прости!..” –
шепчу себе,
но холодны мои движенья,
речи...
Проходим в взбудораженной
толпе,
и близостью своею лечишь,
лечишь...
“Любимая, прости!..” –
твержу, твержу,
из плена тяжких бредней
вырываясь,
и с прежней нежностью
тайком слежу,
как прядь волос
ты тихо поправляешь.
“Любимая,
прости меня, прости!..”
...Закрывает дверцу,
мне в плечо уткнулась:
и по щеке, блеснув,
слеза скользнула...
И вспыхнул свет
На вздрогнувшем пути.

ДАЖЕ ВО СНЕ ПОНИМАЮ
Здесь, где лохматые сосны
таёжную пьют тишину,
в одежде ещё не просохшей,
я по-мертвецки засну.
Будут медведи мне снится
и рой мошкары на тропе...
Приснится, как с первой зарницей
я возвращаюсь к тебе.
И нежно тебя обнимаю
в сотый, наверное, раз...
... Но даже во сне понимаю:
как далека ты сейчас!..

Заснеженность,
заснеженность...
Березок бахрома.
Из холода и нежности
сугробы-терема.
Сверкает поле белое,
а дальше – гребни крыш...
И что с собой подедаю,
когда в глазах стоишь.
Не ты ль поешь полозьями,
щеглами метишь путь,
не ты ли с веток гроздь
ссыпашь мне на грудь?
Сквозь прозрачную сетку
ветвей и куржака
следишь ты, незаметная,
ревнива и строга.
Летят снежинки, кружатся,
скользят в сугроб, скользят...
И дарит силу, мужество
Твой негасимый взгляд!

34. ПРЕДЗИМЬЕ

Неяркий лист осеннего ковра
ласкает шаг, уводит в перелески.
Речная заводь –
в бликах серебра!
Из кочкары бекас взлетает
с треском.
Зигзагами – всё выше, всё
быстрей!..
Крикливый чибис над собакой
вьётся.
В высоком небе – нити журавлей.
Под ледящим ветром ива
гнётся.

У БАБУШКИ МАРФЫ
Деревня Покровка над льдиною
Ошей
встречает меня белой первой
порошей.
И грузные гуси по тонким
ледышкам
на лапках скользят
и гогочут с одышкой.
Над самой рекою –
с резьбою изба,
тесовый забор, новая городьба...
У бабушки Марфы пытит
самовар, -
оладушки, вафли...
Над блюдами пар.
У бабушки Марфы варений
не счесть,
А в вазе цветной леденцы
даже есть!

ЗА СЕНОМ

С дедом в сани на солому
в шубе старенькой сажусь.
Нас Серко везет из дома
в поле, к белому стожку.
Снегири алеют в ветках.
Стороной летят щеглы...
А под шубой – воздух
летний,
пар плывет из-под полы.
Вот и стог. Граблями
скинув
шапку снежную, кладем
воз... Цветами

пахнет, тмином,
клевером... Грибным
дождем!

В ЗИМНЕМ ДЕНДРАРИИ
Я гуляю по зимнему лесу,
для тебя сочиняю стихи...

Вот в кустах кто-то
веточкой треснул...
Вот щеглы просвистели,
лихи!..
Снегири на сугробе алеют.
Сосны, ели – вокруг
зелено!
О весне той давно не
жалею,
и, признаться, тебе все
равно.
Вдоль поляны поземка по-
лисьи
заметает тропинки мои...
К неотправленным ранее
письмам
эти, несколько строчек,
возьми!

с. Подгородка

ДРЕВНЕЕ РЕМЕСЛО

Из прутьев ивовых мордушку
я с дедом у реки плету.
Он – в обод сверху,
словно в ушко,
вставляет прут – я снизу жду.
Веду дорожкой обводною,
и прутья мягкие, как жгут,
сверкая влажной белизною,
за кругом круг бегут, бегут...

ЛИК ПРИРОДЫ

Смотрю любовно в лик Природы.
Рождаясь, яркая заря
сквозь ночь таинственно восходит
с призывной песней глухаря...
День проступает, в струйном
свете
поляна нежит васильки.
Вот резеда и горчицеты
раскрыли к солнцу лепестки.
Пичуга свищет в перелеске,
над полем жаворонка трель,
вновь чибис надо мною резко
кричит...
И длится вечность день!
Но к ночи шум и гам стихают,
немеет мрачный небосклон.
Взошла луна...
Дышу – стихами.
Земля чудесный видит сон.

ДЕД МИТРОФАН

В щель сарая влез хорёк,

и зверюшке невдомёк,
что охотник – дед сердитый
в дверь капкан установил,
натянул две сетки скрытно...
Кур пропавших не забыл.

Порозовело - к холоду...
Мерцает небосвод.
Лед в лужице расколотый,
скользит - и звон идет.
Дождлив ноябрь. До снега
совсем недалеко...
Стог выбрал для ночлега,
влезая глубоко.
В нем пахнет лугом свежим!..
Дремлю... Мне коростель
поет... И пухом нежит
волшебная постель.

ЗАЯЦ-БЕЛЯК

Месяц из-за тучи
показался.
В небе тёмном – проблески
зари.
Холодно в лесу и страшно
зайцу –
шёрсткой белой на снегу
дрожит.
Ночь длинна для зайца-
беляка,
он, вскочив, бежит вокруг
леска.
Чу! Вот с боку свежий след
лисицы –
где она, среди каких
кустов?
И зайчишка прочь,
подальше мчится,
а за ним следы больших
прыжков.
Впереди плетни и огороды,
лай собак.
И здесь не в первый раз
от лисиц защиту он
находит...
Светят окна в избах сотней
глаз.

ВОЛЧИЙ ВОЙ

Лунный свет...
Хруст морозный,
печальный –
на снегу лап огромных
следы.
Волчий вой от болотины
дальней
наплывает в просвет
городьбы.

Под навесом – скотина в сарайке.
 Пар над крышей в соломе встаёт.
 И Мурзилка – отменная лайка,
 чуть визжа, сзади робко бредёт.
 Я с берданкой, пацан деревенский,
 обхожу сеновал, огород.
 Рядом – лес, затаились деревья.
 Сорок третий, военный, год...

У ПРОРУБИ

Отсвечивает лед металлом,
 застыли копыта камыша...
 А прорубь в пузырьках метана парит,
 еще теплом дыша.
 Мальки сверкают в синей глубине,
 травой зеленой пахнет ил...
 О, злой мороз, ты все погубишь – у
 речки мелкой мало сил.
 Быстрей бы снегом обметало
 ее крутые берега.
 Ведь как-то было: промерзала
 до дна, и рыб не сберегла.
речка Оша.

ВОЛК

Его поймал в капкан охотник.
 Набросив сетку, как в мешке,
 тащил верст десять по болоту...
 Потом повез в грузовике...
 Потом на поезде... И вот –
 волк в цирке месяц уж живет.
 На войлоке, в железной клетке
 встречает мрачные рассветы...
 Он пищу не берет с подноса,
 и не скулит, и не рычит –
 хоть дрессировщик кнут подносит,
 размахивает и грозит...
 Волк похудел – одни лишь ребра,
 да взгляд горящий, ярый,
 злой...
 Медведь-сосед с улыбкой доброй
 советует: не будь такой.
 Все звери в цирке – тоже звери,

а за заботу и доверье
 выходят на манеж с охотой,
 забыв поля, тайгу, болота...
 Но исподлобья волк
 глядит,
 медведю грустно говорит:
 “Какое это унижение –
 здесь умер тигр от ожиренья!...
 И от тоски тот бегемот
 кричит, что скоро он помрет...
 Нет, лучше буду всем врагом,
 чем за кусок вилять хвостом!..
 Я не хочу смотреть на суку,
 что клоуну вон лижет руку...
 Пусть обезьяна ест объедки, –
 вот тетя та, ей – как соседка.
 Кто на кого похож – не ясно...”
 ... И волк подох – то былъ,
 не сказка.

РАННЯЯ ЗВЕЗДА

Над речкой гаснет ясный день
 и, розовея, облака
 в закатную уходят тень...
 Звон тихий – свысока.
 Восходит ранняя звезда,
 как малый уголёк –
 плывёт по небу наугад...
 Как свет её далёк!

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Внимательней, пристальней,
 строже
 смотрю на летящий поток!

Машины, как люди, не схожи:
 та – бедность, та – роскошь, та –
 Бог!..
 Подъезды, витрины – в огнях!
 ... А в сёлах – езда на санях...

ИЗМОРОЗЬ

Выбелила изморозь
 ветки, провода...
 Мне знакома издавна
 эта красота.
 Снежный лес сверкает
 пышной бахромой,
 иней рассыпая
 пухом предо мной.

ДЕНЬ ОТГОРЕЛ

Осенний, тяжкий день
 с молитвами и музыкой, и с
 плачем...
 Не стало мамы, за порогом
 – тень,
 и я иду в полях один,
 незрячий.
 И влажная, остывшая земля
 стучит и ропщет гулко под
 ногами.
 ... Там, в черной рамке, боли
 затая,
 на кладбище осталась моя
 мама.

ВОЗВРАЩЕНИЕ С ОХОТЫ

Терпко пахнет листвою опавшей,
 свежей сыростью ветка
 сквозит...
 И луна, словно ищет пропажу,
 тусклым взглядом по лесу
 скользит.
 Ветер стих... Белой прядью
 тумана
 покрываются речка и луг...
 Там, в избе, одинокая мама
 задремала... Ей чудится стук.

ОСЕННИЕ ДНИ

В поднебесье синем
 вызревает иней,
 клич плывёт гусиный
 с белым пухом зимним!
 На озёрах клекот
 лебединой стаи,
 паутины блеклые
 на шестах мелькают.
 А на малом плёсе –
 лёд, во льду – подранки.
 И кричит мне слёзно
 выпь на зорьке ранней...

35. СНЕЖНЫЙ ИНЕЙ

В Рождественскую ночь

Январь – «просинец» по древнеславянскому календарю называется «синчик-лед», а на Руси его именуют «ледовый месяц» или «лютовей». Середина зимы. Вьюги и метели выбелили всю округу. Повсюду – сугробы, на кустарнике – бахрома инея. Снег причудливо висит на березах и осинах. В елочках, на лапнике – целые комя, похожие на неведомых зверей.

В лесу, девственно чистом и очарованном, царит лунная ночь. В морозной тишине потрескивают сучья. По нетронутой целине пороши через поляну проскакал заяц-беляк и скрылся в молодом осиннике. Торопится на поздний ужин. Продираясь через можжевельные кусты, движется стадо лосей во главе с рогатым старым быком. Лоси на ходу жадно хватают губастой пастью душистую зелень и аппетитно жуют хвойную жвачку. На высокой сосне вылезла из дупла белка, лущит орешек. Где-то невдалеке пропищал бурундук...

Лесная жизнь к полуночи понемногу утихает. Даже слышится чей-то храп. Под поваленным деревом, в сугробе – небольшое отверстие. По краям – изморозь, просачивается легкий парок. То медведь, сладко посапывая во сне, дышит из берлоги в свою снежную форточку.

Тетерева и куропатки еще с вечера понырjali в пушистый снег на дальних глухих полянах. Им в лунках, как в домиках, тепло всю ночь.

И только долго не засыпают волки и рыси. Они неустанно рыщут в поисках добычи. Да белая сова, наблюдая, как страж, с высокой ветки, не сомкнет глаз до самого утра.

Снежная книга

С утра выпал небольшой снег. По свежей пороше спешу в лес, надев широкие охотничьи лыжи. За плечами у меня, четырнадцатилетнего пацана, висит берданка 32 калибра.

Сразу за скотным двором попались первые четкие следы русака, ведущие к скирдам соломы. Здесь он ночью кормился, и его тропа уходит в направлении Марьиной согры, на лежку. В мягкую, тихую погоду заяц, напетляв и запутав след, лег где-то поблизости. Но он меня сегодня не интересует.

Огибаю березняк. На конопле кормится стайка красногрудых чечеток, а чуть дальше, на опушке, видны следы двух куропаток. Глубокие бороздки от лапок птиц заканчиваются широким росчерком крыльев, оставленным при взлете. А вот, наконец, главный объект моего внимания – лисий след.

Крупный, заметный. Отпечатки лап – как на книжной странице. Переставляю лыжи рядом со следом и таким образом, миновав колок, выхожу на большую поляну. Лиса с ходьбы перешла на мелкую рысцу. Видно, как задние лапы при аллюре попадают в отпечатки передних. Следы левой и правой пары ног располагаются на одном уровне.

И так – метр за метром, вдоль узкой ленты-цепочки пересекаю поляну, вхожу в овраг. След петляет по краю оврага, извивается при выходе к болотцу, сворачивает к куче валежника. Почуввав в нем добычу, лисица переходит на охотничий нарыск, и след плутовки стал более прямолинеен. Стайка куропаток наследила в кустарнике и при приближении кумушки вовремя взлетела, оставив на снегу рисунки перьев.

Вот лисья строчка вышла на следы косуль, стала незаметной. Общая тропа неожиданно перешла на санную дорогу. Неопытный сразу и не различит: где какой след?

На поле впереди – несколько куч соломы. Лисий след у первой копны резко свернул с дороги, подошел к копне. Вот четыре отпечатка лап – вместе. С края копны – поковки, выброшенная из норы земля, травяная ветошь. И на снегу – редкие капельки крови от мышей-полевков.

У второй копны – тоже поковки, но в стороне – отпечатки лап от длинных прыжков, разрытый снег. И снова – капельки крови. А затем лиса подалась в таловые кусты, где остались перья куропатки. Здесь ей явно повезло.

На дневную лежку хитрюга забралась в молодой густой березняк. В середине его – два поваленных деревца, вокруг – рыжий бурьян. Как подойти на верный выстрел?..

Огибаю осторожно колок, подхожу с подветренной стороны. Но все напрасно. В желтой траве – небольшая, оттаявшая свежая ямка, в стороне – обратный след. Плутовка бесшумно исчезла в густых зарослях. И это уже в который раз. Оставила на снежной странице замысловатые следы.

Ондатровые «домики»

По льду озера метет поземка. Сотни белых ручейков разбегаются и снова сливаются в белопенные волны. Местами уже образовались снежные заносы. Вдали чернеют точками согбенные фигурки рыбаков. В мои глаза наплывает бесконечный белый саван, на ресницах и бровях снежный иней, лицо разгоряченное, влажное.

По краю озера, по камышам, виднеются (как небольшие копны сена) белые шапки «домиков» из плотно слежавшегося камыша и водорослей. Вокруг по 2-3 кормушки намного меньшего размера. В каждом «домике» и кормушке – вход и выход из воды. Ондатры часто спускаются под воду и плывут подо льдом к своим кормушкам.

Живут они семьями, и осенью я наблюдал, как всем родом ондатры строили дом и заготавливали корм. То и дело зверьки с длинными хвостами, похожие на кошек с коричневой короткой шерсткой, тащили на кучки «домиков» камыш, а в кормушки – разные коренья. Любопытные, они любят плавать рядом с лодкой охотника, но стоит тебе шевельнуться, как молниеносно ныряют, оставляя фонтаны брызг. В вечерней тишине можно слышать как мелкими, острыми зубами они спиливают тростинки камыша...

Мы с Иваном по глубокому снегу подходим к «домику», он стучит ногой по стенке. Внутри, как горох, посыпалось что-то в воду. Видать, вся семья была в сборе. Через 2-3 минуты подходим к первой кормушке. Стук – и сразу всплеск. И сюда успели приплыть. Точно такое же бульканье и в остальных кормушках. Ондатрам страшно: кто-то сильно качает их «домик» и кормушки, и они, спасаясь, как подводные лодки подо льдом, мчатся с места на место.

Проходим по камышу дальше, вглубь. Там, где маленькие плеса – обязательно копешки под снегом. А его уже – по колено. Скоро снега совсем прикроют «домики» и кормушки толстым слоем, и даже самые лютые морозы не будут страшны зверькам. Заметелят, запоют вьюги, навеяв зимние сны.

Летом мы с Иваном снова придем сюда на рыбалку, и вокруг наших лодок, как возле кораблей, появятся ондатры и станут почетным эскортом сопровождать нас по веселым протокам озера.

Необычная зима

Нынешняя зима с самого начала и до конца оказалась снежной и теплой. В солнечные дни заметно нагревались тихие лесные поляны, от заснеженных кустов шел легкий пар. По утрам поля и леса во всей округе сверкали небывалым роскошным инеем. И чем изменчивее, пасмурнее стояла накануне вечером

погода, тем богаче, разнообразнее одевались на рассвете в белоснежные наряды причудливые деревья и кустарники.

На самодельных охотничьих лыжах чуть свет иду проверять капканы, расставленные на лисицу в таловых кустах у речки. Идти далековато, снег мягкий, глубокий, даже широкие лыжи проваливаются. Капканы осматриваю уже в четвертый раз. Рыжая плутовка обходит замаскированные в снегу ловушки, обнаруживая опасность своим чутким носом. Подходит к приманке не по своим старым следам, а с той стороны, где капканов нет. И уносит лакомые кусочки мяса.

Что сегодня она придумает, ведь я огородил приманку капканами со всех сторон...Миновав большую поляну, подхожу к березовому колку. По краю леса высятся большие узорные сугробы. Между деревьев, из-за снежных завалов, мерещатся всевозможные фигурки неподвижных зверей. Это – медвежонок?!

Подхожу в упор и только тогда различаю: большой черный пенек, на нем снежная шапка, в которой две дырочки-глаза, а сверху торчком – две веточки, словно ушки...

А это – маленький заяц притаился под ивовым кустиком? Ну, все-то есть в этой фигурке, только она не живая, а из снежной бахромы... Чуть дальше из-под поваленного дерева выглядывает неведомый зверь. И он – оже обман...

Вчера на веточках красовались маленькие, ослепительные искорки инея, сегодня же кусты и деревья покрыты ожерельями, похожими на морские кораллы. И свет у них какой-то темновато-синий, необычный. А вообще-то, я более всего люблю ясный морозный день, когда вокруг тебя серебрится миллионами ярких огоньков, рассыпанных легкой порошей, сказочное царство. Обогнув березняк, выхожу к речным талам. Что это? В глубине зарослей, за сугробами, метнулось рыжее пламя.

Следы на снегу

Лес начинался сразу за нашим огородом. По утрам я удивленно рассматривал на чистом снегу свежие заячьи следы.

– Дедушка Илья, зачем зайцы прибегают к нам в огород. Там уже нет морковки и капусты? – недоумеваю я.

Дедушка хитро усмехается, поглаживая свою седенькую борордку. Молчит, а затем спрашивает меня:

– А кого зайцы в лесу боятся?

– Ну, серого волка и хитрую лису – отвечаю я.

– Так вот, – продолжает дедушка, – холодными ночами зайчишкам особенно страшно. Трещит мороз, осыпаются с веток комья снега, светит яркая луна. Им не спится, и они бегут поближе к деревне. Самые храбрые забегают даже на огороды. Их не пугает, что лают собаки. Зато серый волк и лисица очень боятся собак. Так зайчишки и спасаются от них под боком у людей.

35. МОРОЗНЫЕ УЗОРЫ

ЯНВАРСКИЙ ВОЗДУХ
РАСКАЛЁННЫЙ

Январский воздух раскалённый...
 Мороз за сорок – прячу нос...
 Как в новой, беленькой дублёнке,
 мой город инеем оброс.
 Кусты, деревья – в кружевах!
 Зима всем дарит по обновке...
 – Какие белые серёжки
 у той вон, маленькой берёзки,
 на загляденье: «Просто – ах!...»
 ... А окна – в синей поволоке,
 на стёклах – чудные цветы...
 И мнится берег мне далёкий
 и милой девушки черты!

НЕТРОНУТАЯ КРАСОТА
 Дендрарий зимний полудик:
 навстречу в шапках снежных
 пихты...
 сосновый бор... кедрач возник...
 – Повсюду дремлет мир
 притихший.
 С утра – такая белизна!..
 Глаза слезятся, как от счастья!
 И что ни шаг – то новизна,
 и ты к ней чуточку причастен...
 ... Стою под ёлками:
 звенит
 меж веточек струна лесная,
 я слышу – кровь в висках стучит,
 за ворот холодок стекает!..
 Здесь – заячьи следы подряд...
 Там – дятел у дупла зацокал...
 И целомудренности рад,
 счастливый я, и одинокий!

Нетронутая красота –
 как в городах, столицах мало
 тебя, святая чистота!
 Как мне чудес недоставало!..

ЗИМНЕЕ УТРО
 Крик вороний –
 простуженный, злой,
 просыпается в зимней
 роще,
 выплывая из дымки седой,
 кружит в небе, на зимушку
 ропщет.
 Вижу я: на реке – полынья,
 над водой – облако воронья.

Меня окружает завьюженный лес,
 и лыжная змейка по снегу
 ведёт меня зимнею сказкой чудес
 в сугробы серебряной неги.
 Куда ни помотришь, искрит
 белизна,
 знобящая свежесть простора,
 а в ней чистоты неземной
 глубина...
 И всё же душа с чем-то в споре.

ЗИМНИК
 Через озеро, болотом
 едем в саних мы по льду,
 едем в согру на охоту.
 Конь трусит так неохотно...
 А в снежинке, словно в
 льдинке, –
 свет, похожий на звезду!

ДЕД СОФЕТ
 Дед Софет – охотник знатный
 и сноровкой, и умом.
 Знают все в Старосолдатке
 на заимке его дом.
 Вся охота – за Буслами.
 И тех мест он старожил...
 Зверя, птицу промышляя,
 он капкан мне подарил.
 На охоту взял с собою,
 я полынью тёр капкан...
 Утром встал, а он – с лисою!..
 Так охотником стал сам.

ПЕРВАЯ ПОРОША
 Седеет лес, грустит жнивьё,
 белеет даль в холодной дымке...
 Охотник смотрит на ружьё
 и шепчет: «Как там, на заимке?..»
 Он стар и глух,
 сам – как зима...
 С дремучей бородою,
 в ушанке и больших пимах,
 глядит в поля с тоскою...

ДОМИК ЛЕСНИКА
 Снег да бездорожье...
 Вверху – висит луна...
 В роще осторожной
 спит льдинкой тишина.
 Мы скользим на лыжах
 с увала на увал...
 Путь у нас не близкий,
 но рядышком – привал.
 За соседней согрой –
 домик лесника.
 ... Тычет пёсик морду
 у каждого пенька.
 Дышит Фёдор тяжело
 под морозный скрип.
 Мокрою тельняшкой
 к рюкзаку прилип...
 У реки-дорожки,
 «путики» вокруг...
 Домик спрятан в роще,
 дед – наш давний друг.

СНЕГОПАД
 Словно листики сирени
 или яблонь первый цвет –
 в зимний вечер неизменно
 навеваешь грустный свет!
 Снегопад! – летят снежинки,
 лепестками льнут к стеклу...
 В этот холод долгий, зимний –
 рад свеченью твоему!

ЛЕСНАЯ УЛИЦА
 Деревья подступили к избам,
 и стала улица – в лесу...
 Огни из окон... По изгибам
 в проулок ветры снег метут.
 Иду по мягкому снежочку
 до крайней, брошенной избы...
 Вот след зайчишки в два
 прыжочка,
 Вот лисий – там, у городьбы...
 Собака злобно лает где-то.
 На ветках иней – звёздный блеск...
 Луна выходит до рассвета,
 ей плыть и плыть в краю чудес...

ЛЫЖНАЯ ПРОГУЛКА

Замела пурга дорожки...
Лес притихший – осторожен...
Ель покрыта снежной шубкой,
зеленью лучится вся...
А кустарник в белой юбке
спит в овраге, затаясь...
В мягкой шляпе, набекрень,
на опушку вышел пень...
Стог сияет на поляне,
он – в папахе великана...
Лисий след...
Вот крыльев взмах
на снегу... и писк в кустах?..
... Лес искрится и поёт.

ЗИМНИЕ ПРИЧУДЫ

На заснеженной полянке –
там и здесь – повсюду ямки...
Кто в них прячется, живёт?
Вижу крыльев росчерк – взлёт!
Ну, всё ясно: куропатки
спали в них.
Играли в прятки...

Отпускные вы деньки,
В круговерти снежной замаяти
пронеслись в перегонки
по местам родным и памятным.
«Маслениц» горят огни,
ветер ластится к соломинке...
Смех девичий: «Догони!».
Звук баяна в крайнем домике.
Речки узенький изгиб,
берег в насыпи сугробной,
огоньки вечерних изб.
И присказок разных – коробы!
... Вот и отпуск позади.
За околицей берёзовой
нас автобус посадил
с другом, в первый раз
тверёзым.

У ПРОРУБИ

Отсвечивает лед металлом,
застыли копыа камыша...
А прорубь в пузырьках метана
парит, еще теплом дыша.
Мальки сверкают в синей глуби,
травой зеленой пахнет ил...
О, злой мороз, ты все погубишь –
у речки мелкой мало сил.
Быстрой бы снегом обметало
ее крутые берега.
Ведь как-то было: промерзала
до дна, и рыб не сберегла.

речка Оша

Прошла метель шальная
и выбелила лес.
Душа моя живая
и в холод ждёт чудес.
Трескучие морозы
в заснеженных лесах
мне подарили розы
на стынувших ветвях.

Любуюсь: как красивы
пушистые кусты
у ивушки сонливой –
и как они чисты!
Лес тих.
Застыл в дремоте
на ветвях холодок.
Скупую позолотой
окрасился восток.
Там солнышко несмело
над лесом поднялось
и в поле нежно-белом
огнями занялось.
И бледными лучами
засеребрилась даль.
А я брожу, скучаю –
и мне чего-то жаль.
Душа моя живая
и в холод ждёт чудес,
совсем не понимая,
что спит зимою лес.

Озябший лес
хватила седина –
от инея закуржавели ветки!
Морозец лужи высветил до дна,
и слышен крик гусей
в полях рассветных.
И словно кем-то брошенный
снежок –
бежит,
крича,
по полю куропатка!
Заиндевел у озера стожок,
шиповник на кустах
алеет сладкий.
Вот здесь,
под утро,
напетлял зайчишка –
на побелевших листьях
смутный след.
В кустах мелькнула
беленая птичка –
а может,
первый снег?!

Приснились мне к чему-то сани
и по снежочку первый след...
К утру погода наша манит,
пожалуй,
первый снег.
Палатка нервно трепыхает,
как птица
с раненым крылом.
Лес то поет,
то завывает,
с последним распростиась
листом.
На четвереньках
из палатки
я вылезаю:
ветер, дрожь...
Я в шапке, телогрейке ватной,
но продувает все насквозь!
Стою, прислушиваюсь чутко,

в лицо летит дождинок лед...
За камышами кричат утки,
собравшись в дальний перелет.

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ КАНИКУЛЫ

... В окнах – снег и свист зимы...
Одеваю я пимы,
выбегаю на мороз,
в рукавичку прячу нос.
А на речке у обрыва –
ребетня и шум крикливый.
Кто на лыжах, кто на санках –
машет шапкой мне друг Санька.
С горки мчит он на трамплин...
Дзинь!..
Взметнулся снежный дым.
Санька белый, весь в снегу.
Я к нему бегу... бегу...

ЯНВАРЬ-ПРОСИНЕЦ

Засинела высь... Березы инеем
Накрылись – сучьев не видать.
Саный след – две тоненькие
линии,
и по ним мне хочется гадать.
В белизне светящейся, пушистой
не пойму: где поле, а где лес –
все белым-бело... Легко и чисто!..
Просинец, ты родом из чудес.
Перелом зимы... И тонкий запах
от полыни в воздухе повис...
Вот и след, чуть вдавленный,
от лапы –
это крался осторожный лис.

Зимний лес, полупризрачный лес,
в белых бликах ковра-покрывала,
Чисто так...
Чудо близких небес,
приюти мою душу усталую.
Как светло от обвальных снегов,
как узорчивы гребни сугробов...
Я вернулся из дальних краёв,
эти холмики – вроде надгробий.
Я вернулся – в поклоне клонюсь,
вдаль иду по безлюдному полю.
И шепчу: «Здравствуй, край –
и молюсь, –
возврати мою радость и боли!».

36. В ОТТЕПЕЛЬ

Вьюжный февраль

В последний месяц зимы что ни день – то вьюга, то метель. Оттого в полях мечется белоснежная карусель, ни зги не видать. Иногда сутками сыплет густым снегом пурга или метет поземка. В бешеном танце мелькают кусты и лес, ледяные струи ветра пронизывают до костей. Даже через теплую одежду проникает холод. Вот и сегодня такая круговерть, аж над крышей черти свистят.

Дед Ипат, попыхивая самокруткой, поглядывает на окно, закованное морозными узорами, и произносит свое излюбленное изречение:

– *Ишь, как февраль февралит...*

– *Эх, как стекло цветами изузорило. Природа – она более великий мастер, чем человек. А в том вот, под окошком, сугробе, такая красивая роспись по карнизу. Погляди, сверху экий гребень с пышной бахромой. Так что, внучек, у природы-матушки художникам есть чему поучиться...*

Ледяной панцирь

Дед Андрей, пробираясь на лыжах через лес по лисьему следу, вышел на небольшую поляну. Из нескольких снежных ямок топорщился пух тетеревов. Где-то меньше, где-то больше...

«*Ишь, как рыжая набедоурила!?*» – подумал охотник и подошёл поближе. Морщась, долго рассматривал замерзших птиц. Лиса объела две-три тетеревиные тушки. Остальные, вытащенные наверх, остались целыми.

Из-под тонкого слоя белейшего свежего снега проступала сантиметровая ледяная корка. И тут Андрей вспомнил, как две недели назад, в конце января, случилась необычная оттепель, а ночью даже прошел дождь. Все стало ясно. Тетерева, как обычно, слетев с деревьев вечером на ночлег, поныряли здесь в сугроб, а ночью посыпал дождь, и резко похолодало. Повсюду образовался ледяной панцирь. Птицы, как ни старались, не смогли пробить его снизу. И все погибли...

Старик прошел по поляне, встречая еще множество заледеневших лунок. Раскапывая палкой некоторые из них, находил мертвых птиц.

«*Птичье кладбище, – пронеслось у него в голове. – А сколько еще в округе тетеревиных стай попали в эту ледяную ловушку. Наверняка в ледовом плену оказались и куропатки, любительницы также ночевать в снежных домиках...*»

У деда Андрея от увиденного враз испортилось настроение. Гоняться за лисой больше не хотелось, и он повернул обратно к своей охотничьей избушке.

«Чарым» – пора коварная

Середина марта. В деревне на солнцепеке, с южной стороны изб, снег уже растаял, и днем стоят лужицы, а здесь, в лесу, между деревьями, с утра ветрено и морозно. И все же снежный покров под весенними

Затем, помолчав, добавляет:

– *Нынче в поле две подруги – метель да вьюга...*

Как обычно, по привычке, он переводит разговоры на основную тему крестьянской жизни.

– *Нынче много снега на полях – много хлеба будет в закромах...*

Да, вчера я сам был в поле, видел трактор с клином, что делал борозды для снегозадержания.

Дед, поглаживая меня по голове, по обыкновению рассказывает о приметах.

– *Вот видишь, кошка когтями пол скребет, ворожит метель, а если она беспокоится, встает на задние лапы, мяучит – тогда жди большую непогоду, сильную вьюгу. А утром сегодня наш Шарик на снегу валялся, конь храпел – вот за окном сейчас и буранит...*

Слушаю деда и понимаю: эта мудрость копилась веками, передавалась по наследству из рода в род. Дед Ипат встает, разминает скрипучие ноги, подходит снова к окну.

лучами прогрелся, уплотнился, а ночью покрылся леденистой корочкой. Наст похрустывает, не проваливается, хорошо держит лыжи. Поляны весело поблескивают тонким покрывалом из прозрачного льда. В воздухе чувствуется горьковато – сладкий привкус желтых почек ивняка. Первые запахи весны щекохот разгоряченные ноздри. Мы с Сашкой, два деревенских непоседливых пацана, на самодельных широких лыжах пролазим через кустарники и плотный лес к озеру Долгое. Там у деда Паши наставлены мордушки. В них и летом, и зимой ловятся мелкие золотистые карасики и серебристые гольяны. Охромевший дед второй год приучает нас к охоте и рыбалке, берет с собой в лес. Часто поручает отдельные задания. Вот и сегодня по его просьбе рано поутру в легких залатанных телогрейках спешим к мордушкам. До озера – рукой подать, километра три, не более.

Выходим на опушку. Из плотных кустов неожиданно выскакивают две косули. Высоко подпрыгивая, они ринулись через поляну. Прыжки их – грациозные, воздушные – похожи на сказку. Но странно: вскоре косули пошли шагом, а затем залегли в большой сугроб.

Сашка, идущий впереди, показал рукой:

– *Смотри, в ямках из-под копыт – капли крови. Ранены, видать.*

Когда же мы приблизились, беглянки вновь вскочили и большими прыжками миновали поляну, вошли в лес и опять улеглись на снег. По их следу протянулись тонкие струйки крови, перемешанной с маленькими ключьями шерсти. Разглядывая следы, мы поняли: льдистая корка снежного покрова режет, обдирает до крови ноги бедных косуль. Что ни шаг – резкая боль!

И тут я вспомнил рассказ деда Паши о «чарыме», о том, как трудно в эту пору косулям и лосям достать из-под льда корм, как они становятся легкой добычей волков.

Осторожно мы двигаемся вправо, обходя косуль, не пугая, и выходим на свой старый след. Накатанная лыжня настолько обледенела, что наши лыжи на ней застонали, заскрежетали...

Пришли на озеро. Чтобы легче проверять мордушки, сняли лыжи. И видим: скользящая поверхность их изодрана, как о наждак. Живого места нет...

А каково же тогда ногам косуль?!

Переселенец

Стоял лютый январь, покрывший белым куржаком лес, кустарник, камыши. Морозы трещали по ночам, вымораживая землю и озера. Даже снег стал сухим и мелким, как песок. Он жалобно свистел под полозьями саней. Конюх Ефим еще по темну выехал за сеном, а теперь, когда рассвело, был от деревни за пять верст. Серко неторопливо трусил по знакомому пути. Дорога, плохо накатанная, вышла из леса и почти потерялась в неоглядной белизне завьюженного поля. Сани местами зарывались в снег. Упрятав голову в широкий воротник тулупа, вдыхая тепло из густой и мягкой овчины, старик полудремал...

Заиндедевские собачки, Белка и Шарик, неразлучно бежали рядом с санями. Вот Белка потянула носом воздух и свернула в сторону, следом за ней – Шарик. Дружно затыкали. Лают – и вроде стараются выхватить зубами что-то из снега. Ефим, остановив лошадь, снял с себя тулуп и, проваливаясь чуть ли не по пояс в глубокий сугроб, пошел соображая: «Что бы это могло быть?..»

Зимнее тусклое солнце поднялось над серым лесом, и белопенная поляна вся заискрилась отблесками серебряных кристаллов. Старик подошел – и увидел в снегу ярко-рыжую ондатру. Да. Непонятно: «Водяной житель, и на тебе – в чистом поле?!». Ефим осторожно взял кусающегося зверька и посадил в шубенку – огромную меховую рукавицу. Огляделся. Рядом – болото Антюшино, от него и шел мелкой стежкой след заблудшего.

Вот теперь все стало ясно: злой мороз пронизал округу, болото промерзло до дна – и ондатра из своего заледеневшего домика отправилась на поиски воды и «хатки». В такую-то стынь, без всякой надежды на спасение... Ефим определил, что след вел в сторону озера Долгое, как раз ему по пути.

Проехав вперед до озера, где камыши вплотную подходили к санному следу, старик снова остановил уже заиндедевшего Серка. Взяв топор, побрел в камыши и быстро отыскал «домик» ондатры. Прорубил окно и вытряхнул в него из рукавицы зверька, потом заладил отверстие и присыпал сверху снегом. Белка и Шарик бегали рядом, крутили головами и, ничего не понимая, смотрели на хозяина: мол, как же он упустил добычу?!.

36. ПОЗЕМКА

КОНЕЦ ФЕВРАЛЯ

И метелил ... и буранил...
и позёмкой мчался, лих...
А сегодня как-то странно
потеплел зараз, притих...

ВОЛЧЬЯ СТАЯ

Ещё снега во тьме мерцают
холодным отсветом зари,
а вдоль поскотин волчья стая
обходит задние дворы.
Вожак поджарый носом водит,
крадётся – и на крышу сходу!
Овчарник сверху разгребает...
За ним врывается вся стая...
... В деревне слышен лай собак,
но зверь бесстрашен натошак...

ФЕВРАЛЬ

В полях – метельный зов.
Там озимь, днюя и ночуя,
забытой нежностью цветов
приснилась.
Даже запах чую!
Былинки зелени густой,
заиндевав, искрят под снегом.
Я сплю – и вижу, как весной
иду вдоль тучной нивы хлебной.
Ты поле – музыкой зовёшь,
встаёшь под синью зоревою
и спелым колосом плывёшь...
Горжусь суровою судьбою!

В МЕТЕЛЬ

Заметает дорогу метель
и буксуют колёса в кювете...
Радиаторный бак закипел –
глохнет двигатель перегретый.
Многотонный КамАЗ в снег увяз,
и водитель, ругаясь, поносит

снег...

На сколько хватает глаз –
по дороге – заносы, заносы...
До деревни вёрст десять идти,
нужен трактор...
Как бросить машину?..
...Уже вечер,
лишь мрак
– впереди...
Снежный шквал сотрясает кабину.

НА ВЕЗДЕХОДЕ

Замела метель в лесу дорогу,
напрямик наш путь, через кусты.
В свете фар два следа – как
тревога!
– сразу выплыли из темноты.
Это лис здесь крался за
зайчишкой...
Вот овраг – следов любых – полно.
Натропили звери всюду слишком –
и от стёжек на снегу черно.
... Газик наш, буксуя понемногу,
вылез на хорошую дорогу.

ТО ЛИС МЫШКУЕТ

Храпит рысак...
Рассветный лог...
Слегка поскрипывают сани...
Заснеженный встречает стог,
за ним – метнулось пламя.
Я различаю уши, хвост –
то – лис мышкует...знаю...
Зверь приподнялся, как вопрос...
Вот прыгнул, снег взметая...
Вновь закружился, и – стрелой
в камыш рванулся разом...
Снег лапой роет... и спиной
свет рыжий отражает...
... Кустами, прячась, подхожу –
на танец цирковой гляжу.

ВОЛК В КАПКАНЕ

Клыки оскалив, злобным
взглядом
волк видит алый, с кровью
снег.
Нога в капкане, с цепью
рядом
чурбак и запах – человек?!
Рыча, клыками гнет
железо,
прыжок вперед – тяжел
чурбак,
капкан сильнее ногу
режет...
Сочится кровь... Вот лай
собак?
Спешит вдали уже
охотник.
Вновь волк клыками рвет

капкан,

грызет и ногу – с шерстью,
с костью...
И от своей крови аж пьян!
Еще скачок со страшной
силой –
в капкане лапа
откусилась!
И волк на трех ногах,
прыжками,
исчез за плотными
кустами.

д. Шатайлы

В ЛЕСАХ ВАСИССА

Здесь редко ступает нога
человека –
иду я тропинкой
охотничьей:
тайга неприступная,
филина клекот –
богата природа урочища.
Фауну с флорой из века в
век
здесь сохранял человек.

ВНУЧИКИ

У бабушки Лукерьи
иконы, словно в церкви,
сияют на божнице
Христа святые лица!
Внизу тяжёлой медью
тускнеют сундуки,
развешаны в передней
цветные рушники.
У бабушки Лукерьи
по вазам и горшкам -
где мед, а где варенье,
все это - к чаю нам.
Она нам шепчет: “Внучики,
вот шанежки, пирог...
Ах, гости мои лучшие,
послал вас, видно, Бог?!”

ЕСЛИ ХОЧЕШЬ

Если хочешь весел быть –
сказкой дорожи.
Если хочешь в дружбе жить –
не жалея души.
С птичьей песней на заре
небу улыбнись,
и в метельном январе
в лето возвратись!

КАРТИНЫ В МУЗЕЕ
ТОБОЛЬСКОЙ КРЕПОСТИ

Вечёрки хороводные,
и маслениц костры...
Рождества морозные –
вербы белый дым.
Ступа, пест да светец.

Жбан, в лагушке квас...
 Народился месяц –
 с урожаем вас!
 Из трёпала льняного –
 новенький шабур.
 С балалайкой звонкой –
 добрый балагур.
 В кружевах наличники,
 флюгер – петушок...
 А в глазах опричника –
 злобный огонёк.
 Ярмарка всевышняя:
 из Китая – шелк...
 И глядит купчище
 хитро в потолок.
 Скрипнут половицы
 улиц дощаных –
 а в моих ресницах
 лики вас, земных.
 Деревянных кружев
 на домах не счесть,
 кланяюсь вам, друже...
 Слава Вам и Честь!

ЗАСНЕЖЕННЫЙ ЛЕС

Метель взмахнула рукавом,
 рой искр по воздуху
 развеяв.
 В лесу заснеженном,
 пустом –
 мне в белых ивах снятся
 феи!
 Мороз серчает и трещит.
 Под утро вывездило небо.
 И первый санный след
 лучист –
 в нём теплота сквозит под
 снегом.
 По лугу к стогу след
 бежит,
 где снегирами куст горит!

НА ЗИМНЕМ ОЗЕРЕ

Вдоль кромки озера камыш
 под снегом лёг в заломы...
 Ондатры хатка...
 Стукнул в тишь –
 и сразу всплеск знакомый...
 Из домика ныряют вниз...
 ... Здесь и зимой продлилась
 жизнь!

ПОД НОВЫЙ ГОД

Я вылеплен насквозь из снега –
 метель, круговорот!..
 И кажется: не с неба – в небо
 вихрь белый прёт!

Швыряет хлопья одичало
 в моё лицо,
 волною белою качает –
 берёт в кольцо.
 На шапке, куртке –
 комья снега...
 Мерцают фонари.
 Не видно под ногами следа –
 остановись! ..Замри!..
 И хочется мне затеряться,
 в метель уплыть...
 Совсем не нужно притворяться
 кого-нибудь любить.
 Ведь, чистота вокруг такая!..
 Такая – белизна!..
 Мечта манящая, мерцающая,
 зовёт!.. И жизнь – ясна!..
 Душа очнулась в чудном миге:
 Светись, метель!..
 Всё прошлое, как в скучной
 книге,
 за тридевять земель.
 Ресницы, брови – всё из снега,
 жар щёки жжёт!..
 Таким вот светлым сроду не был –
 ах, как метёт!!!

ПИМЫ

Самокатные пимы -
 это просто чудо!
 В самый холод среди зимы
 в них жарница юга.
 Они мягки и легки -
 в них ноге удобно:
 что бежать вперегонки,
 что идти сугробом...
 Заводские же пимы
 с грубою колодкой
 не любили с детства мы -
 был в них дух холодный.

В САВАНЕ БЕЛОМ

В надолбах льдистых, в
 корявой шуге
 дали речные застыли.
 Пар полыньи... В
 вечеряющей мгле
 сверху снежинки поплыли.
 Снежные змейки ползут
 сквозь камыш,
 прячутся в ивы, в протоки...
 В саване белом могучий
 Иртыш
 спит, затаившись до срока.
 Тихо брожу я, стою не
 дыша –
 мучаясь, ищет созвучий
 душа.

В ЗИМНЮЮ НОЧЬ
 Иван, бессонница заела
 и сытость – вздоху поперек!
 И заморожено метелью
 окно,
 и на стекле ледок.
 А лодки с наледью уплыли
 под снег
 на озере моем...
 Стоит в углу,
 покрывшись пылью,
 повороненное ружье!
 Сейчас бы в отпуск на неделю
 да в камыши залезть с ружьем!
 Я вспоминаю то и дело
 все наши выезды вдвоем.
 Я, как охотник,
 что-то значу:
 в природе знаю толк,
 люблю
 простор нехоженный
 с удачей!..
 Люблю охотничью зарю!..
 Люблю с тобой принять по ма-
 хонькой
 над котелком, где есть навар,
 где в ложку с поля плещут запахи
 и от костра в лице пожар!..
 Мне чудится вновь:
 в отчет крае
 тетерева, слетев на ток,
 меня с весной уже поздравили!..
 Дремлю...
 И сон мне невдомек.

37. СЕЛЬСКИЙ ПЕЙЗАЖ

Круглоносые плавунчики

В синем небе разлилась приятная теплынь последних дней сентября. Соседнее поле блестит жнивьем, чуть в стороне березовая роща плещется светло-рыжей листвой, прибрежные таловые кусты словно полыхают в утренних лучах. Я сижу в лодке в камышовом островке на озера Песчаное, рядом на воде плавают чучела...

Вчера поздно вечером, свернув влево на отметке 75 километров тракта Омск-Одесское, я подрулил к озеру – и ахнул! Оно настолько обмелело, что кое-где проглядывали черные гребни земли. Толщина воды по всему плесу – не более 5-10 сантиметров. Да этого и надо было ожидать. Имея полтора метра глубины, огромный водоем за пять последних лет катастрофически усыхал. Виной были и жаркие лета, и малоснежные зимы, а значит, и мелкие паводки весной.

Два года назад я написал в газету «Омский вестник» статью – «Озеро радости», в ней обращался к Комитету по охране окружающей среды и к Управлению водными ресурсами с призывом: выделить средства на бурение скважин для пополнения озера водой. Но последовали отказы. И вот – печальный итог бездеятельности: водоем, единственный на весь Одесский район, почти исчез...

Озеро когда-то кишело рыбой, водилась всякая дичь. А сегодня сижу, оглядывая пустынный простор, в надежде увидеть хотя бы одну стайку уток. Их нет, зато куличков разных видимо-невидимо. Любители отмелей, грязи, озерной травы, они стайками по 10-20 штук снуют во всех концах. Садятся, перекликаются, взлетают, кружат – словно кто-то их подгоняет. Такие беспокойные, суетливые, крикливые.

Вот к моим чучелам подлетает одна стайка, садится на воду. Кулички шныряют между чучелами, щебечут, склевывают с воды мошек. Почти рядом с лодкой вдоль камыша проплывают две особи. Такие маленькие и изящные, серенькие, с белыми перышками на крыльях и грудке. Вниз к брюшку белизны больше. Крохотная головка заканчивается удлинённым круглым клювом. Я даже различаю светлые зернышки их глаз...

Очень знакомые их фигурки и способность быстро, легко плавать – сразу же восстановили ясность в моей памяти. Вспомнил, как когда-то, в каком-то журнале я читал о необычных круглоносых плавунчиках, не боящихся близости человека. Конечно же, это – они.

Здесь на озере «круглоносики» – пролетом на юг, а гнездятся эти кулички на островах и побережье дальнего Севера...

«Да, издали же вы, птички, – рассуждал я про себя, – и лететь вам еще ой как далеко...»

Кулички вдруг все разом поднялись на крыло и мгновенно унеслись к центру озера. Положив ружье на дно лодки, я продолжал наблюдать за пролетающими новыми стайками, стараясь припомнить названия птиц. Мне, старому природолюбу с полувековым стажем охоты, много раз приходилось видеть подобные птичьи базары при отлете на юг. Подобное я наблюдал несколько раз на озере Пикетное.

Пожалуй, сейчас здесь собрались все пролетные кулички разных пород и мастей. Вот стайка краснозобиков, за ней – белохвостые песочники, следом – гаршнепы. Подлетел и сел за чучелами красавец турухтан с яркой запоминающейся окраской грудки и шеи. А вот пронеслись большие, серые – очень похожие на веретенников. А те, что сели за сто метров, мне совсем не знакомы.

«Сколько же вас здесь набралось, как на какие смотрины», – думал я, глядя на новые и новые стаи.

Местных куликов, гнездящихся в Омской области, не видно. Сейчас они, в основном, на лугах, в кочкарнике, на болоте. Некоторые из них (бекас, дупель, вальдшнеп, большой веретенник и кроншнеп) внесены в перечень охотничьих видов птиц. На них я охотился много раз из-под собаки. А такая разновидность куликов, как чибис, встречается у нас повсеместно. Его знает каждый деревенский пацан...

Откинувшись на сиденье, за размышлениями не заметил, как к чучелам подседа вторая стайка. А может, та же самая?.. Перекликаясь, круглоносые плавунчики легко скользили между резиновыми утками, принимая их за живых собратьев. Поплавав так минут пять, они неожиданно сорвались с воды и мгновенно исчезли за кромкой камыша.

Просидев еще около часа и нисколько не расстраиваясь из-за неудачной охоты, встал и, волоча за ремень раскладушку, побрел собирать чучела. Воды вместе с грязью – ниже колен. Вскоре я вышел на берег к машине...

Приехав домой и отправившись на второй день на работу, забыл и про охоту, и про куличков. Но вечером, сидя в кресле у телевизора, увидев на экране птиц, вспомнил свою поездку. Достал из книжного шкафа справочник «Фауна и Флора Омской области», нашел страницу «Птицы». Стал внимательно читать. Оказывается, круглоносые плавунчики из семейства куликов входят в отряд «Ржанкообразных»: 14 видов куликов гнездятся в нашей области и 16 видов семейств встречаются на пролете. Еще, вероятно, гнездится у нас кулик-сорока, и возможны залеты кречетки, песчанки, толстоклювого зуйка.

Всего набирается 34 вида, и добрую половину их, встретив снова, не различу. Некоторые кулички занесены в РКК (региональную Красную Книгу), а худолочник и шилоклювик – в ККР (Красную Книгу России). Тонкоклювый кроншнеп, гнездовавший в начале нынешнего века, почти исчез. Ученые за последние 7 лет зафиксировали одну лишь встречу с ним. Этот куличок внесен в Книгу МСОП (Международного Союза охраны птиц).

Прочитав справочник, признался себе:

«Даже постоянно, близко общаясь с Природой, я еще многого в ней не знаю...».

Дядя Паша

Он не выговаривал слово «*слушай*», получалось: «*Слухай*». Круглый год, занимаясь рыбалкой, редко сидел дома.

Летом с тележкой, зимой на санках возил с озер рыбу, а рыбак он был – отменный. Хотя безграмотный, а по этой части его называли «*профессором*». Рыбу он не столько продавал, сколько раздавал так, бесплатно. Ведь это было в войну...

С густой шевелюрой нерасчесанных волос, с рыжей бородой и подгоревшими от курения усами, неторопливый, с добрым взглядом, медленно проходил зелеными улицами деревни. Над его приключениями иногда посмеивались. И все же он был всеобщим любимцем. По вечерам его дом гудел от народа. Рассказы, побасенки, шутки – сыпались до поздней ночи.

Особенно мне интересно было наблюдать, как он, под общий разговор вязал сети, а во рту у него дымилась большая самокрутка. Прикрывал глаза и, казалось, дремал. Но по-прежнему пальцы вязали ячеи, и из сигареты попухивал дымок. Его надтреснутый, простуженный голос редко слышался в разговоре, но если он говорил, то в избе царил полнейшая тишина...

Я в детстве не видел золото, не знал его цену, но небольшие карасики, золотистые и серебряные, в его плетеной корзине, для меня и других голодных, были дороже золота. И он щедро раздавал это богатство...

Недавно я узнал, что он умер, и перед моими глазами в старой корзине снова заплясали, засверкали золотисто-серебристые блики.

Наверное, и сердце у этого старика было золотым.

Серые шейки

Озеро стало недавно. Я на первой рыбалке по подледному лову. Осторожно иду по тонкому льду вдоль камыша. Но что это?..

На припорошенном снегом льду – узорчивые отпечатки лапок утки, а вплотную к камышу – замерзшая лунка воды, прихваченная тонкой пленкой льда. Край камыша утопан следами какого-то зверя, видны перья птицы. Ясно: на этом месте ночевала утка-подранок, у которой не хватило сил улететь со всеми на юг, и она встретила здесь первые морозы.

Рассматриваю перья подранка: нет сомнений, это «кряква». Вижу: по камышу от берега тянутся четкие следы лап. Да, это старый лис, хитрющий, опытный. Когда это было? Вчера или сегодня?.. Пожалуй, сегодня ночью.

Представляю несчастную «серую шейку». Ночью, при желтой луне, появляется с красно-огненной шерстью страшный зверь. Хватает ее, терзает и уносит в камыш и дальше – в темный лес...

Продолжаю путь. Снова – такая же картина. Только звериные следы – помельче, похоже, лисенок. И утиный пух – черноватого цвета. Наверное, лысуха. Следы снова уходят в камыши...

Метров через двести – новая полынья, еще совсем свежая. Даже пар от нее идет. Лунка очень большая. Утиный пух и перья рассыпаны прямо по воде. Здесь явно жил нырок. Долгие дни и ночи не давал он замерзнуть воде, разбивая грудью смерзающие закраины плеса... И сюда, через камыш, протянулись те же два лисьих следа: большой и маленький...

На самом дальнем мысе, возле которого обычно рыбачу, я нашел место отчаянной борьбы за жизнь еще одной обреченной «серой шейки». По отпечаткам крыльев на снегу было видно, как утка поднялась, пролетела метров десять и снова села. За ней – зловещие кляксы лап зверя, вошедшего в охотничий раж, настигавшего жертву прыжками по чистому белому снегу. И так – несколько раз. Но печальный исход тот же. У кромки камыша пестрела небольшая кучка перьев...

Я вышел на центральный плес, разобрал рыбацкие принадлежности. Но хорошее настроение у меня пропало, и желания рыбачить уже не чувствовалось.

Зимним утром

Рано утром, на восходе солнца, громко хлопая крыльями, тетерева взлетают на деревья. Усаживаются на ветках, воркуют, оглядываются. Далеко вокруг видно снежное поле. Вот там, вдалеке, едет на санях мужичок. Впереди по дороге бежит собачка. «Но-но...», – погоняет мужичок лошадку, размахивая кнутом.

А еще дальше видны крыши домов деревни. Из труб вьется дымок. Туда из леса летят сороки в надежде полакомиться.

Рядом, из таловых кустов, выскочил заяц-беляк, посидел на опушке, приподнялся на задних лапах, уши наострил – и поскакал в осиновый колос на завтрак...

Стайка красногрудых снегирей присела на меже, здесь полно конопли...

Все-все тетеревам сверху видно. Огляделись и начали клевать сережки, семена на ветках березы. Зимой им есть в поле нечего – все покрыто толстым слоем снега.

Поклевали-поклевали птицы, а затем набрали с веток полные клювы снега. Снег растаял и птицы, запрокидывая головы, попили.

Завтрак окончен. Шумно сорвались с веток тетерева и с лета, на небольшой поляне, нырнули в снег. В снежных луночках им тепло, словно в домиках.

37. ДЕРЕВЕНСКИЕ КАРТИНЫ**НЕЛЁГКАЯ РАБОТА**

Длиннее тень.
Сошла за лес заря.
Окончена нелёгкая работа.
Устало ноют руки, и не зря –
они рубили сруб с такой охотой!
В колодец старый вставлен
новый сруб.
В воде заря полоской золотится.
Пот рукавом стерев с
горячих губ,
припал к бадье –
как лёд, чиста водица!

БОЛЬШИЕ УКИ

В заснеженных далях –
Большие Уки.
Зелёные сосны стройны,
высоки.
Завьюжен бураном
таёжный простор,
встаёт за сугробом
большой косогор.
Там в чаще спрятались
соболь и рысь,
в снегу – глухари.
Ветки кедров сплелись.
Брусника и клюква алеют
на кочках,
и куропат белый
на кустике квохчет.
А лунною ночью голодные
волки
тоскливо так воют.
Собаки все молкнут...
В деревне у каждой избы
палисад,
здесь ёлочки зеленью
праздно горят.

МОЯ ДЕРЕВНЯ

... Плывёт сквозь ночь моя
деревня,
и, мучаясь тяжёлым сном,
то вспомнит пашню, то
деревья,
то гриву с голубым овсом.
И слышит, как крадётся
осень,
как ветер мрак с болот
приносит...

ДЕРЕВЕНСКОЕ УТРО

Луна да снег.
Вдоль речки избы дремлют.
Как выстрелы, потрескивает лёд.
Прояснило.
Дым вьётся над деревней.
Собачий лай... и говор... скрип
ворот...
В сугробах лунных меркнут
полутени.
Сгорает в небе бледная звезда.
Вот первая сорока пролетела...
И стук пшени –
и звон кусочков льда...

ОКОЛИЦА

Улица заречная
уходит краем в лес.
Дым из труб – колечками.
Ночью тихо здесь.
Чутко спит околица
в сумраке берёз...
Небо, словно молится,
мигая сотней звёзд!

ПАЛИСАДНИК

Если кто-то ветку садит
возле дома, под окном –
значит: будет палисадник
со цветами и кустом...
И акацией, сиренью
расцветёт рассвет весенний!

ЗАСУХА

Май прошёл – и нет дождя,
никнут хлеб и травы.
Солнце жарит, не щадя
поле и дубравы.
Сенокосная пора –
луг желтеет, спёкся.
И в тени берёз – жара,
лист пожух, поплёкший.
Лишь пчелиный слышен
гул.
Ветерок хотя б подул...

РАННЯЯ ЗВЕЗДА

В просторе гаснет ясный день,
и, растворяясь, облака
в закатную уходят тень...
Слежу, задумавшись слегка.
Восходит ранняя звезда!
И я, когда-нибудь
уйду в иной мир навсегда,
испытывая грусть:
Что не смогу, как звёздный свет,
послать на землю свой привет!..

ЗИМНЕЕ НАСТРОЕНИЕ

Смешно, бесполезно и глупо
мотаюсь весь день в толчее...
Крик улиц железною ступой
бьёт в уши, звенит в голове.
А вечером шагом скрипучим
бреду я домой в темноте,
и мучаюсь в думах тягучих
о той непроглядной черте.
Где будет мне всё безразлично,
где боль отойдёт к небесам...
А жизни дурные привычки
не Бог, а прощу себе сам.

НОВОСТРОЙКИ

Взметнулись белые стропила...
Затем на доски шифер лёг...
– Карниз подшит... И стихли пилы.
А сверху флюгер-петушок!
Посторен дом. В нём окна
светят
на тёплый юг и на восток.
И не страшны – мороз и ветер...
Вот новый сруб наискосок.
... Да, жизнь деревню разорила,
из года в год несла разлад –
но пробудилась в людях сила!
И за крестьян я нынче рад.

СЕЛЬСКИЙ ВЫХОДНОЙ

Есть начало и конец
у любой недели:
лесоруб, кузнец и жнец
день за днём потели...
Убирали хлеб... дома
возводили всюду...
– Выходной день лишь зима
подарила людям.
Выходной! –
вот санный след
давленных полозьев
излучает ясный свет...
В холод – всяк моложе!
Снегири свистят в кустах,
грудки – вишней спелой...
Летним зноем стог пропах –
в шапке снежной, белой.
... Воскресенье – ты венец
дел больших и малых...
Слышен стук людских сердец –
радостных, усталых.

**РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
СНЕГОПАД**

Снег напомнил деревню,
январь, школу, деревья...
...К снегопаду причастна ты –
в нём пришла и ушла
в даль иную, светящуюся...
Словно, и не была...

За окном тот же снег,
яркий снег! Чудный снег!
Но тебя давно нет!
Теплоты давней – нет!
Снег идёт целый день...
Белизна... Белизна...
Вижу вновь твою тень –
ворожу у окна!..
Снегопад! Снегопад!..
Вспоминаю твой взгляд.

ОСЕННЯЯ ЗАРЯ

Туман крадётся на
рассвете.
Роится мошек толокно.
В лицо холодный веет
ветер,
а на лугах темным-темно.
Исчезло безвозвратно
лето...
Последний лист слетает с
веток.

МАЙСКИЙ ГРОМ

Я видел неба глубину,
когда меж облаками,
натягивая тетиву –
весна гудит громами.
– Ах, первый гром,
весёлый гром
в счастливом небе голубом!!
Истосковавшись по теплу,
деревья тянутся неслышно
листочком каждым в синеву.

Берёзки откровеньем дышат!
А синева сквозит, звенит –
простор небесный приближая,
и жаворонок в нём висит
как талисман родного края!
Люблю я неба глубину,
где тает облачко, как льдинка,
где гром, неожиданно громыхнув,
исчезнет в шапке-невидимке!
– Ах, майский гром,
беспечный гром
в высоком небе голубом.

Горит солома в кучах с треском,
шипя,
дымит вокруг жнивье...
Иду по кромке перелеска,
над полем кружит воронья.

Солома –
корм,
а в нашем крае
нехватка вечная кормов.
Солому сохранить старались
порой по нескольку годов.
С ней – биокорм,
с ней –
концентраты...
Нет ничего –
скота падеж!
В конторах есть дегенераты:
сожгут,
сгноят все
ни за грош!

Горит солома...
В клубах дыма
мне видится в деревне дом,
где я – пацан, в краю любимом
то с вилами, то с топором.
Косил камыш своей буренке –
травы ведь не давал колхоз,
старался изо всех силенок
помочь везти ей
тяжкий воз...

О, нищая моя Россия!..
Когда же поумнеем мы,
чтоб хлеб за морем не просили,
не замерзали среди зимы?

УТРО В ЗАРЕЧЬЕ

Выхожу босиком на крылечко...
Тишь и свежесть царят во дворе.
Крики чаек над сонною речкой,

и грачиный базар на бугре.
За покотиной - поле ржаное,
слышен рокот комбайнов вдали -
что-то давнее и дорогое
в светлой дымке от теплой земли.
Вот наседка с цыплятами вышла,
спрыгнул кот-акробат с чердака,
воробьи застучали по крыше...
Загорелись вверху облака.

Речная заводь –
в бликах серебра!
Из кочкары бекас взлетает с
треском.
Зигзагами – всё выше, всё
быстрее!..
Крикливый чибис над собакой
вьётся.
В высоком небе – нити журавлей.
Под леденящим ветром ива
гнётся.

ПОГОДЕ БЫТЬ!

Плывут усталые комбайны
по волнам нивы золотой...
Веселый ветерок забавно
играет с девичьей косой.
Картошку с дочерью копаем.
Изгрызанные клубни есть,
кроты нарыли норки с краю,
от них ходов вокруг - не счесть.
А в небо высоко взлетают
грачи - с крыла и на крыло
скользят... Примета есть такая:
погоде быть!.. Нам повезло.

НА БЕРЕГУ ОЗЕРА

Однооконная изба
на берегу у озера
меня неожиданно сберегла
от сумрака морозного.
Трещал в печи огонь слегка,
и лампа чуть светила.
И рысья шкура с потолка
свисала и искрилась.
Мерцало на стене ружьё
с надтреснутым прикладом,
и дед мне про своё житьё
рассказывал с усладой.
Про птиц... и рыбу... и зверей...
Про одиноких егерея!

38. СТАРИННЫЕ ПРИМЕТЫ

В глубинке

Проехали убранное поле пшеницы, затем два сенокоса с десятком стогов, обогнули огромное болото. Впереди открылся островок смешанного леса из сосен, берез, осин. Слева, за косогором, у небольшого озера распахнулось бесконечное зеленое море из мелких сосёнок. Это – рям, внутри его встречаются кочковатые болотины, усыпанные клюквой. За нею мы и приехали. Нас – пятеро. Небольшой охотничий домик притулился на самом спуске к воде. Хозяин, рыжеватый дед Андрей, двигается быстро, бойко разговаривает, жестикулирует руками.

– *Вот сюда, немного вправо, хорошо,* – командует он, указывая рукой водителю, загоняющему газик под навес сарая. Рядом у ног крутится его лайка Найда.

Наш проводник Геннадий Челядинов, турист с сорокалетним стажем, уроженец Карбызы Муромцевского района, работает более тридцати лет в фирме «Омсктурист». Омскую область исходил вдоль и поперек! Об этом он рассказывал нам во время длинной дороги.

Как ни старались мы выехать с утра пораньше – не получилось. Лишь в девять утра оказались за городом на Тюкалинском тракте. В двенадцать с небольшим миновали Солдатку и направились в сторону Больших Уков. На полпути, после Чугунлов, свернули налево, доехали до Черницовки. объехали ее задними дворами. А потом кое-где полевыми дорогами, а то и просто – по бездорожью. Пилили около двух часов. Уже в сумерках добрались до места.

– *Геннадий, удивляюсь, как ты выдерживаешь без компаса и дороги нужное направление?* – обратился я к Челядинову. Он усмехнулся и проронил:

– *Я дважды отсюда топал своими ножками и волочил притом огромный рюкзак и мешок клюквы. До самой Черницовки.*

Покончив с размещением, все дружно вытащили корзины из машины, помыли руки и, протянув переноску от машины, организовали стол для ужина прямо под навесом. Дед Андрей, приняв наше предложение совместно перекусить, принес откуда-то из темноты два куска вяленой лосятины и вязанку сухой рыбы.

– *Что, дед, браконьерничаешь?* – отрезая большой ломоть мяса, съязвил Николай Иванович.

Сидящий рядом с ним Иван Владимирович, разливая по кружкам водку, одёрнул соседа.

– *Губа не дура, набросился сразу на мясо. Ты вот сначала огурчиком закусывай, да и на ночь нельзя наедаться...*

Я привык к их шуткам, они оба пенсионеры, им – по шестьдесят три года. Да и мне уже – шестьдесят один. Геннадий помоложе нас, ему – шестьдесят. Так что компания у нас возрастная.

Водитель Александр, молодой парень, племянник Николая Ивановича, выпив полкружки водки, набросился на еду. Оно и понятно: дорога длинная, за баранкой устал, проголодался. Тем временем дед Андрей объясняет.

– *Отсюда севернее – поселок Форпост, за ним – Большеуковский заказник, где лосей полно. Они и сюда, к дому, приходят аж семьями, по 4-5 штук, а мне на еду надо 2-3 зверя в год, так что изьяна для природы нет...*

Пожинав, взяв поролоновые подстилки, пошли спать в дом, а в машине остался один Андрей.

– *Привык,* – заявил он – *в салоне мягкие сиденья, удобно. А если ночью будет холодно, включу мотор, подогреюсь.*

Переспав, встали рано, еще потемну. Наскоро попили чаю, натянули болотные сапоги – и вперед. Правее озера по заметной тропинке вошли в рям. Ноги проваливаются в мох, цепляются за корни сосенок и за валежины. Воды почти по колено, идти трудно.

– *Это еще хороший заход, а вот за моей родной Карбызой в любом рямке – по пояс,* – подбадривает Геннадий, без усталости топая по чуть заметной тропе.

Через километр выходим на первое болото, ягод на кочках красным-красно, хотя багульник помят. Клюкву кто-то собирал до нас.

– *Давайте нарвем по ведерку, оставим ягоды здесь, а сами пройдем дальше, на другое болото,* – предложил я.

Так и сделали. Быстро набрали по ведру, но хочется посмотреть новые, лучшие места. Оставив рюкзаки, двинулись через плотный сосняк вправо. И тут со мной вышла неприятная оказия: острый сучок валежины прорвал мой левый сапог и вонзился в икроножную мышцу. Хотя и неглубокая рана, но вода около сапога окрасилась кровью. Я присел на поваленное дерево, Геннадий помог мне разуться.

– *Да, рана серьезная, придется тебе вернуться к избушке. В машине – аптечка, обработай ногу и жди нас.*

Он перевязал мне тряпкой ногу, и я развернулся обратно. По четкому, свежему следу, прихватив по пути свой рюкзак с ягодами, неторопливо вышел к домику. Дед Андрей на костре готовил уху из только что пойманной в озере рыбы.

– *Вот и хорошо, вместе пообедаем,* – встретил меня радушный хозяин. Но, узнав суть дела, забеспокоился, помог снять сапоги долго разглядывал опухшую ногу. Подошла Найда и легла рядом с нами.

По моей просьбе дед принес из машины аптечку. Перекладывая содержимое с разными таблетками и валидолом, я не нашел ни зеленки, ни йода. Обнаружил два пакета бинтов. Вата отсутствовала. Андрей, сидевший рядом, видя мои безрезультатные поиски, сказал:

– *Мил человек, да не ищи больше ничего. Давай бинты, а все остальное у меня есть,* – с этими словами поднялся и ушел в избушку.

Вскоре он принес в белой наволочке уйму всевозможных бумажных пакетов и свертков с разными травами и корнями. Развернул один из них и посыпал мою рану серыми измельченными листьями. Снова ушел и вернулся с большой брезентовой сумкой, полной флакончиков и стеклянных баночек с настоями. Открыл склянку, в которой плавал коричневый корень, и клейкой жидкостью смазал кожу вокруг раны. Достал из пакета подсушенный мох.

– *Это мы положим вместо ваты и забинтуем, он убивает все бактерии. Ты по нему сегодня ходил в рямю и не знал о его лекарственных свойствах. А вообще-то ты когда-нибудь лечился травами?* – вдруг спросил меня дед.

– *А как же. Еще мальчишкой бывало сотру до крови ногу, сорву листики подорожника и прикладываю к ранке. Позднее мать от «лихоманки» пошла троелисткой, а от кашля заваривала цветки мать-и-мачехи. Теперь, если побаливают зубы, ем и пью корень аира...*

Андрей, выслушав меня, стал перебирать мешочки и свертки, рассказывая про десятки целебных трав и корней. Я наблюдал и думал:

«Вот эти лекарства – да в аптеки города. А деда Андрея поставить за прилавок...»

Помолчав, дед неожиданно спросил:

– *А чего у тебя побаливает чаще, какие твои недуги?..*

– *Желудок в последнее время начал расстраиваться, «колит»,* – полушутя, полусерьезно, не думая, ответил я.

Порывшись в пакетах, дед достал дубовую кору, хвойную смесь, пакетик с черникой и еще два свертка трав. И всё это подал мне. Я поблагодарил и внезапно вспомнил о своих хронически больных бронхах. Выслушав, дед Андрей быстро нашел в сумке несколько стеклянных баночек.

– *Вот тебе барсучий жир, вот – медвежий, а это немного медвежьей желчи,* – приговаривал дед, перекладывая лекарства в мой рюкзак.

Достал еще одну склянку:

– *А это – самое лучшее лекарство для стареющих, болеющих людей, приготовленное из пантов маралов, оленей. Я его часто употребляю сам. Осталось совсем немного...*

При этих его словах у меня мелькнула невольно наивная, но в чем-то правдоподобная, обоснованная догадка:

«Понятно, почему Андрей в семьдесят лет выглядит моложе и энергичнее всех нас, шестидесятилетних. Вообще-то грех и нам жаловаться на Бога, ведь средняя продолжительность жизни мужчин сегодня в Омске всего пятьдесят один год...»

Ягодники вернулись поздно, с полными рюкзаками, и сразу засобирались домой: Андрею завтра нужно на работу. И даже поездка в ночь его не страшилась. Прощаясь с дедом Андреем, я задал еще несколько вопросов.

– *А эта охотничья избушка раньше, говорят, кому-то принадлежала?*

– *Да, ее семь лет назад построил трест. Название такое длинное и не помню точно. Вроде как – «Сибгбгазнефтепром». Два года назад трест распродали, хозяина не стало. В том году еще кое-кто приезжал сюда по грибы, ягоды, на охоту. А в этот год – почти никого. Что дальше будет – не знаю...*

– *Скучно одному, наверное. В деревню тянет?*

– *Нет. Собирался переехать в город. Там у меня два женатых сына. Да раздумал. Слишком уж пыльный и шумный этот ваш город. Из Черниговки иногда навещают знакомые, но как бабка год назад умерла (она родом оттуда) – и их видеть не хочется. Привык один, да ещё рядом Найда... Наш газик тронулся, а дед остался стоять у крыльца. Прямой, высокий, стройный ...*

Берёзовый колок

Ноябрьское утро. Вокруг меня царит безысходность и серость слякотной погоды. Выпавший недавно плотный снег несколько дней красовался своей белизной и чистотой, да на прошлой неделе оттепель стерла его с лица земли.

А березовый колок чутко дремлет в ожидании зимы, каждой веточкой погружаясь в задумчивые сумерки дня. На опушке съезжился полинялый стожок сена, обнесенный от потравы изгородью. Чуть подалее на поле желтоватая стерня отсвечивает холодом и пустотой.

Разглядываю ближайшую березу, ее снежную бересту, женственную мягкость и плавность линий ствола. Вижу десятки черных зрачков, выглядывающих из коры. Одни поменьше размером, другие покрупнее – но все пронзительно черно-черные, пристально устремленные в окрестности.

Я замираю под немигающими прицельными взглядами этих зрачков. В детстве однажды они мне показались шрамами. Это было на кладбище, где теперь покоится моя мама.

Прохладная сырость, тихо-тихо. Березы грустят о белой завораживающей пороше, их дыхание ощущается четко. Рядом, на меже, на конопляник уселась стая красногрудых чечеток. В гуще берез невесть откуда появились, запорхали синицы. Перепрыгивая по веткам, резко щелбача, оживили лес!..

Медленно обхожу колок, время от времени останавливаюсь, поглаживая ладонью округлости и корявины берез. Белый островок деревьев доверчиво наблюдает за мной сотнями черных зрачков.

Да, скоро-скоро вьюги и бураны с белопенными снегами налетят в поля, укроют все белой печалью. Какою будет зима для меня?.. Какие холода и вьюги постучатся в мое окошко?..

От этих нечаянных сравнений-раздумий березовый колок становится ближе и роднее моей душе. Замедляю шаг и снова с замирающим сердцем слушаю наплывающую тишину...

Беззвучно роняю слова: *«Да сохрани тебя Бог от вырубки и лихолетий, мой березовый колок!.. Теплой и метельной зимы, сугробов по пояс. Сказочных снов тебе!.. До весны!..»*

На озере Диком

Снег из темных низких туч повалил внезапно. Вода на озере сделалась черной, а берега и луг – побелели, как зимой. Чистые, мягкие хлопья падали на камыш, осоку. В лодке стало сыро, грязно. По стволам ружей стекала струйками вода. Утки спрятались по камышам...

Снег шел гуще и гуще, хлопья его оседали на сапогах, рукавах, попадали за воротник. По минутно отряхивая его с одежды и ружей, мы с Иваном выплыли на пристань и подошли к машине. Под ней чернел квадрат сухой земли, а сверху пушилось белое покрывало.

Ну и погодка. Надо же так небу продырявиться. Первый снег – и столько много, – проговорил Иван, открывая дверцу машины. Действительно, толщина покрова достигла сантиметров десяти, а снег все валил и валил. И здесь неожиданно из облаков над озером появилась большая стая лебедей. Тревожно клыкая, быстро снизились и села посередине озера. Я смотрел на стаю лебедей – она была похожа на комья снега – и думал: «Раз лебедей тронулись, жди резкого похолодания...».

Мы залезли в машину, предварительно сняв мокрые куртки и шапки. Включили приемник, и как по заказу, – передача: прогноз погоды – плюс, минус два градуса, малооблачно, осадков не ожидается...

Иван чертыхнулся: «Ах, чтоб вам там...». Я рассмеялся...

Выпили, перекусили, закурили. С левой стороны, из-под ветра, приоткрыли боковое стекло, выпуская сигаретный дым. За окном машины висела сплошная пелена лениво парящих хлопьев. Таловый куст рядом в белоснежном тулупе больше похож на зимний стог сена. Далеко по берегу и дальше по болоту – сплошная белизна, похожая на фантастическую пустыню.

Вот так за полчаса изменился весь мир: посветлел, посвежел, стал новым и загадочным. А крупные, роскошные хлопья, как дикий цветы, висели призрачно за окном – и казалось, не двигались. Постепенно стало прохладно, и мы закрыли окно. В машине потеплело, потемнело, стало скучно. Ветровое стекло, боковые стекла – все залеплено толстым слоем снега.

Иван завел мотор, включил печку и стеклоочистители. Впереди открылось белое бесконечное пространство, в которое словно устремилась наша машина. От гудения мотора, от густо и косо падающего снега действительно создавалось впечатление, что мы летим вперед. Погружаясь в дремотное состояние, я ощутил себя плывущим в безбрежности белопенного океана, такого неожиданного и дикийного в начале октября.

38. ЗВЁЗДНЫЕ ВЫСИ

НАЧАЛО ОСЕНИ

О чём молчат глухие
чащи?

Страдать природе не дано –
и весело дожди стучатся
в её осеннее окно.

Летит с осин листва резная,
багряным стелется ковром.
Кустарник плотный
прорезая,
шиповник светится
костром.

Не слышен шаг, не треснет
ветка,
не вскрикнет иволга в
тени...

Я пробираюсь незаметно
в рямок...
Как сосны зелены!

ЕСЛИ МОЖЕШЬ

Если можешь – весел будь,
сказкой дорожи,
и о дружбе не забудь.
Не жалей души.
Птичьей песне на заре
в небо улыбнись,
И в метельном январе
в лето возвратись.
Первым быть в делах стремись,
не жалей подков.
Верить в жизнь не разучись
в пламени годов.

НА ЗОРЬКЕ

Плывут весенние дымки
в речной рассветной заводи...
Вот первый всплеск – бегут круги
и в брызгах светят радуги!
Над рощей показался шар
с отливом красноватым,
и по воде разлил пожар!..
В лугах – туман, как вата!
Проснулся сразу птичий мир
со свистом, песней, криком!..
И ветер воздух освежил!
Жизнь стала многоликой.

В ЧАС ПОСЛЕДНИЙ

Я хочу, земля родная,
на смертельном том краю,
где болезнь и тьма слепая,
быть душою не в раю.
Мне не надо поднебесья...
Грех от Бога не тая,
в час последний,
неизбежный,

в милые уйду поля.
В них, в вечернем птичьем
хоре,
не мешая никому,
растворюсь я в алой
зорьке –
побеждая боль и тьму.

У ИРТЫША

Испепеляющий закат...
Сижу на камне у реки,
под плеск волны, грачиный гвалт
мне думы осени горьки.
Я вспомнил юность: ледостав,
в руках блестит весло.
Звучали дивные слова –
куда их время унесло?
Свинцово светится залив
за кромкой камыша...
О чём спросить у голых ив
пытаешься, душа?!

ЗАПЛУТАЛ

Водит ночь меня в плотных, колю-
чих кустах...
До крови пальцы ног ободрал.
И усталость, как гиря,
висит на ногах.
Чу! Вдали загорелся фонарь!
Где палатка моя у реки, через лес,
есть дорога к охотничьей базе.
Заплутал я изрядно, запутал вот
бес,
что о базе не вспомнил ни разу...
Через ночь, через даль
и туманную хмарь
мне лучи протянул светлоокий
фонарь!

В НЕНАСТЬЕ

Мчатся тучи, вьются клубом.
И высокий березняк

ветви раскачал, как чубы...
На опушке – полумрак.
Там, в вершинах,
так дремуче
ветры стонут и поют...
Тайной музыкой могучей
наполняют мой приют.

ОХОТНИЧЬИ СНЫ

Набродившись по болоту,
я в солому заберусь
и, уставший от охоты,
в сладкий сон враз погружусь.
Под ночным прохладным небом,
как в постели пуховой,
запах трав, цветов и хлеба
будет плыть над головой...
Коростеля грусть седая
и совы разбойный крик,
сны мои переплетая,
в сказку унесут на миг!

ЛЕСНАЯ ТИШИНА

Ночная тишь...
Лесная тишь...
Не понимаю:
спишь, не спишь?..
Звенит струна,
поёт струна
с названьем чудным:
– ТИШИНА.

НОЧЬЮ НА ЗАИМКЕ

Гром разразился майской ночью.
И долго длился страшный гул.
Он с перекатами так мощно
лес сотрясал и в тьме тонул.
Грозу я слушал, как впервые,
и, сжавшись весь,
не смел постичь
небесной силы позывные,
природы тайной дикий клич!

С СОБОЮ В СПОРЕ

Я– наивный и смешной.
Верю в счастье и удачу...
Но душа порою плачет,
разуверившись судьбой.
Очень редко я смеюсь,
если рядом чье-то горе...
И с собою часто спорю:
«А на что же сам гожусь?..»
И в глазах такая грусть,
если вижу чьи-то слёзы...
Я грущу о невозможном –
жить легко не научусь.

ЗАГАДОЧНЫЙ ПУТЬ

С каждым годом светлее, мудрее
предстаёт предо мной жизни
путь.

Даль заветная всё золотеет –
но не просто в неё заглянуть.
Что там, ждёт за чертой
горизонта?..
– Тяжелеет моя голова
от раздумий: что скроется солнце,
оборвётся в глазах синева.
Неожиданней, чище, нежнее
на заре загорается высь.
Каждый миг берегу и жалею –
коротка и прекрасна ты, жизнь!

ОСЕННЯЯ УСТАЛОСТЬ

Уйду совсем...
Себя чуть-чуть оставлю,
в разбросанных по листикам
стихах...
Ноябрь... Иртыш немеет в
ледоставе...
К тебе иду я вновь в заветных
снах.
В прозрачное окно, проснувшись,
глянешь,
и в предрассветной синеватой
мгле
вдруг оживёт стекла холодный
глянец:
меня увидишь в дальнем-далеке.
Не закрывай окна тяжёлой
шторой,
не отходи, побудь ещё со мной...
Горят, дымят воздушные
просторы –
и музыка звенит в тиши ночной.

МЫ – ВДВОЁМ

Ты мирно спишь...
Какое счастье,
что рядом ты, что мы – вдвоём...
Да, грозы страшного ненастья
наш обошли сегодня дом.
С тобою научились – можем
ценить уют, беречь тепло.
Мы стали, с днями, к чувствам
строже,
в беде и в радость – заодно!
... Ты мирно спишь...
Порукой счастья
моя забота с каждым днём...
Через любые дни ненастья
с тобою вместе мы пройдем.

ОСЕННИЙ КОСТЕР

Чуть отсыревший коробок
я спичкою потер
и чиркнул раз, еще разок!..
И запыхал костер.
Горела ярко береста,
сушняк всю трещал...
Светились веточки куста,
а лес темнее стал.

Огонь плясал, огонь гудел -
и в рокоте огня
послышалось,
как кто-то пел...
Потом чихал, дразня...
И, негодуя, звал... кричал...
И искрами стрелял...
И тихо плакал, осерчав...
Согревшись, я дремал.

В ТАЙГЕ

Я сбежал из города в тайгу,
и над речкой тихой ясноликой
из сосны рублю себе избу,
печь кладу – ведь я не лыком
шитый.
Я умею многое: сошью
из звериной шкуры куртку,
чуни...
Для колодца выдолблю бадью,
надо – и в сугробе заночую.
Я умею мастерски стрелять,
сети ставить, находить берлоги...
Я – в тайге, но в голове опять
голоса родных и гул тревоги.

МИР ЛЮБОВНЫЙ

Разольётся Иртыш по весне,
отзовется нечаянным всплеском...
Будут ивы купаться в волне,
и утонут по грудь перелески.
Рыба в старицу выйдет метать,
отложив миллионы икринок,
будет в травах густых умирать,
если воды обратно отхлынут.
Сотни птиц на лугах заливных
гнезда ладят, трезвонят о
вечном...
Мир любовный – святая святых –
пусть он будет всегда
неизменчив!.

“Все впереди!..”
– звучит уже насмешкою,
а стук в груди
день ото дня поспешнее.
“Все позади!..”
– нет,
это слишком строго,
но блеск седин
виски мои потрогал...
Надежду затая,
грущу,
брожу средь лета.

Да,
песенка моя
наполовину спета.
День катит на закат,
а небо все тревожнее,
и ничему не рад.

Чем дальше –
невозможнее!..
А сил еще полно:
работай да работай!..
Но счастье не дано
измерить только потом.
Один я,
одинок!..
Так, словно поздней осенью,
промок в грязи,
продрог
– и в поле меня
брошили

Я ВЕРНУСЬ

Я вернусь, я всё-таки
вернусь
в ту избу,
где в зыбке мать качала.
И в окно, как в зеркало,
вгляжусь –
и припомню всё, о чём
мечталось!
В лес уйду – и меж берёз
прямых
на поляне красной
земляничкой
губы обожгу...
Сложу я стих
о природе непорочной,
дикой!
Я вернусь!
Что б ни было, вернусь
в те леса, где жизнь меня
встречала
сказкой.
Где цвела святая Русь,
и с красой своею
повенчала...

39. СТРОЙКИ БУДУЩЕГО

КРАПИВИНСКОЕ МЕСТОРОЖДЕНИЕ

16 января 2002 г. – День, вошедший в историю Омской области. Первые 100 тонн нефти поступили с Крапивинского месторождения на Омский нефтезавод.

ПЕРВАЯ ТАРСКАЯ НЕФТЬ

По болотам, трущобам
завьюженным,
свежим “зимником”, кровь
горяча,
пробиваются с яростным
мужеством
нефтевозы, надрывно рыча.
Проморозил до звона январь
и деревья, и снежное поле.
На стекле смотровом - янтарь
от снежинок тающих, вольно.
Как в тоннеле дорога лежит.
Утро раннее снегом искрит.
Ждет Петровка, в высоких в
сугробах,
Здесь шоссейка, в ней твердый
грунт.
Исчезает сомнение, робость
от ухабов, прошедших минут.

Снова тронулись в путь
нефтевозы,
Слева избы дымят в окаем.
Что казалось почти
невозможным,
стало явью сегодняшним
днем!
Шины жестко по снегу
шуршат,
и часы незаметно летят.
Радость Тары. Коротенький
митинг.
Передых. Вновь за руль и –
вперед!
По асфальтной чернеющей
нити
прёт колонна, прибавив ход!
Снег слепит изумительно
звездный,
Большеречье давно позади!..

Над Саргаткой разбуженный
воздух
согревает дыханье в груди.
И крепчает под вечер мороз,
Омский пригород в свете
берез.
Как магнит, тянет нефтезавод
праздничную колонну машин.
Тихо меркнет вдали небосвод.
Город стих, все дела
завершив.
Но гудками приветствуя
город,
нефтевозы хотят всех согреть.
– Здравствуй, Омск,
наша совесть и гордость!
Встречай первую Тарскую нефть!
Прет колонна, прибавив ход!
Снег слепит изумительно
звездный.

А начиналось все так:

Более десяти лет назад, Омский губернатор Леонид Полежаев в программе развития области впервые предусмотрел разработку и освоение природных богатств Севера области. Да, это его идея, как и комплексная программа газификации. До него к этим вопросам никто не прикасался.

100 тонн – первая “капля” на фоне мировых поставок (Омский нефтезавод принимает в год миллионы тонн углеводородного сырья). Но 100 тонн – это начало промышленной добычи нефти на собственной территории

Крапивинское месторождение осваивает ОАО “Сибирская нефтяная компания”, созданное в 1995 году. Ее вице-президентом является Константин Потапов. От стоимости

каждой добытой тонны нефти – 6% идет в казну области. Западно-Крапивинское месторождение осваивается темпами, по скорости сравнимыми с Самотлором.

16 января 2002 года – исторический день, но уже годом раньше администрация Омской области заключила соглашение о сотрудничестве с ОАО “Сибнефть”. Соглашение было подписано губернатором Л.К.Полежаевым с первым вице-президентом “Сибнефти” А.В.Городиловым. И ныне “Сибнефть” – не просто как выгодный для Омской области партнер, а уже и как регионообразующее предприятие. Только в 2000 году от ОАО “Сибнефть” получено порядка полутора миллиардов рублей.

Разумеется, часть из этих денег пойдет на социально-экономическое развитие Тары, возрождение северных деревень. А еще освоение Крапивинского месторождения – это создание дополнительных рабочих мест для населения района, для восстановления малых, полуразрушенных деревень.

СЕВЕРНЫЕ МЕСТА

Милые проселки, деревушки –
брошенные, бедные, в ресьях.
Был в Старичьем – две всего
избушки,
а Могильное – давно в крестах.
Постарели улицы Литковки,
Имшегал безлюден, тих Васис.
Поредели избы Ермаковки.
Лишь сверкает синью речка
Шиш!
Да в озерах – оклик лебединый,
нежится зеленая тайга!

В ней кедрач и заросли малины,
в ней – шиповник ал по берегам!
Все мы родом из полей рассветных,
деревень забытых не вернуть.
Почему, крестьянские мы дети,
к Родине своей забыли путь?!
С болью ждет сынов своих
Петровка,
ждут Атирка, Вятка, Карбаза...
Внука ждал на речке, на Бобровке
дед Егор...Все проглядел глаза...
Той избы над речкой светлой,
узкой

нет в помине: ямы да бугры.
Смотрят сосны виновато, с гру-
стью –
детский смех они не сберегли!
А сынам пора бы возвращаться,
Родина, наверно, их простит.
На чужбине легкого нет счастья,
длинный рубль не застит всех
обид.
Нет в Руси селений безыманных,
и светла в них каждая изба.
Ведь она – любовь в сердцах
и – рана.
Чья-то незабвенная судьба.

МОИ ПОЕЗДКИ НА СЕВЕР

В 1900 – 1917 гг. территории Тарского и Тюкалинского уездов входили в Тобольскую губернию, а в 1919 они вошли в состав образованной Омской губернии вместе с Омским и Калачинскими уездами. 7 декабря 1934 года вновь образованная Омская область включала в себя все северные земли, вплоть до Ледовитого океана. Но в августе 1944 года из Омской области выделяется Тюменская область, и основные месторождения нефти и газа оказались на ее территории.

Так распорядилась судьба, что в 1946 году, я – десятилетний пацан, вместе с бабушкой, по Иртышу из Омска плыл в село Кондинское (ныне село Октябрьское). Это далеко за Ханты-Мансийском, в самой глухомани, куда в 1933 году был сослан мой дед – кулак, обычный крестьянин – середняк Тюкалинского района. Его сын, то есть мой отец, командир взвода, погиб 5 мая 1944 года под Псковом. Там, у деда, состоялось мое первое знакомство с Севером.

В 1957 году, после окончания института в Омске, работая инструктором в обкоме профсоюзов города Тюмени, по командировке я вновь попал на СЕВЕР. И тогда, в 1958 году впервые сел на такси в г. Тобольск.

Длинна дорога в зимний сон.
Во льдах озера с тихим стоном.
Тайга плывет со всех сторон,
светясь заснеженно-зеленым.
Повсюду – иней, бахрома,
в снегах видны следы – узоры.
Как сказка древняя сама,
глядит Сибирь светлейшим взором!
Мой путь мерцанием сквозит,
в нем миллионы звезд – снежинок,
и каждая благодворит
недолгий, пышный чудо – зимник!
Не соболиный ли то мех
в сугробах? –
Дремлет жизнь под ними.
Еще не видно вышек – вех,
и край медвежий словно вымер.
Тобольск в наличниках резных.
На стеклах изморозь узором!..
И в ранних сумерках седых
геологи бредут дозором!

Во время поездки написаны первые стихи о Севере

Искер.
В сборе ханская столица.
Хан с красавицей Сизге
пред дорогою проститься
сели молча на ковре.
На сафьяновых подушках.

Из сафьяна сапожки.
Затаенны и послушны,
словно малые божки.
Посреди шатра мерцают
расписных халатов шелк.
Войско хана сбилось стаей
в круг шатра. И хан – как волк!
Царь российский выслал войско,
трус был хан Едигеря.
Слышится Кучуму: “Бойся!
Русские пришли не зря!”
Там у речки Серебрянки
струи волоком влекут.
Ружья вороной чеканки,
и костры под ярмом жгут.
И поют хмельные песни,
свесив вольные чубы...
Хан угрюм,
он полон мести,
чуя призраки судьбы.
*- Искер – старая земля.

Тобольский театр.

В центре Тобольска,
среди новых домов,
с мощью бетонной,
есть теремок из сказаний и снов,
в зелень влюбленный!
Ставни, наличники с тонкой резьбой –

кружева дивного...
Флюгер парящий...
Конек расписной... орнаменты –
ливнями!..
А под стрехою-узорчиво вязь
вниз ниспадает,
как кисея, что у шали сплелась,
снежно блистая.
А в воротах голубых
слышен звон
тонких колечек...
Кажется:
домик в лучах осенен
тихою вечностью!
Светом сочится любое окно
в радужных бликах...
В рушащем мире нам суждено
услышать великое!
Ремезов позже опишет Тобол
с крепостью гордой...
и губернаторства пышный престол... ярмарки, торги...
А мастеров, что тогда без гвоздя,
славили зодчество,
нет в письменах...
Но они сквозь года
светят пророчески!

Моя вторая поездка в Тобольск состоялась в 1966 году уже в качестве преподавателя строительного техникума.

“...Для того, чтоб по рельсам проехать,
надо раньше по шпалам пройти...”

– из студенческой песенки
СТУДЕНЧЕСКИЙ ДЕСАНТ
Что за шум,
что за гвалт
слышится с перрона?..
То студенческий десант
собственной персоной.
За плечами – рюкзаки,
а в руках гитары.
Не сказал бы – пареньки.
На подбор все парни!
С русым ершиком юрист –
гид с веселым взглядом!
Руки рупором – горнит
идушим с эстакады.
Куртки светят на спине
гербом «УКРАИНА».
Вьется песня в вышине:
«...Ой! Калина у тына...»

Через слово-шутка, смех.
Спортивные движенья...
Да, к таким парням не грех
пойти на пополненье!
Вперед, на Север!
Всюду краны, танкетки, машины...
Сотни труб – все калибры есть!
Все на Север неудержимо –
все туда, где газ и нефть!

Я билет беру в старом вокзале-
деревянный барак в полвершка.
Рядом новое зданье восстало
из бетона, без крыши пока.
И вокзал этажами вздымаясь,
видится мне коньком – Горбунком!
И смолистым рассветом вдыхая,
я невольно светлею лицом.
ОТ САЛЫМА, ОТ СУРГУТА
С двух сторон,
под рёв машин,

движутся колонны...
По тайге плывет огонь
– светофор зеленый.
С двух сторон,
с двух сторон
движутся навстречу
по болотам
под дождем
думы человечьи.
В чистом поле,
как в Берлине,
встретятся войска,
расцелуясь,
шапки кинут
разом в облака...
От Салыма, до Сургута
ляжет рельсов нить...
– Как хотел бы
в те минуты
в этом поле быть.

В течение многих лет у меня состоялось ещё несколько командировок на Север. И за это я благодарен судьбе.

39. СВЕТ НАДЕЖД

РУСЬ

Ты, Русь, осталась избяной...
В полях с ромашкой, горчицетом

меня встречаешь на рассвете
в родимой стороне лесной!
Звук реактивный в облаках
просторы неба будоражит...
Вот слева – согра... Вот –
овражек...

А справа – грива, рожь в валках...
Вот речка... Зеркальца изгиб...
Губами к роднику приник!!

ЖУРАВЛИ

В ясный полдень в небе синем
кружат стайкой журавли.
Пригляжусь:
лишь росчерк крыльев
различаю я с земли.
Марево...
И испаренья,
как потоки, ввысь текут...
Крыльев взмах, затем- скольженье.
По волнам плывут, плывут!
На безветрии небесном,
в синеве купаясь вновь,
чуть курлыча, грустной песней-
дарят светлую любовь!

ВЕРНОСТЬ

Верность! – скромности сестра...
Ей совсем не надо славы.
С верою – сильнее слабый...
С верой легче боль утрат...
Год за годом, в зной и стужу,
лжи, вранью наперекор –
устремляем к звёздам взор!
Верность всем влюблённым
служит!

РУССКОЕ ПОЛЕ

Я кланяюсь полю, росою
омытому,
иду травяною дорожкой к
ручью...
За что, россияне, мы богом
забыты
и землю свою превратили
в «ничью»?!
А может? – Наверяд ли...
Есть общее поле,
есть общее пастбище,
общий загон.

Ничейное это, чужое до боли.
Надуманый кем-то жестокий
закон.

Веками ты, Русь, завещала
мне пашни
и тучные нивы, большие
стада...

Исчезли богатства в
усобицах страшных –
лицо мое нынче горит от
стыда.

За что, моя Русь, мы
судьбой не счастливы –
такой ли сулила нам с
детства удел?
Я – сын твой,
покорный слуга, молчаливый –
но время пробило, и я осмелел!

Да здравствуй, свобода!
Надежда и воля!
Иду, как хозяин,
навстречу заре...

О русское поле,
бескрайнее поле –
ты снова, как в древность,
во мне – бунтаре!

РАБОТА НА ИЗНОС

Да, каждый день,
подаренный судьбой
уходит в сумрак, к звездам
отдаленным...
Работа на износ – борьба с
собой,
и на душе – как в роше
оголенной.
Средь седины пролысины
видны,
и тени под глазами, боли в
сердце...
Страничкой улетают мои
дни,
и все труднее радостью
согреться.

Тот залез в навоз, а тот – в
эстетство.

У соседа – творческий

запой...

Я – смешной, опять
спасаюсь бегством
от мигрени в дикий край
лесной.

Напрочь прошлое
позабываю,
освежусь я горстью из
ключа...

Буду жить я рядом с
птичьей стаей...
Любоваться небом по
ночам...

Льву Трутневу

БОЖЕСТВО – ТЫ СЛОВО!

Кем я стану? – как уйду
в мир иной, нездешний...
Может, звездочкой взойду
над землею грешной.
Может, птахой прокричу
в рощице весенней...
Может, облачком примчусь
из другой вселенной...
Кем я стану? Дать ответ
сможет только время.
А пока – гори мой свет,
сердце верой грея.
И пускай строка звеня,
дарит радость снова...
Я признаюсь, не тая:
божество – ты слово!

Пусть, что будет, я не раз обманут.
Я молюсь на звездный,
дальний свет.
Прикоснусь к поэзии
губами
и пойму: лекарства лучше
нет!

В ЗИМНЕМ ДЕНДРАРИИ

Я гуляю по зимнему лесу,
для тебя сочиняю стихи...
Вот в кустах кто-то веточкой
треснул...
Вот щеглы просвистели, лихи!..
Снегири на сугробе алеют.
Сосны, ели - вокруг зелено!
О весне той давно не жалею,
и, признаться, тебе все равно.
Вдоль поляны поземка по-лисьи
заметает тропинки мои...
К неотправленным ранее письмам
эти, несколько строчек, возьми!

с. Подгородка

В ЧУЖОЙ ИЗБЕ

Запах сена в клетки, где
теленок
чмокает губами. Стук ведра...
Кот мурлычет в ухо мне
спросонок,
писк цыплят – все это, как вчера!
Ты – полузабытое, родное –
вмиг воскресло, и в чужой избе
вижу столько ласки и покоя!
И иной завидую судьбе.
Колыханье тонкой занавески,
стук ухвата и заслонки звон...
От мороза в стенах, в окнах –
трески...
Музыка плывет со всех сторон.
д. Усть-Логатка

РОССИЯ, СЛАВНАЯ – ВОССТАНЬ!

Россия славная, восстань
из лжи, из нечестии, раздора!..
Сочится кровь из многих ран:
беда – к беде, за ссорой – ссора!
Зовёт с мольбою вновь Чечня
и Карабах смятенье множит.
В Осетии вражда – резня...
И страх, с мурашками по коже...
Братоубийство!?. Как, доколе
терпеть насилие и боли?
Россия, гордая, верни
спокойствие, надежду людям,
родство и святость сохрани –
и беженцев меж нас – не будет.

НА ЧЕРНОМОРСКОМ ПОБЕРЕЖЬЕ

Моя душа летит к озёрам,
к прозрачной, голубой воде!
– Люблю Сибирские просторы
и не забуду их нигде.
Мне даже солнечные пляжи
у моря не заменят их!..
Лежу и думаю: вояжи
к чему, не пишется коль стих!?

ПОЗДНИЕ ПРИЗНАНИЯ

Я – ничего. Терплю. Живу...
Но в сказки о добре – не верю.
Порою правду замолчу,
скрываясь незлобивым зверем.
Смотрю спокойно на закат,
и даже гром и шквальный вихорь
меня с тобой не разлучат –
а станут музыкою тихой!
Антенной шест вознёсся ввысь,
на нём сверкает паутина.
Все звуки к озеру сошлись
и тонут в голубой пучине...

ТОРОПЛЮ СВОИ ГОДА

Так хотелось мне всегда
в детстве, и позднее:
чтоб скорее шли года,
чтоб я стал взрослее.
Трудно рос я...
Смел и дюж,
без отца я выжил...
Пообъездил весь Союз –
был стрелок и лыжник.
Строил мост и сад сажал,
написал семь книжек...
Честь и Совесть уважал...
Был везде не лишним.
... Подустал, но как всегда,
тороплю свои года...

СТАРОРЕЖИМНЫЙ

Там – промолчал... Здесь –
усомнился...
Глаза отвёл, не взбунтовал...
Полунеправде поклонился,
поскольку друг её сказал.
Я независим был с рождения,
так что внутри оборвалось!?
Зачем смотрю вновь с
вожделеньем
на пыльный, старый паровоз?..
Он в тупике, спит на приколе –
жизнь стороной летит, звенит!..
... И я шепчу себе: «Доколе
угодничать, людей смешить!?»

ДЕРЖИСЬ!

Такое время, милый мой:
не сосчитать задач.
С хмельною, тяжкой головой
сопи в ду-ду, не плачь.
Под ругань, ссоры – стгоряча
не проклинай ты жизнь.
Не жди случайного плеча –
сам за себя держись!

РОДИНА

Люблю без памяти, люблю
луг золотистый, чистый,
вольный.
В разлуке, вновь в чужом краю
ты снишься мне – тобою болен.
Ты блеском трепетным горишь
в заре, туманы раздвигая.
Мне в душу ласково глядишь,
как колыбель, в цветах качая.
О, Родина!
Не дай пропасть
во тьме, вдали – свети мне, властвуй!
Мои надежды, веру, страсть
ты не отринь – дари мне ласку.

Любимая, родная,
твой свет в душе моей!
Просторней нету края,
нет края красивей!
Люблю метель, морозы.
Люблю большой разлив,
где островки берёзок,
где отсвет грустных ив!
Люблю Иртыш могучий
в весенний ледоход.
Люблю причал под кручей
и белый теплоход.
Любуюсь хлебным полем,
вершу в лугах стога.
Суровым своевольем
тайга мне дорога.
Иду я Прииртышьем
в таёжный край глухой,
и хмелем, мёдом дышат
рассветы над тропой...

Я не смирился с лихолетьем:
ни вор, ни рэкет, ни злодей
не застили мне образ светлый
Сибири, Родины моей.
Её, унизив, рвали, били.
А, в сущности, чего я мог –
ведь не было управы, силы
на тех, кому – ни царь, ни Бог.
И всё ж осталась неделимой
душа, как русский лик святой.
Земля, которая вскормила,
за честь свою зовёт на бой!
Не раз и раньше бедовали –
такое было со страной,
но все напасти отступали,
когда народ вставал стеной.

ЛУГ ДЕТСТВА

Я-то знаю: приблизится время –
и дорога меня поведёт
в те луга, где ручей ночью дремлет,
где полночная птица поёт.
И, как прежде, вновь в
сердце нахлынет
радость детства, рассвет
голубой...
И тропинки – судьбы моей
линии
все сойдутся за крайней
избой.

40. КРОВНАЯ СВЯЗЬ

«Пёхом» через бурелом

(Рассказ бурового мастера Андрея Перевозчикова)

Узнав, что осваивается Крапивинское месторождение в Тарском районе (а я родом из соседнего, Тевризского), долго не раздумывая, написал заявление о переводе с работы из “Лукойла” в “Сибнефть”. Не отпустили. Тогда, не взяв даже трудовой книжки, не получив денежного расчета, решил напрямую пешком махнуть на Крапивку.

Из Нижневартовска долетел на вертолете до Нового Васюгана, рюкзак на плечи – и пешком, вперед. Из продуктов в рюкзаке всего 4 булки хлеба, 5 кг сухарей, да 2-е коробочки чая. И все. Денег-то нет, а вещи оставил в общежитии. Попросил ребят позднее переслать, как напишу им письмо.

Кому-то со стороны переход по безлюдной тайге 8-9 дней покажется безрассудным. Ведь на всем огромном пути – нет ни одной деревни. Но меня ничто не страшило, а даже тянуло за душу старое желание охотника окунуться в давний мир странствий и бродяжничества по тайге. Мальчишкой, я несколько лет с родным дядей – охотником месяцами колесил вдоль границ Тюменской и Томской областей. И свой маршрут, примерно, представлял.

Итак, в первых числах декабря я в одиночестве за 2 дня дошел до речки Егольях (приток Васюгана), затем вышел к речке Ягыльях. Она из Томской области ведет в Омскую. Если идти вверх по реке, где она берет начало, где-то 100-150 км от деревень Петровка и Литковка, куда мне надо попасть. Вроде ничего сложного нет.

Погода теплая, два дня идет снег. Его почти по колено. Одет легко, шагать приятно. Правда, на косогорах вдоль реки здорово царапается шиповник и малина, да в ельниках во мху хлюпает вода. Зато в кедряче сухо, рай. Но часто попадают ручьи, проваливаюсь в воду, кирзовые сапоги размокли, порвались.

– Эх бы морозец, – думаю.

И на тебе. На 3-ий день ахнул мороз, под тридцать. А одет я плохо. Мерзну. И идти легче не стало. Снегу много и вода под ним все одно не замерзла. Хорошо, когда морозец крепкий ударит, а потом снег выпадет, тогда по тайге топтать легко.

Все больше мерзну, устаю. Когда трудно, всегда читаю стихи. Ведь я написал когда-то книжку о тайге, правда, не издал еще.

Так вот смотрю по сторонам, вспоминаю и бормочу вслух:

Северный край

*Рям сосновый. Узкая тропинка:
мох в воде и треск гнилых
жердей...*

*Здесь брусника,
ягода-кровинка,*

*с каждым днем пьяней и
золотей.*

*В гуще сосен – ясные озера,
молодые клики лебедей.*

*А вокруг – болота, даль
просторов...
синь небес... Нет края голубей!*

На 4-ый день, переходя ручей, провалился в глубокую яму. Вымок до плеч. Разжег костер (главные вещи в рюкзаке: маленький острый топорик и большая алюминиевая кружка, 5 минут – костер и чай). Сушил одежду долго. Бесполезно. Пошел дальше, чтобы согреться.

На ночь соорудил себе верховую медвежью берлогу. Что-то типа шалаша. Набрал на дно побольше лапнику. Всю ночь палил костер – одежда ведь не просохла. За ночь так и не уснул, лишь дремал.

Утром настроение аховское. Ослаб совсем, ноги и руки болят. Ну, думаю – хана. Только теперь понял всю безрассудность своего похода. Ведь на охоте раньше – лыжи, ночевка в избушках, хорошая одежда, еда. А здесь ничего этого нет.

Иду шестой день все вдоль речки Ягыльях. Чувствую, она заворачивает круто влево, все больше и больше. А мне надо правее. Да и на карте помню, так. Беру правее.

Совсем выдохся и начал терять ориентиры. И на следующий день вышел на свои старые охотничьи места. И ахнул: я ушел вправо настолько далеко, что впереди показалось Урнинское болото, речка Тягус. Еще правее вижу гребень – Малая Урна, дальше – Большая Урна.

Повернул налево. Вот и Кедровая речка, высокий кедряч. Да, в этом году нет урожая ореха, не видно и соболей. И мало птицы. Все куда-то перекочевали. Потому, наверняка не встретил за эти дни ни одного охотника.

Да, места все знакомые. Вот Обитово и первая охотничья избушка. Пусто. Зашел, затопил печку-жестянку. Попил чаю. Лег на нары вздремнуть, но в голове опять мельтешат стихи.

За Карбызой

*В тайге, на поляне, под старой
сосной
скучает избушка-заимка...*

*Лишь с первой порошей
охотник тропой
пройдет, обновляя «зимник».*

Через час снова двинулся в путь. Немного прошел и вижу: балка – вагончик, брошенный, видать, геологами. Окна выбиты, дверь сорвана. Постоял, подумал. Припомнил, как отсюда с дядей шли на Тевриз. Да, на Тевриз – идти – знакомые места, но это далеко – около 300 км.

А на Петровку, на Васис – менее ста, но туда мы с дядей не ходили. Местность не знакома. Да, обычно ориентировался по сучьям на деревьях, по мху, по солнцу. Все эти дни пасмурно.

Опять что-нибудь напутая. Близко где-то речка Имшигал. Вот сюда. Прошел немного и вышел к реке.

Истекает восьмой день. Хлеб давно кончился, осталась горстка сухарей. Опять взлетела стайка рябчиков и села на деревьях. Вот бы какое-нибудь старое ружьишко, рябчиков встречаю часто, видел и тетеревов. Вчера вспугнул даже глухаря.

На нет – суда нет. А есть хочется. Чувствую все больше слабость, неуверенность и чтобы подбодрить себя, вновь громко читаю свои стихи.

На ночлег опять соорудил верховую берлогу. Отоспался. Плутая и меняя направление, вышел неожиданно к избушке, из которой шел дымок. О, радость. Охотник, сидевший у входа, оказался родом из Имшигала, остяк. Угостив лосятиной, напоив чаем, рассказал, как выйти на Петровку, и даже немного проводил. На прощанье похлопал по плечу.

Наконец-то я вышел к деревне Петровка на 10-ый день. Был полдень. У крайней избы невысокий мужичок сбрасывал с саней сено, конь стоял запряженный. Я подошел, мужик испугался моего вида. Обросший щетиной, почерневший от ветра и недоедания, с впалыми глазами, я походил на привидение. Объяснил, куда я иду. Посадив меня в сани, мужичок повез меня на другой край деревни, где как раз у магазина стоял вездеход нефтяников, который и довез меня к ним. В домике у нефтяников меня накормили, уложили спать, а на утро я стоял перед начальством и просил принять меня на любую работу, потому что я здешний, и мне больше идти некуда. Приняли...

Ермак

В конце июля 1585 года Ермак с отрядом в 150 человек, продвигаясь вверх по Иртышу навстречу торговому каравану бухарцев, доплыл на судах до устья реки Шиши (это в верховьях речки, где берут начала малый и большой Шиши, сегодня идет разработка Крапивинского месторождения).

Не встретив каравана (его и не должно было быть, на этом строился обман Кучума), Ермак повернул обратно. На всем протяжении пути Ермака преследовали отряды татар, выжидая момент для нападения. 6-го августа в ночь, возле устья реки Вагая, отряд Ермака попал в засаду, и татары перебили всех казаков. Погиб и

<p>Ермак На судне головном плывет Ермак. Кудряв, плечист. По-богатырски ладен. Стоит в корме, задумавшись, вожак и водит кормовым веслом по глади. Упруго ветер полнит паруса, на стрежень струги атаман направил. А с берега – град стрел и голоса татар, и рядом кто-то окровавлен. И вновь с обрыва – вопли, свист – затем</p>	<p>стрел наконечники в снастях сверкают. В грудь Ермаку одна, другая – в шлем! Все нипочем – кольчуга ведь стальная. Легко скользят лады по быстрине, трубит трубач и – песня в высь взлетает. Гребцы на веслах, пенный след в волне. Яр Волчий – здесь враги нависли стайей. Улюкают, визжат, проклятья шлют:</p>	<p>«Шаманы русские, шайтаны, духи!..» А казаки про волю, Дон поют, и реют над дружиною хоругви! Чувашский мыс остался позади, морошкой пахнет ветерок прохладный. Татары – сзади. Что ждет впереди?.. И о ночлеге трудном думать надо. Найти бы где-то малый островок. Вода врагу – надежная преграда. Вот Долгий Яр навис наискосок – и может в нем таится вновь засада.</p>
--	--	---

Ермак.

Город Тара.

Ермак в 1585 году погиб, а в 1586 году русскими уже был заложен город Тюмень, в 1587 началось строительство города Тобольск, ставшего надолго столицей Сибири.

Всего через семь лет – в 1594 году отрядом стрельцов под командой воеводы Андрея Елецкого, строится крепость Тара, самое южное укрепление на Иртыше. Из Тары постепенно началось заселение территории западной и южной части нашей области.

<p>Тары, у речки Аркарка, на видном холме вначале форпост возвышался старый, дабы Кучума истеснить во зле. Указ государев гласил: «Пригоже пашни завести и устроить соль...» Елецкий Андрей, воевода молодой, с воинской ратью крепость возвел. Позднее вогуличи(манси), татары и остяки – люди разных кровей</p>	<p>Денно и ночью строили Тару. Рос городок средь лесов и полей. Для воеводы воздвигли хоромы, домищи для знати и местных купцов. Стал городок центром всякой торговли, шли караваны из дальних краев. Строились церковь, лавки, амбары и для торговцев – гостиничный двор. Стал знаменит далеко город Тара: рыба и мех...</p>	<p>Соль Ямышевских озер. Шли и тайгой и Барабинской степью татарские беки, расправой грозя, “ясак” и “поминки” собрав со всех весей в Тару, в подарок, везли для царя. ...Минут ли Леты, столетья – и ныне солнечный город, туристов маня, славит Россию и лики земные над куполом церкви, победно звеня!»</p>
---	---	--

40. РОДИНА – СИБИРЬ

МОЁ ПРИИРТЫШЬЕ

Я вдоль – поперёк исходил всю страну:

знаком с ТУ-ЮК-СУ, с Тебердою, на финском заливе лелеял волну и в «Пушкино» мчался с любовью.

Но есть заповедная та сторона – в Сибири, в чащобах таёжных, где в пади медвежьей поёт тишина, где встречи со сказкой возможны. Мое Прииртышье!?

– Отрада моя!

Былинный Иртыш, крутояры. Волнуется хлебная нива в полях, и в зелени ёлки нарядны. Немного на Север – глухая тайга, чуть к Югу – степные просторы. Здесь дом мой – и родина так дорога! Не надо ни Крыма, ни моря.

СИБИРЯК

Сибиряк я, скромный человек, слов признанья попусту не трачу. Край сибирский – вот судьбы удача, не на год иль два – на целый век! Нежусь луговой тишиною, наклоняю голову к цветам, разговор веду я с резедою, улыбаюсь ржи и василькам.

Не расстанусь с дикими лесами, с запахами ягод и грибов – потому и говорю стихами про деревья, птиц, про отчий кров.

СИБИРЬ МОЮ, ЛЮБОВЬ МОЮ

Рождественский мороз в ночи сквозь полушубок пробирает... Озябший город сник, молчит... Но предан я родному краю.

Сибирь мою, любовь мою на Коста Риду не сменяю. Сомненья на костре спалю и буду ждать прихода Мая!.. Иду вдоль кромки Иртыша – и светом полнится душа.

Ширь озерная раздвинулась до предельной той черты, где синь неба в воду кинула свет хрустальной чистоты! Я смотрю вокруг встревоженный, мест родных не узнаю: где деревне быть положено – только тополь на краю. Бугорки за ним да ямины, сваленный в траве забор... Ах, душа моя упрямая, что увидела в упор? Давней улицей – дорожкой, меж крапивы, конопли прохожу, как огорошенный: – Эх, вы, люди, как смогли распротиться с этим озером, неоглядной синь-водой, с этой гривою березовой и небесной чистотой? Смутной горечью охваченный, я невесть куда иду, в край иной – переиначенный, сердцем чувствуя беду!

Я приду в этот дом, я вернусь обязательно – поздно ли, рано! Незамеченным тихо пройду по тропинке вдоль речки туманной... Я вернусь, поздней ночью вернусь, а вернее всего – на рассвете. Подойду и вокруг оглянусь: где ты, детство зеленое, где ты? Встретят те же ворота, забор... и ночные пролетные ветры. Может, ждет меня до сих пор взгляд собачий, как прежде приветливый. Может, та же скворечня в ветвях тихо дремлет над серою крышей? Постучусь... мамин голос в сенях близко-близко с любовью услышу.

Загорится в окне огонек за простой занавеской цветастой... Я вернусь!.. Как бы ни был далек этот дом... И скажу тихо: “Здравствуй!..”

ЗИМНЯЯ БЕРЕЗА

*Королеву Льву Васильевичу,
Председателю Омского
представительства
«Сибирское соглашение»*

Зимняя береза в мир волшебный приглашает: “Подойди, взглядишь!..” Я доверчивым давно уж не был – обними, сверкающая высь!.. С веток бахромою иней светит: от фаты иль платья кисея?.. На сережках исподволь заметен блеск хрустальный – словно бы заря! Белое нечаянное чудо из сказаний... вьюг... из серебра!.. Да, живым, нам не понять куда: чья ты дочь, снегурочка – сестра!? Дышат ветки призрачно метелью, непорочной детской чистотой. Я стою... не ухажу... я медлю... Словно перед девою святой! Прикасаюсь вкрадчиво губами к веточке, сережкам ледяным... Пахнешь ты ветрами и снегами, обжигая божеством своим!

СИБИРЬ

С порошей первой – санный след...

С грозой вешней – медуницы... Средь радостей, надежд и бед ночами солнцем будешь сниться.

Земли исконные пути с грядущим свяжет мудрый атом...

...Сибирь, тебе века цвести в лугах, где пахнет хмелем, мятой!

В любом поселке будешь жить с весёлым выплясом и свистом...

И поздним вечером грустить с зазывной песней гармониста.

О, РОССИЯ, ДУШОЮ ВОССТАНЬ!

Раскроили по весям страну, растащили заводы и фабрики... Хаем прошлое и старину, матюкаемся, пьём для храбрости. Кто нахапал добра – тот и царь!.. Рэкет, мафия – правят повсюду. Не поможет ни чёрт, ни алтарь...

Сжались, сгорбились нищие
люди.

О, Россия, душою воспрянь
над враждою, разрухой и бездной.
Обогрей обездоленных,
стань

мать – защитницей
слабых и бедных.

Страна моя родная,
в блеске радуг, в свете зорь –
ты, мне юность возвращая,
давней болью не неволь.
Те дымящие закаты
дней войны, больших потерь
иногда тоской накатят –
страшно вспомнить и теперь.
Память ту не предавая,
вновь у бездны на краю
прошепчу: «Земля родная,
я навек тебя люблю!
Так люблю твои плотины,
леса шум и звон ручья,
и весенний гвалт грачиный –
всё, чем жизнь моя полна».

Утро зеленое в речку глядит
святочной радостью!
Солнце над лесом похоже на щит
с алостью благой!
Маковки в росах раскрылись едва,
чудно сверкая!
В ветках березы трепещет листва.
Ввысь устремляясь.
В веточке каждой,
в овале цветка –
свет совершенства!
Вот заиграла
лучами река –
в блеске блаженства!
Мир целомудренный
в рай чистоты
вновь приглашает...
Я бы хотел быть слугой красоты
или глашатаем...
Я бы хотел охранять неба синь,
вечность венчая...
Я возвратил бы на землю богинь,

в мир изначальный!
Нежно на солнце трепещет листва
в блеске зеленом –
цвет непорочности,
цвет естества
в мире влюбленном!

ВЕРНОСТЬ

Свирепые ветры насквозь
пробирают –
от них леденеет внутри...
Но с думой о лете согреться
стараюсь –
ведь рядом свистят снегири!
Я вмёрз в эту землю всем сердцем,
всей кровью,
в снегах и во льдах растворён...
И с нежностью давней, которой не
скрою,
в родные просторы влюблён!

Целый мир я пообъездил,
тыщи вёрст исколесил,
но признаюсь вам по чести:
счастья я не находил.
Возвратился в край любимый,
не стыжусь сыновних слёз
над родительской могилой
меж приветливых берёз.
Прохожу вдоль речки сонной
и на мостике стою...
Как до боли всё знакомо
в давнем ветреном краю!
Косогор, плотина, роща
и туманный дальний луг...
Под окном рябина ропщет
на печаль моих разлук.

СВЯТАЯ ОБИТЕЛЬ

Здравствуй, святая обитель!
Мой незаслуженный край,
внукам моим сбереги ты
этот берёзовый рай.
... Блеск многоцветный, осенний
красит леса и поля.
Мне бы немного везенья,
разве гордился бы я?
Вечер неслышно стекает
с веток, искрится трава.

Озеро тихо мерцает...
В небе – простор, синева...
Родина, свет предзакатный
неомрачённого дня
в душу пожаром мне катит.
Ты – Божество для меня!!

Сибирь,
моя родная –
твой свет в душе горит,
мечту оберегая,
идти вперед велит!
Сибирь!
Мой край былинный,
с тобою я – навек.
Ты – оклик лебединый,
разлив озер и рек!
Ты – древнее сказание
о таинстве лесов.
Ты – первое признание...
Последняя любовь!..

ОМСКАЯ ОБЛАСТЬ

На юг подайся –
степь ковыльная,
на север чуточку –
тайга...
Здесь лесостепь,
земля обильная.
Здесь свет берез,
звон ручейка.
Люблю Иртыш в большом разливе
и светлый город –
в нем живу.
Но с детства
нет минут счастливей,
когда в полях родных брожу.
Не знаю,
что мне в них дороже:
озер ли синь,
рек глубина
или просвет лесных дорожек,
где в травах ягода красна!
А может, в этот зимний вечер
милей снежинок хоровод,
и тех стогов далеких свечи,
и санный путь,
что к ним ведет?!
А может, избы те
за лесом,
дымки,
что в небо вознеслись.
– Близки мне люди?!..
С интересом
я вглядываюсь вдаль
и ввысь.
На конопле сидят чечетки
и алый рядышком
снегирь...
Любуюсь всем!
И смысл отчетлив:
все это –
Родина! Сибирь!

41. СИБИРСКИЙ ХАРАКТЕР

СИБИРЬ СЕГОДНЯ

Сибирь – удивительный, уникальный природный край, расположенный на одной из самых богатых территорий России. Сегодня страна получает от сибиряков более 300 миллионов тонн нефти и около 150 миллиардов кубометров газа, большое количество золота и других драгоценных металлов. Громадные лесные богатства Сибири и Дальнего Востока, разнообразные меха, рыба, икра – высоко ценятся на международном рынке. Чего только стоят Омский нефтезавод и Норильский никельный – известные всему миру!..

Сибирская академия наук, оперный театр, более сотни высших учебных заведений, многочисленные концертные залы, музеи, театры обеспечивают высокий научный и культурный уровень жизни сибиряков.

А взять спорт: всем известно имя трёхкратного Олимпийского чемпиона по классической борьбе Александра Карелина. Омичи – чемпионы Олимпийских игр: велосипедисты Геннадий Комнатов, Сергей Шелпаков, биатлонист Владимир Барнашов, баскетболист Иван Дворный. А также – пятикратный чемпион Мира по классической борьбе Виктор Игуменов, трёхкратные чемпионы Мира: Галима Шугурова, Александр Пушница, Александр Игнатенко; двукратные чемпионы Мира – Николай Бенеш, Юрий Зикун, Эдуард Рапп, Виктор Баженов. Особенно значительна победа хоккеистов «Авангарда» в чемпионате России 2003-2004 гг.

Сибирский военный округ занимает ведущее место в вооружённых силах России. Сибиряки с давних времён являются самыми надёжными, сильными, смелыми воинами. В войне 1812 года, на поле Бородино, 24-я Сибирская дивизия под командованием генерал-майора П.Г.Лихачёва и Сибирский гренадёрский полк в составе армии Багратиона стояли насмерть, не отступив ни на шаг перед противником, превосходящим их втрое. В Великой Отечественной войне, на подступах к Москве, 362-я стрелковая дивизия сибиряков в критический момент приняла участие в разгроме фашистских войск, а воины 364-й дивизии сражались на Волховском фронте, участвовали в прорыве блокады Ленинграда. Мой отец Зензин Василий Павлович, командир взвода 364-ой дивизии, погиб в этих боях. Геройски защищала Сталинград 308-я стрелковая дивизия, 75-я добровольческая бригада освобождала Смоленск, Латвию. Более ста омичей получили звание Героя Советского Союза.

Сибирский характер – сильный, волевой, целеустремлённый. Он ковался веками в борьбе с суровой природой и угнетателями (как – внешними, так и – внутренними).

Сибирский характер имеет давние традиции, уходящие не только в историю Российского государства, но и глубже – он связан корнями со славянскими племенами. Во всех исторических документах и книгах, летописях и сказаниях славяне были сильным, волевым и доброжелательным народом. Бесспорно, сибирский характер вообрал в себя лучшие черты русского человека.

В 17-19 вв. безлюдные территории Сибири заселялись простыми трудолюбивыми людьми из многих уголков России. В 20-ом веке Сибирь выросла многомиллионным краем, построив десятки крупнейших городов с учебными заведениями, театрами, дворцами. Были созданы крупнейшие индустриальные центры. Сибирь стала кормить хлебом и маслом, обогревать газом и нефтью не только нашу страну, но и Европу. А если учесть еще богатейшие, красивейшие природные условия, в том числе и бескрайние лесные массивы (которые очень влияют на общий мировой климат), то можно понять – насколько велик наш Сибирский край.

Мною в 1996 году, к 280-летию г. Омска, издана книга «Омск юбилейный», в 2006 году написана и издана книга «Город мой», посвящённая 290-летию. В них показан исторический путь города и сегодняшний день. Так в 2005 году сдано в эксплуатацию замечательное сооружение – Юбилейный метромост. Как бы подводя итоги десятилетия и завершающегося 2005 года, губернатор области Л.К. Полежаев сделал следующие выводы:

ИТОГИ 2005 года: «ВРЕМЯ СТАБИЛЬНОГО РАЗВИТИЯ».

Завершающийся год в некотором роде был знаковым – устойчивость социально-экономического положения стала закономерностью в целом по стране и в большинстве регионов. Это позволило перейти к решению более амбициозных задач – масштабному реформированию таких важнейших сфер, как социальная защита населения, местное самоуправление, бюджетный процесс. Инициированы крупнейшие национальные проекты в самых важных сферах жизни. Начинает действовать новая система мер социальной поддержки

населения, происходят крупные изменения в бюджетном процессе, с 2006 года по-новому начнет функционировать система местного самоуправления.

Но не только материальными благами жив человек, и я бы хотел обратить внимание на то, чего достигло Прииртышье в сфере духовной и нравственной – в образовании, культуре, спорте. Сколько талантов, сколько энтузиастов имеется в области! И они не остаются в забвении, их растят, поддерживают, оснащают технически, делают все необходимое для сохранения и развития нашей культуры, нашей самобытности. И к этому тоже была длинная дорога протяженностью не в один год.

Навстречу 300-летия г. Омска

УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ О ПРАЗДНОВАНИИ 300-ЛЕТИЯ ОСНОВАНИЯ Г. ОМСКА

В связи с исполняющимся в 2016 году 300-летием основания г. Омска постановляю:

1. Принять предложение органов государственной власти Омской области о праздновании в 2016 году 300-летия основания г. Омска.
2. Правительству Российской Федерации утвердить по представлению органов государственной власти Омской области: состав организационного комитета по подготовке и проведению празднования 300-летия основания г. Омска; план основных мероприятий, связанных с подготовкой и проведением празднования 300-летия основания г. Омска.
3. Рекомендовать органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органам местного самоуправления принять участие в подготовке и проведении празднования 300-летия основания г. Омска.
4. Настоящий Указ вступает в силу со дня его официального опубликования.

Президент Российской Федерации
В.ПУТИН

Москва, Кремль
11 января 2007 года
№ 24

Начало подготовки к трехсотлетию Омска было положено еще в 2000 году, когда Губернатором Омской области был подписан Указ о сохранении исторического наследия и памятников города Омска. С тех пор эта работа велась постоянно: как непосредственно в регионе, так и в кабинетах правительственных чиновников в Москве.

Предварительным договоренностям точка окончательно была поставлена в октябре 2006 года, когда намерение о принятии этого решения было высказано президентом В.В.Путиным в Кургане во время личной встречи с ним Леонидом Полежаевым. В новейшей истории России Указы о праздновании юбилеев крупных городов подписывались лишь четыре раза. Они касались Москвы, Санкт-Петербурга, Казани и вот теперь нашего города на Иртыше. Примечательно, что к примеру, соответствующий Указ о праздновании юбилея Санкт-Петербурга появился за 2 года до знаменательной даты. Казань о подготовке к празднованию своего тысячелетия заговорила также за два с небольшим года.

Но Омск не – Санкт-Петербург и не Казань. То столичные города, а Омск по этим меркам провинциальный город. Обойтись без участия федерального центра, без заранее разработанной и принятой программы сибирскому провинциальному городу в одиночку будет крайне сложно. А ведь замахнулись мы у себя на очень и очень многое.

Празднество не будет сведено лишь к приему высокопоставленных гостей и “причесыванию” центра города. Идея много глубже, о чем, собственно, Губернатор и говорил с Президентом В.В.Путиным, предвосхищая начало подготовки к юбилею почти за десять лет до его празднования. Ведь Омск нуждается не просто в воссоздании исторических памятников. Он нуждается в коренной модернизации. Модернизации своей инженерной инфраструктуры, тепло- и водообеспечения, в развитии дорожного хозяйства. Ему требуются усилия, связанные с установлением другого режима работы Иртыша. Иными словами, в эту концепцию развития города Омска до его 300-летия, должен быть включен и гидроузел, который проектируется в районе Розовки, и строительство современного аэропорта и многих других инфраструктурных объектов, без чего не может развиваться областной центр в 21 веке.

Первый год работы по подготовке к 300-летию города отмечен был великолепным событием – открытием 15 июля возрождённого Успенского Собора

Далее: в 2008г. планируется открытие первой очереди Метрополитена. Затем завершение строительства аэропорта «Федоровка», строительство дороги – «Северный обход», строительство плотины на р. Иртыш. Продолжится строительство жилого фонда города, начнется капитальный ремонт старых зданий, получат развитие предприятия оборонного значения. И еще десятки разных больших и малых дел будет посвящено омичами юбилею родного города. Ведь на все это из государственного бюджета на подготовку 300-летия города будет выделено 81 млрд. рублей.

ГРЯДУЩИЙ ЮБИЛЕЙ

Златокудрый август красит
алым воды Иртыша.
Даль речная многогласна-
песнь старинная слышна!
В ней – Ермак...
Под свисты бури
на стремнину правит струг.
Он задумчив, брови мурит:
хан Кучум
за мысом, тут...
Крепость Тара – город старый.
Край песцов и горностаев –
здесь, южнее – через век –
крепость Омская предстала.
Славен русский человек!
...Прииртышье – край былинный:
Менделеев и Ершов
сквозь века явились зримо
из сказаний, чудных снов!..
Сибиряк! – охотник, воин-

на полях Бородино
героически, достойно
выстоял,
смертям назло!
Омск в веках предстал великим –
знатный град на всю Сибирь!
Томск, Тобольск склоняли лики,
заклучив почтенный мир.
А поздней –
Омск стал столицей
всей России! –
пусть на год.
То Колчак своей десницей
дал истории той ход.
... Прииртышье – край любимый!
Сколько бед и войн прошло
над тобой,
Иртыш поныне
помнит все, что уткло!
Как и встарь: сед , полноводен,

вдаль спешит из века в век
песней, сказкой – люб в народе
в зной и дождь, в мороз и снег.
Омск, взметая к небу крыши
новых, стройных этажей –
песни те, крик птичий слыша,
с каждым годом хорошей!
Глянь! –
как радуга, сверкая,
над рекой встал Метромост!..
Жизнь – упрямая, святая –
за тебя заздравный тост!..
Так ликуй, мой град великий,
завершая третий Век,
умудренный, светлоликий –
ждешь ты яркий фейерверк.
Будет праздник всенародный!
Жизнь, мой век, молю: «продли».
Праздник славный, дивный, гордый
омичей ждёт впереди!!!

ОТ АВТОРА: РЕДАКТОР КНИГИ «СИБИРЬ, СТОРОНА РОДНАЯ»

В последних числах мая мне из Санкт – Петербурга позвонил мой старый, хороший знакомый Виктор Михайлович Терлеев. Поблагодарил за высланную мной книгу «Сибирский характер», как всегда наговорил кучу комплиментов.

В разговоре я поделился своими творческими планами, сказав, что заканчиваю книгу «Сибирь, сторона родная». Осталась правка, редакторская доработка. Он сразу же предложил мне свою помощь в редактировании, на что я согласился. Потому как Виктор Михайлович замечательный литератор и публицист, редактор и издатель нескольких книг. Особенно мне нравятся его прекрасные стихи, некоторые из них я напечатал в подаренной ему книге «Сибирский характер».

Виктор Михайлович – родился в январе 1939 года, в Крутинском районе Омской области, а я родом – из соседнего района. Вместе много лет работали в Омском техникуме транспортного строительства. Дружба давняя. В 1990 г. он переезжает в Санкт- Петербург, где у него учились сын Виталий и зять Сергей. Оба они закончили аспирантуру, стали докторами наук и достойно представляют за рубежом Российскую науку. Заметны и на Родине, имеют награды.

Это его, как отца, главное достижение.

В непростой судьбе, он не смог реализовать себя как комсомольский обкомовский работник, не стал известным литератором. Причин на то много. Одна из них заключается в его характере – кристальная честность, непримиримость к холуйству и низкопоклонству, желание исправить непреодолимое. Чтобы понять всё это – привожу своё стихотворение, написанное ему к 50-летию.

*Терлееву В.М.,
зав. заочным отделением ОТТС*
Вы, самобытнейший интеллигент,
по натуре поэт и песенник.
В расцвете творческих лет
взбираетесь вверх по лесенке.
Шатки лесенки в вихрях страстей
межусобиц и землетрясений!
Вы – добрейший из многих
людей!
Вы – чудной,
в том особая
ценность!
Вы простой –
Вам по нраву
ростки
светлых чувств и правдивых
раздумий,
только вспомним денечки-деньки
в нашем прошлом недобром,
угрюмом:
По Сибири, по урману

*без дороги, в бурелом
шел вперед не атаманом –
комсомольским вожаком!
В справедливость веря свято,
нараспашку,
в доску свой,
ты делился с юным братством
и буханкой,
и мечтой!
Ты боялся лжи и лести,
глупых лозунгов газет,
не хотел в начальство лезти
и не верил в партбилет.
Очень часто бюрократы,
казнокрады правят всем.
Бунтовал он,
твой характер,
несговорчивый ни с кем!
Жизнь – она такая штука:
непокорных больно бьет,
своевольных вяжет круто
и пощады не дает!*

*И нередко в дни разноса
угасал весенний свет.
Было:
кровь текла из носа!
Ни наград,
ни званий нет...
Что мечталось –
отмечталось
в той гнилой,
былой поре,
но душа живой осталась
в новой нынешней заре!
Пятьдесят лет, золотую
оттесненные каймой,
есть в них грусть,
но я не скрою:
я б хотел судьбы такой!
И желаю в эту дату
дописать еще с полста
лет задорных
и крылатых –
лишь душа была б чиста!*

Ему нравились мои стихи, он их заучивал, декламировал. С восторгом говорил о деревне «Старичье», своей «малой родине», которой я посвятил стих.

СТАРИЧЬЕ
Столбы в обрывках проводов
встречают нас при въезде.
Бурьян да ямы –
нет дворов,
и не играют дети.
Два дома в улице пустой
без окон...
За оградой
погост, кресты...
Стою немой

от мыслей безотрадных.
А рядом вольные луга
и с синевой озера,
шумят листвою с бугорка
березки, с ветром споря!
За гривой рям – сосновый рям
с морошкой и брусничкой!..
Старичье –
душу я отдам
за блеск природы дикой.
За твой нетронутый покой

в просторах ясно-синих,
за этот воздух неземной
чуть с горечью полыни!..
- Вы, люди с черствою душой,
во власти беззаконной
смахнули жизнь с земли родной,
оставив мне два дома.
Так пусть они в осенний час
здесь, на охоте вольной,
напоминают всякий раз
о нашей родословной!

Есть у меня задумка – издать книгу (избранное) «Сибирь, любимая», в которую вошли бы все известные писатели Сибири с мировыми именами, и малоизвестные, талантливые авторы, как Аркадий Кутилов и др. Я в ней автор-составитель, а Терлеев В.М – редактор. И это вполне реально.

От редактора: «Сибирский характер» (слово к читателю)

Уважаемый читатель! Вам посчастливилось открыть книгу, которая созвучна «Повести о лесах» Константина Паустовского, «Дороге к другу» Михаила Пришвина, «Рассказам» Виталия Бианки. От названных поэтов в прозе Владимир Зензин отличается тем, что замечателен как Волшебник в Поэзии. Его книга «Сибирь, сторона родная» проникнута Рубцовским лиризмом и зоркостью, чудодейственной Зензинской Правдой!

Каждое слово Автора просеивается через сомненья и раздумья. Чтобы приковать мысли Читателя к своим, с этой целью некоторые слова он выдает порционно, т.е. пишет их по слогам, например, «память пе-ре-во-ро-шу».

Во многих стихах Владимира Зензина (порой веселых, иногда – не очень) слышится красивая музыка. Не верите? Так найдите же стихотворение «Заснеженность» - это же сама песня...

Помню наши беседы в таёжных дебрях, в урманских болотах, где я старался соотносить свое миропонимание с мнением Омского Мудреца и Поэта Владимира Зензина.

К нему часто прислушивался большой Мастер поэтического пера – Тимофей Белозеров. Творчество Владимира Зензина по достоинству ценят маститые Омские литераторы: Александр Лейфер, Анатолий Грачев, Владимир Макаров, Лев Трутнев и другие.

Жаль, что никогда не увидят эту книгу Ефим Бельский и Михаил Бударин.

Что касается меня, то этой книгой, которую представляю, я просто-напросто очарован.

Чем же притягивает книга? Чем она завораживает?

Конечно же, глубоким содержанием, ясными мыслями, правдивыми рассуждениями и поэтическим видением Природы Прииртышья.

«Ну, а художественные достоинства каковы?» - спросите Вы. Отвечу. Можете не сомневаться, дорогой Читатель: книга «Сибирь, сторона родная» определена (однозначно) высокохудожественна.

Да, да... С большим волнением читая стихи и прозаические зарисовки о Прииртышье (материал подается порционно, стихи и проза чередуются), я понимал, что Автору, пусть и в творческих муках, удастся находить нужные слова, которые светились бы:

- то – красками художника;
- то – мрамором скульптора;
- то – музыкой скрипача;
- то – солнечным лучиком...

Интереснейшая книга Владимира Зензина «Сибирь, сторона родная» станет Вам, дорогой читатель, добрым советчиком и мудрым Другом, являя собою кладезь самых разнообразных познаний о природе. Она и о хороших людях, призванных беречь ее и любить. К ним и Матушке-Природе сам Автор относится с глубокой нежностью. Вот почему это трогательное слово произносится им сотни раз, говоря о

том, что сама авторская душа и нежная, и ранимая, и настрадавшаяся.

Любое стихотворение Владимира Зензина несет Читателю не только новые знания, но и помогает понять увиденные чудеса и красоты Природы в синеве неба, шуме леса, песне волн, в плаче чибиса и чаек.

Мне, редактору, радостно представить замечательную книгу истинного Сына Отечества, всерьез обеспокоенного плачевным состоянием родной Природы. Проводя Читателя по разным уголкам Сибирских просторов, Автор бесхитростно и откровенно, часто с болью в сердце, с чувством высокого патриотизма, неустанно повторяет:

*«Люди, остановитесь, оглянитесь,
Посмотрите на варварство,
Которое творим сами.*

Люди! Мы же дети одной Матери-Природы, а есть ли на земле слово, прекраснее слова «МАТЬ»? Так будем же ее беречь и жалеть. Любить. Призадумайтесь над тем:

Светла ли в озерах водица?..

Сколько на озере птицы?..

На Юг ли, на Север они летят?..

А... сколько у кряквы утят?..

Какое глубокое видение Автором различных Явлений Природы на озере и реке, на земле и в небе, на лугах и полях, в лесных дебрях! В одном из стихотворений он пишет:

*«Казалось, не серебряные ручьи
Стекают с неба,
А из земли выросли стебли дождя».*

А из земли выросли стебли дождя».

Он видит даже неуловимые нити света, таинственный танец снежинок, внимает музыке дождя и шепоту камыша, и покоряет точностью изложения глубоких мыслей, достоверностью. В этом легко убедиться, побывав вместе с Владимиром Васильевичем на многоголосом сельском базаре, но базарная сутолка – не его стихия. Он вновь убегает в поля. «Мне жизнь полей мудрее книг!» - восклицает Автор, счастливо наделенный многочисленными талантами, в том числе – литературным. Подтверждаю это его стихотворением «В тайге»:

Я сбежал из города в тайгу,

И над речкой тихой, ясноликой

Из сосны рублю себе избу,

Печь кладу – ведь я не лыком шитый.

Я умею многое: сошью

Из звериной шкуры куртку, чуни...

Для колодца выдолблю бадью,

Надо – и в сугробе заночую.

Я умею мастерски стрелять,

Сети ставить, находить берлоги...

Я – в тайге, но в голове опять

Голоса родных и гул тревоги.

Его тревожат не только заморы на озерах, высыхание водоемов, но и малая рентабельность рыбозаводов, нищета некогда богатых деревень. И вновь повторяет: «Берегите Природу от браконьерства и головопаяства, от варварской вырубке лесов, от всевозможных пожаров». Автор прямо-таки кричит нам: «Возрождайте деревни! Занимайтесь землепашеством! Сохраняйте леса, дающие планете дыхание».

Привожу выдержки из моего письма, написанного после получения его книги: «Гори, охотничий костёр».

«...Спасибо, Владимир Васильевич, за Благодарство, Естество, за Совесть, за Талант!

Если бы Ты не обладал личностными достоинствами тонкого ума и чувств, наблюдательностью, то... и...не состоялся бы как Поэт.

Твой Лирический герой - настоящий сибирский парень: Мастеровитый, Башковитый, Спортивный!!!

Художественно одаренный!..

...Хорошо, что не только констатируешь, но и привлекаешь внимание Читателя к острым проблемам современности.

Стихи твои высоко оцениваются Знаатоками и Любителями Поэзии Ленинградской области. А мы с Анной Владимировной (моей женой, у нее уже готовы 2-ой и 3-ий поэтические сборники) без слез читать Ваши удивительные стихотворения просто не можем. Сердца kloкочут, мысли вскипают, Душа замирает, источая всевозможные похвалы Тебе – Тому, чья авторская позиция так патриотична.

Проблемы, которые ставишь в своем творчестве, я поднимал в объемистом письме в «Комсомольскую Правду» осенью 1974 г. – когда свирепствовали гонения на А.Д. Сахарова. Не побоялся: один из немногих заступился за прославленного Академика. Не обошлось без окриков свыше, без запугиваний – выручил мой 5-летний комсомольский стаж, награда ЦК ВЛКСМ «За отличие в труде» и поручительство друзей из Областного комитета ВЛКСМ.

Но, вернусь к твоему творчеству. Меня всегда восхищало то обстоятельство, что Ты презирал шумиху и лжепатриотизм, крикливость.

Свои замечательные стихи Ты создавал ТАИНСТВЕННО... словно сидел в камышах на лодке, а рядом безмятежно качались чучела.

Похвально, что Успеху Твоих проникновенных стихотворений способствуют не литературные приемы Литературных Академий, а несомненный природный талант, жизненный опыт, трудолюбие, влюбленность в Родную Природу.

Как человек впечатлительный и наблюдательный, пытливым и умный, одаренный многими талантами, в том числе, и – поэтическим, Ты просто Не мог Не сочинять стихи.

А стихи твои прекрасны! Такая красота сквозит в первую очередь, у М.М. Пришивина, у С.Есенина, Евдокима Русакова, у И. Антонова, Вадима Шефнера...

Ну, что ж!?. И я пишу тебе «Поздние признания» твоего таланта и слова искренней благодарности за Твои книги. Вижу в них Твой умный и красивый взгляд...

С каким сердечным трепетом читаю милые слова малой Родины: увалы, айда, паря, тимы, выгора, рям, талы, калач, масло «рыжик» и др.

Как волнительно читаются: Старо-Солдатка, Усть-Логатка, Тюкалинск, Ялutorовск, Старичье, Крутинка, Салтаим, смородина (здесь ее называют уродливо-«сморода». А в Ялutorовске могила моей матери...).

Покоряет образность Ваших стихов, Владимир Васильевич:

Облака – сны, ондатры – торпеды, серебряное блюдце озера, вафельный жир гуся, черный жемчуг смородины, виток мечей (рога лося), концы линиялого платка, щебет ласточек беспечный...

А ритмы! Рифмы!.. (озерный – зерна, крылья – открыл я, вечерний – чернядь, не стану – полустанок, истоме – стонет, тучи – лучик, полднем – поднял и т. д.).

Как певуче произносится: «Что, березка, мне расскажешь?», «Ах, сентябрь, ты мой – кудесник», «Родина – дальних лесов кружева...»...

Читаю, вновь перечитываю: «Осенний лес – моя любовь», «Неспроста поет овес», «Мои думы о доме, о Родине...» и др., и др., и... не могу начитаться. Какая тонкая наблюдательность! Какое точное выражение мыслей – «Разведрило!.. Разведрило и в мыслях, и в душе».

Владимир Васильевич, мне известны муки поиска нужного слова. Вот почему вместе с Анной Владимировной (моя жена – поэтесса) так радуемся Вашим поэтическим находкам, многим прелестным строчкам. Сколько притягательной силы в одном таком названии «Гори, охотничий костер» – и хорошо, что обложка красочна.

В ваших стихах нерасторжимы юношеская непосредственность и мудрость бывалого человека. Читаю и вижу пушистость верб и солнечную пыль, слышу как трещат льды, ломающиеся на весенних реках и озерах, восхищаюсь разливами...

И это все. Не элементарная описательность ради рифмы. Стихи выстраданы, не надуманы. Они покоряют свежестью и чистотой, хорошим настроением, переживанием автора.

Твою чудную книгу «Гори, охотничий костер» сейчас читает редактор газеты «Голос патриотов» Василий Ив. Суворов. Васю стихи Твои, Володя, очень и очень радуют, волнуют – а это редчайший знаток поэзии...

(Продолжаю писать, 28-е ноября 2004г. 7 часов утра, г. Луга Ленинградской обл.).

...Вот только вчера виделся с Васей Суворовым – образованнейшим человеком Северо-Запада. Он дал мне и Анне книгу Ник. Старшинова (муж Юлии Друниной) «Частушки» и... опять говорили о Вашем таланте, Владимир Васильевич, о Вашей книге «Костер». Он вновь ее просил.

– Принеси, – говорит, – Владимира Зензина, так хочется почитать еще и еще...

А ведь у него дома библиотека в несколько тысяч книг. И сам он – редактор нескольких книг.

С глубоким уважением, Анна и Виктор 30.11. 2004 г.

Выйдя из Тюкалинской глубинки, из простого деревенского люда, испытав в детстве все горести и тяготы голодного военного времени (отец погиб на фронте под Псковом), Владимир Васильевич Зензин берет на себя смелость взвалить на собственные плечи тяжкий писательский труд. В своей поэтической декларации, в заключительных строчках стиха «Омская область» четко определено авторское кредо:

*...С интересом
я глядываюсь вдаль
и ввысь.
На конопле сидят чечетки
и алый рядышком
снегирь...
Любуюсь всем!
И смысл отчетлив:
все это –
Родина! Сибирь!*

Уважаемый Читатель, как бы я ни старался сказать слова Благодарности Автору за книгу «Сибирь, сторона родная», как бы ни восхищался этим удивительным (у-ди-ви-тель-ным) человеком, я не смогу сказать о нем так, как рассказывает он сам о себе: «Писать всегда одну Правду и только – Правду» - такова клятва, таково кредо поэта и журналиста Зензина. (Снова призову выдержку из моих старых писем к автору).

«Большинство Твоих стихотворений расцениваю как подлинно художественные, в них не только ум, но и неравнодушное сердце, а так же главное, – совесть.

Часто пою песню Ал. Морозова.

*«Возьмите карандаш
и... напишите – «Совесть»,
и вспомните: когда
Вы думали о ней...».*

Вот что автор говорит о муках творчества:

*«Я - болен, я – безволен...
Я вечно чем-то недоволен.
Как объяснить, как разгадать,
Как самого себя понять?..
...И вновь – стихи!
- Душа – в огне!»...*

Вот каково оно, пожарище стихотворчества.

Чтобы лучше понять Бунтаря и Правдолюбца Владимира Зензина, следует еще и еще раз прочесть главу «Свет надежд», в которой он грустно заметит:

«Страничкой улетаели мои дни...» И вновь повторяет:

*«Поэзия – лекарства лучше нет!
Слово – Божество!
Стихи – когда Душа поет!*

То с улыбкой, то с грустинкой пишет поэтические картины:

*«Рождество» (концовка)
«И хотел бы я в чистой рубашке
в час последний прийти на лужок,
поклониться ручью и ромашке,
из ключа выпить чистый глоток».*

И вновь беседует:

с подснежником и озером;
с березкой и осинкой;
с вербой и васильком.

Он рассказывает Читателям

о живительной силе корня «Аир»,

о настойках валерианы,

о клюкве - ягоде, о видах подснежника и других цветах и травах... Просит знать и помнить названия рыб и птиц, различных животных. Автор поможет увидеть жаворонка на ниточке, бабочку, летящую к оконной раме; зайца, линяющего в колке; утенка-нырка с белыми дудочками будущих крыльев и еще раз пересчитает: а сколько у кряквы утят?

И снова тревожится, горько вздыхает и печалится, видя незажившие раны на теле земли – следы человеческого варварства: весенние палы, весенняя охота, разгильдяйство и безразличие чиновников, отвечающих за экологию и сохранность природы.

Грустит ли одинокая скирда в поле, растут ли грибы-сыроежки, собирает ли лисица подранков, стонет ли лебедь одинокий, как сердится ежик, как кричит гагара – до всего есть дело неравнодушному сердцу Автора – все сказанное выше образно подтверждается многочисленными стихотворениями, такими, как «А душа болит, болит...»

Стихи покоряют дивной неожиданностью сравнений:

Желтый птенец – одуванчик;
рыжее пламя лисицы;
белый хвостик косули – подснежник;
пар над лункой – памяти дым;
почки вербы – золото;
на осиновом листочке – шрифт лесной;
Леса – зеленый океан и т.д.

А каковы наблюдения-олицетворения!

Мышата чистят зубы;

куропатки играют в прятки;

танец ласточек – касаток;

в карауле стоят тополя;

куда зовешь бескрылых, птица?

Аист – джентельмен, воробьи беседуют, хвалят друг друга, целуются...

Уважаемый Читатель!

Не сердитесь, что наш разговор повернул вдруг в литературоведческую сторону. Ну как не сказать о звездной россыпи сибирских слов: медунки, отава, зарод, шаньга, пимы, зипун, шабур, дровни, берданка, скрадок, няша и т. д. И как удачно слова зарифмованы!

Лопух – пух, кусты – застыл, с весел – плесах, лысуха – глухо, прячут – горячий, бокал – Байкал, чую – ночуя, перелески – прелестный и т. д.

Но все-таки не выразительностью художественных средств (ими восхищен тоже) покорен Редактор, а Личностью Автора, сказавшего о себе:

*«Дышу – стихами»
«Растворюсь я в алой зорьке»*

Порой ловлю себя на мысли: как могуч лирикой Сергей Есенин, как пленителен Николай Рубцов, как пронзительно правдив Владимир Зензин, при чтении которого то дрожь и озноб, то полынная горечь, то слезы Радости. Ох и наревелся же Редактор при чтении книги «Гори, охотничий костер!» Искры костра высекали искры искусства. Извиняясь за высокопарность, скажу: стихи Владимира Зензина чу-до-дей-ствен-ны!

(Привожу опять из своего письма отрывок стиха, написанного на книгу В.В.Зензина «Поздние признания»).

УЛЫБНИСЬ!!!

...Над старицей – излучиной
Плывут в даль облака...
Из солнечных из лучиков
Слагается строка.
Крапивною веревочкой
Слегка Твой стих повит,
Так мил мне, Зензин Вовочка,
Словарь твой – алфавит.
Тенис да Ик, да Старичье,
Крутинка, рыболов –
Любимых слов величие
Я постигаю вновь.
Твоя Старо-Солдатская,
Родная сторона.
Моя же – Усть-Логатская,
Чуть северней она.
Калиновка...Малиновка...
И ...Ново-Карасук.
Сто верст кому-то длинные,
Охотнику не крюк.
Мы с полными карманами
Подарков для людей,
С тобою шли урманамы,
Спортивный Володей!
Прости, как будто лезу я
К спорт-Мастеру в друзья.
Скажи – пойму, не бездарь я.
Нельзя – так и нельзя.
Замечу не без гордости
(стрельбы деталь одна) -
призером Омской области
была моя жена...
Умчались утки стаями,
Уплыли окуньки...
Как льдиночки растаяли
Крутинские деньки...
Теперь уж не воротятся –
Не ходят годы вспять,
Но на охоту хочется

Опять, опять, опять...
Вот вижу – мчишь за рыбою
На милый Салтаим, –
Пусть мы не стали глыбами,
Так не лежим, – стоим!..
Стоим за Русь Великую!
За Волгу, за Валдай!
За озеро за Дикое,
За Тюкалинский край!
Меня там помнят лебеди,
Камыш... и кулички...
Так были вы иль не были
Крутинские деньки?..
За «Поздние признания»,
За твой душевный свет.
За память и внимание
Спасибо, Друг – Поэт!

24.02.2004 г.

г. Луга, Ленинградская область

Именно этим можно было бы и закончить данную статью. Но хотелось бы познакомить Читателя с двумя пожеланиями Автору.

Одно – от Анны Терлеевой. Другое – от Редактора

Поешь ты Гимн родной природе,
Молитву – таинство творишь
И веришь, что в своем народе
Вновь Совесть предков воскресишь.

Но не горюй, Поэт, так жгуче,
Что в диком обществе живешь:
Оно у нас не станет лучше –
Ведь «Что посеешь – то пожнёшь».

Всю душу выплесни до капли,
Раздай любовь родным местам:
Гагарам, рябчикам и цаплям,
Березам, травам, камышам.

И счастлив будь, что живы птицы,
Что горицвет еще цветет,
Что бьет Родник живой водицей, -
А сердце плачет и поет.

Анна Терлеева, 14 октября 2009 г.,

Земляк, талантливый пером,
Рисуй словесные узоры,
Пусть светят лунным серебром
Тобой воспетые озера.

Поэт! И Мастер по стрельбе,
Искатель Правды – тяжкой ноши,
Пусть улыбаются Тебе
Все звезды над родимой Ошей!

Редактор Виктор Терлеев,
Санкт-Петербург, 15 октября 2009 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

Поэтические циклы	14. Влюблённость 62	28. Истоки поэзии 118
1. Первые проталины 10	15. Летнее раздолье 66	29. Охотничьи зори 120
2. Весенние рассветы 14	16. Дни раздумий 70	30. Земная красота 134
3. Цветочная поляна 18	17. Северные озёра 74	31. Миг и Вечность 136
4. Босоногое детство 22	18. Сохранись, природа 78	32. Прибрежные рощи 138
5. Голоса птиц 26	19. Спортивный характер 82	33. Твоя любовь 140
6. Любимая речка 30	20. Божественные дали 86	34. Предзимье 142
7. Рыбное царство 34	21. Пути-дороги 90	35. Морозные узоры 146
8. Звериные тропы 38	22. Тревожное небо 94	36. Позёмка 150
9. Благодатное лето 42	23. Крестьянские заботы 98	37. Деревенские картины 154
10. Язык природы 46	24. Сельчане 102	38. Звездные выси 158
11. Военные годы 50	25. Иртышские просторы 106	39. Свет надежд 162
12. Моя мама 54	26. Осенние перемены 110	40. Родина – Сибирь 166
13. На разливах 58	27. В краю озёр 114	

ПРОЗА

Природа – Экология – Жизнь 4	11. В сороковые–грозовые 48
(Жажда жизни–Постоянство–Травяное озеро– Родной язык–Берёзовые рощи)	(Памятные годы)
1. Приметы весны 6	12. Родительская любовь 52
(Начало марта–Птичий праздник «Сорок соро- ков»–Ночная птица–Волчье лыко)	(Школьные годы)
2. Апрельские просторы 12	13. Водные глади 56
(Птичьи игры–Неожиданная встреча–Майский озимок)	(Речные зори–На Камышином– Выезд на зорь- ку–Березовый ключик)
3. Лесные закрайки 16	14. Любовь земная 60
(Подснежники–Генка–«лётчик»–Осина горькая– Необычное гнездо)	(Мой первый старт–Стоном стонет озеро–Камы- шовка–Необычный снег)
4. Воспоминания из детства 20	15. Летняя пора 64
(Озеро Долгое–Ёжик–Переход–Маленький скво- речник–Нырок–На закате)	(Лесная встреча–Куропат–Дятлы)
5. Птичьи гнездовья 24	16. Размышления о жизни 68
(Пушинка–Дачные воробьи– Соловей «Варакуш- ка»–В сорочьем гнезде)	(Домашние и дикие–Горностай–Поздняя яго- да–Списанный газик–Опята)
6. На речных берегах 28	17. Крутинский бассейн 72
(В некогда рыбном краю)	(Матёрое озеро–Зимник–Заказник–В капкане)
7. Край озер 32	18. Охрана природы 76
(В некогда рыбном краю)	(Директор заказника)
8. Лесные обитатели 36	19. Спортивная закалка 80
(Лось– Норка–Барсук)	(В метель – Я – чемпион)
9. Летние зори 40	20. Осенний горизонт 84
(Лунность–Подкидыш–Красная трава–Линь- ка– Мостки)	(Ветер–«листобой»–Богатый сентябрь–Раннее предзимье)
10. Природный язык 44	21. Желанные поездки 88
(Трутник–Сибирская лиственница–Солдатики– «Светит, да не греет»)	(Таволжан)
	22. Загадочные выси 92
	(Непогода–Тетерев– Моя заря–Отлет птиц–Охот- ничья избушка)

23. Деревенская жизнь..... 96 (О деревенских проблемах–Усть-Логатка)	37. Сельский пейзаж 152 (Круглоносые плавунчики–Дядя Паша–Серые шейки–Зимним утром)
24. Сельские были 100 (Мотин–Пахотный клин–Сельский выходной)	38. Старинные приметы 156 (В глубинке–Березовый колок–На озере Диком)
25. В Прииртышье 104 (Распорки–Пропаций выходной)	39. Стройки будущего..... 160 (Крапивинское месторождение–Мои поездки на Север)
26. Осеннее настроение..... 108 (Прощание с летом–Последний дуплет–Лебеди- ный плач)	40. Кровная связь 164 («Пёхом» через бурелом)
27. На озёрных плесах112 (На острове озера Дикое)	41. Сибирский характер..... 168 (Сибирь сегодня–Навстречу 300-летия Омска)
28. Сущность поэзии.....116 (О творчестве–Бред вдохновения)	42. От автора: 170 Редактор книги «Сибирь, сторона родная»
29-34. Охотничьи тропинки 122	43. От редактора: «Сибирский характер» (слово к читателю) 171
35. Снежный иней 144 (В Рождественскую ночь–Снежная книга–Не- обычная зима–Следы на снегу)	
36. В оттепель 148 (Вьюжный февраль–Ледяной панцирь–Чарым– Переселенец)	

Редакция:

Редактор Терлеев В.М.

Технический редактор Говоров М.А.

Литературный редактор Суворова В.А.

Координатор проекта Зензина Е.В.

Корректор Иванова Л.А.

Фотоработы: Е. Кармаева, В. Ляпина, В. Кудринского

Книга издана в редакции «ИГРА СВЕТА», Санкт-Петербург

Тираж 1000 экз.